

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

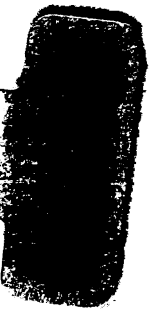
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07854615 1

INDEX

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

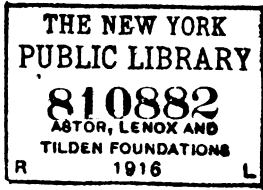
Охсенштринъ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

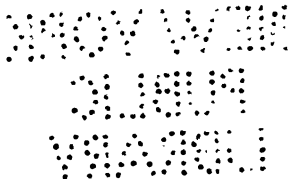
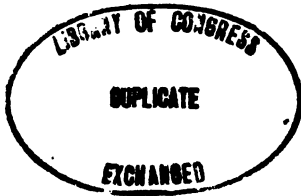
1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Сентября 28 го дня, 1827 года.

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

**МОСКОВСКІЙ
Т Е Л Е Г Р А Ф Ъ.**

Ч А С Т Ъ XVII.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

II. КРИТИКА.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Нѣсколько мыслей о Деканъ и Театральномъ Искусствѣ.

(Сог. Тальма.)

Я совсѣмъ не думаю быть писателемъ; все мое ученье направлено было къ моему искусству; цѣль сего искусства: въ одно время доставить удовольствіе и дать урокъ. Трагедія и комедія, одна живописью добродѣтелей и пресупленій, другая изображеніемъ странностей и пороковъ, занимающъ, заставляющъ смѣяться и въ поже время исправляющъ и научаютъ. Общники великихъ писателей, актеры болѣе нежели переводчики ихъ: переводчикъ ничего не прибавляетъ къ мыслямъ переводимаго имъ писателя, актеръ, вѣрно становясь на мѣсто представляемаго лица, долженъ пополнить мысль автора, котораго онъ исполняетъ. Одно изъ великихъ несчастій въ нашемъ искусствѣ есть то, что оно, такъ сказать, умираетъ съ нами; между тѣмъ, всѣ дру-

гіе артисты оставляютъ памятниками свои произведенія. Когда актеръ сошелъ со сцены, талантъ его существуетъ только въ воспоминаніи публѣ, кто его видѣлъ и слышалъ. Это должно придасть цѣны сочиненіямъ, размышленіямъ, урокамъ, оставленнымъ великими актерами. Сочиненія ихъ могутъ быть еще полезнѣе, если они объяснены, оспорены актерами, приобретающими нынѣ нѣкоторыя успѣхи.

Ободряясь придами - семи дѣшнее опытносью и продолжительными успѣхами, изъ коихъ иные, можетъ быть, были и заслуженные, думаю, что могу опважиться на сіи размышленія. Надѣюсь, что въ сей увѣренности читатель не увидитъ ни излишняго самолюбія, ни ложной скромности.

У Лекена не было учителя; всякій актеръ долженъ быть самъ себѣ наставникомъ. Если въ немъ самомъ нѣтъ способностей, необходимыхъ для выраженія страстей, для живописи характеровъ, то ихъ не могутъ дать ему совѣты цѣлаго свѣта; гению не выучиваются: эща творческая способность родится съ нами. Но если актеръ одаренъ ею, то совѣты людей, надѣленныхъ вкусомъ, могутъ его руководствовать, и какъ въ искусствѣ читать стихи есть, нѣкоторымъ образомъ, техническая часть, есть известныя правила, которыя можно себѣ предписать, то уроки актера совершеннаго, вводящаго

человѣка, имѣющаго зародыши таланта, въ шайны общественной opinio publicae, могутъ много избавить отъ хода ощущенью, ученья и поперн времени.

Лекенъ, при самомъ венуцленіи на свое поприще имѣлъ величайшіе успѣхи; его дебюты продолжались семнадцать мѣсяцовъ. Однажды онъ игралъ при Дворѣ, въ присутствіи Людовика XV, и Король, по окончаніи пьесы, сказалъ: «Эпопъ чело-вѣкъ заспавилъ меня плакать, а я никогда, кажется, не плачу.» Такое знамени-тое свидѣтельство доставило ему мѣсто въ числѣ актеровъ Французскихъ. Не явившись еще на ихъ театрѣ, онъ уже приобрѣлъ въкопору извѣстность на театрахъ общественныхъ; тамъ увидѣлъ его и замѣтилъ въ первый разъ Вольперъ, тамъ началась связь Лекена съ симъ великимъ писателемъ. Подробности сей эпохи его жизни можно видѣть въ повѣствованіи, написанномъ имъ самимъ.

Тогдашняя система декламаціи была родъ какого-то псалмопѣнія, печальная мелодія, начавшаяся съ рожденія театра (*).

(*) Здѣсь, можетъ быть, ксшати сказать о несообразности слова: *декламація*, служащаго къ выраженію искусства актера. Это слово, кажется, означаетъ нечто другое, а не естественную способность выраженія; представляеть собою конаніе какой-то условной выразительности, употребленія которой

Лекенъ, прошивъ воли подвергшись влиянію примера, чувствовалъ необходимость избавившись отъ этого однозвучнаго пѣнія и сбросивъ съ себя правила приличія, открывавшія его пламенный геній, гошовый развернулся; не смотря на принужденіе, останавливавшее его, въ чтеніи Лекена въ первый разъ услышали въ театръ истинныя звуки природы. Исполненная чувствительности сильной и глубокой, пламени, сожигающаго и общительнаго, его игра, сначала бурная и не-

восходящъ вѣроятно до того времени, когда трагедію дѣйствительно пѣли. Я увѣренъ, что это слово часто давало ложное направленіе ученію молодыхъ актеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, декламировать, значить говорить надушо; слѣдовательно декламаторское искусство есть искусство говорить шакъ, какъ не говорить. Къ тому-же, мнѣ кажется, странно употреблять для означенія искусства слово, которое также употребляютъ кришкюа сіе искусство. Я бы очень затруднился, если бы надобно было замѣнить сіе выраженіе другимъ, пріятнѣйшимъ.

Играть трагедію скорѣе означаетъ забаву, чѣмъ искусство; *читать* (*dire*) трагедію, кажется мнѣ, слово холодное и выражающее простое *произнесеніе* (*débit*), безъ дѣйствія. Англичане употребляютъ многія слова, лучше выражающія сію мысль: *to perform tragedy*, исполнять (*exécuter*) трагедію, *to act a part*, дѣйствовать въ роли (*agir un rôle*). У насъ есть существительное: *актеръ*, но нѣтъ глагола, должствующаго выражать идею приведенія въ дѣйствіе, идею исполненія.

управляемая законами опыта, нравилась юношеству, увлеченному пылкостью его игры, жаром его произнесения, и еще больше, возмущенными звуками голоса, глубоко трагического. Любители старинного псалмопѣнія, вѣрные своимъ стариннымъ удивленіямъ, жестоко критиковали его и называли *быкомъ*. Они не находили въ немъ этой повздорительной и пышной декламации, этого поющего и спускающего выговора, гдѣ глубокое почтеніе въ цезурѣ и ртомъ заставляло спихъ падать въ правильный кадансъ. Въ его поступи, движеніяхъ, *жесткахъ*, положеніяхъ, не было этого благородства, этой пріятности, правдовскихъ, составлявшихъ тогда *прекраснаго актера* (*le bel acteur*) и преподававшихся Марселями своего времени, показывавшими ученикамъ тайны красоты мѣнуэта. Лекенъ, простой плебей, вырванный изъ масперской золотыхъ дѣлъ, правда, не былъ воспитанъ на колыняхъ Королевы, какъ должны-бы, по мнѣнію Барона, воспитываться актеры; но природа, лучшая наставница, сама позаботилась ошкрыть ему свои тайны.

Со временемъ, Лекенъ достигъ того, что исправлялъ всѣ несообразности, сначала необходимо брошенные на игру его неопытностью. Онъ научился укрощать свой жаръ и расчислялъ движенія онаго; однакожь не осмѣлился, съ самаго начала, совершенно оставивъ развѣренное пѣніе,

почитавшееся тогда прелестнымъ идеаломъ декламаторскаго искусства, котораго актеръ не забывалъ даже въ жару сраженій. Дъвица Клеронъ, Гранваль и другіе современныя актеры сдѣвали, также какъ и онъ, системъ сей декламация, пышной и съ крѣпкими удареніями, которую они заспали утвердившеюся. Даже въ обществѣ ввели они эпошъ торжественный тонъ, занятой ими въ театрѣ: какъ будто опасались отвыкнуть отъ него! Но въ Леженъ эта пышность, эта приправа, эта торжественность не были замѣтны при игрѣ исполненной жара, при патетическихъ, или ужасныхъ, поприеавшихъ всѣ души звукахъ его голоса. Одна дъвица Дюменьль безъ принужденія сдѣвала всѣмъ порывамъ природы, непокоренной искусствомъ. Подобно Лекену, одаренная драгоценною и рѣдкою способностью — живо ощущать сраженія своихъ лицъ — и глубокою чувствительностью, сею основою истиннаго таланта, она безъ правилъ и безъ искусства предавалась всѣмъ волненіямъ души своей. Нечувствительная къ краскамъ приличія, срашась холода разсчетовъ, она неспособна была подвергнуться игу привычки и примѣра, и за то, хотя всегда удивительная, сколько должна была выдерживать крики! Сколько поводовъ къ зависти подавала она своей соперницѣ, впрочемъ великой актрисѣ, но игра которой, совершенно расчи-

сленная и разбѣренная, и потная дѣлама-
ція, больше нравились защитникамъ сша-
рой системы. Зависшь осмѣлилась сказать
даже, что безыскусственная непринужден-
ность, какой предавалась дѣвица Дюме-
ниль, была дѣйствіемъ пьянаго состоянія!
Ничтожная клевета, незаслуживающая
даже труда опроверганья оную!

Желая нравиться публикѣ, приучен-
ной съ самаго рожденія театру къ есму
пышному псалмопѣнію, могли-ли актеры
того времени, и даже самъ Лекенъ, опва-
живавшья на нововведенія слишкомъ смѣ-
лая, желавъ, однимъ порывомъ, безъ по-
средствующихъ степеней, приближиться
къ природѣ, великой, возвышенной, но
простой, истинной? Успѣхъ въ сихъ поку-
шеніяхъ, слишкомъ быстрыхъ, былъ-бы
очень сомнительнъ; при нихъ актеры под-
вергались слишкомъ большимъ опасностямъ
и имъ казалось лучше остававшья на из-
битой дорогѣ, нежели пускавшья въ укло-
ненія. Непріязни, осужденія, испыты-
ваемыя дѣвицею Дюмениль, устращали
ихъ; они удивлялись ей и не смѣли подра-
жать ея дерзости. Сія правила приличія
плагошья тогда на вылансахъ во всѣхъ
родахъ. Какъ же устращались-бы отъ нихъ
актеры болѣе нежели писатели? Не ви-
димъ-ли величайшихъ писателей, сгибаю-
щихся подъ вліяніемъ своего времени? И
даже самъ Расинъ, великій Расинъ, развѣ не
часто забывавшья, въ семъ отношеніи, вы-

сокошъ своего тенія? Многие изъ героевъ его носятъ на себѣ оппечашокъ *любезностива* (de la galanterie) вѣка Людовика XIV, а не оппечашокъ своего времени. Вольперъ, въ своемъ *Храмѣ Вкуса*, обличаетъ сей недоспашокъ, въ сужденіи равно умномъ и справедливомъ. Въ *Андромахѣ*, въ этой удивительной пьесѣ, Ореспъ и Пиладъ, копорыхъ дружба вошла въ пословицу, поспавлены не на одну доску. Ореспъ говоритъ Пиладу *мы*, а шопъ почпипшительно величаетъ своего друга *seigneur* и никогда не оппноситъ къ нему иначе, какъ съ словомъ *вы*. Тогда наперсникъ не соблюлъ бы приличій театральныхъ, если-бы обращаясь къ главному лицу, говорилъ *ты*. Можешь бышь, въ семъ странномъ различіи виновашъ актеръ, назначенный въ ролю Ореспта, тогда какъ Расинъ давалъ свою пьесу: можешь бышь онъ былъ возмущенъ шакою проспашою въ обхожденіи со стороны друга, копорого Авшоръ почелъ необходимымъ низвести до вшороклассной спешени наперсника. Безъ сомнѣнія, актеры, по примѣру существеннаго міра, и въ театрѣ очень много уважали свои мнимыя спешени и были между собою спроги въ разсужденіи приличій и эшкетта.

Также, это вліяніе современныхъ нравовъ особенно чувспшительно въ Британикѣ и въ цѣкопорыхъ мѣспашъ роли Нерона. Сначала, Неронъ описываетъ Нарциссу любовь свою къ Юніц, красками, опп-

крывающими душу огненную и порочную. Въ этой любви есть какой-то примѣсъ буйства и раждающагося звѣрства. Слезы, крикъ, ужась юной Принцессы, ночью выхваченной изъ ея жилища, влекомой передъ него солдатами, посреди воинскаго убранства и факеловъ : вопль какое зрѣлище горести и мученія пѣвнаетъ Нерона и увеличиваетъ его любовь. Онъ, въмоторымъ образомъ, наслаждается горестью, украшающею Юнью въ глазахъ его :

J'aimais jusqu'à ses pleurs que je faisais répandre.
 Доселѣ все взято изъ природы и извѣснаго характера Нерона; но въ слѣдующемъ явленіи, гдѣ Неронъ и Юнія, въ немъ уже не та необузданная любовь, распроивающая всѣ чувства : въ Неронѣ можно признасть любезничество, опличавшее Дворъ Людовика XIV :

*Pourquoi, de cette gloire exclus jusqu'à ce jour,
 M'avez-vous, sans pitié, relégué dans ma cour ?*

*En vain de ce présent ils m'auraient honoré,
 Si votre coeur devait en être séparé ;
 Si tant de soins ne sont adoucis par vos charmes ;
 Si, tandis que je donne aux veilles, aux alarmes,
 Des jours toujours à plaindre et toujours enviés
 Je ne vais quelquefois respirer à vos pieds.*

Это явленіе, къ концу опять принимающее свой насюящій цвѣтъ, сначала чрезвычайно трудно для игры. Тутъ оппѣнокъ сладкаго жеманства холодитъ акше-

ра; енисрашное движеніе, сначала данное роль Нерона, необузданность его желаній, его смущеніе, его беспорядокъ, пакъ хорошо выраженные въ предшесшвующемъ явленіи, кажешся, вдругъ какъ-бы прекращающіяся. Они могли бытъ замѣнены только простымъ выраженіемъ естественнаго удержанія, естественнаго, невольнаго, часто налагаемаго на самую жесточайшую спрасть видомъ робкой и беззащитной добродѣтели; но Неронъ эптошь, стошь необузданный, что его ничто уже не въ состояніи удержашъ, вдругъ начинаешъ говоришь языкомъ придворнаго любезника. Во время Людовика Чешырнадцатаго, когда не осмѣливались нарушить законовъ любезности, когда Дворъ бралъ образецъ съ Монарха, славившагося пріятнымъ умѣнемъ приближашся къ женщинамъ, и въ шеапрѣ не поперцали-бы, что-бы какой нибудь государь говорилъ своей любовницѣ иначе, нежели самъ ихъ Монархъ. Для разговора съ женщинами всегда надобны были изящныя пріемы (*de belles manières*) и Расинъ подумалъ-бы что нарушилъ всѣ приличія, показавъ Нерона, въ разговорѣ съ Юніею, обуреваемымъ швъмъ же огнемъ, упоеніемъ и разспройспвомъ, какъ въ предшесшвующемъ явленіи: такой языкъ слишкомъ оскорбилъ-бы уши, привыкшія къ нѣжному языку спадень (*au doux langage de ruelles*).

Вкусъ къ изящнымъ приѣмамъ являлся тогда въ самыхъ прагматическихъ положеніяхъ, и даже при видѣ смерти. Ифигенія Расинова отказывается отъ пособій Ахиллеса и своей матери, и кажется совсемъ не чувствующей движенія, неизбежнаго въ молодой дѣвушкѣ, идущей на смерть. Эврипиду не нужно было наблюдать подобныхъ приличій и онъ очень ошерегся, не одаривъ своей Ифигеніи такою поддѣльною преданностью; напрошивъ, Расинъ подумалъ-бы что унижилъ свою, заславивъ ее спрашивать смерти. Во время владычества эпикеша, Принцесса всегда должна была поддерживать свое достоинство, даже въ тѣ минуты, когда природа всего болѣе оказываетъ свои права. Въ семъ случаѣ великій геній еще долженъ былъ покориться могуществу принятыхъ понятій.

Этому-же должно приписать малый успѣхъ наряда во время Лекена. Безъ сомнѣнія, онъ почиалъ върность наряда очень важнымъ предметомъ: это видно даже изъ того, что онъ употреблялъ всѣ усилія сдѣлать его не такъ смѣшнымъ, какъ то было въ его время. Дѣйствительно, истина одѣянія, также какъ и декораций, усугубляетъ театральное очарованіе, переноситъ зрителя въ тошъ вѣкъ и страну, когда и гдѣ жили представляемые лица. Эта върность даетъ самому актеру средства сообщать особенную діагнозію каждому представляемому ли-

цу. Но, сверхъ того, гораздо важнѣйшая причина заставляла меня смолчать на актеровъ, пренебрегающихъ сею важною частію ихъ искусства, какъ на истинно виновныхъ. Театръ долженъ представлять юношамъ, нѣкоторымъ образомъ; курсъ живой Исторіи; но эта небрежность не обезображиваешь-ли ее въ глазахъ ихъ? Не значить-ли это сообщать имъ совершенно ложныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народовъ и лицахъ, оживляемыхъ трагедіею? Я самъ очень помню, что въ юности моей, читая Исторію, я всегда воображалъ царей и героевъ такъ какъ видѣлъ ихъ въ театрѣ. Байрда я представлялъ себѣ пріятно одѣтымъ, въ плащѣ цвѣта серны, безъ бороды, напудреннымъ, завитымъ какъ щеголя осьмнадцатаго вѣка. Цезарь являлся мнѣ затянутымъ въ прелестное плаще изъ бѣлаго атласа, съ развѣвающимися волосами, собранными въ узлы съ лентами. Если иногда актеръ приближался нарядомъ къ древнему одѣнію, то скрывалъ простопу онаго подъ излишествомъ смѣшнаго шипья, и я думалъ, что шкани бархатныя и шелковыя споль-же общи въ Афинахъ и Римѣ, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Лекенъ только опчаспи успѣлъ изгнать погдашніе смѣшныя театральныя наряды, но не могъ ввести такихъ, какіе должно было употреблять въ театрѣ. Въ то время эта часть знанія была совершенно неизвѣстна даже

живописцамъ. Статуи, древнія рукописи украшенныя миниатюрами, памятники, существовали какъ и нынѣ, но съ ними не совѣтовались. Это было время Буше и Ванлоо, ужасно боявшихся слѣдовать примѣру Рафаэля и Пуссена въ расположеніи драпировки. Уже въ то время, когда явился нашъ славный Давидъ, тогда, одушевленные имъ живописцы и ваптели, и особенно молодые люди, занялись сими изысканіями. Я былъ въ дружбѣ съ большею частью изъ нихъ; чувствоваль всю пользу, какую можешь принести театру это изученіе, и занялся имъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Я сдѣлался живописцомъ по своему. Много препятышвей и предразсудковъ надобно мнѣ было побѣдить, и не столько со стороны публики, какъ со стороны актеровъ; но наконецъ успѣхъ увѣнчалъ мои усилія, и не боясь осужденія въ пщеславіи, могу сказать, что мой примѣръ имѣлъ большое вліяніе на всѣ театры Европейскіе. Лекенъ не могъ - бы преодолѣть столькохъ затрудненій: не пришло еще время. Могъ - ли онъ опшважиться выйдши на сцену съ голыми руками, въ древней обуви, въ волосахъ безъ пудры, въ плащѣ съ длинною драпировкою и въ льняной одеждѣ? Осмѣлился - ли бы онъ до такой степени оскорбить приличія времени? Этотъ суровый нарядъ показался - бы тогда одѣніемъ очень неприличнымъ и особенно очень мало благоприспобнымъ. Лекенъ

сдѣлалъ все что только могъ сдѣлать, и театръ обязанъ ему признательностью. Онъ сдѣлалъ первый шагъ, и то, на что онъ опивался, побудило насъ опиваться далѣе.

Актеры безпреспанно должны поспавлять своимъ образцомъ природу; она должна быть постояннымъ предметомъ ихъ изученій. Лекенъ чувствовалъ, что блестящія краски Поэзіи служили къ тому, чтобы придать болѣе великости и величія красотамаъ природы. Онъ зналъ, что въ обществѣ, люди, глубоко взволнованные сильными страстями, угнетенные сильными горестями, или жестоко возмущенные великими политическими выгодами, говорятъ, правда, языкомъ болѣе возвышеннымъ, болѣе идеальнымъ, но что сей языкъ все таки принадлежитъ природѣ. Слѣдовательно, эта благородная, одушевленная, возвышенная, но вмѣстѣ и прорная природа, должна быть предметомъ постоянныхъ изученій актера и поэта; Лекенъ могъ найти въ самыхъ сочиненіяхъ власпишелей сцены примѣры сего величія безъ надупости. Въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ образцовыхъ произведеніяхъ, самыя возвышенныя выраженія супъ также и самыя прорныя.

Я часто слышу въ обществѣ, что люди, впрочемъ очень образованные, говорятъ будто-бы трагедія находится не въ природѣ: эта мысль, повторяемая безъ раз-

мышленія , распространяется , и кончит-
ся пѣмъ , что ее примушь за истину.
Свѣтскіе люди , занятые совсѣмъ другими
предметами , не изучиваюшь глубоко всѣхъ
движеній страстей ; они судяшь легковѣрно ;
къ тому , дурные авторы и актеры , невни-
мательно занимающіеся своимъ искусствомъ ,
укрѣпляютъ это заблужденіе . Конечно , по-
нятіе ихъ о трагедіи , слогъ однихъ и игра
другихъ не могутъ освободить отъ сей лож-
ной мысли . Но пустьъ разсмотримъ большую
часть политическихъ или страстныхъ
лицъ Корнеля и Расина . Какъ часто языкъ
ихъ просишь и вѣснѣ возвышенъ ! Въ слогѣ
Вольера самолюбіе поэта часто явише ;
но какое патетическое и истинное выра-
женіе у него , когда онъ объявишь страстью !
Вѣрно , въ изящныхъ сценахъ сихъ великихъ
поэтовъ находящаяся не небрежность и не-
радливость народнаго разговора : нѣтъ , это
простосердечный языкъ , это возвы-
шенное , но вѣрное выраженіе самой при-
роды . Пустьъ разсмотримъ , во всѣхъ
отношеніяхъ , завязку и развязку *Венце-
слава* , пятое дѣйствіе *Родогуны* , *Цинны* ,
роль стараго Горациа , сцены Агамемнона
и Ахиллеса , роли Іоада , Эдипа , обоихъ
Брусовъ , Цезаря , роли Федры , Андромахи ,
Гермионы , и проч . — Вызываю сказать :
можно-ли вложить въ уста ихъ языкъ бо-
лѣ естественный и истинный ? Опними-
те риѳу , и всѣ сіи лица не иначе загово-
рили-бы въ существенномъ быту .

Тоже являютъ намъ нѣкоторыя актеры, прославившіе Французскую сцену: Лекенъ, дѣвица Дюмениль, Моле, Монвель. Только вѣрнымъ подражаніемъ истинному доставили они просвѣщенной націи наслажденіе живыми волненіями и послѣ нихъ еще существующими въ воспоминаніи. Слѣдовательно, образцовыя сочиненія однихъ и дарованіе другихъ неоспоримо доказываютъ, что трагедія не такъ удалена отъ природы, какъ воображаютъ себѣ, и что единая безпаланшность придавала нѣкошорый вѣсь прошивоположному мнѣнію.

Впрочемъ, надобно сказать, что изъ множества актеровъ всѣхъ странъ, весьма немногіе разыскивали сію истину. Однакожь Мольеръ и, еще прежде него, Шекспиръ, оставили превосходные уроки актерамъ своего времени. У перваго, въ его *Impromptu de Versailles*, находимъ, какъ онъ осмѣиваетъ актеровъ de l'hôtel de Bourgogne, за жеманство и надупость ихъ произнесенія.

«Такъ это-то по вашему называется «читать стихи? Что за шуповство! Надобно выражатся надменно. Послушайте . . . Видите-ли это положеніе? Тупъ, «хорошенько удержите голосъ на послѣднемъ стихѣ. Вотъ что выманиваетъ одобреніе и шворитъ театральную суматоху!» — Но, М. Г., мнѣ кажется, что Король, разсуждая наединѣ съ своимъ капитаномъ гвардіи, долженъ говорить болѣе человѣчески (*un peu plus humainement*) и не при-

нимать такого сверхъестественнаго тона. — »Ты не понимаешь этого: попробуй читать такъ, какъ ты читаешь теперь: увидишь, вырвется-ли у когонибудь хоть одно: ахъ!« и проч. Скапень говорить въ *Fourberies*: »Погоди! приложи руку къ боку, выпяли глаза понеистовѣе и вступай театральнымъ королемъ.«

Кажется, по мнѣнію самого Молбера, актеры не вѣрили, что Короли на сценѣ должны ходить и говорить такъ же какъ всѣ люди.

Шекспиръ, во время болѣе опдаленное, когда театръ едва выходилъ изъ младенчества, влагаетъ въ уста Гамлета превосходные совѣты актерамъ: »Передайте этотъ разговоръ такъ, какъ я произнесъ его передъ вами: легко и естественно; но если вы усилите голосъ и заревете, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, то лучше мнѣ заставить какогонибудь городского крикуна прокричать стихи мои. О, ничто не терзаетъ мнѣ душу столько, какъ человѣкъ, до немѣстности здоровый, выражающій страсть свою восклицаніями и криками, отъ которыхъ прещаетъ уши у шолпы; а ей только крикъ и нуженъ. Я бы желалъ посѣчь того театральнаго Ирода, кто хочетъ перещеголять самого Ирода яростью. Но не будьте и слишкомъ холодны: пусть разсудокъ служитъ вамъ вождемъ: соразмѣряйте дѣйствіе съ словомъ и слово съ дѣйствіемъ; наблюдайте, чинобы невыйдти изъ приличій природы,

потому, что все удаляющееся отъ этого правила удаляется отъ цѣли драматическаго представленія, состоящаго въ томъ, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, природѣ представить зеркало, добродѣтели показавъ истинныя черты ея, смѣшному сходный съ нимъ образъ, и каждому въку, каждой эпохѣ времени, форму ея и оппечашокъ. Если эта живопись усидена или ослаблена, ею будутъ упѣшашься невѣжды, но людей разсудительныхъ она оскорбитъ, а ихъ мнѣнїе для васъ должно быть всегда дороже мнѣнїя толпы. О! есть актеры: я видѣлъ ихъ игру, слышалъ, какъ увеличенно хвалили ихъ, а у нихъ, чтобы не сказать хуже, не было приемовъ ни христіанскихъ, ни языческихъ, ни человѣческихъ: они надувались и горлопанили такъ ужасно, что ихъ можно было почестъ изображеніями идоловъ, грубо обтесанными руками низшихъ подмасперьевъ природы: такъ скверно они подражали человѣку.»

Какимъ-же образомъ, не смотря на предупрежденія сихъ двухъ великихъ артистовъ, и безъ сомнѣнїя противъ мнѣнїя многихъ другихъ изъ ихъ современниковъ, ложная система напыщенной декламациі водворилась на большемъ числѣ Европейскихъ театровъ и была провозглашена тамъ, какъ единое основаніе театральнаго подражанія? Доказательство, что истину во всѣхъ искусствахъ всего труднѣе найдти и достигнуть. Статуя Минервы суще-

сплываетъ въ кускъ мрамора ; одинъ рѣзецъ Фидія можешь ее раскрыть. Эпа способность есть даръ очень немногихъ актеровъ ; между тѣмъ посредственность многочисленнѣе : она сотворила законъ , и со временемъ , утвердила ложное подражаніе своей слабости , какъ единственныи образецъ для подражанія.

(Оконч. въ 19-й книжкѣ.)

II. КРИТИКА.

Замѣтанія на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (Взглядъ на исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и литературы въ Россіи).

Ученый подвигъ Г-на Адриана Бальби , заслуживъ благосклонный пріемъ въ Европѣ , заслуживаетъ и опъ насъ , какъ народа , желающаго въ вѣжливости и образованности не опсшать опъ другихъ , пріемъ благосклонный и вниманіе признапельное. Мы говоримъ о книгѣ , изданн. Г-мъ Бальби (Парижъ 1826 г.) , подъ названіемъ : Atlas ethnographique du globe , ou classification des peuples anciens et modernes d'après leurs langues (*Этнографическій атласъ земнаго шара или распредѣленіе древнихъ и новыхъ народовъ по ихъ языкамъ*). Сія книга состоитъ изъ 42 таблицъ , мѣлками буквами напеча-

шанныхъ, на большихъ полулистахъ и листахъ : 56 таблицъ представляютъ общія раздѣленія и подраздѣленія всѣхъ извѣстныхъ, бывшихъ и существующихъ нынѣ, языковъ и нарѣчій, съ замѣчаніями о сущности, распространеніи, раздѣленіи и нынѣшнемъ состояніи каждаго изъ нихъ. За тѣмъ на пяти таблицахъ представленъ небольшой сравнительный *Полиглотическій* Словарь, т. е. собраніе нѣсколькихъ словъ, почти на 700 языкахъ и нарѣчіяхъ, сравнительно. Къ Атласу Г-на Бальби принадлежитъ особенное *Введеніе*, состоящее изъ книги, подъ названіемъ : *Introduction à l'Atlas ethnograph. du globe* (СХLIII и 415 стр. in 8). Здѣсь Авторъ, послѣ объясненія о Лингвистикѣ, правилахъ ея и трудахъ своихъ предшественниковъ, входитъ въ разысканія о сущности языковъ вообще, графическихкихъ соотношеніяхъ всѣхъ народовъ, причинахъ классификаціи, принятой имъ въ Атласѣ, и разныхъ подробностяхъ, не вошедшихъ въ Атласъ. Читатели послѣ сего могутъ сами судить, какъ полезно сочиненіе Г-на Бальби для географовъ, историковъ и филологовъ. Разумѣется, что Г-нъ Бальби долженъ былъ имѣть множество матеріаловъ и сопридниковъ; выборъ того и другаго дѣло весьма большое : на немъ основана вся ученая важность труда, ибо при всемъ уваженіи, какое можно имѣть къ Автору, мы знаемъ, что невозможно одному человѣку быть знакомою всѣхъ языковъ. И съ сей стороны Г. Бальби заслуживаетъ величайшую благодарность: онъ былъ вспомошествованъ извѣснѣйшими учеными людьми и путешественниками, пользовался богатыми пособіями, какія только дѣйствительная жизнь науки и знаній въ Парижѣ

можетъ доставить (*). Теперь, трудъ Автора конченъ: онъ сдѣлалъ, что могъ. Для признанія труда его классическимъ долженъ начаться трудъ критиковъ: и въ Европѣ онъ начашъ; о книгѣ Г-на Бальби мы читали уже нѣсколько рецензій и анти-рецензій.

Вообще, въ тѣхъ ученыхъ трудахъ, коими изобилуютъ въ наше время Французская, Нѣмецкая и Англійская Литтературы, которые являются подъ именемъ атласовъ, картъ, таблицъ историческихкихъ и проч. и въ объемѣ своемъ касаются всего свѣта, должно давать голосъ и намъ Русскимъ. Причинъ тутъ много. Кромѣ того, что пора намъ принимать дѣлительнѣйшее участіе въ занятіяхъ нашихъ Европейскихъ собратій, должно согласиться, что они такъ мало знаютъ насъ, по большей части такое невѣрное имѣютъ понятіе почти обо всемъ, что касается не только Руси, но и вообще Славянскихъ народовъ, что мы обязаны вступаться за себя и соплеменниковъ нашихъ и указывать иноплеменнымъ ихъ ошибки и недоразумѣнія. Они и не подумаютъ за это сердиться; напротивъ, будутъ намъ благодарны, и въ этомъ убѣждаетъ насъ то, съ какимъ жаромъ хватаютъ въ Европѣ все, что касается до Россіи, съ какимъ уваженіемъ начинаютъ смотрѣть на Россію во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣчего жаловаться: будь только мы

(*) Г-ну Бальби помогали въ трудахъ его между прочимъ: Агубъ, Шези, Шамполліонъ, Деппингъ, Дюерре, Фрейсиге, Газе, В. и А. Гумбольдты, Жомаръ, Жоберъ, Кларрошъ, Крузе, Малшебрѣя, Аб. Ремюза, Семъ-Мартенъ и проч.

словоохотны, не отставай отъ другихъ и возьми себѣ за правило въ лингвистическую и ученыхъ занятіяхъ щепетность, послѣ чего не все иностранное будетъ намъ казаться вредомъ и враньемъ и не отъ всего родимаго будемъ мы кричать съ удивленіемъ — иностранцы готовы принять насъ съ распрощанными объятіями.

По крайней мѣрѣ Сочинитель Этнографическаго Атласа оправдываетъ слова наши. Кромѣ того, что мы, попомки Славянъ и Нордмановъ, съ своими родичами, заняли у него по праву почетное мѣсто (Таб. XIV, *Introd.* стр. 182 и слѣд.), онъ, посвящая книгу свою ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, благоволившему принять подношеніе Автора, отдѣляетъ въ книгѣ своей особенную главу нашей Русской Лингвистической, нашему просвѣщенію и образованію. Вниманія нашего къ книгѣ Г-на Бальби, кажется, мы ничѣмъ такъ доказать не можемъ, какъ участіемъ въ усовершенствованіи оной, о чемъ просимъ и чего желаемъ Г-нъ Бальби.

Критика на его Атласъ можетъ раздѣляться на двѣ части: первая *филологическая*, должна заключать сужденія ученыхъ филологовъ вообще о планѣ, расположеніи Атласа и основныхъ его частяхъ, на примѣръ: изложеніи сущности языковъ и Грамматикъ вообще, системахъ, по коимъ распределены въ Атласѣ языки и нарѣчія, выводахъ Автора, и проч. Другая часть можетъ назваться *лингвистическою* и ограничиться частными замѣчаніями каждаго знающаго свой родной языкъ, свои отношенія, о томъ, что особенно касается его роднаго языка и его общества.

За критику перваго рода мы не осмысливаемся и теперь принявша, ибо Г-нъ Бальби отъ себя почти ничего не говоритъ, а при каждомъ мнѣніи собираетъ авторитеты извѣстнѣйшихъ ученыхъ людей. Замѣтимъ только, что онъ, кажется, не вполне знакомъ съ твореніями новыхъ Нѣмецкихъ филологовъ, которые могли-бы ему сказать кое-что новое и любопытное о Всеобщей Грамматики. Касательно Славянъ и Руси, авторитетъ его составляетъ: Фатеръ, Шлецеръ, Добровскій, Карамзинъ и Копишаръ: имена знаменитые, авторитетъ важный. Здѣсь, если что нибудь кажется намъ не такъ, то, кромѣ того, что мы не должны винить Г-на Бальби, намъ не лѣзя и говорить просто, что то или другое несправедливо; сказать это весьма не легко. Все, съ чѣмъ не лѣзя здѣсь согласиться, должно быть еще предметомъ обширныхъ изслѣдованій, доказательствъ, можетъ быть спора, а это едва-ли было-бы совмѣстно съ самымъ объемомъ Телеграфа, ибо можетъ вовлечь насъ въ спашья весьма огромныя. Мы предоставляемъ себѣ со временемъ отдѣльныя замѣчанія, тѣмъ болѣе, что авторитетъ Г-на Бальби въ отношеніи Славянъ и Руси есть авторитетъ вообще многихъ другихъ ученыхъ. Почти каждый изъ нихъ, начиная писать о Славянскомъ языкѣ, беретъ за Добровскаго, о Русской Исторіи, за Шлецера и Карамзина, о сродствахъ языковъ Славянскихъ съ Азіятскими, за Фатера и Клапрота. Не лѣзя-же требовать, чтобы всякій самъ занимался прилежно и отдѣльно нами, не лѣзя не сказать и того, что упомянутый авторитетъ важенъ и весьма удовлетворителенъ. Мы замѣтимъ здѣсь только, что приведенные нами Авторы, по

недостатку матеріаловъ или по времени, въ какое они писали, могли ошибаться. Ни мало не уменьшаетъ славы Карамзина, если кто нибудь, занимаясь однимъ изъ множества предметовъ, въ его *Исторіи Гос. Росс.* заключающихся, пропикъ въ сей отдѣльный предметъ глубже, или славы Добровскаго, если онъ, мало зная Восточныхъ Славянъ и Русскія Древности, ошибался въ своихъ послыкахъ, которыя можешь исправить знающій сію часть лучше. Повторяемъ, что честь великаго труда всегда останется неопъемлемою честью.

И такъ, не будемъ мы здѣсь входить въ общій разборъ всего Атласа Г-на Бальби, ниже всего того, что онъ говоритъ о Славянскихъ языкахъ и Исторіи Славянъ, ибо это должно быть, какъ мы сказали, предметомъ особыхъ статей, изъ коихъ одну мы имѣемъ уже въ виду, по поводу недавно изданнаго VI-го тома, *Précis de la Géographie universelle*, Мальшебрёна, гдѣ о Славянахъ и Руси почти тоже нашли мы, что и у Г-на Бальби. Этимъ подтверждается наше мнѣніе объ однообразномъ авторитетѣ. Мы хотимъ теперь единственно разобрать въ Атласѣ Г-на Бальби (стр. 321 — 383) 8-ю главу *Вступленія*, статью совершенно отдѣльную отъ цѣлаго сочиненія и названную имъ: *Взглядъ на исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и литературы въ Россіи.*

Руководствовало-ль въ семь случаевъ Автора благодарность за вниманіе Россійскаго Монарха къ его книгѣ, или впрочемъ замѣнное желаніе ипостранцевъ узнавать Россію, или даже топъ духъ времени, замѣнный во всеобщемъ стремленіи народовъ

вѣдашь всѣ подробности языка, литературы и образованія каждаго изъ нихъ, по крайней мѣрѣ Г-нъ Бальби дѣлаешь намъ большую честь, посвящая Рускимъ значительное отдѣленіе въ своей книгѣ и говоря о насъ съ уваженіемъ опличнымъ. Онъ защищаетъ насъ противъ обвиненій въ варварствѣ и невѣжествѣ (ср. 184, 322, 381 и друг.). Но усердіе должно быть руководимо познаніемъ. Г-нъ Бальби насъ *уважаетъ* и *хваляетъ*: это дѣло рѣшенное; теперь другой вопросъ: *могъ-ли знать* насъ Г-нъ Бальби? Нѣтъ! Въ этомъ самъ Г-нъ Бальби признается. На какомъ-же авторитетѣ утверждается онъ, рассказывая довольно подробно исторію нашей литературы, нашего просвѣщенія? У насъ самихъ нечѣмъ похвастаться: мы сами имѣемъ объ этомъ кой-какія весьма неудовлетворительныя историческія извѣстія. Вотъ уже лѣтъ 100, какъ мы приступили къ литературѣ Европейской, но исторіи нашей литературы у насъ нѣтъ. Г-нъ Бальби поступилъ какъ могъ лучше: онъ просилъ одного Русскаго Литератора, qui a parcouru presque toute la Russie d'Europe, et la partie occidentale de celle d'Asie, et qui, à la connaissance profonde de sa langue nationale ancienne et moderne, et de sa littérature, réunit l'avantage d'avoir été sur les lieux, et d'avoir pu juger par lui même des différences offertes par les principaux dialectes du russe, qu'il a entendu parler à Tobolsk, à Kharkhof, à Moscou, à Pétersbourg, etc. etc. Къ извѣстію, составленному симъ Русскимъ Литераторомъ, Г-нъ Бальби присовокупилъ, особыми прибавленіями, статьи Г-на Лемонте, Сочинителя предисловія къ Французскому переводу Басень Крылова, Г-на Ферюссака, Издателя Всеобщаго

Бюллетеня, Г-на Геро, сотрудника въ *Revue Encyclopédique*, Г-на Нейенкирхена, Нѣмецкаго Литшерашора, живущаго въ Пешербургѣ. Хотя, по старинной аксіомѣ, *le mot ne fait rien à l'affaire*; но здѣсь мы желали-бы знать имя Русскаго Литшерашора, положившаго основаніе спашью о Русской Литшерашурѣ въ Апласть Г-на Бальби. Надобно, чтобы Г-нъ Бальби былъ очень увѣренъ въ его свѣдѣніяхъ и въ добротѣ его пособій, ручаясь за него весьма сильно (стр. 321). Къ сожалѣнію, мы видѣли въ наше время нѣсколько опышовъ извѣстій, писанныхъ нашими соотечественниками о Россіи и Русской Литшерашурѣ, появлявшихся въ иностранныхъ Журналахъ, и весьма невѣрныхъ. Даже духъ партій нашей Литшераштуры перелеталъ нѣсколько разъ за границу; случалось и то, что писатель, за неимѣніемъ похвалъ въ Россіи, Богъ знаетъ какими средствами, бывалъ расхваливаемъ въ Парижѣ или Гѣштингенѣ. Воля Г-на Бальби, а спашья о Русской Литшерашурѣ не одною рукой вся писана: въ ней такое собраніе мнѣній старыхъ и новыхъ, справедливаго и несправедливаго, хорошаго и дурнаго, что понять не можно, какъ могъ все это написать одинъ и тотъ-же литшерашоръ. Можно подозрѣвать даже, что спашья, оставленная у Г-на Бальби сочинилемъ, была подвергнута поправкамъ и дополненіямъ Г-на Л. Н., написавшаго замѣчанія на Антологию Сень-Мора въ *Mercure du XIX siècle* (77 livraisons, стр. 505 и слѣд.): и здѣсь и тамъ есть что-то похожее. Споръ, бывший нѣкогда по поводу сихъ замѣчаній, могъ бытъ поучителенъ для Г-на Бальби. Жалѣемъ, что Г-нъ Геро, которому Французская Журналистика обязана спашьями о Русской

Литтературѣ, основательно и съ познаніемъ предмета писанными, жалѣемъ, что онъ, по видимому, узналъ поздно о намѣреніи Г-на Бальби и могъ участвовать въ его предпріятіи только небольшими библиографическими прибавленіями. Но не будемъ судить безъ доказательствъ, послѣдуемъ за Сочинителемъ *Взгляда на исторію просвѣщенія и литературы въ Россіи*, изложимъ его извѣстія и мнѣнія, и послѣ того рѣшимъ: хорошо-ли исполнилъ нашъ соотечественникъ порученіе Г-на Бальби. Нѣсколько замѣчаній на прибавленія Г-да Ферюссака, Геро и Нейенкирхена заключаютъ нашу спашью. Загнѣшимъ, къ чести нашего соотечественника, что онъ беретъ на отвѣтъ за всѣ свои ошибки, не слагая вины ни на кого, ибо руководствовался въ сужденіяхъ своихъ и описаніяхъ собственными мнѣніями и замѣчаніями.

Онъ *нагнѣваетъ съ начала*, какъ говорятъ Французы, сказываешь намъ прежде всего, что нашъ Русскій языкъ принадлежитъ къ происшедшимъ отъ Славянскаго, и упоминаетъ о различіи мнѣній филологовъ, изъ коихъ одни утверждаютъ, что *Церковный* нашъ языкъ, то есть, языкъ, на который переведены были наши церковныя книги въ IX вѣкѣ, есть коренной Славянскій, неразобщавшійся еще на нарѣчія; но что другіе филологи этому противорѣчатъ, и полагаютъ, что для перевода церковныхъ книгъ служило какое нибудь изъ Славянскихъ *нарѣчій*. Последнее можно почестъ доказаннымъ. Авторъ говоритъ, что *нынѣшній Сербскій* языкъ походитъ на церковный. Здѣсь онъ впадаетъ въ большую ошибку, желая подтвердить мнѣніе Аббаша Добровскаго, ибо Добровскій и за нимъ дру-

гіе філологи, изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, указывали на Сербское, только не на нынѣшній, а *древній Сербскій* языкъ, сохранившійся въ письменныхъ памятникахъ, отъ котораго Сербскій нынѣшній, разговорный, весьма разнится. Добровскій нынѣ отказывается отъ своего мнѣнія; но имѣя многія причины, мы не можемъ согласиться на его отказъ. Говоря о различіи нарѣчій собственно-Русскаго языка, Авторъ называетъ *главнѣйшимъ* (principal) Малороссійское: если онъ разумѣлъ, что Малороссійское нарѣчіе есть самое далекое отъ кореннаго Русскаго, такъ; но если-жъ онъ подразумѣвалъ обширнѣйшее по числу говорящихъ имъ, то это несправедливо, и въ такомъ случаѣ Сѣверное нарѣчіе (или Новгородское) будетъ главнѣйшимъ.

Упомянувъ о изобрѣтателяхъ Славянской азбуки Кириллѣ и Меѳодіи, Авторъ (стр. 324) объявляетъ читателямъ, что онъ преимущественно будетъ заниматься обозрѣніемъ *Изящной Словесности Русской* (belles-lettres) и только поверхностно обозрѣть исторію Наукъ и Искусствъ въ Россіи. Онъ излагаетъ за тѣмъ начало Россійскаго Государства, при чемъ повторены имъ извѣстные описанія великолѣпія Кіевскаго Двора при Владимірѣ и Ярославѣ. Замѣтимъ, что о супружествахъ дочерей Ярослава Авторъ долженъ былъ умолчать, какъ о дѣлѣ весьма сомнительномъ, тѣмъ болѣе, что на этомъ утверждены у него доказательства великаго просвѣщенія и славы Россіи въ X и XI вѣкахъ, болѣе нежели сомнительнаго въ глазахъ исторической критики. Описывая древнѣйшіе, сохранившіеся до насъ письменные памятники наши, напрасно по-

читаетъ Авторъ *Правду Русскую* сочиненіемъ Ярослава и *дѣтей его*: она, какъ означено въ ней, написана вся въ правленіе Ярослава; но по новѣйшимъ изысканіямъ и это оказывается сомнительнымъ. Не понимаемъ, почему Авторъ видитъ въ ней памятникъ языка и судебной системы, употребительныхъ въ XI вѣкѣ *во всѣхъ земляхъ, обитаемыхъ Норманами.* Надобно вспомнить, что Норманы расселились въ Италіи, Сициліи, Франціи, Англіи, и едва-ли наша Русская Правда можетъ быть памятникомъ языка и судебной системы Нормановъ, жившихъ въ помянутыхъ земляхъ. Говоря о Несторовой Лѣтописи, Авторъ сказываетъ, что она «простирается отъ начала Россіи до XII вѣка, времени смерти Нестора, но была продолжаема до XVII столѣтія, почти безъ перерыва.» Авторъ «хотѣлъ указать на древнѣйшіе памятники, достойные вниманія ученыхъ людей.» Для ученыхъ людей надобно было дѣлать сіи указанія съ ученою точностію. Несторъ, какъ полагаюшь, кончилъ въ началѣ XII вѣка (1110 годомъ, хотя это послѣ многихъ соображеній оказывается невѣрно); но Лѣтопись его начинается раздѣленіемъ земли между сынами Ноевыми, и подъ его именемъ продолжается одинаковымъ образомъ, въ одномъ замѣчательномъ спискѣ до 1224 года; въ другомъ, еще болѣе важномъ и самомъ древнѣйшемъ, до 1303 года: извѣстно, что *подлинникъ Лѣтописи Нестора* не дошелъ до насъ. Всѣ-же другія лѣтописи *не продолженіе Лѣтописи Нестора*, а просто лѣтописи, писанныя каждая въ своемъ духѣ, въ разныхъ мѣстахъ, со многими одна противъ другой ошмѣнами, и проч.

Ч. XVII. No 17.

В

Упомянувъ о *Пѣсни о Полку Игоревомъ*, Авторъ говоритъ о народныхъ пѣсняхъ нашихъ. Здѣсь слѣдовало ему сказать о раздѣленіи сихъ пѣсень, ибо однѣ изъ нихъ (подобныя собраннымъ Киршею Даниловымъ) суть небольшія поэмы, отличныя отъ обыкновенныхъ пѣсень, которыя поются въ народѣ. Авторъ вдругъ переходитъ здѣсь къ Россіи послѣ освобожденія ея отъ ига Татаръ. Онъ говоритъ о маломъ вліяніи иностранцевъ на Россію въ это время и что кромѣ Новгорода вездѣ все зашло; но послѣ этого какъ странно читать (стр. 328), что при жестокостяхъ Іоанна IV *Музы убѣжали изъ Россіи*. Во первыхъ убѣжать было нѣкому, если самъ Авторъ говоритъ, что Музы и не приходили въ Россію; во вторыхъ, напрасно не разсмотрѣлъ онъ, что царствованіе Іоанна, хотя ознаменованное жестокостью, было благопріятно для просвѣщенія Россіи, по крайней мѣрѣ, благопріятнѣе въ этомъ отношеніи царствованій слабаго отца его и строгаго дѣда. Подвиги наши въ царствованіе Іоанна IV донынѣ составляютъ эпоху народныхъ преданій. При немъ учреждена была первая типографія въ Москвѣ, пріѣхали въ Россію многіе художники, медики; словомъ: Іоаннъ любилъ просвѣщеніе и науки, сколько время, въ которое жилъ онъ и его образованіе это позволяли. Карамзинъ весьма справедливо сказалъ, что жестокость Іоанна осталась въ лѣтописяхъ Исторіи, а слава въ памяти народа. — Борисъ Годуновъ (говоритъ Авторъ) явилъ Россіи нѣсколько лучей надежды, привлекъ ко двору своему иностранныхъ ученыхъ, посылалъ молодыхъ Русскихъ дворянъ за границу учиться и далъ сыну своему воспитаніе достойное его сана и высо-

каго предназначенія.» Кажется, говоря объ Иоаннѣ, Авторъ увлекся въ несправедливость слухами о его жестокости, а о Годуновѣ говорилъ по слуху, полагая, что поелику Борисъ былъ государь мудрый, слѣдовательно, долженъ былъ покровительствовать наукамъ. Ему было нѣкогда думать объ этомъ, по крайней мѣрѣ, кромѣ того, что онъ призывалъ въ Россію нѣсколько ученыхъ людей, мы ничего другаго не знаемъ, не знаемъ, на чемъ основываюся Авторъ говорить, что по смерти Годунова «за прекрасною зарею послѣдовала глубокая ночь.» Если ночь была при Иоаннѣ, то она не прерывалась ни при Годуновѣ, ни послѣ, до Петра Великаго.

Авторъ опять впадаетъ въ ошибку, утверждая, что Царь Алексій учредилъ въ Россіи регулярныя войска. При семъ Царѣ была сдѣлана только первая попытка и весьма слабо: Петру предоставлено было совершить сія великое дѣло. Замѣчаніе Автора о вредѣ для Русскаго языка, происшедшемъ отъ вліянія Бѣлорусскаго и Кіевского духовенства, послѣ присоединенія Кіева къ Россіи, несправедливо. Правда, тамошнее духовенство писало испорченнымъ Польско - Славянскимъ языкомъ (несправедливо названнымъ отъ нѣкоторыхъ писателей *Бѣлорусскимъ* нарѣчіемъ); но вліяніе сего измѣненія языка ограничилось тамошними писателями, которые составляютъ въ Исторіи Русской Литтературы особый отдѣлъ; да и не могло оно распространиться въ Россіи; ибо Свящ. Писаніе оставалось неприкосновенно (*), а духовное кра-

(*) Авторъ напрасно говоритъ (стр. 343), что цензоръ Св. Писанія пренебрежалъ множеству намѣченій „отъ надзирателей“ Русскаго духовенства сближать языкъ церковный

споръчіе тогда въ Россіи еще не существовало. Немногія книги, писанныя въ то время въ Великой Россіи, чужды вліянія полемизмовъ.

Авторъ говоритъ, что Свѣтополькъ Полоцкій былъ первымъ драматическимъ писателемъ въ Россіи, и что его духовныя драмы играли при Дворѣ, Царевна Софія, сестра Царя Θεодора, и молодые вельможи и дамы, находившіяся въ ея шпашѣ. Авторъ могъ не знать, что еще при Царѣ Алексѣѣ бывали при Дворѣ, и у любимца его Машвѣва, театральныя представленія. Но, какъ онъ, будучи Рускій и слѣдственно зная старинныя обычаи наши, образъ стариннаго обхожденія съ женщинами въ Россіи, могъ нависать, что придворныя дамы и вельможи выѣхавъ разыгрывали комедіи! Софія точно завела у себя представленіе комедій, только не при Царѣ Θεодорѣ, а въ то время, когда сама она властвовала престолюмъ; и шупъ женщины ошъ мужчинъ были совершенно отдѣлены.

Все что до сихъ поръ мы замѣчали ошибочнаго, могло произойти ошъ недоспапка пособій и неопытности Автора; но какъ оправдашь его, когда онъ (стр. 329) представляешь чипашелямъ преврап-

„съ собственно - Русскимъ.“ Исправляясь въ Св. Писаніи только ошибками прошивъ Греческаго подлинника, а языкъ церковный оставался въ немъ неизмѣненъ, кромѣ ореографіи. Несправедливо и то, что въ Петербургской ИМПЕРАТОРСКОЙ Библиотекѣ хранится древнѣйшій списокъ перевода Библии, сдѣланнаго Кирилломъ и Меодиѣмъ, списанный въ 1056 г. По геду догадываемся, что Авторъ хотѣлъ оказать о древнѣйшемъ Новгородскомъ опискѣ Евангелія, извѣстномъ подъ именемъ *Остромирова*.

ное и совершенно несправедливое мнѣніе о величайшемъ изъ всѣхъ Государей, незабвенномъ нашемъ Петрѣ! »Взошедши на престолъ вмѣстѣ съ сестрою своею Софіею и спаршимъ брашомъ Іоанномъ, Петръ не замедлялъ освободиться ошъ шой и ошъ другаго. Софія какъ опаснѣйшая, была заключена въ монастырь. Историки, слѣдуя правилу, что побѣжденный всегда виноватъ, можешь бышь, слишкомъ спаряюся обвиняшь ее въ заговорахъ прошивъ брата.» Кромѣ шого, что Петръ, низвергнувъ власшь Софіи, благоговѣнно чшилъ своего спаршаго брата Іоанна и царствоваль съ нимъ вмѣстѣ, по самую смерть сего добраго Государя, какъ можеть Авшоръ оправдывашъ Софію въ гибельныхъ ея замыслахъ? Буншъ спрѣльцовъ, погибель Нарышкиныхъ, смерть Машвѣева, гибель, угрожавшая драгоценной жизни Петра, гибель ошъ кошорой нѣсколько разъ шолько чудо могло спасать его, все эшо сдѣлано Софіею: и Авшоръ увѣряешъ насъ, что историки s'empreségent peut-être trop de l'accuser de complots? Должноли такъ писашъ Ишорію? . . . Не будемъ опровергать Авшора, ни въ эшомъ, ни въ другихъ мнѣніяхъ его о Петрѣ Великомъ, сказавъ, что съ грустію видимъ, какъ худо понялъ онъ Великаго Петра, Государя, кошорому примѣра Ишорія не представляешъ ни въ какой другой странѣ, ни въ какомъ другомъ вѣкѣ! Пусть Авшоръ самъ прочишаетъ 330-ю стр. своего Обозрѣнія, гдѣ изложено, что было слѣдствіемъ трудовъ сего Монарха — и онъ согласишь съ нами. Если-бы и въ самомъ дѣлѣ въ дѣлахъ Петра оказывались какіе нибудь недоспашки, шо въ глазахъ иностранцовъ Рускому не должно было выснав-

ляшь ихъ; впрочемъ, если-бы Исторія и могла обвинить Пешра, то вѣрно не за то, что мы находимъ у нашего Автора на стр. 329-й и 330-й.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1827 года.

100. *Элегіи и другія стихотворенія Дмитрія Глѣбова. Съ эпиграфомъ:*

L'art, des transports de l'âme est un foible interprète ;
L'art ne fait que des vers ; le coeur seul est poëte.

М. 1827 г. въ шип. Августа Семена, in 8, IV и 301 стр.

Сіе собраніе раздѣляется на нѣсколько отдѣленій: двѣ книги элегій, баллады, посланія, романсы и пѣсни, поэмы и смѣсь. Главная часть стихотвореній, здѣсь помѣщенныхъ, соотнѣсь въ переводахъ съ уважаемыхъ Французскихъ поэтовъ: Бершениа, Легуве, Мильвуа и другихъ. Переводы вообще не безъ досповнства и являютъ признаки искусства въ стихотворствѣ; но въ мѣстахъ, требующихъ бѣльшей силы и движенія, они отсташають отъ подлинниковъ. Французская школа у насъ шеперь не въ чести: мы, какъ своевольные дѣши, вырвавшись изъ подъ надзора учительскаго, вымѣщаемъ на учителей ученическіе годы. Въѣ оставашься учениками не должно, но за чѣмъ предавашъ прокляшію, бранить своихъ прежнихъ учителей, хотя въ возрастѣ размышленія и видимъ, что не во всемъ при-

мѣръ ихъ для насъ бышь долженъ непреложень, и не все то, чему учились мы у нихъ, свято и ненарушимо. Къ чему оплянь исключительность? А къ тому-же, если скажашь правду, ошсцавъ опъ одного подражанія, не пристаемъ-ли мы къ другому? Я вовсе не Сендь *классическаго абсолютизма* и непогрѣшимости Французскихъ поэшовъ; но между шѣмъ не понимаю: почему ушверждать, что Мильвуа не поэшъ, потому, что поэшы Шиллера, Байронъ, Гёше. Признаю возвышенность ихъ генія, но признаю несомнишельность и дарованія Мильвуа. Многіе изъ стиховъ его присвоиваюшся памяшью и сердцемъ: въ нихъ ошзывается чувство, принадлежащее всѣмъ школамъ и равно живое подъ перомъ классическимъ и романшическимъ. Скажу болѣе: Мильвуа не рабски слѣдовалъ по стезѣ, пробитой его предшественниками: если преждевременная смерть не похвшила-бы его у Французскихъ Музъ, онъ, безъ сомнѣннй, пошелъ-бы еще далѣе по влеченію собственнаго дарованія, и занималъ-бы нынѣ едва-ли не первое мѣсто въ числѣ современныхъ поэшовъ Франціи. Можно сказать, что Ламаршинъ перехитрилъ и слѣдовательно испоршилъ шо, что началъ Мильвуа. У сего послѣдняго было не менѣе шой *метательности*, которою Ламаршинъ навелъ свою поэзію; но у него болѣе строгости въ слогъ, разнообразія въ приемахъ и болѣе истиннаго чувства. Кришикъ безпристрастный не подосадуешъ на Г-на Гльбова, что онъ передаетъ намъ произведенія Французскихъ стихотворцовъ, а напрошивъ поощришь его изучашъ придежнѣ свои подлинники, если дарованіе его влечешъ избрать ихъ себѣ образцами. Пускай онъ, подобно имъ, болѣе сжимаешъ и ярче

расцвѣчиваетъ свой стихъ , который у него иногда блѣденъ и растянутъ. Жуковский и Батюшковъ показали что можно и какъ должно переводить Мильвуа. Не станемъ входить въ подробный разборъ стихотвореній и вообще стихотворства Г-на Глѣбова. Скажемъ только : читатель въ книгѣ его не почерпнетъ впечатлѣній глубокихъ , ощущеній сильныхъ ; но найдетъ во многихъ мѣстахъ чувства , пріятно и вѣрно выраженныя , цѣнишель искусства оцѣнитъ въ ней языкъ вообще чистый и правильный , стихосложеніе довольно свободное , вкусъ по большей части непогрѣшительный, и однимъ словомъ: вольно успешное соблюденіе нѣкоторыхъ изъ стѣхъ неминуемыхъ условій , отъ коихъ стихотворство признано тайною, для многихъ недоступною, а для многихъ столь опасною. Ободря занятія въ переводѣ Французскихъ поэтовъ , должно совѣтовать Г-ну Глѣбову не браться за Байрона. Его переводъ превосходнаго произведенія Англійскаго Поэта можно назвать непрощительнымъ. *Сонъ*, Байрона, одно изъ твореній сего Поэта самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ : въ немъ , какъ въ зеркалѣ фантасмическомъ , отражается вся сокращенная жизнь Поэта. Одно начало перевода есть уже противорѣчіе съ подлинникомъ :

*Друзья ! внимайте гудный сонъ !
Готовьте долгое терпѣнье !*

Думалъ-ли Байронъ шутить , когда онъ готовился , такъ сказать , вылить всю свою душу , выразить исповѣдь сокровенныхъ впечатлѣній , надеждъ и страданій жизни своей столь превратной и бурной. Искажашъ смыслъ и духъ подобныхъ , такъ сказать ,

задушевныхъ твореній великаго Поэша, есть похи-
щеніе поэтическое.

Изданіе стихотвореній Г-на Глѣбова очень красиво и приноситъ честь, какъ вкусу и расположеніямъ Авшора, такъ и изящному исполненію типографіи Г-на Семена. У насъ многіе изъ авшоровъ и издашелей не знаютъ, или не хотятъ знать, что есть въ липшературномъ, или просто книжномъ мірѣ, законы въжливости, предписанные образованностью и общежительностью: книга худо напечатанная есть пошупокъ неучпивый.

Лс.

101. *Греганка*. Съ эпиграфомъ:

И если я не созданъ пѣшкой,
Валясья не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ бышь другомъ!
Песчинка можешь бышь жемчугомъ;
Погладь меня и пощрепли.

Державинъ.

СПб. 1827 г. въ Тип. Деп. Нар. Просв. in 16,
40 стр.

Въ началѣ этой поэмы, повѣсти, или анонимки въ списокъ стихотворческихъ созданій, есть вступленіе, предисловіе, или нѣчто предварительное, въ стихахъ: должно похвалить поэша за выраженное въ нихъ чувство состраданія, съ коимъ онъ взираетъ на жребій злополучныхъ Грековъ и пожалѣть, что исполненіе не отвѣчало доброму намѣренію. Современныя событія Востока давно уже елужашъ въ Европѣ обильнымъ источникомъ вдох-

новеніямъ молодыхъ поэтовъ. Мы, какъ-то остава-
лись въ спорѣ и не подавали поэтическаго голоса
въ пользу героевъ, оживившихъ передъ нами чудеса
древняго патріотизма. Вошъ починъ! Въ торговлѣ
продать для потѣхи, значить продать дешево,
чтобы съ легкой руки продававшъ послѣ много и съ
выгодою. Если на эти стихи смотришь и намъ въ
шакѣ отношеніи, то мы должны быть благодар-
ны Поэту, желая, чтобы рука его была легче для
чужихъ стиховъ, чѣмъ для своихъ. Между тѣмъ
выпишемъ ихъ для повѣрки: со временемъ любопыш-
но будешь знать, какіе были у насъ первые фл-
еллиническіе стихи.

О, скоро-ль лишся христіанъ
Кровь на поляхъ родныхъ прешанешъ,
И удалится бранный станъ
Враговъ креста, и миръ наспанешъ
Для славной Греціи дѣтей?
Когда въ странѣ несчастной сей
Прешанушъ плѣнницы младыя,
Пишомки Церкви Пресвятыя,
Томишь печалію себя
Въ гаремахъ варваровъ природы,
Лишась родныхъ, друзей, свободы,
И въ сердцѣ милыми горя?
Великій Богъ! дождусь-ли я,
Той древней Греціи спасенья,
Взошла откуда просвѣщенья
Для насъ прекрасная заря? —
Уже-ли братья Христіане
Пошерпяшъ долѣ позоръ,

Единовърцамъ намъ въ укоръ,
Гнешушь кошорымъ Музульмане
Невинныхъ Греція дѣшей,
Средь ихъ ошеческихъ полей?

Почши поже говорили Байронъ и Казимиръ Дела-
винъ, шолько иначе. Чшо-же дѣлашь? Но вошь
и *Греганка*, о кошорой здѣсь идешъ рѣчь:
Зара любила соплеменника своего Олдастана; уже
согласіе родныхъ гошова было освятишь ихъ
союзъ. Наспала война Грековъ съ припѣснише-
лами, женихъ пошелъ на брань, но неудачно: ошрядъ,
въ кошоромъ онъ дѣйствоваль, не устоялъ, и онъ по-
бѣжалъ за нимъ, или съ нимъ, а можешъ и передъ
нимъ. Зара доспалась въ плѣнь Турку Омару, и не
перяя времени, ошъ бездѣля, скуки, или, какъ на-
мекаетъ она въ разсказъ своемъ, съ досады, чшо
любила пруса, ошвѣчаетъ любви своего власпѣли-
ва и приживаешъ съ нимъ дочь. Жребій войны непо-
стоянень, а особливо-же по счастью для пользы Ту-
рецкихъ: вдругъ Олдастанъ являешся побѣдипелемъ
въ гаремъ, гдѣ содержишся Зара; она сначала при-
нимаешъ его очень худо; онъ, чшобы подслужить-
ся ей, объявляетъ, чшо убилъ Омара: она пуще
сердишся; не видя успѣха въ убійствѣ соперника,
убиваешъ онъ дочь Зары и Омара, и она сно-
ва ошдаешся Олдастану. Повѣснь эша, какъ вы
видише, писана не совсѣмъ въ филелдиническомъ
духѣ и не въ весьма благопріятномъ свѣпѣ показы-
ваетъ намъ характеръ Гречанокъ. Предисловіе не
шо обѣщало. Новое доказательство, чшо предис-
ловіямъ вѣришь не можно. За шо стихи въ повѣ-

сти лучше предыдущихъ : они очень забавны. Тутъ найдете вы , что

Чалмы на спогнахъ закипѣли ,
или

Чалмы капающся въ пыли.

Эти два стиха живо напомнили мнѣ знаменитый горшокъ , кажется съ картофелемъ , который во время Пешербургскаго наводненія , попалъ изъ печи въ воду , а изъ воды въ Русскіе Журналы : они долго переливали имъ споры свои изъ пустаго въ порожнее. Еще разъ является чалма также необыкновеннымъ образомъ : Зара , исчисляя передъ Олдашаномъ права Омара на ея любовь , говоритъ , что когда она попала въ руки непріятелямъ :

Ужъ неисповый взоръ
Кровожадныхъ звѣрей
Ждалъ обиды моей ;
Ужъ я слышала смѣхъ
Гнусныхъ изверговъ пѣхъ.
Смертный ужась спыда
Обезсилѣлъ меня ,
И ругаясь злодѣй ,
На позоръ всѣхъ людей ,
Кровы съ груди сорвалъ ;
И смѣясь , показалъ
Трепешъ персей моихъ.

Но является Омаръ рыцаремъ несчастной жертвы ; онъ ее оббиваетъ и Зара продолжаетъ разсказъ :

Я въ восторгъ перешла ;
Я его обняла

Чувствъ въ волненіи моихъ,
 Средь злодѣевъ своихъ.
 Спѣшно юноша сей
 Снявъ, *чалмою* своей
 Робко грудь мнѣ покрылъ, и проч.

Признаюсь, это новое положеніе чалмы, кажется мнѣ, еще удивительнѣе *чалмъ клящихъ, чалмъ ка-шающихъ въ пыли*, или горшковъ, кашающихъ по юдѣ. Не иначе, какъ собственными глазами могъ-бы я увѣриться въ истинѣ сказаннаго Гречанкою, а на слово ей не повѣрю. Чалма навела чашапелей на стихи: они не лучше въ своемъ родѣ; но кажутся, все довольно хороши, чтобы за дальнѣйшія выписки не приниматься. Около двухъ претей поѣсти писаны чепырежь-стопными ямбами; но съ испуга и съ печали, когда Зара узнаешь, что Омаръ въ убишь, сбивается она на трехъ-стопные. Опаянны выражаешь скороговорками. Если эпитафъ относись къ лицу кришки, то можно сказать откровенно, что поэму подобную Гречанкѣ *погла-дить* не за что, а *потрепать* совѣстно.

Ас.

102. *Аннибалъ на развалинахъ Карфагена.*
 Драматическая поэма. Сочиненіе Д. Струйскаго. Съ эпитафомъ: *Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ.* СПб. 1827 г. въ шип. Н. Греча, in 8, 42 стр.

Имя Струйскаго уже извѣстно въ лѣтописяхъ вашего Стихотворства, но есть, извѣстно малому числу лихтературныхъ аншикваріевъ нашихъ. По

большой части, не говорю уже для чишашелей, и для наших писашелей, кашалогъ старинныхъ Русскихъ стихошворцовъ, заключается въ нѣсколькихъ именахъ почешныхъ. Любопытство ихъ не изыскашельно и они знаютъ исторію своей ляпшерашурь, какъ многіе знаютъ исторію человѣческаго рода, по именамъ нѣкошорыхъ счастлишцовъ. Безъ сомнѣнія многіе услышатъ ошъ меня въ первый разъ, что ешъ книга *Согнненій Николая Струйскаго*, посвященная Екатеринѣ Великой, напечатанная въ 4-ку, въ 1790 году, и, по тогдашнему, съ ошнѣнною роскошью шипографическою: прекраснымъ шрифшомъ, на хорошей бумагѣ, съ зашѣливыми виньешами, медалями. Въ эшой книгѣ множество стиховъ *петашью мѣлкою убитыхъ*: элегій, пѣсень, надписей, посланій, эпиграммъ, билетшцовъ, одъ и проч. Тогда разнообразный, или по крайней мѣрѣ разнообразнѣдпріимчивый, Сумароковъ гнался за всѣми родами поэзіи и современники его разсыпались за нимъ по всѣмъ шропникамъ Парнасса. Любопытные найдутъ въ собраніи Николая Струйскаго между прочимъ Эпиграму на Карла XII-го и стихи: *На смерть вѣрнаго моего Зяблова, послѣдующую въ Рузаевкѣ, 1784 года, узнанную мною въ Москвѣ*. Если эши стихи не доказываютъ, что Г-нъ Струйскій былъ великій поэтъ, то доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что онъ былъ попечительный и признашельный помѣщикъ, а эшо также чего нибудь да стоишъ. Эшошъ Зябловъ, служишель нашего цѣша, былъ обученъ имъ живописи, подѣ руководствомъ Рокошова, знаменишаго живописца того времени и друга цѣша, былъ нѣсколько смышленъ и въ архитешкшурѣ,

Хошя искусству былъ сему и не учень,
 Но былъ его (илъ ево, сходно съ шекспомъ) сни-
 скашь усердьемъ привлечень.

Прошу позволенія выписатьъ біографическія черты
 служишеля, тѣмъ болѣе, что въ нихъ будущъ и
 поэшическія черты господина, съ примѣсю нѣ-
 сколькихъ его домашнихъ обстоятельство: все эшо,
 надѣюсь, не наскучитъ чипапелямъ. Мы шакъ ма-
 ло знаемъ свою старину, мы шакъ спесиво съ нею
 обращаемся (и право не знаю изъ какихъ доходовъ),
 что я всегда радъ изъявить ей свидѣтельство мо-
 его внимательнаго почшенія и вмѣстѣ показашъ,
 что я не слишкомъ чванюсь тѣмъ, что многіе, съ
 такою важностью и съ шакимъ самодовольствіемъ,
 называютъ *нынѣ*. Какъ будшо въ слѣдъ за эшимъ
нынѣ не придетъ *завтра*, которое шакже въ свою
 очередь разжалуетъ наше настоящее въ давнопро-
 шедшее. Вошь что говоришь поэшъ о своемъ ар-
 шистѣ доморощеномъ :

Лишь шибкую черту Бушера онъ узрѣлъ,
 Къ плафонну мастерству не шщетно возгорѣлъ.
 Мнѣ въ родѣ сихъ трудовъ оставилъ онъ примѣшы:
 Въ двухъ комнапахъ верхи ево рукой одѣшы.
 Овальную-ль кто зришь; иль мой квадратный залъ:
 Всякъ скажетъ! Зябловъ здѣсь всю пышность
 показалъ!
 Рачишель строгихъ думъ, достойный слезъ ше-
 ченья!

Спаситель моего ты былъ изобрѣшенья. . .
 Премерзостнѣйшій видъ . . . по лихоимства смрадъ
 Съ кошорымъ въ міръ свою! къ намъ дщерь, из-
 рыгнулъ адъ?

Ко омерзенью въ свѣтъ что первымъ мной явленну:
 Черезъ князь свою шамъ зрашь въ плафонѣ ожи-
 вленну.

Къ которому свой взоръ сколь крашь ни возведушь,
 Проклятіе и честь споль крашножь воздадушь!..
 Но естли въ Божій храмъ Царя Царей кто всхо-
 дить ;

Тотъ Бога въ существѣ присутственнѣ находишь?
 Вездѣ съ полипры шамъ разсыпанъ , фиміямъ!
 Надзоромъ подь ево и сей созиждень храмъ.
 Подобно песь мой домъ , въ которомъ обитаю ;
 Я дѣло рукъ ево повсюду обрѣшаю.

Внушри ! съ наружилъ что; пльнишь коль можете
 взоръ :

Иль спройно обнесень какъ кажется мой дворъ !
 Иль Ионической архитекшуры виды ;
 Раченью въ помъ ево не здѣлаюшь обиды.

Чѣмъ стихи эти не стихи? Можно даже безъ большаго затрудненія доказать, что тушь есть очевидныя примѣты романшизма; оспаривать народность этихъ стиховъ невозможно: они крѣпостныя Русскіе; мѣстныхъ красоть, кажешся, также довольно, оригинальность ихъ не подложная. Признаюсь, они для меня и прогашельны; я охотно желалъ-бы узнать, гдѣ лежишь помѣстье *Рузавка* и поклонишься памяти и памятникамъ поэта и живописца. *Смрадъ лихоимства* и все что до него относится, нѣсколько темно; но вѣроятно идетъ тушь рѣчь объ аллегорической картинѣ, изобрѣщенной бариномъ, а исполненной слугою. Въ стихотвореніяхъ Г-на Спруйскаго много достается приказнымъ лихоимцамъ: эшо также дѣйствіе направленія, дан-

наго Сумароковымъ, который, съ патриотическою смѣлостью напиралъ на пороки и злоупотребленія своего времени. Сумароковъ имѣлъ въ Г-нѣ Струйскомъ горячаго поклонника и усерднаго заступника. Въ его книгѣ есть *Апология къ потомству отъ Николая Струйскаго или нагертаніе о свойствахъ нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравственныхъ его поугеніяхъ*: Апология писана въ опроверженіе спашы, напечатанной въ Петербургскомъ Вѣстникѣ, 1778 года, въ которой заключается нѣсколько предосудительныхъ, хотя и прочемъ и умренныхъ ошзвговъ о характерѣ Сумарокова. При Апологии находится и Письмо къ Митрополиту Платону, котораго сравниваетъ Авторъ съ Сократомъ; Митрополитъ, благодаря его за присылку сочиненія и за вниманіе, говоритъ ему между прочимъ: *»Что надлежитъ до выхваленій, мнѣ вами приписываемыхъ, не признаю, чтобы я то заслужилъ. Трудился я въ проповѣданіи истины Евангельской, которая столько превосходитъ Сократову, сколько небо землю. Все это побопытно въ отношеніи къ духу того времени; однимъ словомъ, въ старыхъ книгахъ нашихъ болѣе исторіи, чѣмъ въ новѣйшихъ: въ сихъ послѣднихъ болѣе Метафизики. Проза Г-на Струйскаго гораздо ишеиваше его поэзіи: она часто такъ кудрява, что я не взялся-бы давать исполкованіе каждой фразѣ; но между шѣмъ все можно понять, изъ многого, что онъ дорожилъ славою Сумарокова; какъ патриотъ и современникъ, съ жаромъ, если не всегда съ искусствомъ, вступался за него и наконецъ заслуживаетъ уваженіе наше, если оно не оудается единственно дарованію и успѣху. Много*

еще хотѣлось-бы мнѣ поговорить о моемъ неизвѣстномъ поэтѣ и право есть что сказать, хотя объ *Экпистолѣ къ нехранящимъ устава*, объ *Еротомѣдахъ*, о *Кашетѣ*, о *Наставленіи хотящимъ быти петииметрами*, и о разныхъ другихъ произведеніяхъ; но надобно-же знать честь: Аннибалъ насъ и такъ давно уже ждешъ. Дайте сказать еще слово и кончу. Мнѣ въ этой книгѣ очень понравилась недомолвка въ одномъ заглавіи. Слѣдующіе стихи:

Хорошъ и швой Милонъ!

Изволька песмошрѣть, ошѣсилъ онъ

Какой поклонъ!

названы не эпиграммою, какъ прочіе стихи шакого рода, а *Епиг.* Это застѣнчивое утѣченіе мило до крайности и совѣшую многимъ изъ нашихъ эпиграмматистовъ перенять его при случаѣ. И у нихъ эпиграммы часто безъ конца, какъ передомленные спирѣлы.

Опъ Г-на Струйскаго столѣтія прошедшаго, перейдемъ къ его соименнику нашего столѣтія. Только не бойшесь, любезные читатели; зная что нашъ вѣкъ гораздо быстрѣе на ходу, чѣмъ старый, пробѣгу съ вами наскоро новое произведение и самъ не засижусь съ *Аннибаломъ на развалинахъ Карѣагена*. Каково кажется вамъ это заглавіе? Вы, можете быть, скажете, что Аннибалъ не видавъ развалинъ Карѣагена, что эшотъ городъ подвергнулся роковому обрѣченію настойчиваго Катона уже въ дщрешью Пуническую войну, что Аннибалъ погибъ до нее, что слѣдовательно онъ не умеръ на развалинахъ Карѣагена, какъ умираешъ во второй разъ: прямо насильственнымъ смертію въ поэмѣ Г-на

Спруйского: все это такъ, по Непорин; но во первыхъ уже сказано: не всякому слуху вѣрь; во вторыхъ, въ этомъ заглавіи есть вымыселъ поэтический, а нашихъ поэтовъ именно и упрекають въ бѣдности вымысла. Поэты хотѣли поощрять своихъ, на зло поверицамъ, и преобразовалъ жребій Аннибала по своему. Драмашическая поэма раздѣлена на три отдѣленія: въ первомъ, Аннибалъ говоритъ самъ съ собою и поетъ съ сурругою своею Бериссою; во второмъ: разговоръ Сципіона съ Аннибаломъ похожъ въ нѣкоторомъ отношеніи на разговоръ Триссотина съ Вадіусомъ, начатый надригалами и конченный эпиграммами. Въ третьемъ, Аннибалъ увѣщаваетъ своихъ воиновъ идти на освобожденіе Каррагена, но войны опятъкиваются и пѣсь кончается, что *Аннибалъ выкидываетъ ядъ и послѣшно его выпиваетъ*. Въ числѣ многихъ рѣимъ, употребленныхъ поэтомъ произвольно, замѣчательна одна, также по вымыслу, рѣима на анаграмму: *Рима и мира*. На нашемъ языкѣ, бѣдцомъ рѣимами, можешь быть и эта попышка не лишняя.

Легко станется, что для многихъ читателей такой разборъ, какъ поэтъ, который здѣсь предлагается, покажется совершенно неумѣстнымъ, нескатаи поверхностнымъ, и однимъ словомъ, не довольно дѣльнымъ. И такъ въ угодность имъ вошь степенное сужденіе о Драмашической поэмѣ Г-на Д. Спруйского. Основаніе ея, какъ мы видѣли, несообразно съ истиною въ такомъ предметѣ, гдѣ поэтъ не позволено искажать событія до этой степени. Въ рѣчахъ Аннибала и Сципіона мы также не слышимъ знакомыхъ намъ героевъ древности, какъ не узнаемъ Аннибала въ развалинахъ Каррагена. Со всемъ тѣмъ, въ сѣнѣ

произведеніи рожьчатся нѣсколько хорошихъ и сильныхъ оцѣдливыхъ спиловъ, опьяняются нѣкопорый жаръ въ выраженіи, нѣкоторая твердость и движеніе въ суживодженіи. Однимъ словомъ, сдается что-то пошническое. Сбудется-ли въ другомъ твореніи это, слегка назначенное предчувствіе, или нѣтъ, неизвѣстно, но на всякій случай можно посоветовать Песту поступать съ Исторіею осторожно и почтительно, не заснавая героевъ перескапывать наемльшвенно шагъ : : *омъ великаго до смѣшнаго*. Къ чему описывать Автора избранный имъ эпиграфъ? догадаешься трудно. Если же своему гердю, по не одобвательно. Въ древности, бдствіе великаго мазовка не имѣло въ себѣ ничего смѣшнаго: смѣянне (*le ridicule*). есть горькій плодъ новѣйшей образованности. Въ паденіи Аннибала съ вершины славы нѣтъ ничего смѣшнаго, а много грознаго и поучительнаго.

Ас.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествіи для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ вновь предполагаемыя. Десятильшвій, почти непрерывный миръ, употребленъ въ пользу науки, онъ своими изысканіями замѣнили или заняли воображеніе многихъ, вдругъ лишенное пищи. Въ то время, когда у большей части народовъ величайшее число людей направлено во всемъ опраслять человеческихъ знаній: сца умствденную дѣятельность, се

духъ изысканій, кажетъся, знаменующій намъ въ къ праживающаго позывляема блугу челоукачства частны средствъ, предъ самъ употребляемыхъ ими на:звдичными войны. Успѣха Географіи и Мореплаванія, познаніе разныхъ частей земнаго шара, нами обиашаемаго, обратили на себя особенное икъ вниманіе, и потому, для тщательнаго разсмотрѣнія спранъ, еще не совершенно намъ извѣстныкъ и допстиженія, въ спранъ, вовсе намъ нешдомуа, дездъ предпріятыа были экспедиціи, имѣюща болле мау менше счасливыхъ послѣдствій. Надобно признауаься, что не смотря на ближайшіе къ намъ успѣхи свои, Географія была далеко не на одной сточкѣ съ болщею частью прочихъ знаній, и, казалось, попремяно, требовала дальнѣйшихъ пособій. Но она ежедавно обогачаеаься новыми, шодожительными открытіями; все заславляетъ предпологааь, что шкушевіа, со дездъ, стжоронъ направленныхъ къ стпальнымъ различнымъ пунктамъ, доставляаь намъ познаніе обомъ материковъ, шлоаь шочное, какого шолью можно надѣаься при челоукачскихъ средствъ.

Періодическія сочиненія, въ свое время, обобщали дубликъ извѣстія о пушешествіяхъ для отккрытій, предпріятыхъ въ послѣдніа годы; но, мы думаемъ сдѣлать шудное нашамъ читателамъ, предшаваая здѣсь полную, хотя и не въ болшомъ размѣрѣ, картину водвидовъ и успѣховъ, бывшихъ въ сихъ любопытныхъ пушешествіяхъ, конкъ начальники, вообще оцѣнились своею нешобходимую смѣлостію и преданностію, достойною величайшихъ похвааь.

Пушешествіями Капитана Кинга около береговъ Австраліи, съ 1818 до 1821 года, прибрѣтено,

о сей прямой жизни святаго Божья подробностей, нежели сколько могли получитьъ изъ съ самаго открытія оной. Совершенно невѣстная нашимъ древнимъ мореплавателямъ, Австралія въ продолженіе многихъ лѣтъ была посѣщаемъ очень мало. Путешествія Кука, Ванкузера, Флиндерса и нѣкоторыхъ другихъ, доставили намъ очень несовершенныя извѣстія о семъ обширномъ материкѣ, и только въ послѣдніе годы собрали мы о ней свѣдѣнія болѣе шельными. До извѣстій Капитана Кинга, берега сѣверные, сѣверо-западные и западные, ютъ залива Аргимова до сѣверо-западнаго мыса, были совершенно невѣстны. Желая обозрѣть и опредѣлить положеніе оныхъ и направленіе, Капитанъ Кингъ отправился изъ Портъ-Джаксона, Ванкушера, въ 84 тонны, *Сиренъ*, съ небольшимъ экипажемъ, состоявшимъ изъ девятинадцати челоуѣкъ. Г. Аманъ Кюннигъ, офицерный боцманъ и Г. Булгарекъ, владѣлецъ въ Портъ-Джаксонѣ, рѣшились участвовать въ сей экспедиціи, которая и отправилась къ югу, коснувшись *Дюуиного Залива* и прошла черезъ проливъ Бассъ, между Новою Голландією и землею Ванъ-Димена. Отсюда пошедши подлѣ берега, Капитанъ Кингъ останавливался на нѣсколько дней въ проливѣ Георгіи III-го, продолжалъ свое путешествіе на сѣверъ, до сѣверо-западнаго мыса, съ величайшимъ тщаніемъ опредѣляя извилины всѣхъ береговъ. Съ такимъ-же вниманіемъ обозрѣлъ онъ иѣли, еще сѣвернѣе находящіяся, названныя иѣлами Роуленъ, и острова Гоулбюрна, заливы Моунтъ-Норрисъ и Раффлесь, по сѣверному берегу. Онъ остановился въ портѣ Эсвингтонъ, между Новою Голландією и Явою игда сно-

шенія съ флотою Малайскихъ судовъ. Экипажъ выдержалъ во время одного изъ опдыховъ своихъ на сѣверномъ берегу нападеніе шолпы туземцовъ, разбойничьяго поколѣнія, столь опчаяннаго, что всякую минушу надобно было осперегаться ихъ покушеній и даже предать имъ въ жертву свои лодки. Послѣ разъѣздовъ, продолжавшихся семь мѣсяцовъ, уже въ Іюль, *Сирена* возвратилась въ Портъ-Джаксонъ, привезя изъ сего перваго плаванія многіе роды новыхъ растеній, сѣмена, нѣсколько замѣчательныхъ насѣкомыхъ и множество минералогическихъ образчиковъ.

Нѣсколько мѣсяцовъ употреблено для черченія картъ пройденныхъ странъ. Въ началѣ Декабря *Сирена* снова пустилась въ море и прибыла въ землю Димена, гдѣ городъ Гобартъ и портъ Макарии были особеннымъ предметомъ вниманія путешественниковъ. Они производили частыя сношенія съ туземцами и составили словарь ихъ языка, кажущійся, достойнаго обратить на себя вниманіе филологовъ. Почти два мѣсяца посвящены были симъ наблюденіямъ.

Въ Маѣ 1819, Капитанъ Кингъ предпринялъ шреше путешествие и былъ соупутуемъ бригаю *Леди Нельсонъ*, находившимся подъ начальствомъ Лейтенанта Окслея. Оба судна быстро обследовали восточный берегъ; но бригъ принужденъ былъ вооропшиться и *Сирена* одна продолжала изысканія, направляя свой путь къ сѣверу. Тушъ открыли заливъ, названный заливомъ Родда; посѣтили острова Перси и проливы и рукава, раздѣлявшіе ихъ; наконецъ пришли къ рѣкѣ Эндивоору, на сѣверо-восточной части швердой земли. Вѣроятно въ эшомъ мѣстѣ, за

сорокъ девять лѣтъ Капитанъ Кукъ выгрузилъ запасы, имѣя надобность исправить свой корабль. Капитанъ Кингъ тамъ-же вышелъ на берегъ съ своими людьми, но изъ осторожности зажегъ высокую траву, покрывавшую берегъ, дабы не дать средства туземцамъ сдѣлать нечаянное нападеніе и поступить съ нимъ также какъ съ его знаменитымъ предшественникомъ. Сіи дикари чрезвычайно недоверчивы; они носили щипы, черные, вырѣзанные наподобіе луны. Довольно маловажное обстоятельство, въ первый дець, могло произвести жестокую ссору между ними и экипажемъ. Въ другомъ случаѣ, по всегдашней своей привычкѣ, они покусились украсть нѣкоторыя вещи, принадлежащія морякамъ и, при сопротивленіи сихъ послѣднихъ, начали бросать въ нихъ свои дрошки, къ счастью не сдѣлавшіе никакого вреда. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на воздухъ, вскорѣ заставили дикихъ разсѣяться и дали время предупредить и избавить отъ ярости ихъ Г-на Кюннингама, находившагося тогда для сбора травъ и растеній въ лѣсу.

Одна лодка вошла въ рѣку Эндивоуръ, въ которой вода, на девять миль отъ устья, прѣсная и не глубокая. Окрестности, близъ моря, покрыты грубою травою и кустарникомъ, перемежаемымъ съ красными деревьями. Далѣе почва земли пологая и неплодная. Теченіе рѣки чрезвычайно излучисто.

Сирена продолжала идти близъ берега, отъ самаго устья Эндивоура до мыса Юрка, сѣверной оконечности Новой Голландіи, и прошла чрезъ великое число находящихся въ семь мѣстъ проливовъ и между множествомъ острововъ, подводныхъ кам-

ней и песчаныхъ мѣлей , болѣе или менѣе облитенныхъ. Наконецъ она прошла мимо сѣвернаго берега , въ противоположномъ прошивъ прошлогодняго направленіи. По небольшому числу рѣкъ , находящихся въ сихъ мѣстахъ , важнѣйшимъ открытіемъ сей части путешествія можно почестъ рѣку Ливерпуль. Проходя ночью мимо ея устья , экипажъ былъ вдругъ созванъ къ тревогѣ и готовъ взяться за оружіе , услыша страшные крики на берегу ; но скоро узнали , что это крикъ стада птицъ , которыхъ карканье такъ походитъ на человѣческой голось , что легко можно ошибиться. Рѣка Ливерпуль почти въ четыре мили ширины при устьѣ своемъ , въ подлиннѣ черезъ три лѣ выше , и такъ уменьшается постепенно въ сей пропорціи. Таковы почти всѣ рѣки въ Австраліи , и изъ сего можно заключить , что въ срединѣ ея нѣтъ горъ , служащихъ единственнымъ мѣстомъ , гдѣ образуются хранилища и истоки воды извѣстнаго объема.

Рыбы и земноводные многихъ родовъ , такъ сказать , кипящъ въ водахъ рѣки Ливерпуля ; однакожъ аллигаторы самые огромные не бывающъ тамъ болѣе какъ около двѣнадцати фушовъ въ длину и слѣдовательно не равняющъ съ обитающими въ рѣкѣ *Аллигаторовъ*. На землѣ видѣли много цапель и поугаевъ , хохлашыхъ , бѣлыхъ , и принуждены были защищаться отъ безчисленнаго множества мушкетеровъ , похожихъ на Американскихъ и столь же досадительныхъ. Въ Октябрѣ 1819 прошли мимо всего сѣвернаго берега , до мыса Лондондерри , составляющаго сѣверо-западную оконечность онаго. Приставали еще къ острову Савю , гдѣ владѣлецъ принялъ очень благосклонно Капитана Кинга и его

экипажъ; послѣ сего, *Сирена* возвратилась въ Портъ Джексона.

Прежде отправления въ путь въ 1820 году, при-
нуждены были налить корабль водою, для испре-
бленія мышей и корабельныхъ таракановъ, размно-
жившихся въ немъ. Но средство сіе не было дѣй-
ствительно противъ таракановъ, потому что яйца
ихъ не истребились и они не замедлили развестись
снова. Путешествіе сіе имѣло цѣлю обзорнаго въ-
кошорыхъ уже извѣстныхъ мѣстъ.

Капитанъ Кингъ занялся ближайшимъ наблюде-
ніемъ нравовъ и обычаевъ туземцовъ. Онъ узналъ
что они употребляютъ оружіе, довольно стран-
ное и болѣе опасное нежели какъ казалось-
бы по виду его. Это просто кусокъ крѣп-
каго дерева, согнутый тупымъ угломъ, имѣю-
щій отъ осьмнадцати до штринадцати дюймовъ
длины, при трехъ толщину. Бросая его съ руки и
всегда противъ вѣтра, ему сообщаютъ круговое дви-
женіе, чрезвычайно быстрое. Спрѣлки убиваютъ имъ
кангару и другихъ животныхъ очень ловко. Тушь-же
была ссора совсѣмъ неожиданная и за самое смѣш-
ное дѣло: экипажъ производилъ млочную мѣву съ
туземцами, и одинъ матросъ показалъ имъ небольшое
зеркальцо; они поглядѣлись въ него, другъ послѣ дру-
га, и сами себѣ показали такъ безобразны, что
разсердились на Англичанъ и въ отчаяніи броси-
лись на нихъ. Удобно было много терпѣнія и умѣ-
ренности, чтобы утишить обиженное самолюбіе ди-
карей и не довести дѣла до огнестрѣльнаго ору-
жія. Сѣи жили высоки и спонки; голова у нихъ квад-
ратная, волосы длинные, локонами.

Сирена не могла болѣе служить, и потому снарядили для новой экспедиціи *Дромадера*, судно во 170 тоннъ, названное *Батурстомъ*; Капитанъ Князь отправился на немъ въ Маѣ 1821 года, съ тридцатью двумя людьми экипажа. Для узнанія изъяснорыхъ мѣстъ восточнаго берега, онъ снова объѣхалъ его, и сверхъ того многіе острова, до шхъ поръ изслѣдованные очень не совершенно. На семь берегу ловили рыбу снапъ, необыкновенной толщины: именно, болѣе осьмнадцати фузовъ въ діаметръ, такъ, что одною рыбою, разрѣзанною въ куски, наполнялась бочка. Другой предметъ пріятно развлекъ мореплавателей въ ихъ трудахъ: они открыли близъ берега пещеру, достойную вниманія, состоящую изъ многихъ галлерей. Стѣны ея, изъ красной охры, были покрыты грубыми изображеніями, начерченными мѣломъ и представлявшими рыбъ, черепахъ, ящерицъ, кангару, собакъ, лодки, шквы и проч. Раковины черепахъ и другіе остатки, находившіеся въ разныхъ углубленіяхъ вокругъ, показывали, что дикіе часо избірали эту странно украшенную пещеру мѣстомъ своихъ празднествъ.

Обошедши сѣверный берегъ, мимо котораго снова прошли во всемъ его протяженіи, на сѣверо-западномъ берегу увидѣли рѣку *Принца Регента*, представившую взорамъ путешественниковъ предметъ, который можно почесть феноменомъ въ сей странѣ. Это превосходный водопадъ, составленный изъ многихъ послѣдовательныхъ паденій воды и почти сна пятидесяти фузовъ въ вышину.

Рѣка Принца Регенша, быстрая и опасная, въ десяти миляхъ отъ своего устья течетъ среди крутыхъ скалъ. Нѣсколько далѣе спруишея источникъ: ея свѣтлая и прозрачная вода удивительно разнилась отъ воды рѣчной, грязной и мутной, по тому что приливъ восходитъ даже до этого мѣста. Впрочемъ окрестная земля совершенно безплодна. На пятнадцать миль отъ моря и при первомъ паденіи воды, нашли аллигаторовъ, пятнадцать фушовъ въ длину, головлей, морскихъ свиней и родъ небольшихъ земноводныхъ, дюймовъ въ девять: они сплывали бѣли въ шхъ мѣстахъ, гдѣ вода не такъ глубока, въ тысячѣ направленіяхъ гонялись другъ за другомъ и, плавая съ величайшею быстротою, вдругъ исчезали, всѣ вмѣстѣ, будто дождебствомъ, закапываясь въ иль, какъ скоро къ нимъ приближались. Они скоро появлялись опять, но движенія ихъ были такъ быстры, что только послѣ множества покушеній удалось убить изъ нихъ двухъ или трехъ. Они углубляются въ шину посредствомъ крѣпкихъ плавательныхъ перьевъ, на землѣ служащихъ имъ вмѣсто ногъ.

Въ заливѣ Ганноверскомъ, гдѣ послѣ сего выходили на берегъ, хирургъ экспедиціи Г. Моншгомери былъ опасно раненъ копьемъ, которымъ ударилъ его одинъ туземецъ въ спину. Въ наказаніе за это оскорбленіе, на другой день сдѣлали наступавшее нападеніе на дикихъ. Одного изъ нихъ убили и взяли большую часть ихъ оружія и приборовъ.

Капитанъ Кингъ заходилъ къ Иль-де Франсу, гдѣ останавливался на нѣсколько дней и отправился къ юго-западному берегу Новой Голландіи. Въ

проливъ Георгія III-го экипажъ находилъ въ чашныхъ сношеніяхъ съ жителями страны, которые столь-же были крошки и обходительны, какъ всѣ до сихъ поръ видѣнные жестоки и недозвѣрчивы. Сии дикари питаются мясомъ морскихъ коровъ и ѣдятъ его сырое, самымъ отвратительнымъ образомъ. Они одѣваются въ кожи какагу, служація имъ также сѣдалищами и поспелями. Одинъ изъ нихъ, правда не безъ труда, согласился дать себя побрить и одѣть въ платье одного моряка. Они рисовываютъ свое тѣло охрою и жиромъ морскихъ коровъ; вмѣсто украшеній носятъ попугайчьи перья и небольшія раковины, изъ которыхъ дѣлаютъ родъ перевязи, нанизывая ихъ на высушенную кишку. Эта перевязь, обходя множество разъ вокругъ тѣла, служитъ имъ поясомъ. Кажется, они боясь моря: у нихъ нѣтъ ни одной лодки и ничего такого, что-бы показывало хотя малѣйшее понятіе о мореплаваніи. Толпа, состоявшая чловѣкъ изъ сорока, продала Англичанамъ почти всѣ свои оружія и приборы, отдавая каждую вещь за половину сухаря.

Напослѣдокъ изслѣдовали берегъ западный. Въ сихъ мѣстахъ путешественники много разъ замѣтили чрезвычайно удивительное дѣйствіе морскаго отраженія. Можно было сказать, что корабль находился среди пространства воды, окруженнаго скалами, деревьями и берегами, но зелеными, но безплодными. Эта естественная панорама слѣдовала за кораблемъ, ежеминутно перемѣняла видъ, и вдругъ, при измѣненіи температуры, исчезала какъ декорация въ оперѣ. Безъ сомнѣнія такому-то фе-

имену должно приписать назначеніе нѣкоторыхъ земель, существующихъ только на картахъ. Замѣтили какъ особенность, сполучающую обнародованія и замѣчанія, что близъ сего берега, на большей части острова, изъ коней иные въ весьма близкомъ отъ него разстояніи, произрашенія совсѣмъ не тѣ что на твердой землѣ.

Окончивъ свои морскія наблюденія, Капитанъ Кингъ возвратился въ Портъ-Джаксонъ, въ Апрель 1822, и скоро отправился въ Англію, гдѣ ожидало его уваженіе соотечественниковъ за труды и непоколебимость въ усиліяхъ. Вотъ, въ немногихъ словахъ, слѣдствіе его различныхъ плаваній.

Сѣверный и сѣверо-западный берега Австраліи совершенно описаны: они могутъ быть обходимы безъ малѣйшей опасности, на протяженіи тысячи пяти-сощи миль. Дознано, что приближеніе къ западному берегу затруднительно и имѣетъ только одну пристань: Заливъ акулъ. Въ странѣ сей находятся немного родовъ четвероногихъ, но множество родовъ птицъ. Ботаника тамошняя очень богата; привезено большое число растений, посаженныхъ въ Королевскомъ саду Кью, и травникъ, содержащій въ себѣ болѣе пяти сощи родовъ.

Именемъ Британскаго Правительства принято въ обладаніе, въ 1824 году, нѣсколько новыхъ пунктовъ въ Австраліи, между прочимъ въ землѣ Арнема, на мысѣ Ванъ-Димена и на островѣ Мельвилѣ, гдѣ основана колонія, обещающая великія выгоды. Сначала тамъ принуждены были много разъ имѣть схватки съ природными жителями, поколѣвіемъ буйныхъ и воинственныхъ дикарей. Колонія состояла

изъ ста двадцати шести человекъ , въ числѣ коихъ было только три женщины, и сорокъ пять изгнанниковъ. Почва и климатъ острова позволяютъ разводить тамъ всѣ произведенія Востока и особенно пряные корни. Удобная и надежная пристань находится въ самомъ выгодномъ мѣстѣ для торговли. Одинъ недостатокъ въ судоходныхъ рѣкахъ долго будетъ еще препятствовать образованію поселеній во внутренности Австраліи; но промышленность и искусства ежедневно дѣлають столь быстрые успѣхи, что и здѣсь можно надѣяться всего ошъ ихъ пособія.

Теперь Капитанъ Кингъ совершаетъ путешествіе въ другой странѣ, на двухъ военныхъ судахъ, превосходно устроенныхъ и снабженныхъ всеми инструментами, необходимыми для Физики и Астрономіи. Онъ проходитъ моря, находящіяся на полдень отъ Южной Америки. Къ этой экспедиціи подало поводъ путешествіе Капитана Ведделя, въ тѣхъ-же странахъ, который, съ двумя судами самаго малаго размѣра, не побоялся идти въ даль, по морямъ неизвѣстнымъ и презираеть всѣ опасности. Описаніе его любопытныхъ подвиговъ такъ извѣстно, что мы не считаемъ нашею обязанностью сообщать извлеченія изъ онаго. Тамъ съ удовольствіемъ видимъ надежду, что есть возможность достигнуть къ Антарктическому полюсу: въ этомъ Капитанъ Веддель основывается на столь-же точныхъ, какъ и справедливыхъ наблюденіяхъ.

Очень мало еще знаемъ мы о путешествіяхъ Капитана Оуэна, предпринятыхъ для изслѣдованія береговъ Африки и считаемыхъ въ числѣ любопыт-

длѣйшихъ путешествій, совершенныхъ въ наше время. Вошь легкое начертаніе его плаваній и подвиговъ, продолжавшихся четыре года, съ усердіемъ и дѣятельностью неутомимыми. Осправившись изъ Англіи, онъ заходилъ въ Лиссабонъ, къ островамъ: Мадеръ, Тенерифу, Канарскимъ, Зеленаго мыса, Троиць, въ Ріо-Жанейро и къ Мысу Доброй Надежды. Отсюда онъ пришелъ въ заливы Алгойскій, Делагойскій, посѣпилъ берега Святой Маріи Мадагаскарской, Мозамбикъ, и возвратился къ Мысу, зашедши въ другой разъ въ заливы Алгойскій и Делагойскій. Много замѣчательныхъ происшествій и нѣскольکو неприятныхъ случаевъ было въ продолженіе сего путешествія. Въ числѣ первыхъ можно упомянуть объ уступкѣ Королевства Темби, сдѣланной Англійскому Правительству Африканцами, прежде обладавшими сею страню. Во второе путешествіе, отправившись отъ Мыса, Капитанъ Оуэнъ посѣпилъ Алгою, Делагою, Киллимену, Инганбамъ, Софалу, Мозамбикъ, Бомбай, Маскапу, Аравійскій берегъ, Сокошору и весь берегъ Африки отъ 12° Сѣверной широты, до 18° Южной. Оттуда онъ снова пришелъ въ Деларю и наконецъ въ Иль-де-Франсу. Этошь длинный переходъ исполненъ множествомъ страныхъ происшествій. Древнія Королевства: Момбасъ и Мелинда, болѣе спа лѣтъ терявшіяся изъ виду, были узнаны Англійскимъ Капитаномъ, который именемъ своего Правительства снова принялъ ихъ во владѣніе.

Поедши отъ Иль-де-Франса, онъ изслѣдовалъ весь берегъ Мадагаскара, Юганну, Мозамбикъ, Момбасъ, Могадоксу, Зангвебаръ, западную часть остро-

ва Мадагаскара и наконецъ возвратился въ то же мѣсто, откуда вышелъ. Въ это путешествіе Англійское судно взяло въ плѣнь корабль съ неграми. Возвращаясь къ Мысу Доброй Надежды, Капитанъ Оуэнь заходилъ въ землю Наталь и успѣлъ достать полную исторію племени Кафровъ, тамъ обитающихъ. Каждый пунктъ, гдѣ останавливалась экспедиція въ продолженіе пути столь-же продолжительнаго какъ и разнообразнаго, былъ предметомъ любопытныхъ наблюденій или мѣстомъ необыкновенныхъ происшествій, придающихъ живую занимательность описанію сего путешествія, появленія котораго ожидаютъ нетерпѣливо. Послѣ сего Капитанъ Оуэнь прошелъ мимо всего берега Западной Африки.

Вотъ нѣсколько подробностей, которыя дадутъ понятіе о происшествіяхъ и обстоятельствахъ, сопровождающихъ путешествія сего рода. Нѣсколько человекъ экипажа были посланы на одной большой Киллименской лодкѣ обозрѣть теченіе рѣки Замбези. Эта небольшая экспедиція, подъ начальствомъ Лейтенанта Броуна, состояла изъ Гг. Форбеса, натуралиста, Киркъ - Патрика, лекаря, двухъ служивелей и нѣсколькихъ гребцовъ. Они отправились на разсвѣтѣ и при захожденіи солнца остановились въ Чингоалла, небольшомъ городѣ, принадлежащемъ Правителю Киллимены. На другой день перешли Архипелагъ небольшихъ острововъ, и вечеромъ прибыли въ Бокко-де Рио, большой городъ, управляемый человекомъ, по имени Моккамбужіо, Кафрскимъ повелителемъ, довольно свободно говорив-

шимъ по-Португальски. Въ этомъ мѣстѣ песчаная отмѣль, простиравшаяся на много миль, занимала русло рѣки такъ, что не лзя было плыть, почему и принуждены взять съ лодки все необходимое для дороги. Экспедиція оставалась чепыре дни въ Боккаде Ріо и продолжала путь въ паланкинахъ, копорые съ поклажею и путешественниками несены были туземцами. Въ два часа прибыли къ жилищу Манголы, другаго Кафрскаго начальника, и у него ночевали. Назавтра остановились у одного Мулашра; въ слѣдующій день у Креола, оказавшаго путешественникамъ самое нѣжное вниманіе. Нездоровье Г-на Форбеса заставило ихъ остановиться въ семь мѣспѣ на двѣ недѣли. Послѣ сего они помѣстпились въ чепыре небольшія лодки и прибыли въ Кипангу, родъ фермы на берегахъ рѣки. Маріоно находится при слияніи Киллимены и Люцилліса. Отсюда, цѣпъ небольшихъ острововъ и песчаныхъ отмѣлей пересѣкаетъ русло первой изъ сихъ двухъ рѣкъ и образуетъ изъ нея два рукава, изъ коихъ одинъ очень глубокъ до Кипанги, гдѣ сія цѣпъ соединяется съ берегомъ. Въ этомъ мѣстѣ путешественники замѣтили отмѣль рѣчную, обитаемую множествомъ гиппопотамовъ. Львы, тигры и всѣ дикіе звѣри Африки водятся во множествѣ въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Почва представляетъ, такъ сказать, одинъ необозримый лѣсъ красныхъ деревъ. Маисъ, бобы и горохъ, произрастаютъ здѣсь во множествѣ; волю и особенно овцы, чрезвычайно рѣдки. Жипели почти исключительно питаются зеленью и не знаютъ инаго мяса, кромѣ дичины и кабановъ. Софала на восемь дней ходьбы отъ сего мѣста.

Продолжая идти вверхъ по рѣкѣ, экспедиція, черезъ два дни по отбытіи изъ Кипанги, перешла удивительно дикое мѣстоположеніе, гдѣ не замѣтила ничего кромѣ безчисленнаго множества гиппопотамовъ. Тотчасъ послѣ этого она перебралась черезъ страну покрытую густымъ лѣсомъ. Правый берегъ Киллимены обитаемъ поколѣніями дикими и независимыми, презирающими поколѣнія противнаго берега, покорившіяся Португальцамъ.

Въ это время умеръ Г-нъ Форбесъ; тѣло его отослано было въ Сенну, для погребенія. Сопутники умершаго, продолжая свое путешествіе, скоро должны были проходить чрезъ мѣста совершенно пустынные и долины болопистыя, или и совершенно покрытыя водою. Гг. Броунъ и Киркъ-Паприкъ, съ двумя служителями неграми, прожили мѣсяць въ Сеннѣ, занимаясь охотою или съемкою видовъ страны. Но Г-нъ Броунъ скоро сталъ жертвою сего нездороваго климата, и другъ его, послѣдній живой Европеецъ въ экспедиціи, не замедлилъ подвергнуться той-же участи.

Вотъ другой эпизодъ изъ того-же путешествія, кончившійся не менѣе горестнымъ образомъ. Въ то время какъ изслѣдывали берегъ Мадагаскара, два офицера, Бави и Парсонсъ, были посланы на лодкѣ для обозрѣнія небольшого острова. Исполнивъ порученное имъ дѣло, они позволили матросамъ отдалиться для сбора раковинъ и сами остались беречь лодку. Выходя на берегъ, они не замѣтили ни одного жителя, но вскорѣ увидѣли, что къ

нимъ приближается человекъ, съ двумя копьями. Ему позволили взять заряженное ружье, которымъ онъ дѣйствовалъ очень ловко. Удаляясь, матросы оставили его подлѣ лодки, но возвратившись черезъ полчаса, были равно изумлены и устрашены, не видя двухъ офицеровъ. Ихъ обонхъ зарѣзали. Тѣло Г-на Парсонса найдено въ водѣ, шузахъ въ двадцати отъ берега, а тѣло Г-на Бави въ самой лодкѣ, покрытое кровью. Ружья, само собой разумеется, не нашли.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.

ЧАСТЬ XVII.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

II. СМѢСЬ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:

Ц в ѣ т ы ;

выбранные изъ Греческой Анеалогии ().*

(Другіе отрывки сего перевода отборныхъ Греческихъ надписей, съ подлинника, были напечатаны въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и *Полярной Звѣздѣ* 1825 года.)

П у т ь д о б р ы х ъ .

(И г и с и п ѣ .)

Правой стезей отъ костра, вѣщающъ намъ, Ерміи
крылатый .

Души шворившихъ добро внизъ къ Радаманеу ве-
дешь .

Онымъ блаженнымъ путемъ Аристоной, сынъ Хере-
страпа ,

Плачу не внемля родныхъ ; въ домъ Айдоней со-
шель .

(*) Издашеть Телеграфъ приносить свою чувствительную благодарность, какъ за доставленіе прекраснаго перевода съ драгоценнаго памятника Греческой Поэзіи, такъ и за вниманіе просвѣщеннаго Переводчика къ Московскому Телеграфу. Ободрительное вниманіе людей, достойныхъ общаго уваженія по ихъ дарованіямъ и характеру, лучшая награда журналиста и лучшее утѣшеніе его въ трудахъ и непрямлостяхъ ; сопряженныхъ съ его званіемъ.

Голосъ изъ гроба младенца.

(Македоній Ипатъ.)

Вась я привѣшшвую, Машерь Земля и Машерь Иліеа!

Жизнь мнѣ одною дана; въ нѣдрахъ почію другой.

Крашкій я пушь совершилъ; но ошкуда на оный по-
ставлень,

Кшо былъ въ міръ и чей? вы не повѣдали мнѣ.

Гробъ юноши.

(Невзвѣстный.)

Сынъ погребень здѣсь ошпомъ: не юношѣ-ль плакать
на гробъСпарца! Природы уславъ Рокомъ жестокииъ за-
бышь.*Гробъ Тимона.*

(Тимонъ мизантропъ.)

Здѣсь я распоргнулъ оковы души, ошягченной пе-
чалью.

Злые, не знайте кшо я, и смертію гибните злою!

*(И г и с и ц ѣ.)*Ошпрые колья и шерніе гробъ окружають: и ногу,
Пушникъ, швою повредяшь, если къ нему подой-
дешъ.Тимонъ лежишь здѣсь, людей ненавистникъ. Прочь
ошъ могилы!Съ бранью, какъ хочешь, спушай; шолько скорый
проходи!

Фокіоновъ Кенотафъ.

(Фалекъ.)

Чуждыхъ береговъ достигая, Фокіонъ смерть обрѣлъ
внезапно :

Корабль его не снесъ стремленья черныхъ волнь;
Плавашель, съ ними борясь, погибъ въ пучинѣ Эгей-
ской

И вихремъ пополенъ, крупящимъ Поншъ до дна.
Гробъ сей, ему въ опчизнѣ воздвигнушый, пустьъ ;
но мать Проміеа,

Какъ птица скорбная, лишенная птенцовъ,
Каждое упрю печаль изливаетъ надъ онымъ въ сше-
наньи,

И сына шѣнь изъ мглы безвременной зовешъ.

Гробъ погибшаго въ кораблекрушеніи.

(Плашонъ философъ.)

Прахъ погребенъ здѣсь пловца; напрошивъ, орашая
пепель :

Морю и сушѣ равно близко въ подземный Андъ.

Ограбленный трупъ.

(Плашонъ философъ.)

Тыо ты видишь пловца : примчавъ бездыханнаго къ
берегу,

Море оставило мнѣ, сжалясь, послѣдній покровъ.
Хищникъ погибшаго шрупъ обнажилъ безбоязненной
дланью :

Малый прибышокъ ему былъ свяшопашства цѣной!

Пусть-же докровомъ моимъ онъ будетъ одѣянъ въ
 Аидъ;
 Съ нимъ да предстанеть на судъ грозному пѣней
 Царю!

Награжденное состраданіе.

(К а р ф и л и д ъ.)

Хипроизвиту ю уду рыба къ закинувши въ море,
 Вышянулъ черепъ пловца, весь обнаженный волосъ.
 Жалость въ душѣ ощушилъ: мертвецу, лишенному
 тѣла,
 Вырылъ безъ заступа гробъ, памятникъ бѣднѣй
 воздвигъ. . . .
 Роя могилу, нашель онъ скрытое злато. О смертный!
 Будь милосердъ — и всегда примешь достойную мзду!

Немеса рядомъ съ Надеждою.

(Н е и з в ѣ с т н ы й.)

Евной воздвигнулъ здѣсь ликъ Надежды съ Немесой
 рядомъ.
 Что знаменуютъ? . . . »Желай! . . . « »Скромень въ
 желаніяхъ будь!»

Дриношеніе Фиву.

(М н а с а л к ъ.)

Лукъ искривленный съ колчаномъ въ швоемъ свящи-
 лищѣ, Діліи,
 Тимархъ привѣсилъ къ столбу, жертвуя ими шебѣ.
 Спрѣлъ не принесъ онъ пернатыхъ: на полѣ крова-
 выя битвы
 Въ шрупахъ ошалайс враговъ — грозны Арея дары!

Отсроченная казнь.

(П а л л а д ъ.)

Вешхую спѣну епорой избравъ, повѣшвуютъ, убійца
 Сву предавался; но вдругъ. Сѣраписъ взорамъ
 предсталъ,

Гибель ему прорицая: «О шь, здѣсь лежащій небрежно,
 »Встань, для покоя спѣши лучшаго мѣста ищай!»
 Въ ужасъ оный ошпрянулъ. И вслѣдъ за бѣгущимъ,
 мгновенно

Вешхое зданье валясь, долу обрушилось все.

Радосѣно жершву богамъ спасенный приноситъ за
 благость,

Мня, что на гнусныхъ убійцѣ онымъ вриятно
 взирать!

Сѣраписъ снова ему въ ночномъ явился видѣннй,
 Грозно вѣщая: «Тебѣ-ль благости ждашь ошъ бо-
 готъ!

Нынѣ шь мною спасенъ; но смерти избѣгнулъ без-
 бѣдной:

»Скоро позорную жизнь кончишь, злодѣй, на
 крестѣ!»

Спартанскій борецъ.

(Д а м а г и ш ъ.)

Я не Мессенскій борецъ; не въ Аргосѣ древнемъ
 родился;

Спарта ошчина моя, Спарта, подвижниковъ машь.

Пусть за искусство вѣнчаютъ другихъ: но я (какъ
 прилично

Лакедемона сынамъ) въ силѣ побѣды ишу.

Залцб, морскилб псомб гонилый.

(Германикъ Кезарь.)

Псомъ я исторгнушь изъ челюсти пса. На сушѣ и
 въ морѣ
 Нѣтъ спасенья: враги злою намъ смертью грозятъ.
 Гдѣ укрываться отъ нихъ? уже-ли въ горнемъ вѣтрѣ?
 Ахъ, и на тверди небесъ встрѣшимъ мы звѣз-
 данаго пса!

Еротб пастухолб.

(Миринъ.)

Тирсисъ, пріавшій отъ Нимфъ храненье на пажити
 спада,
 Тирсисъ, кто съ Паномъ-бы могъ въ бой на сви-
 рѣли вступишь,
 Въ полдень заснулъ, осягченный виномъ, подъ сос-
 ной тѣнистой:
 Смотришь за стадомъ Ерошь, посохъ въ ру-
 ченку схвативъ.
 Нимфы, о Нимфы, будише скорый пастуха -
 звѣроловца!
 Хищнымъ въ добычу волкамъ преданъ малюшка
 Ерошь.

Киприда на поморіи.

(Анипа.)

Роца Кипридина здѣсь. Надъ моремъ взнесенна богиня
 Съ берега привѣтно глядитъ въ зеркало свѣтлое
 водъ;

Даруешь пупъ благоспѣшный пловцамъ. И Поншъ
 предъ кумиромъ
 Съ робостью волны смирилъ, горней дивясь кра-
 сошъ.

Къ истукану Афродиты въ Книдѣ.

(Неизвѣстный.)

Въ Книдійскихъ рощахъ узрѣвъ Киприда Киприду,
 вскричала :
 »Боги! гдѣ могъ Праксипелъ видѣшь нагую меня!»

Могущество Ероta.

(Палладъ.)

Нѣтъ на Еропѣ покрова; ни лукъ, ни горящія стрѣлы
 Нѣжныхъ рамень не шягчашъ; взоры улыбка живишь.
 Ликъ сей не щещно предшавлень съ цвѣткомъ въ
 рукъ и дельфиномъ :
 Суши державу и водъ оный являешъ символъ.

Фидіевъ Зевсѣ.

(Филиппъ Фессалоникскій.)

Зевсъ-ли на землю сошелъ, и тебѣ явилъ свой
 безсмертный
 Образъ ? или ты самъ видѣлъ его въ небесахъ ?

Къ Мироновѣй кравѣ.

(Неизвѣстный.)

Далѣ спадо держи, о пастухъ ! да Мiрона краву,
 Вмѣстѣ съ своими смѣшавъ, въ поле не стонишь
 ошселя.

(Леонидъ Таренскій.)

Міронъ не создалъ меня: изъ среды пасомага спада
Съ поля похипивши, здѣсь къ камню навѣкъ
приковаль.

(Аншипагръ Сидонскій.)

Прочь отъ меня, шелець! не мычи у подножья на-
прасно:
Дивный ваятель млека въ мѣдны сосцы не вложилъ.

(Димитрій Виѣнскій.)

Міронъ къ подножью мешалъ прикрѣпидъ. Но па-
стыри часпо
Камнями мечущъ въ меня, думая къ спаду при-
гнашь.

Коза; кормящая волка.

(Неизвѣстный.)

Хищнаго волка невольно кормлю своими сосцами;
Тщетно прошивлюсь: меня нудишь безумный па-
спухъ.
Мною воспитанный звѣрь врагомъ жесточайшимъ
мнѣ будеть.
Сердца, рожденнаго злымъ, благоспѣ не можешь
смягчить!

В р е м я,

истукаѣ Лисипковѣ.

(Посидиппъ.)

Гдѣ изваявшій тебѣ рѣденье? — »Въ Сикіонѣ.« —
Какъ имя? — »Лисиппъ.« —

Кто ты, испукань? — »Время, владыка всего.« —
 Что ты на перстахъ идешь? — »Бѣгомъ я свой
 путь совершаю.« —

Крылья за чѣмъ на ногахъ? — »Быстрыйъ явля-
 ютъ мой бѣгъ.« —

Спаль изощренную вижу въ рукъ. . . — »Она зна-
 менуетъ:

»Время, какъ острая спаль, губишь земные
 цвѣты.« —

Вьюшь зачѣмъ власы на лицо? — »Пусть, встрѣ-
 шась со мною,

»Ловящъ скорѣе за нихъ.« — Чшо-же нѣтъ сзади
 власовъ? —

»Смертный! не медля лови, пока я мчусь предъ
 шобою:

»Послѣ не можешь меня, сколь ни желай, воз-
 вратишь.« —

Мудрый художникъ шебя почто изваялъ? — »О
 прохожій!

»Вамъ въ поученье: и съ шѣмъ ликъ мой предъ
 храмомъ воздвигъ.«

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Голосъ изъ гроба младенца. — *Илмеа, Или-оія*, богиня присутствовавшая при родахъ: Римляне называли ее *Луциною*.

Гробъ Тимона. Для совершеннаго разумнiя сихъ двухъ надписей нужно прочиташь оспроумный разговоръ *Лукиановъ*: *Тимонъ мизантропъ*. Тамъ описаны жизнь и болѣзнь сего славнаго человѣконенавистника.

Фокіоновъ Кенотафъ. Здѣсь 1-й и 5-й стихи двойные: въ каждомъ прибавлены три хорая къ строкъ дактилической четырехстопной; 3-й и 7-й обыкновенные ексаметры; а прочіе — шестистопные ямбы, иногда замѣняющіе пеншаметры въ древнихъ надписяхъ.

Немеса рядомъ съ Надеждою. *Нѣмеса* или *Немесиды*, богиня мѣры и обузданія (по выраженію Гердера), не мститъ смертнымъ, не преслѣдуетъ и не мучитъ ихъ, подобно Асти и Евменидамъ. Она предупреждаетъ неправду и гонитъ прочь зависть: не терпитъ излишества и высокомерія, и гдѣ примѣшилъ ихъ, шамъ обращаетъ мгновенно колесо счастья.

Отсроченная казнь. *Сараписъ* или *Сераписъ*, богъ древнихъ Египтянъ. Нравоученіе, содержащееся въ сей надписи, прекрасно выражено Гроціемъ въ Латинскомъ двусициіи:

Non est ista salus, facili quod morte negatum
Defungi: crux est poena parata tibi.

Спартанскій борець. Аргивяне славились въ борьбѣ искусствомъ; напрошивъ шого Спартанцы пренебрегали онымъ. См. *Плутарха II.* 233: «Лакедемоняне не даютъ борцамъ учителей (гимнастовъ), дабы возбудишь соревнованіе не въ искусствѣ, а въ добродѣтели.»

Еротъ пастухомъ. Вѣроятно какая нибудь картина подала стихошворцу первую мысль къ сей надписи. Прекрасную часть Греческой Анеологии (говоришь Гердеръ) составляютъ надписи къ разнымъ произведеніямъ Изящныхъ Искусствъ: и сіи отрывки столь выразительны, что въ нихъ часто Поэтъ по видимому состязается съ Художникомъ. Но состязанія нѣтъ: первый слѣдуетъ за вторымъ, остроумно описывая его твореніе, или изъясняя по чувству, которое въ зрителѣ хотѣлъ возбудишь Художникъ.

Киприда на поморіи. Афродита, рожденная изъ морскихъ волнъ, покровительствовала мореходцовъ. Посему-то Горацій (1, Ода III) молишь ее о сохраненіи корабля *Виргиліева*, а Парисъ хвалится ея помощію въ любви и въ плаваніи (*Овидій*, *Ироида*. XVI. 20). — ст. 4. Tibi rident aequora ponti, говоришь *Лукрецій*, I. 8.

Время, иступанъ Лисипловъ. Древніе часто упоминають о семъ изваяніи, представлявшемъ *Время* или *Слугай*. Подробное описаніе онаго находимъ въ *Каллистратѣ*, гл. VI.

Заколдованный домъ.

Повѣсть, взятая изъ рукописей Доктора Дидриха ванъ-Нейккербоккера (*).

Недалеко отъ стариннаго городка Мангапшое, еще за немного лѣтъ, былъ старыи домъ, въ ребячествѣ моемъ извѣстный въ сосѣдствѣ подъ именемъ *Заколдованнаго дома*. Это былъ одинъ изъ весьма немногихъ остатковъ зодчества старинныхъ Голландскихъ поселенцовъ и видно въ старое время, былъ это домъ зданіе значительное. Онъ состоялъ изъ главнаго корпуса и двухъ флигелей, у которыхъ края кровель были сдѣланы лѣсенкой. Все построено было, частію изъ дерева, частію изъ Голландскихъ кирпичиковъ, ко-

(*) Сочиненіе Ирвинга Вашингтона. Имя Никкербоккера выдуманно: подъ симъ именемъ рассказываетъ Ирвингъ преданія. Американскія, были и небылицы. Докторъ Никкербоккеръ является у него въ Sketch book, гдѣ передаетъ читателямъ, въ *Похожденіяхъ Риль-фанъ-Винкля*, остроумное изображеніе прежняго и нынѣшняго состоянія Соединенныхъ Штатовъ. The haunted house, другую повѣсть Никкербоккера, которая кажется намъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ сочиненій Ирвинга, мы теперь сообщаемъ читателямъ нашимъ. Она помѣщена Ирвингомъ въ Bracebridge hall, продолженіи Sketch book. Въ послѣдствіи надѣемся познакомить читателей съ *Исторіею Нью-Йорка*, выданною Ирвингомъ также подъ именемъ Никкербоккера, и въ которой талантъ Автора развивается въ полномъ блескѣ. F.

порые приваживали съ собою почтенные переселенцы изъ Голландіи, пока открыли ни пшайму, что и въ другихъ мѣстахъ можно дѣлать кирпичи. Далекое отъ дороги; юзреди широкаго поля, стоялъ заколочанный домъ; аллея изъ старыхъ акацій вела къ нему; нѣкопорыя изъ деревьевъ оной были поражены молніею и два или три дерева сломлены вѣтромъ. Нѣсколько облоней разсыянно росли по полю; еще видны были слѣды, что шупъ когда-то накодился огородъ; но забора уже не было, огородныя распенія исчезли, или росли задичавшія, и болѣе было дурныхъ, нежели полезныхъ травъ. Тамъ и здѣсь росли еще кусты розъ, также одичавшихъ, и подсолнечники пробивались между перновникомъ, печально повѣсивъ свои головки, какъ будто горюя объ окружавшемъ ихъ опустошеніи. Часпъ крышки спараго дома упала, окошки были разбины, двери выломаны, заколочены досками, и два ржавые флюгера, на концахъ дома, производили страшный скрыпъ, повершываясь кругомъ, хопя всегда показывали невѣрно. Наружность всего мѣста была печальна, уныла и въ хорошее время; но въ ненастную погоду, свиспъ вѣпра вокругъ лепхаго, спараго спроенія, скрыпъ флюгеровъ, хлопанье и спуканье немногихъ уцѣлвшихъ оконничныхъ спавней, все это казалось шакъ дико и производило такое дѣйствіе, что сосѣдніе жипели всегда съ тре-

пешкомъ называли старый домъ собирающимъ привидѣній. Я хорошо помню эту старую хоромину, и не забылъ еще, какъ много разъ, веселый, беззаботный шалунъ, я бродилъ вокругъ ихъ, съ нѣсколькими школьными шоварицами, въ воскресные дни послѣ обѣда, когда мы отправлялись на добычу въ запустѣлый огорождъ. Тамъ росло одно дерево, подлѣ самого дома, съ прекрасными, вкусными плодами; но это было заколдованное мѣсто, и мы сколько слышали о немъ страшныхъ разсказовъ, что боялись и приближаться туда. Иногда, осмѣливавшись мы, подходили ближе къ Гесперидской нашей яблони, уставивъ глаза на домъ и бросая робкіе взгляды на разбитыя его окна; но только что были мы готовы награждать себя за отвагу, восклицаніе кого нибудь изъ нашей гурьбы, или нечаянный шумъ, приводили насъ въ ужасъ: мы опроремешью бѣжали прочь и считали себя безопасными только тогда, когда выбѣгали на дорогу. Тутъ разсказывали мы другъ другу множество страшныхъ подробностей о нелѣпныхъ крикахъ и шонахъ, нами слышанныхъ, или какой-то безобразной рождь, нечаянно выглянувшей на насъ въ окошко стараго дома. Мало помалу перестали мы ходить въ уединенное это мѣсто, и только, осмѣлюсь опть него подалѣе, бросали на крышку дома камешки: какое-то ужасующее удовольствіе чувствовали мы, слы-

ша сплужь камешковъ, падавшіи на кровлю, или разбивавшихъ иногда ошашки звонкихъ спеколь въ окошкѣхъ.

Преданіе объ основаніи этого дома было потеряно во мракъ, покрывающемъ первые періоды исторіи Мангапшойской области, подъ властію Ихъ Высокомочій Генеральныхъ Штаповъ. Иные говорили, что это былъ деревенскій домъ Вильгельма Кефта, болѣе извѣснаго подъ именемъ *судака*, одного изъ Голландскихъ Губернаторовъ Новаго Амстердама; другіе рассказывали, что домъ построень былъ морскимъ капитаномъ, который служилъ съ Фанъ - Тромпомъ, и обойденный чиномъ, оставилъ службу съ досады, сдѣлался философомъ по неволѣ и перенесъ все свои богатства въ Мангапшое, такъ, что могъ жить здѣсь, какъ хотѣлъ и смѣяться надъ цѣлымъ свѣтомъ. Причины запустѣнія дома были также испочникомъ споровъ. Одни говорили, будто онъ принадлежалъ правительству и потому брошенъ, что поправка его стоила болѣе того, что приносила онъ пользы; но болѣе общій, и слѣдовательно, болѣе достоверный разсказъ былъ тотъ, что домъ посѣщали привидѣнія и люди спокойно не могли жить въ немъ. Тѣмъ несомнительнѣе было это, что множество разсказовъ подтверждали общее мнѣніе: всякая старушка въ сосѣдствѣ могла рассказать ихъ, по крайней мѣрѣ, десятка два. Былъ еще одинъ слѣ-

дой Негра, жившій неподалеку отъ Заколованнаго дома, и онъ могъ насказать о немъ цѣлую книгу исторій, изъ коихъ большая часть случилась съ нимъ самимъ. Помню, что я и школьные товарищи мои много разъ оспаивали его и просили рассказать намъ чтонибудь. Старикъ жилъ въ хижинѣ, на небольшомъ клочкѣ земли, засаженной картофелемъ и Индійскимъ пшеномъ: все это подарилъ ему при опускѣ на волю бывшій господинъ его. Онъ подходилъ бывало къ намъ, съ заспупомъ въ рукахъ, когда мы усаживались, какъ спая ласпочекъ, на оспашкахъ палисадника, и въ шихомъ сумракѣ лѣшняго вечера рассказывалъ намъ такіа спрашныя исторіи и такъ спрашно ворочалъ припомъбывками своихъ глазъ, что мы ужасались даже шороха нашихъ шаговъ, когда возвращались послѣ того домой въ шемношъ.

Бѣдный старшій Помни! Много уже лѣтъ прошло, какъ онъ умеръ и отправился въ общесиво привидѣній, о коныхъ такъ любилъ рассказывать. Его схоронили въ уголокъ его собственнаго небольшого поля; плугъ часто проходилъ послѣ того по его могилѣ, уравниалъ ее съ оспальнымъ полемъ: и никто не думаетъ уже болѣе о старомъ Негрѣ. Нечаянно бродилъ я въ сосѣдствѣ его жилища, много лѣтъ спустя, когда былъ уже взрослымъ человекомъ, и набрелъ на шолпу кумушекъ, разсуждающихъ надъ черепомъ, кошорый желззо плуга

вырыло изъ земли. Онъ утвердили наконецъ, что это была черепъ человека, когда-то шутъ убиваго, и рассказывая о немъ, вспомнили кой-какія преданія о Заколдованномъ домѣ. Я узналъ черепъ бѣднаго Помпи, но почелъ за лучшее молчать, уважая наслажденіе людей, рассказывающихъ и слушающихъ повѣсти о мершвецахъ и привидѣніяхъ; послѣ схоронилъ я снова кости моего стараго друга, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ не попревожишь рука человека. Когда сидѣлъ я на правѣ и смотрѣлъ на это погребеніе, продолжительный разговоръ завязался у меня съ однимъ старымъ сосѣднимъ дворяниномъ, Джономъ Юсією Фан-дер-Мееромъ, веселымъ говорунимъ, всю жизнь свою посвятившимъ на слушанье и рассказыванье новостей своей обласпи. Онъ вспомнилъ стараго Помпи и его рассказы о Заколдованномъ домѣ; но увѣрялъ, что можешь рассказать мнѣ исторію, страннѣе всѣхъ шѣхъ, какія Помпи бывало рассказывалъ. Видя нестерпимое любопытство мое слушать его, онъ сѣлъ подлѣ меня на праву и рассказалъ мнѣ слѣдующую повѣсть. Постарался-бы я передать вамъ ее, сколько возможно, даже собственными его словами; но потому уже прошло много лѣтъ, старъ я сталъ и память моя сдѣлалась плоха. Но если не могу ручаться за слова, по крайней мѣрѣ, точно и вѣрно передамъ вамъ самыя обещательствва.

Въ старыя времена, въ области Нью-Йоркской, когда еще спрдала она подъ тиранскою властью Англійскаго Губернатора Лорда Корнбюри, простиравшаго жеспокоспъ свою къ Голландскимъ переселенцамъ сей области до того, что безъ особеннаго позволенія губернаторскаго не дозволялось ихъ *Доминусалъ*, или школьнымъ учителямъ, молишься на своемъ родномъ языкъ, въ тѣ времена, въ красивомъ и еще несфаромъ городкѣ Мангапшое, жила почпенная спарушка, извъспная подъ именемъ Госпожи Гейлигеръ. Она оспалась вдовою послѣ Голландскаго моряка, неожиданно умершаго отъ лихорадки, приставшей къ нему въ то время, когда онъ хорошо поработалъ и потомъ еще лучше покушалъ, при всеобщемъ смятеніи Мангапшойскихъ обитателей, въ спрахъ бросившихся укрѣплять свой городокъ отъ нападенія небольшого Французскаго корсара. Это было въ 1705 г. — Мужъ оставилъ ей немного денегъ и сына, одно дитя, пережившее всѣхъ другихъ. Добрай женщиной была надобна большая бережливость, чтобы сводить концы съ концами и сохранять припомъ приличную наружность. Впрочемъ, такъ какъ супругъ ея палъ жертвою ревности своей ко благу общему, то всѣми единогласно признано было, что *вдовѣ надобно дать что нибудь*, и въ надеждѣ на это *что нибудь*, она кое-какъ прожила много лѣтъ. Всѣ о ней жалѣли, всѣ говори-

ли много добраго, а это и помогало ей надѣяться.

Она жила въ маленькомъ домикѣ, на маленькой улицѣ, называемой *Садовою*, вѣроятно потому, что шунь когда-то былъ садъ. Между шунь нужды ея всякій годъ спановились больше, а голосъ публики: *дайте что нибудь вдовѣ,* спановился годъ отъ году тише, и она принуждена была наконецъ сама дѣлать что нибудь для себя и пособлять себѣ какими нибудь средствами поддерживать свою независимость, весьма угрожаемую нуждами.

Живучи въ торговомъ городѣ, она знала немного духа промышленности и рѣшилась пускать свои небольшія денжки въ большую лопшерею торговли. Вдругъ иногда, къ великому удивленію всей улицы, являлось передъ ея окошками множество разбитыхъ спаканчиковъ, нѣкоторые съ сахарными лепешками, другіе съ пряничными сухариками; иногда-же и еще болѣе, разныхъ сортовъ пироги, и ячменныя сахарники, и Голландскія куклы, и деревянныя лошадки, съ памъ и смя раскладенными книжечками; отъ времени до времени являлись у нее мотки нитокъ или нѣсколько фунтовъ свѣчь. У дверей дома сидѣлъ кошъ доброй спарушки, скромное, важное животное; казалось, онъ мѣрля шагъ каждаго проходящаго и крипиковаль его походку. Отъ времени до времени, выпягиваль онъ свою шею и гла-

дѣлъ съ внезапнымъ любопытствомъ, желая видѣть, что дѣлается на другой сторонѣ улицы; но если, случайно какая нибудь лѣнивая, бродящая собака подходила и оказывалась неучпивою . . . фыркъ! брысь! . . . шерсть у коша щепинилась, онъ мурчалъ и лапы его были выпянуты и топовы. Онъ также казался раздраженнымъ тогда, какъ спарая и некрасивая дѣва, когда видяшь она приближеніе какого нибудь неучпиваго проказника.

Хотя добрая спарушка принуждена была прибѣгать къ такимъ смиреннымъ средствамъ существованія, но всегда сохраняла она чувство наследственной гордости, происходя отъ знаменитыхъ Фанъ-Дер-Шпигелей Амстердамскихъ; фамильный гербъ былъ у нее написанъ и расписанъ красками надъ каминомъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ бѣдняки весьма уважали ее; домъ ея былъ точно мѣстномъ сборища спарушекъ изъ всего сосѣдства. Онъ заходили къ Госпожѣ Гейлигеръ, будто мимоходомъ, въ зимніе вечера, когда она сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ передъ камелькомъ вязала чулки, кошъ ея мурныкалъ по другую сторону, а чайникъ шипѣлъ на огонькѣ передъ нею. Добрыя кумушки оспивались у нее весь вечеръ. Туль, всегда было почетное мѣсто Пиперу Грудпу (иначе называемому Пиперомъ долгимъ, а еще иначе Пиперомъ долгоногимъ), писарю и ключарю небольшой Люшеранской церкви,

старому другу хозяйки и совершенному оракулу ея вечернихъ собраній передъ огонькомъ. Даже и самый *Доминусъ* не пренебрегалъ, оиъ времени до времени, заходить къ ней, поговорить о состояніи души ея и выпить рюмку особенно пригошовленной доброй наспойки. Впрочемъ, оиъ никогда не упускалъ посвящать ея въ новый годъ и желать ей новаго счастья; добрая спарушка, немного щцеславная на нзкоюрыхъ пунксахъ, спышила въ шакомъ случаѣ вручить ему пирогъ, огромныйшій изъ всѣхъ пироговъ, какіе у нее тогда были испечены.

Я сказалъ, что у нее былъ сынъ. Это дѣтя преклонныхъ лѣтъ ея едва-ли могло назваться успышеніемъ мапери, пошому что Дольфъ Гейлигеръ изъ всѣхъ шалуновъ былъ самый негодный шалунъ. Не лъзя было сказать, что оиъ злой мальчишка; но оиъ казался испочникомъ шалоспей и проказъ и блиснать шѣмъ оспроуміемъ, копорымъ восхищаются въ дѣтяхъ богатыхъ людей и копорое ненавидаютъ въ дѣтяхъ бѣдняковъ. Безпреспанно попададся оиъ въ шалоспяхъ; машь его безпреспанно слышала жалобы на разныя шшуки, какими угодно было ему забавдаться; безпреспанно присылали къ ней счешы о разбитыхъ имъ окнахъ; словомъ: еще не было Дольфу четырнадцати лѣтъ, какъ все сосѣдство рѣшило, что оиъ „злая собака, самая злая собака въ цѣлой улицѣ.“ Даже,

одниъ сосѣдъ, старый дворянинъ, съ сухимъ лицомъ и хорьковыми глазами, одѣтый въ плашье цвѣта винныхъ дрожжей, зашелъ слишкомъ далеко, и лично увѣрялъ Госпожу Гейлигеръ, что сынъ ея, рано или поздно, попадется на висѣлицу.

Не смотря на все это, добрая старушка любила своего сына. Казалось, что она любила его шѣмъ болѣе, чѣмъ хуже онъ становился, и что онъ шѣмъ болѣе приходилъ къ ней въ милость, чѣмъ болѣе уменьшалась къ нему милость всѣхъ знакомыхъ. Матери вообще легкомысленны, вообще созданіе слишкомъ любящее: разсуждая, трудно разувѣришь ихъ въ эпомъ случаѣ, и впрочемъ, у бѣдной старушки сынъ былъ все, что любило ее въ здѣшнемъ мірѣ, и попому легко угадашь, что она глухими ушами слушала своихъ добрыхъ друзей, снравшихся доказать ей, что Дольфъ долженъ дошались до веревки.

Надобно опдать справедливость Дольфу, что онъ горячо привязанъ былъ къ своей матери. Онъ никогда не хотѣлъ бы причинять ей горести и когда что нибудь бывало напроказничаетъ, спомало бѣдной матери поглядѣть на него молчаливо и печально, то на сердце его становилось горько и тяжело. Но онъ былъ вѣтренъ и ни за что въ свѣтѣ не могъ противиться первому искушенію на шалость или проказы. Исправный въ ученѣѣ, когда хотѣлъ бытъ прилежнымъ,

онъ всегда оставался дурнымъ ученикомъ и съ лѣнивыми поварищами и съ бродягами школы онъправлялся раззорять птички гнѣзды, воровать въ огородахъ и купаться въ Гудзоновой рѣкѣ.

Такимъ-то побытомъ росъ и выросъ Дольфъ и сдѣлался крѣпкій, спатный юноша. Тогда мать его стала очень задумываться, что съ нимъ дѣлать, или какъ поспавить его на такую дорогу, чтобы онъ могъ самъ для себя чтонибудь сдѣлать; о немъ прошла вездѣ уже такая слава, что по охотѣ едва-ли ктонибудь подумалъ-бы занять его у себя чѣмънибудь.

Много разсужденій держано объ этомъ съ Пиперомъ-Грудпомъ, писаремъ и ключаремъ, бывшимъ у нее первымъ совѣтникомъ. Пиперь былъ также запрудненъ, какъ она сама, потому что мнѣнне его о Дольфѣ было очень невыгодно и онъ думалъ, что изъ Дольфа ничего пупнаго не выйдетъ. Когда-то вздумалось было ему послать Дольфа погулять по морямъ: средство, которое можно было употребить только въ случаѣ самомъ крайнемъ; но госпожа Гейлигеръ слышавъ объ этомъ не захопѣла: она не могла и подумать разспаться съ своимъ Дольфомъ. Вотъ однажды сидѣла она передъ камелькомъ и вязала чулки въ большомъ раздумьѣ, какъ вдругъ ключарь вошелъ къ ней съ необыкновенною живоспью и веселоспью. Онъ явился прямо съ похоронъ: хоронили маль-

чика Дольфовыхъ лѣтъ, жившаго въ наукѣ у славнаго Нѣмецкаго Доктора и умершаго отъ чахотки. Правда, шептали въ народѣ, будто покойникъ доведенъ былъ до гроба тѣмъ, что Докторъ дѣлалъ надъ нимъ разные опыты врачебнаго веществословія, заспавляя его опивдывашъ микспуры и принимашъ вновь изобрѣшенные порошки и пилюли. Впрочемъ, въроянно это было злорѣчіе, и Пиперь Грудшъ всему этому не вѣрилъ. Если-бы доспавало у насъ времени пофилософствовашъ, то кспаша, любопытный былъ-бы однакожь предметъ для изслѣдованій, почему докторскія семейства бывають шакъ сухощавы и скелешны, а семьи мясниковъ шакія плошныя и краснощокія.

Пиперь Грудшъ, какъ уже сказаль я, вошелъ въ домъ Г-жи Гейлигеръ съ необыкновенною веселостью. Онъ еще полонъ былъ яркою мыслью, копорая пришла ему въ голову во время похоронъ и отъ кошорой неволью улыбался онъ, когда бросали землю въ могилу Докпорскаго ученика. Ему вздумалось, что если мѣсто покойника шеперь оспаешся незаняшое, то оно можешъ бышь мѣстомъ для Дольфа. У мальчика ешь дарованія: онъ можешъ полочъ въ игоши и бѣгашъ по городу съ порученіями Докпора, не хуже всякаго другаго, а чего-жь болѣе шребовашъ отъ ученика?

Предположенія мудраго Питера показались мащери Дольфа благодащнымъ виднѣемъ. Она мысленно видѣла уже своего сына съ просщью подлѣ носа, звонкомъ на дверяхъ и съ большими буквами: Д. М. въ концѣ имени, словомъ: однимъ изъ важнѣйшихъ особъ въ городѣ.

Однажды рѣшенное, скоро было исполнено. Ключарь имѣлъ нѣкоторое влѣяніе на умъ Доктора. Оба они спалкивались даже своими занятіями: одинъ лечилъ, другой хоронилъ людей, и въ первое за пѣмъ упрѣ Питеръ Грудшъ позвалъ съ собою нашего шалуна, одѣшаго въ воскресное плащье, и повелъ его на экзамень къ Доктору Карлу, Людовику Нейпергаузену.

Они заспали Доктора сидящимъ въ огромныхъ креслахъ, въ углу его библіотеки или лабораторіи, съ огромною Нѣмецкою книгою, передъ нимъ лежавшею. Это былъ невысокій, круглый человекъ, съ угрюмымъ, овальнымъ лицомъ, которе казалось еще болѣе угрюмымъ опъ чернаго бархатнаго колпака. Красноватый носъ его немного походилъ на очко червоннаго пуза и украшенъ былъ огромными очками, которыя на обвѣхъ споронахъ важнаго лица его казались круглыми окошкками.

Дольфъ ощутилъ благоговѣнный прещъ, предсшавъ предъ ученаго мужа и озираясь вокругъ съ дѣшскимъ изумленіемъ.

емъ на все находившееся въ хранильнѣ зна- ній, показавшейся ему пещерою волшеб- ника. По срединѣ стоялъ съ грифоновы- ми ножками столъ, а на немъ поста- влены были иготъ съ песникомъ, чаша, чашки, горшки и свѣтлые аптекарскіе вѣсы. Въ одномъ концѣ комнаты видѣнъ былъ шкафъ для плащя, обращенный Докторомъ въ хранилище для травъ и мик- стуръ. Противъ него, на стѣнахъ висѣли: Докторава шляпа, шапка и палка съ золо- тымъ набалдашникомъ, представляющимъ человѣческой черепъ. На каминѣ поставле- ны были спклянки съ змѣями, ящерицами и препаравами въ спиртѣ. Еще шкафъ, у котораго дверцы были опломаны, на трехъ полкахъ заключалъ такое собраніе книгъ и между ними нѣсколько такихъ ог- ромныхъ фоліантовъ, что Дольфъ до того времени ничего подобнаго не видывалъ. Впрочемъ, книги не замѣщали всего шкафа и Докторская ключница заняла остальное банками съ пикюлями и конфектами, а между ужасными инструментами лечеб- ной науки она навѣшала цѣлыя нитки кра- снаго перцу, тщательно берегаемаго на сѣмена.

Питеръ-Грудтъ и его protégé были при- няты съ великою важностію и гордостію Докторомъ, ибо онъ былъ истинный му- дрець, небольшого роста, но значительная особа, и никогда не смѣялся. Онъ осмош- рѣлъ Дольфа съ ногъ до головы и кругомъ

сквозь свои очки и сердце бѣднаго мальчи-ка препепало, когда два огромные стек-лянные кружка устремлены были на не-го, какъ два полные мѣсяца. Докторъ вы-слушалъ все, что Питеръ Грудтъ выска-зывалъ въ пользу своего молодаго кан-дидата и потомъ помочивъ концемъ своего языка большой палецъ, началъ попихоньку перебирать, листъ за листомъ, страницы огромной черной книги, передъ нимъ ле-жавшей. Наконецъ, послѣ многихъ *хмб!* и *сумб!* послѣ попиранья подбородка и все-го мѣшканья и размышленья, съ коими мудрый человекъ приступаетъ къ испол-ненію того, что имъ рѣшено съ самаго на-чала, Докторъ благоволилъ принять мо-лодца въ ученики, согласился дать у себя квартиру, пищу, одѣвать его и направ-лять въ наукъ цѣленія, за что все Дольфъ долженъ былъ служить ему до двадцать первого года своего возраста.

И такъ, нашъ герой вдругъ, изъ ша-луна мальчишки, обгавшаго по улицамъ безъ дѣла, преобразился въ студента Медицины и прилежно началъ толочь въ игопи подъ руководствомъ ученаго Доктора Карла, Людовика Нейпергаузена. Какое счастье для его доброй старой матери! Она восхища-лась, воображая, что сынъ ея восстано-витъ нѣкогда славу предковъ и когда ни-будь рядомъ станеть ходитъ съ адвока-томъ, жившимъ прошивъ нее въ обшир-

номъ домѣ и — кто знаетъ? — можешь бышь, съ самымъ *Доминусомъ!*

Докторъ Нейпергаузенъ былъ родомъ изъ Палапинаша Нѣмецкаго, откуда вмѣстѣ съ многими земляками отправился онъ въ Англію, избѣгая преслѣдованій нѣкоторыхъ секшаторовъ, съ которыми заспорилъ. Онъ находился въ числѣ трехъ тысячъ Нѣмцовъ, удалившихся изъ Англіи, въ 1710 году, подъ покровительствомъ Губернатора Голландскихъ поселеній въ Америкѣ, Гуншера. Гдѣ учился Докторъ, какъ приобрѣлъ познанія Медицинскія и гдѣ получилъ свои дипломы, нынѣ объяснить весьма трудно, потому что и при жизни его никто этого не зналъ. То извѣстно только по преданію, что его глубокія свѣдѣнія и шайныя познанія были предметомъ всеобщей молвы и удивленія житеелей дальнихъ и ближнихъ обласпей.

Образъ леченія былъ у него совершенно отличный отъ образа леченія всѣхъ другихъ медиковъ и состоялъ изъ таинственныхъ смѣшеній лекарствъ; только ему одному извѣстныхъ, въ приготовленіи и разложеніи коихъ, какъ онъ говаривалъ, всегда должно руководствоваться созерцаніемъ планетъ. Высокое мнѣніе о знаніяхъ Доктора было такъ утверждено, особенно между Нѣмецкими и Голландскими обитателями, что къ нему бѣгали во всѣхъ отчаянныхъ случаяхъ. Онъ былъ одинъ изъ шѣхъ чудныхъ вра-

чей, которые изумляют неожиданными, удивительными изцѣленіями, когда больной объявленъ неизцѣльнымъ отъ всѣхъ врачей обыкновенныхъ, послѣ чего, въ случаѣ смерти, Докторъ имѣетъ право сказать, что больной слишкомъ долго непопадался въ его руки и отъ того умираетъ. Доктора библіотека была предметомъ разговоровъ всего сосѣдства, могу сказать, всего города. Добрые Манганшойцы съ почтеніемъ смотрѣли на челоуѣка, прочитавшаго три полки книгъ, на коихъ многія книги были толще всякой видѣнной ими. Много было споровъ между членами совѣта небольшой Лютеранской кирки о томъ, кто мудрейшій и ученѣйшій челоуѣкъ, Докторъ или Доминусъ? Многіе изъ почитателей Доктора дошли даже до того, что объявили, будто онъ знаетъ — болѣе чѣмъ самый Губернаторъ! Словомъ: рѣшено было всѣми, что нѣтъ предѣловъ знаніямъ Доктора.

Когда Дольфъ принятъ былъ въ семью Доктора, то по праву наслѣдства получилъ во владѣніе жилище своего предвспника, чердакъ, подъ крупую кровлю Голландскаго дома, куда дождь падалъ сквозь крышу, молнія свѣсила сквозь щели, въперъ въ ненастное время разгуливалъ на свободѣ, и гдѣ цѣлыя стада голодныхъ крысъ скакали кругомъ, не боясь мышцеловоковъ и осправы.

Дольфъ скоро по уши засѣлъ въ ученіе Медицины, будучи упрямъ, послѣ обѣда и ночью занявъ кашаньемъ пилюль, пропускаемъ тинктуру или толченьемъ въ иготи, въ одномъ углу лабораторіи, когда Докторъ сидѣлъ въ другомъ углу, гдѣ обыкновенно сидѣлъ онъ, когда нѣчего было ему дѣлать въ другомъ мѣстѣ, или когда принималъ онъ своихъ посѣщителей, или когда въ своемъ упренномъ нарядѣ и бархатной шапкѣ хотѣлъ углубиться въ содержаніе какогонибудь толснаго Фоліанта. Правда, что однозвучное спужанье Дольфовой иготи, или, можешь быть, усыпляющее жужжанье мухъ убаюкивали и погружали ученаго мужа въ глубокой сонъ, но очки его никогда не спали и постоянно усмирены были на книгу.

Жила еще одна особа въ домѣ Доктора, которой Дольфъ обязанъ былъ особеннымъ почтеніемъ. Хотя и холостякъ, и чловѣкъ столь великаго достоинства и важности, Докторъ былъ однакожь, какъ и многіе другіе ученые люди, подвластенъ женскому владычеству. Онъ совершенно покорялся могуществу своей ключницы, скупой, хлопочливой, вздорливой домоводки, всегда ходившей въ маленькомъ, кругломъ, тепломъ Нѣмецкомъ чепчикѣ, съ ужасною связкою ключей, бряцающихъ на поясѣ безконечной ея поясницы. Фрау Илзе сопровождала Доктора въ его многообразныхъ переселеніяхъ изъ Германіи въ Англію и

изъ Англіи въ Америку, сберегала хозяйство и его самого, поглаживая его насковою ручкою, хоша желѣзною рукою управляла всѣми оспальными домоладцами. Какъ приобрѣла она власть надъ Докпоромъ, право, я не умѣю располковать вамъ. Былъ правда слухъ . . . но что не злословилъ народъ сначала вѣка? Кпо располкуешь, какимъ образомъ женщины умѣютъ поворопить все на свой ладъ? Мужъ, кое-когда все еще можетъ быть господиномъ въ своемъ домѣ, но кпо видалъ колосняка, у котораго ключница не управляла-бы самовласшно?

Впрочемъ, власть Фрау Илзе не ограничивалась Докпорскимъ домомъ. Она была одна изъ шѣхъ любопытныхъ кумушекъ, которыя знаютъ дѣла другихъ лучше самихъ хозяевъ, и у которыхъ всезрящіе глаза и всеговорящіе языки дѣлаются ужасомъ сосѣдства.

Ничто, едва промелькнувшее въ сознаніи другимъ, не избѣгало вѣдѣній Фрау Илзе. У нее была куча знакомокъ, безпрестанно посѣщавшихъ, съ драгоценными вязеницами новоспей, ея маленькую пріемную; но, иногда выслушивала она цѣлую книгу тайныхъ сплетней, распоривъ вполонину двери на улицу, и пожирала рассказы какой нибудь болтливой кумушки, забывая что на дворѣ шрескучій Декабрьскій морозъ.

Съ такимъ Докторомъ и съ такою ключницею Доктора, нѣчего сказать, Дольфу лѣниться было нѣкогда. Фрау Илзе ходила въ ключахъ, говоря ясные: держалъ все за ключами, и можно было околѣшь с голоду оскорбивъ ее; но Дольфу изученіи характера Фрау Илзе казалось труднымъ изученіи всякой Медицины. Когда не было дѣла въ лабораторіи, онъ долженъ былъ бѣгать туда и сюда за ея препорученіями, а по воскресеньямъ ходилъ за нею въ кирху и изъ кирхи, съ книжкою. Сколько разъ бѣдный проводникъ принужденъ былъ валь спояшь дрожа отъ холода, дуть въ иззябшіе пальцы и отогрѣвать свой носъ, когда Фрау Илзе, сполкнувшись съ какими-нибудь кумушками, грѣлась движеніемъ немолчающаго языка и перзала чью-нибудь добрую славу.

При всѣхъ такихъ удобствѣхъ, Дольфъ сдѣлалъ весьма небольшіе успѣхи въ наукѣ. Впрочемъ тупъ ужъ конечно не Докторъ былъ виноватъ, потому что ученикъ кипѣлъ въ работѣ съ утра до вечера, какъ въ смоль, по спуча въ игошь, по бѣгая по городу съ микстурами и пилюлями, и если чупъ Дольфъ лѣнился въ исправленіи должности, Докторъ начиналъ сердиться, бранился и гнѣвно спрашивалъ: какимъ-жъ образомъ думаешь онъ выучиться, если не будешь занимать прилежаніе? Дѣло отстояло въ томъ, что у Дольфа все еще оставались старыя замашки къ лѣности.

налоспямъ, какими означено было его ребячество, и казалось, что эти замашки укрепились съ лѣтами и приобрѣшали новыя силы, когда имъ поперечили и пропивались. Дольфъ становился упрямѣе и наконецъ попереялъ благосклонность Доктора и его ключницы.

Въ это время Докторъ шелъ въ гору, прославлялся и богашель. Онъ сдѣлался кобенно знаменитъ леченіемъ такихъ болезней, кошорыхъ не найдемъ въ Лечебникахъ; на примѣръ: онъ чудесно исцѣлялъ ногихъ спарухъ и молодыхъ дѣвушекъ ить порчи, спрашной болѣзни, въ былое время сильнѣе свирѣпствовавшей въ Американскихъ обласяхъ, нежели нынѣ водая болѣзнь. Онъ совершенно вылечилъ одну плотную деревенскую дѣвушку, копорая была до того испорчена, что чувствовала, какъ у нее ходили по всему телу иголки, а это почисалось уже неизлѣльной спепенью болѣзни. Люди поговаривали также между собою, шопопомъ, что Докторъ обладалъ еще важною шайной приворачивающихъ порошковъ, и что дольно было ему занятія изцѣлять множество больныхъ, приходившихъ къ нему въ такихъ случаяхъ! Это сославляло шайную часть его практики, при чемъ, какъ шворншя, онъ *ѣлъ пирогъ съ грибами, а держалъ языкъ за зубами.* Когда такіе ворые люди прихаживали къ Доктору на онсультацію, Дольфъ долженъ былъ ос-

павлять лабораторію, и только сквозь замочную щелочку смотрѣлъ онъ на таинственное леченіе.

Богатѣя, Докпоръ началъ расширять свои владѣнія и посматривать впередъ, на то время, когда онъ, какъ и другіе великіе люди, можеть удалиться на покой въ сельское жилище: въ этомъ предположеніи купилъ онъ себѣ ферму, или, какъ говорится, дачу. Тамъ прежде жило одно богатое семейство, съ нѣсколькихъ лѣтъ оставившее свое мѣстопробываніе и уѣхавшее въ Голландію. Большой опустѣлый домъ стоялъ посреди Докпоровой дачи и по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Заколдованнаго дома*. По эѣмъ-ли причинамъ, или по тому, что домъ былъ великъ и вѣхъ, Докпоръ находилъ невозможнымъ опдасть его въ наемъ, и чѣобы домъ совсѣмъ не развалился, пока самому хозяину можно будетъ въ него переселиться, Докпоръ помѣстилъ деревенскаго мужика съ семействомъ въ одномъ изъ флигелей, условясь съ нимъ, что онъ долженъ за то изъ часши обрабатывать землю.

Тогда-то Докпоръ почувствовалъ все величіе сельскаго помѣщика. Въ немъ была часпица гордоспи Нѣмецкихъ помѣщиковъ и онъ началъ смотрѣть на себя, какъ на владѣльца недвижимой собственности. Вдругъ началъ онъ жаловаться на усталость отъ трудовъ и часпо опправлялъ

ся за городъ »посмотрѣвъ свое хозяйство.«
Эти маленькія поѣздки сопровождались шумомъ и величіемъ, имѣвшими необыкновенное дѣйствіе на всѣхъ сосѣдей. Кривая лошадь Докпора стояла передъ домомъ его, попяя ногами и обмахивая хвостомъ мухъ, до отъѣзда за цѣлый часъ. После того выносили и прилаживали Докпорское сѣдло; потомъ черезъ нѣсколько времени вышаскивали его свернутый плащъ и укрѣпляли за сѣдломъ, а наконецъ выходили съ зонтикомъ и прикрѣпляли его подлѣ сѣдла. Между тѣмъ толпа общипанныхъ мальчишекъ собиралась вокругъ и все замѣчала съ удивленіемъ. Тутъ являлся наконецъ самъ наѣздникъ - Докпоръ, въ огромныхъ сапожищахъ выше колѣнъ и въ прехугольной низенькой шляпѣ. Будучи невысокій, толстый человѣчекъ, онъ долго лѣзъ на сѣдло и вскарабкавшись, еще долѣе уравнивалъ спремена и укладывался въ сѣдлѣ, а между тѣмъ вполне наслаждался изумленіемъ и ропозѣйствомъ зрителей. Поѣхавши, останавливался онъ посреди улицы и ворочался два, три раза назадъ отдавая разные приказы, на которые ключница опкликалась ему изъ дверей, Дольфъ изъ ученой комнашы, Негръ работникъ изъ погреба и служанка съ чердака. За всѣмъ тѣмъ, обыкновенно оставалось еще нѣсколько вопросовъ и домашніе кричали ему вслѣдъ даже и тогда, какъ онъ заворачивалъ уже за уголъ.

Все сосѣдство бывало взволновано такими величественнымъ зрѣлищемъ. Башмачникъ оставялъ свои шилья и колодки, цырюльникъ выглядывалъ изъ окошка, съ полуобритую бородою; всѣ двери отворялись, отовсюду показывались головы, и отъ одного конца улицы до другаго раздавались одни торжественныя восклицанія: «Докторъ идетъ въ свое помѣстье!»

Золотые бывали эти часы для Дольфа! Только что Докторъ изъ глазъ, въ спорную игошь и песникъ, береги лабораторію кто хочетъ и Докторскій ученикъ бѣжалъ изъ дому за шалостями. ;

Надобно признаться, что Дольфъ, чѣмъ болѣе росъ, тѣмъ болѣе, казалось, попадалъ на прекрасную дорогу, по которой легко могъ онъ дойти до исполненія предвѣщаній стараго дворянина въ плашь цвѣтвиныхъ дрожжей. Онъ сдѣлался участникомъ всякихъ праздничныхъ веселостей и вечернихъ забіячествъ, словомъ : всѣхъ родовъ шалостей и удалыхъ походовъ.

Ничто такъ безпокойно, какъ герой на маленькой лѣсенкѣ, или лучше сказать герой въ маленькомъ городкѣ. Вскорѣ Дольфъ сдѣлался ужасомъ мирныхъ жителей, добрыхъ хозяекъ, старыхъ обитателей Мангапшое, всѣхъ кто не терпѣлъ шума и не любилъ шалостей. Старушки смотрѣли на него, какъ на негодяя, пряпали дочекъ, когда онъ приближался и указывали на него пальцами своими сыновьямъ. Ни

кто не смотрѣлъ на него съ уваженіемъ, кромѣ городскихъ шалуновъ, которыхъ привлекалъ онъ къ себѣ своимъ разгульнымъ живьемъ и добрымъ товариществомъ, и Негровъ, которые на всякаго гуляку смотрѣли какъ на человека высшаго званія. Даже и добрый Питеръ Грудшъ, почишавшій себя нѣкоторымъ образомъ за покровишеля Дольфа, начиналъ въ немъ опчаяваться и сомнительно покачивалъ головою, прихлебывая ежевичную наливку, копорю Фрау Илзе подчивала его, вычишывая всѣ жалобы свои на Дольфа.

Но мать еще не могла разлюбить его, не смотря на все, что ни дѣлало ей милое дѣтя. Она не унывала, слушая рассказы объ его похожденияхъ, которыми угощали ее безпрестанно добрые друзья. Правда, не было ей радости, какою наслаждаются богатые люди, слыша только однѣ похвалы своимъ дѣтямъ; но за то всѣ жалобы казались ей какими-то нападками на Дольфа, и послѣ cadaго рассказа онъ казался ей лучше прежняго. Она любовалась, какъ онъ выросалъ, спановилъ бравымъ молодцомъ и смотрѣла на него съ тайною гордостью родительскаго сердца. Первое желаніе ея было, чтобы Дольфъ являлся вездѣ одѣтый щегольски, и всѣ деньжонки ея шли на карманные расходы Дольфа и красивое его плашье. Она смотрѣла вслѣдъ за нимъ изъ окошка, когда онъ, лихо разодѣтый, молодецкою

поступью шелъ по улицѣ и сердце ея хотѣло выпрыгнуть отъ радости. Когда однажды Питеръ Грудтъ въ воскресное утро, пораженный щегольской вышупкою Дольфа, сказалъ ей: «какъ-бы кто ни говорилъ, а Дольфъ лихой молодецъ!» — слезы радости показались на глазахъ спарушки. «Ахъ сосѣдь, сосѣдь!» сказала она, «пустишь ты что хопяшь, а бѣдный мой Дольфъ, право, опередишь другихъ!»

Между тѣмъ Дольфу было почти двадцать одинъ годъ и время его ученія Медицины приближалось къ окончанію. Признаться надобно впрочемъ, что онъ зналъ Медицину немного лучше того, какъ въ первый разъ вступилъ въ Докторскую лабораторію. Можешь бышь, это происходило и не отъ недостатка способностей, ибо онъ доказывалъ свои дарованія успѣхами во многихъ познаніяхъ, кошорыми успѣвалъ мимоходомъ учиться. Онъ былъ лучшей стрѣлокъ въ городѣ и выигрывалъ всѣхъ свяпочныхъ гусей и Индійскихъ пѣшуховъ (*); отличнo ѣздилъ верхомъ, славно боролся, славно прыгалъ, изрядно игралъ на скрипкѣ, плавалъ какъ рыба и былъ первый мастеръ играть въ кегли и шары.

Всѣ сіи совершенства однакожь мало доставляли благосклонности отъ Докто-

(*) Народная забава у Американцовъ: стрѣлять о свашкахъ въ гуся или Индійскаго пѣшука. Попавшій беретъ себѣ пшцу, при чемъ бываетъ много веселья, шуму и закладовъ. *Перев.*

ра Нипергаузена, который пѣмъ брызгливѣе и несноснѣе спановиляся, чѣмъ ближе подходилъ срокъ учевію Дольфа. Фрау Илзе безпрестанно находила какую нибудь причину поднимать страшную бурю надъ головою ученика и рѣдко проходила встрѣча съ Дольфомъ, чптобы языкъ ея не прозвонилъ ему шумнаго набаша, такъ, что наконецъ брянчанье ключей, возвъщавшее приближеніе Фрау Илзе, было все равно, какъ для зрителей въ театрѣ свисшокъ еуфолѣра повѣсткою приближающейся громовой тучи. Не смотря на все это, добрый нравъ Дольфа заставлялъ его сносить домашнюю тираннію безъ всякаго возмущенія. Явно было, что Докторъ и его ключница готовились безъ всякаго спасибо вышолкать бѣднаго ученика за порогъ, какъ только кончится срокъ его ученья. Эшотъ манеръ не разъ случалось Доктору удачно упошреблять съ бесполезными учениками.

Надобно прибавишь, что маленькій Докторъ сдѣлался еще болѣе сердитымъ, раздражительнымъ, въ слѣдствіе различныхъ заботъ и досадъ, которыя накликалъ на себя своимъ помѣспьемъ. Доктора безпрешанно превожили слухи и рассказы, вездѣ разносимые объ его старомъ деревенскомъ домѣ и ему сдѣлалось весьма запруднительнымъ дѣломъ, удерживать своего поселенца-крестьянина съ семьею, не смотря на шо, что они жили даромъ. Каждый

разъ, когда Докторъ приѣзжалъ на свою дачу, жильцы и сосѣди надѣдали ему какую нибудь свѣжею жалобою о недѣльных крикахъ или спрашныхъ явленіяхъ, пугавшихъ обитателей дачи въ самую полночь; опъ этого Докторъ вѣхалъ домой съ кислымъ, сердичнымъ лицомъ и разсѣвалъ свою досаду только перебранивши всѣхъ своихъ домашнихъ. Невыгоды помѣшья касались и кошелька его и гордоспи. Ему грозила совершенная потеря доходовъ опъ его владѣнія, и припомъ, что за радость была ему владѣшь такимъ домомъ, въ которомъ, кромѣ домовыхъ и мершвецовъ ничего не хотѣлъ жить!

Впрочемъ, добрые люди замѣтили, что Докторъ, какъ ни сердился, но самъ никогда не оставался ночевать въ своемъ домѣ; еще болѣе, что онъ даже никогда не замѣшкивался на дачѣ до темной ночи, но скорехонько убирался въ городъ, лишь только лепучія мыши начинали порхать въ сумракъ. Дѣло просто было въ томъ, что Докторъ, 'во глубинѣ души, не могъ не вѣришь домовымъ и мершвецамъ', проживъ большую часть лѣтъ своихъ въ такой землѣ, гдѣ ихъ большое изобиліе. Шла рѣчь между народомъ, что Докторъ, будучи еще ребенкомъ, своими глазами видѣлъ лѣшаго на Гарцовскихъ горахъ, въ Германіи.

Наконецъ, мученія Доктора дошли до послѣдней крайности. Однимъ ушромъ, когда онъ сидѣлъ за шолстою книгою, въ сво-

емъ ученомъ кабинетнѣ , или лабораторіи , его испоргнулъ изъ сладкой дремоты нечаянный крикъ и шумъ ключницы.

»Надобно это чѣмъ нибудь кончить !« кричала она , входя въ комнату . »Вонъ , Клаусъ Гопперъ явился со всѣмъ добромъ и живопомъ съ дачи и божился , что ни за что въ свѣтѣ не пойдетъ шуда болѣе . Вся семья его перебѣсилась ; въ послѣднюю ночь вокругъ этого бѣсова жилища былъ такой шумъ и сшукъ , что никто не могъ заснуть ни на одну минушу .«

— Donner und Blitzen (вскричалъ съ досадою Докпоръ) ! Или у тебя не о чемъ больше говоришь , какъ только объ этомъ домѣ ? Что за дураки : дають себя мышамъ и крысамъ пугать и выгонять изъ хорошей кварширы !

»Да , да , крысамъ !« вскричала Фрау Илзе , значительно покачивая головою и оскорбляясь тѣмъ , что Докпоръ не вѣрять расскажем о мертвецахъ . »Тупъ что-то поболѣе крысъ и мышей ! Всѣ сосѣди одно говорятъ о домѣ и видали тамъ виды . Питеръ Грудтъ сказывалъ мнѣ , что хозяева , копорые продали домъ и уѣхали въ Голландію , намекали кое-кому спранныя дѣла и говорили , что рады сбытъ съ рукъ свои хоромищи , въ копорыхъ ни одинъ человекъ не уживется .«

— Питеръ Грудтъ твой дуракъ , старая баба ! закричалъ Докпоръ сердито . Я увѣренъ , что онъ набилъ голову этому

народу своими разсказаньями. Вошь почто также болпалъ онъ о какомъ-то домовомъ, который будшо-бы ходилъ на колокольню, когда самъ Липеръ полѣнился пойдти и ударить въ набашъ, въ холодную ночь, какъ загорѣлось у Германа Бринкгергофа. — Пошли ко мнѣ Клауса!

Явился Клаусъ Гопперъ: простой деревенскій мужикъ, испуганный шѣмъ, что его позвали въ ученую комнату господина Доктора Ниппергаузена и отъ того совершенно смѣшавшійся, когда ему вѣрно было разсказать подробно и обстоятельно о причинѣ его страха. Онъ споялъ, перебирая свою шляпу, пересступалъ, то на шу, то на другую ногу, поглядывая изъ подлобья, то на Доктора, то на человѣческой черепъ, лежавшій на шкафѣ и, какъ ему показалось, скалившій на него зубы.

Докторъ употребилъ всѣ средства убѣдить Клауса возвратиться на дачу; но все было напрасно. Тотъ споялъ упорно въ своемъ рѣшеніи, и на множество доказательствъ и увѣщаній, повпорялъ одинъ и тотъ-же крашкій опѣвшъ: *Ich can nicht Mynheer!*

Есть пословица: *маленькій горшокъ скорѣй закипитъ* (little pot and soon hot); перпвнѣ Доктора истощалось; упрямый отказъ Клауса Гоппера казался ему бунпомъ, возмущеніемъ; Докторъ разгорячился, зашумѣлъ, посыпалась брань и Клаусъ — давай Богъ ноги!

Когда приближалъ онъ въ комнату Фрау Илзе, тамъ собрались уже Питеръ Грудшъ и нѣсколько другихъ вѣрующихъ въ привидѣнiя и готовыхъ слушать его. Тогда Клаусъ вознаградилъ себя за принужденiе въ комнату Доктора и высыпалъ цѣлыя исторiи о Заколдованномъ домѣ, изумивши всѣхъ слушателей. Ключница повѣрила-бы всему ужъ за то одно, что Докторъ такъ неучливо принялъ ея извѣстiя. Питеръ Грудшъ все подтверждалъ своими рассказами о чудесныхъ преданiяхъ изъ временъ первыхъ Голландскихъ поселенцовъ въ Америкѣ, повѣстью о Бѣсовомъ камнѣ, о морскомъ разбойникѣ, повѣшенномъ на Гиббетовомъ островѣ и долго болтавшемся на воздухѣ, когда уже и слѣдовъ висѣлицы не было, о пѣвнiи Губернатора Лейслера, повѣшеннаго за измѣну и по ночамъ бродившаго по крѣпости и въ домѣ губернаторскомъ. Говорливые себе сѣдники разошлись нагружившись самыми страшными рассказами. Ключарь выгрузилъ свои рассказы въ совѣтѣ приходскихъ старшинъ, бывшемъ въ топъ - же самый день; кухарка забыла свою кухню и все утро пробыла и проговорила у колодца, куда отправилась за водою и гдѣ было сборное мѣсто кухарожъ и служанокъ, сносившихъ со всего города вѣсти. Въ нѣсколько часовъ весь городъ заговорилъ о Заколдованномъ домѣ. Одни утверждали, что Клаусъ Гопперъ лично видѣлъ

памъ самого домовата дѣдушку; другіе по-впоряли, что весь домъ набитъ былъ выходцами съ того свѣта, которыхъ Докторъ отправилъ шуда своими микстурами, и что пошому-то онъ самъ не осмѣливался жить въ Заколдованномъ домѣ.

Какъ бѣсился Докторъ, слыша и зная все это! Онъ грозилъ мщеніемъ пому, кто осмѣлился унижать достоинство его владѣніи нечестными бреднями; горько жаловался, что его безславятъ, рассказывая глупыя сказки; но въ тайнѣ рѣшался наконецъ позвать Доминуса и черезъ него постараться освободить домъ свой отъ безпокойныхъ гостей. Какъ-же велика была его радость, когда среди шума и досады, Дольфъ выспунилъ впередъ и спокойно предложилъ, что онъ хочетъ ночевать въ Заколдованномъ домѣ. Дольфъ слышалъ всѣ рассказы Клауса Гонпера и Пипера Грудта; онъ искалъ приключеній, любилъ чудесное и его воображеніе разыгралось отъ слышанныхъ странныхъ испорій. Пришомъ ему такъ надѣло житье у Доктора и раннее вставанье поутру, что онъ восхищался, думая, какъ будетъ онъ самъ господинъ въ цѣломъ домѣ, хошя-бы домъ полонъ былъ домовыми. Предложеніе принято охотно; условились, что Дольфъ отправится на спражу въ эту-же самую ночь. Одного просилъ онъ; скрыйте его предпріятіе отъ машери! Дольфъ зналъ, что добрая спарушка не уснетъ всю ночь,

когда провѣдаешь, что сынъ ея опира-
вился на войну съ мершвецами.

Наслупила ночь; начали снаряжать
Дольфа на его опасное предпріятіе. Ста-
рая Нетрипянка, кухарка, единственнѣй-
шій другъ его въ цѣломъ домѣ, пригото-
вила ему въ дорогу кое-что поужинашь и ноч-
ную свѣчку, а потомъ повѣсила ему на
шею какую-то ладанку, подаренную ей
Африканскимъ колдуномъ, за самое вѣрное
средство прошивъ злыхъ духовъ. Дольфа
сопровождали Докторъ и Писеръ Грудшъ,
согласившійся идти съ нимъ до Заколдо-
ваннаго дома и оставивъ его въ добромъ
здоровьи. Ночь была темная, хоть глазъ
выколи, когда трое спраншвователей
приблизились къ ужасному мѣсту. Ключ-
чаръ шелъ впереди и свѣпилъ; но въ ака-
ційной аллеѣ, свѣтъ фонаря, перебѣгавшій
съ куста на кустъ и съ дерева на дерево,
часто заславлялъ безстрашнаго Писера
шрепешать и пияпиться на своихъ пова-
рищей. Докторъ, держась за Дольфову ру-
ку, замѣчалъ только, что дорога была
скользка и неровна. Едва было не обра-
тились всѣ они въ бѣгство, когда лепучая мышь
пропорхнула мимо фонаря, въ то время,
какъ шучи жуковъ, около деревьевъ, и ля-
гушка, въ ближнемъ прудѣ, составляли пе-
чальное, усыпительное пѣнопѣніе.

Дверь въ домъ отворилась съ такимъ
скрыпомъ, что Докторъ побѣднѣлъ.
Спраншвователи вошли въ большія сѣни,

какія обыкновенно бывають въ загородныхъ домахъ Американцовъ и въ теплое время служатъ имъ комнатою для общаго семейнаго сбора. Отсюда поднялись они по широкой лѣспницѣ, кошорая скрипѣла и пищала подѣ ихъ ногами и у кошорой каждая ступенька издавала особенный звукъ, почно какъ струны на клавикордахъ. Лѣспница привела къ другимъ свѣнямъ, во впоромъ эшажѣ, изъ кошорыхъ всѣ вошли въ комнату, гдѣ Дольфу опредѣлено было ночевать. Комната была большая и нѣкогда, какъ замѣшно, хорошо меблированная и съ закрытыми спавнями; но какъ ставни большою часпію были изломаны, по вѣтеръ свободно разгуливалъ въ комнату. Видно было по всему, что это была та комната, кошорую Голландскія хозяйки называютъ *главною спальнею*, гдѣ спавятъ лучшую мебель и гдѣ почпи никогда и никто не спитъ. Великолѣпіе этой спальни было достигнуто полнымъ разрушеніемъ. Тупѣ валялись полько обломки мебели; по срединѣ споялъ сосновый столъ, а подлѣ него огромныя кресла, все это, вѣроятно, современное поспроенію дома. Каминъ въ комнату былъ большой и сдѣланъ изъ Голландскихъ изразцовъ, съ разными изображеніями, но нѣкошорые изъ нихъ выпали и завалили полъ камина. Ключарь засвѣшилъ свѣчку и Докторъ боязливо оглядывая комнату, увѣщавалъ Дольфа не робѣть, бышь швердымъ, какъ

вдругъ раздался въ казинѣ шумъ, какъ будто тамъ спорили и дрались: ключарь обезпамятивъ отъ ужаса, бросился бѣжать съ своимъ фонаремъ, дождурь на немъ, и пупецъки закрывали и защищали подъ ихъ ногами и умножили страхъ бѣгущихъ. Они захлокнули за собою дверь на улицу и Дольфъ слышалъ, какъ стѣнчали они по аллеѣ, какъ шорохъ шаговъ ихъ пропадалъ въ отдаленіи. Что Дольфъ не присоединился къ ихъ поспѣшному уходу, можетъ быть произошло отъ многого, что онъ былъ похрабрѣе своихъ товарищей, или что открывъ причину ихъ ужаса въ лапочкинскомъ гурьбѣ, упавшемъ въ каминъ сквозь трубу.

Теперь Дольфъ оставленъ былъ одинъ одинёхонекъ, сонелъ внизъ, рбесопавалъ себя внизъ, что заперъ вышнюю дверь на крюкъ и на засовъ; осмопрѣлъ: заперты ли всѣ другіе входы, и возвратился въ свою опустошенную комнату. Здѣсь вынулъ онъ изъ корзинки запасъ, положенный въ нее доброю старою кухаркою, поужиналъ, заперъ ключемъ свою комнату, и наконецъ легъ на люфляхъ, разостланныхъ въ одномъ углу. Ночь была тиха и спокойна; ничто не прерывало глубокой тишины, кромѣ чирканья оверчка, въ дальней комнатѣ. Свѣчка, стоявшая на серединѣ соснового стола, бросала самый слабый свѣтъ, едва освѣщая комнату и рисуя на стѣнахъ не-

ровныя тѣни отъ платья Дольцова, брошеннаго имъ на спинку одного стула.

При всей бодрости Дольфа, было что-то страшное въ зрѣлищѣ опустошенія, его окружавшаго, и онъ почувствовалъ, что смѣлость его уменьшается, когда поглядѣлъ на свою бѣдную постель и хорошо осмелѣвъ въ комнату. Онъ началъ думать о прежней своей безопасности, о томъ, что ждетъ его впереди, глубоко вздыхая отъ времени до времени, когда вспоминалъ припомъ о доброй старой ма-шери своей. Тишина и мракъ ночи неволь-но наводили мрачныя думы на самую без-свращную душу. Но, воть! Дольфъ чув-ствуешь, Дольфъ слышишь. . . . Точно: внизу кто-то ходитъ! Дольфъ слышаешь и ясно различаешь шаги по лѣстницѣ: кто-то шажело, ровно спускаешь по ступень-камъ: *тукъ, тукъ, тукъ!* Это была яв-но походка какого-то шажелаго существа; но какъ оно могло зайдши въ домъ, не сдѣ-лавъ ни малѣйшаго шума? Дольфъ самъ осматривалъ все входы и былъ увѣренъ, что все заперто. Онъ думаешь — а шаги приближающа: *тукъ, тукъ, тукъ!* Яв-но, что подходящее существо не воръ, не разбойникъ: оно спускаешь такъ свободно, такъ небрежно и шажело; воръ крался-бы иначе, тихо, осторожно. Но воть ужъ ша-ги слышны на верху лѣстницы; они идутъ по верхнему этажу, опзываясь въ шихомъ обширномъ зданія: самый свер-

чокъ прекратилъ свой унылый напѣвъ: ничто не развлекаетъ ужащающаго, {стука шаговъ. Дверь въ Дольфову комнату, запертая изнутри, тихо, медленно отворается сама собою: шаги вступающъ въ комнату, хотя ничего и никого не видно. Шагъ идушъ по комнатѣ, тихо, но явно увеличивается: *тукъ, тукъ, тукъ!* Но то, что производило шумъ этотъ, было невидимо. Дольфъ прошираетъ свои глаза, смощришь изъ всѣхъ силъ; онъ можетъ видѣть всѣ уголки въ полуосвященной своей комнатѣ: все пусто, ничего не видно. . . Но онъ явно слышитъ таинственные шаги, расхаживающіе кругомъ по комнатѣ. Вдругъ они не слышны: прежняя тишина и молчаніе! Ужасное что-то было въ этомъ невидимомъ посвщеніи, шакъ, что все страшное - *видимое* не могло - бы произвестъ подобнаго шума. Тутъ было что-то неопредѣленное, необыкновенное. Дольфъ слышалъ, какъ сердце его колопилось въ ребры, холодный потъ выступилъ у него на лбу и нѣсколько минушъ состояніе его было неизобразимо. . . .

(До слѣд. книжки.)

II. С М Ъ С Ъ.

Отрывки писемъ изъ Парижа.

Журналы Французскіе ограничиваются нынѣ толками о прибывшемъ сюда изъ Египта *Жирафѣ*. Вниманіе публики обратилось еще на дикихъ, приѣхавшихъ сюда съ береговъ Миссисипи или Миссури (одинъ Журналистъ сказалъ вчера: *Les chats ne les aiment qu'à demi, parce qu'ils sont demi-souris (de Missouti)*). Съ утра до вечера непреходимая толпа стоитъ подь окнами сихъ дикарей, хотя одинъ изъ нихъ, въ первый день прибытія своего, не очень благосклонно поощивалъ толпу любопытныхъ. Учтивые Парижане, покричавъ немного ушли и продолжаютъ толпиться подь окошками ихъ. Я видѣлъ дикарей сихъ въ театрѣ, гдѣ они пили за здоровье публики, привѣтствовавшей ихъ сильнѣйшими рукоплесканіями.

Французская Литпература мало обогащается новыми произведеніями, особенно Поэзія совершенно увядаетъ; нѣсколько стиховъ, самыхъ посредственныхъ, въ пользу Грековъ, произведенія доселѣ никому неизвѣстныхъ стихотворцовъ, составляютъ поблекшій репертуаръ Французскаго Парнасса. Вкус публики рѣшительно остановился на Запискахъ (*Mémoires*); назову замѣчательнѣйшія: 1-е, *Уврара* бывший Генераль - Интендантъ Французской арміи содержась въ шюрмѣ за разныя взятки и начеты на досугъ издаетъ свои Записки; первая часть выщла и любопытны по сношеніямъ Уврара съ замѣчательнѣйшими особами политическаго міра; сверхт

шого, внесенъ съ большимъ шланжомъ. 2-е *Mémoires du C- te de Beaussat, Préfet du Palais de Napoléon*. Если кто любопытенъ знать, какъ завтракала, обѣдала и ужинала бывшій Императоръ Французовъ, тогь можетъ въ сей книгѣ почерпнуть подробныя свѣдѣнiя по сему предмету; есть, нѣкоторыя отрывки довольно занимательные, но вообще книга отъбывается куднею. — 3-е *Mémoires d'une comtesse*. Какая-то женщина, бывшая, по словамъ ея, свидѣтельницею значительнѣйшихъ событiй нашего вѣка, съ ребяческимъ чистосердечiемъ разсказываетъ все свои любовныя и другiя споможденiя, называя по именамъ всехъ людей, съ которыми она была въ тѣсныхъ связяхъ; многiе изъ нихъ вытѣ устарѣли и занимають первыя мѣста въ государствѣ; современница безъ жалости открываетъ заблужденiя и нелюбви ихъ молодости. Хотя она и утверждаетъ, что перомъ ея управляла женщина, но я не очень вѣрю ея разсказамъ; болѣе-же всего возбуждаетъ мое сомнѣнiе описанiе ея происхожденiя: она называетъ себя Венгеркою и говоритъ, что происходить отъ знаменитой фамилии, что она дочь *Графа Толстаго* и ближайшая родственница многихъ Польскихъ Старосовъ, что она была за мужемъ за Голландцомъ фонъ М. — Не взирая на все это, книга имѣетъ большой успѣхъ. — На Французскомъ театрѣ появилась новая пьеса подъ заглавiемъ: *Emilio ou la folle*. Марсъ играетъ въ ней съ неописаннымъ совершенствомъ: она ужасна и неподражаема! Особенно въ послѣднемъ дѣйствiи, признаюсь, волосы мои не разъ становились дыбомъ и я мѣлъ отъ ужаса при видѣ Марсъ, въ образѣ бѣшеной женщины. Если-бы мнѣ предложили нарочно вѣхать изъ Москвы въ Па-

ришь съ тѣмъ, чтобы только видѣть дѣвицу Марсъ въ этой пещѣ и возвратишься назадъ, я пошчасъ-бы согласился.

Я. Т.

Литтературныя извѣстія.

Вотъ замѣчательныя новости изъ иностранныхъ журналовъ. Съ удовольствіемъ узнали мы, «нашумъ въ одной Англійской газетѣ, «вѣроятно и читателямъ также съ удовольствіемъ узнають о насъ, что В. Скоттъ, занимаясь огромнымъ историческимъ сочиненіемъ своимъ, для отдыха, продолжалъ и кончилъ новый романъ свой, коимъ начнется особенный отдѣлъ его романовъ, подь названіемъ: *Кромвельскія Лѣтописи* (the Chronicles of the Commonwealth). Романъ будетъ изданъ въ Октябрѣ сего года и вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ выданъ будетъ еще другой романъ В. Скотта, подь названіемъ: *Дѣдушкины повѣсти* (Tales of Grandfather), коего содержаніе взято изъ Шотландской Исторіи.»

Одинъ молодой Французъ, живущій въ Веймарѣ, пишетъ слѣдующее о славномъ Гёте. «Великому Поэту Германіи совершилось нынѣ 80 лѣтъ; но я видѣлъ его нѣсколько разъ въ домашнемъ кругѣ и по нѣскольку часовъ слушалъ, какъ Гёте говоритъ, соединяя съ обыннымъ и необыкновеннымъ умомъ старца убѣдительное краснорѣчіе и жаръ юноши. Гёте, съ седыми волосами и въ бѣломъ, какъ снѣгъ, плафронтъ своемъ, окруженный внучатами, играющими съ нимъ, похожъ на древняго Патріарха. Онъ много разсказывалъ намъ о томъ, что сдѣлалъ дѣньшъ и что хотѣлъ сдѣлать. Легко замѣшите, чье

Гёте дорожитъ своимъ славою; но являть не оскорбляешься, поэтому, чѣмъ ты шо видишь, какъ ондаешь онъ оправдываетъ другимъ. Онъ рассказываетъ съ чувствомъ о Шидлеръ; съ почтениемъ говоришь о Дарюппенъ и Мольеръ; удивляешься Гоголю; мануешь чинишь пьсьмъ Баранже и знаешь все, даже Царьскіе. водемли ныршніе. — Я читалъ въ рукописи новое, необыкновенное твореніе Гёте, которое скоро будетъ напечатано; онъ началъ его; будучи 77 лѣтъ; это дополненіе къ *Фаусту*, которое самъ Гёте называетъ фоншасмагорією, и нѣтъ кажется, это сочиненіе непереводимо. Между страннымъ и темнымъ, какая глубокость и поэзія! Не могу сказать вамъ, что это такое: отъ осады Трои до паденія Миссолунги; Греческая Мифология, средніе вѣки, Байронъ — все находится ушъ: это видѣніе волной, самобытней души! —

Журналистика.

У насъ являющіеся отъ времени до времени жалобы на изобиліе Журналовъ. Приводя въ доказательство довольно прозаическіе стихи:

. . . Вижу я въ странѣ моей родной,
Журналовъ тысячи, а книги ни одной,

жалобщики утверждаютъ, что бѣдные *Журналы* Русскіе виноваты въ неурожаѣ книгъ на почвѣ отечественной Литтературы. Основательно-ли это говорится? Всего назсе выходитъ теперь въ Россіи *шесть* литтературныхъ журналовъ, и шѣ не исполнѣ литтературные (всѣ-же другіе опредѣлены

на службу совершенно по какой-нибудь определенной части науки и искусства, а по существу повсему мыслять литературно не могут); во всяком, на два оригинальных счастия, вѣрно, восемь переводныхъ; спрашивается: какое-же мнѣнiе жалобщиковъ о Литтературахъ нашихъ; когда какое угрожающее поприще журнальное помагаютъ они главной причиною паденiя Литтературы (если только было чему падать)? Можно-бы поспорить съ ними: что помъ: точно-ли Журналы вредятъ успѣхамъ Литтературы. Но дѣло не въ этомъ спорѣ; мы сказали о Русскихъ журналахъ мелькомъ, и хотимъ поговорить совсѣмъ о другомъ.

Если есть гдѣ раздолье Журналистикѣ, то это въ Англии. По вѣрному счету, въ концѣ прошлаго года, въ Лондонѣ и Эдинбургѣ, главныхъ пунктахъ Англiйской Журналистики, издавалось болѣе сорока Газетъ и до ста пятидесяти Журналовъ, на нѣсколькихъ языкахъ. Это покажется для насъ невероятнымъ; но между тѣмъ совершенная правда. На Газеты въ Англии употреблялось еженедѣльно, въ 1826 г., 570,000 листовъ; надобно припомнить, что листы Англiйскихъ Газетъ вдвое болѣе Французскихъ и нашихъ Русскихъ, печатаются въ 4—5 колоннъ, самымъ мѣлкимъ шрифтомъ и что съ нихъ берется большая пошлина; но каковъ-же расходъ на Газеты, когда Перри, Издатель *Утренней Лѣтописи* (Morning Chronicle) продалъ, въ 1819 году, право на изданiе сей Газеты за 100 ш. ф. ст. (2,500,000 рублей)! Впрочемъ, Газеты, гдѣ пишутъ о политикѣ и всякой всячинѣ, гдѣ находятся извѣстiя обо всемъ, начиная съ тайнъ всего свѣта, до послѣдней драки на Лондонскихъ ули-

цахъ, читаются всѣми, и не диво, если послѣдній поденщикъ въ Англіи отдаетъ трудовой пенсъ свой за листокъ Газеты; количество и сбытъ Журналовъ Англійскихъ кажутся намъ болѣе удивительны. Надо было бы быть худа съ Англійской Литпературой, если Журналы почво-вредятъ литпературѣ; но въ Англіи она цвѣтетъ и благоденствуетъ, а журналы, сдѣлавшись общественною потребностію, находятъ себѣ многочисленную читательскую. Вотъ краткій обзоръ Англійской Журналистики за 1826-й годъ. Извѣстія выбираемъ мы болѣею частію изъ Журналовъ Франц. и Нѣмецкихъ, ибо Англійскихъ Журналовъ до нынѣ до насъ доходитъ немного, вѣроятно, по безмѣрной дороговизнѣ ихъ (*). Въ Англіи они не слишкомъ дороги, но перевозка набиваетъ цѣну.

Всѣ Англійскіе Журналы вообще можно раздѣлять, по времени изданія ихъ, на три части: одни выходятъ *черезъ три мѣсяца*; другіе *каждый мѣсяць*; третьи *каждую недѣлю*. По содержанію своему дѣлятся они: на журналы, *посвящаемые одному какому-либо предмету* и на *политическо-литпературные* или *критическіе*.

Поговоримъ о послѣднихъ: они гораздо важнѣе и народнѣе первыхъ и кругъ читателей ихъ обширнѣе и многообразнѣе. Всего болѣе придаетъ имъ живости ихъ взаимная оппозиція. Извѣстны двѣ партіи, давнѣе раздѣляющія политиковъ Англіи на *Вигговъ* и *Тори*; сіи партіи находятъ себѣ поборни-

(*) Вотъ цѣны нѣкоторыхъ Газетъ Англійскихъ въ Москвѣ, съ выдѣскою черезъ почту: The Courier 750; The new Times 750; British Press 700; Evening Mail 400; The Globe 700; The Morning Herald 700; The Observer 400; The Statesman 700; The Sun 700.

ковъ въ разныхъ Журналахъ, жарко спорятъ и пишутъ. Нѣсколько Журналовъ держатъ неутрали- шеть; есть и другія частныя измѣненія. Полити- ческое направленіе ошзывается въ либеральномъ духѣ почти каждаго Англійскаго Журнала.

Изъ всѣхъ заслужившихъ болѣе другихъ славы и уваженія должно почестъ первымъ извѣстное *Эдмбургское обозрѣніе* (*The Edinburgh Review*). Оно выходитъ въ Эдмбургѣ, черезъ три мѣсяца, книжками, листовъ въ 15. Его началъ Джефферсъ съ поваррицами; въ 1804 г. — Въ 1817 году рас- ходилось его 12,000 Экземпляровъ; теперь расхо- дится болѣе 15,000. Въ Обществѣ, издающемъ Жур- наль сей, всегда участвовали главнѣйшіе *Виги*, и нынѣ участвуютъ въ немъ Брумъ, Макинтошъ и многіе славные писатели Англій. Книжки состоятъ изъ большихъ рецензій и, рѣдко, статей о полѣ- тикѣ, Политической Экономіи, и п. п. — Книгъ въ рецензій входить немного; но разнообразіе вы- бора и особенный образъ критики, особенный спо- собъ писать статьи о книгахъ, раздвигая объемъ возрѣнія на сущность предмета и удаляя подроб- ности, даетъ Журналу великую важность. Полное собраніе *Эдм. обозрѣній* драгоцѣнно, и первые годы его донынѣ нѣсколько разъ были перепечата- ны. Журналь спрашенъ своимъ ученымъ критиче- скимъ трибуналомъ и его не могло уронить даже грозное перо Байрона, когда Издатели опозвались невыгодно о первыхъ сочиненіяхъ Поэта. Напра- вленіе *Эд. обозр.* обращено было прежде явно къ сторонѣ *Виговъ* или конституціонной; но со вре- мени принятія должности главнаго Редактора Макъ-Колокомъ, извѣстными сочиненіями своими о

Политической Экономии, Журналъ въ полнѣмъ сдѣлался умѣреннымъ. — Джеффри, человекъ неуспевающий, вспыльчивый, самъ былъ причиною появленія сильнаго Литературно-Политическаго противника. The Quarterly Review, составился въ 1812 году, когда одинъ изъ сотрудниковъ Edinb. Rev. Джиффордъ, поссорился съ Эдмбургскою редакціею и рѣшился основать отдѣльный журналъ, совершенно предавшійся партіи Торъ, или Аристократической. Сей Журналъ съ тѣхъ поръ выходитъ въ Лондонѣ, огромными китками, также четыре раза въ годъ, и вообще въ расположеніи и образѣ статей совершенно сходно съ своимъ родоначальникомъ Обзорніемъ Эдмбургскимъ: однѣ рецензіи составляютъ и здѣсь всю сущность. Джиффорда смѣнилъ въ редакціи Колериджъ, известный врагъ Байрона и смиранный Поэтъ. Нынѣ главный Редакторъ, зять В. Скоцша, Доктаръ Витсъ съ нимъ работающъ придворный Поэтъ Сутей, Кракеръ, Мильманъ и многіе другіе известные люди. Число подписчиковъ простирается до 12,000. Кришика и голосъ сего изданія уважаются въ Англіи, хотя иногда аристократизмъ дѣйствуетъ сильно на Издателей. Все старое, все феодальное находитъ себѣ сильную защиту въ Quarterly Review, для котораго, слова: *иностранное и новое*, синонимы худаго и негоднаго.

Напакѣмъ - же почто планъ и расположеніи, какъ Эдмбургское и Лондонское Обзорнія, основалось въ 1824 году, по всѣмъ догадкамъ подъ покровительствомъ Каннинга, совершенный противникъ того и другаго Журнала, *Вестминстерское Обзорніе* (Westminster Review), къ кошорому при-

совокуплялись сильные реформаторы Английской Политики и Литературы: Бейшамъ, Милль, Боу-рингъ, Пласъ и проч. Самъ Каннингъ писалъ по нѣскольку статей въ годъ для сего Журнала, и по-тому самымъ политическаго содержания въ семъ журналѣ почитался Англичанами почти полу-официальными.

Вотъ три главные аплета Английской Журналистики. На нихъ обращено всеобщее вниманіе Англии; появленіи ихъ книжекъ трепещутъ поэты и прозаики, жадутъ министры, члены Парламента, ученые люди, простые читатели. Нѣсколько тысячъ экземпляровъ ихъ разлетается по всему свѣту, отъ Бенгала до Канады и отъ Архангельска до Новой Голландіи. Всѣ другіе соотечественники сихъ великановъ на журнальномъ поприщѣ, или слишкомъ новы, или меркнутъ передъ блескомъ Журнальнаго триумвирата Великобританіи. Но часто управляемые духомъ парцій, шри соперника: входятъ въ споры и впадаютъ въ противорѣчія. Разумѣется, что просвѣщенные читатели знаютъ, чему въ нихъ вѣрить: они покупали Байроновы поэмы, хотя ихъ бранило Эдмб. обозрѣніе, и восхищались Каннингомъ, хотя Quarterly Review отпускало на него колкія стрѣлы. Нѣсколько разъ было однакожь предпринимается противодоставить всемъ премъ Обзорѣніямъ, диктаторствующимъ въ литературѣ и политикѣ Английской, сильную оппозицію истины. Индійскіе мудрецы говорили, что истина сидитъ въ какомъ-то колодцѣ, а Греческіе поэты заспавляли ее давнымъ-давно улетать въ Элизій; по крайней мѣрѣ всѣ покушенія оппозиціи во имя истины, въ этомъ случаѣ, донинѣ были неудачны: *безпристрастные*

Журналы казались бездѣшны, сухи и вялы для Англичанъ всякъ партей и умирали недолговѣчны. Такъ, въ 1826 г., скончалось *Европейское обозрѣніе* (*The European Review*), которое издавалось сначала каждыи мѣсяць, а потомъ объявило себя или *Внеомъ*, или *Тери*, или *Радикаломъ*, сдѣлалось трехъ-мѣсячнымъ и умерло за немнѣишемъ подписчиковъ. Больше надѣюшая на успѣхъ начатаго Общественномъ молодыхъ Литтераторовъ, въ прошломъ году: *The Quarterly metropolitan Magazine*, въ которомъ Издаватели рѣшились не спускаться ни одному пристрастію, ни одному несправедливому мнѣнію. Съ первой книжки они указали *Quarterly Review* на его излишнее пристрастіе ко всему Англійскому и неуваженіе ко всему иностранному и *Блаквудскому Магазину* (о которомъ мы скажемъ послѣ), на его бравчивость и личности. Впрочемъ, по началу судить трудно.

Другіе трехъ-мѣсячныя журналы, предназначенныя Политикъ и Литтературъ, суть: *The Representative Review* (изд. въ Лондонѣ съ 1823 года), *Журналъ прошедшаго*, какъ называющъ его другіе Журналы. Мысль Издавателей: указывать на все старое, достойное вниманія и забытое. Говорящъ, что много любопытнаго въ забытомъ показываютъ Издаватели; но прочитавъ заглавія нѣхъ книгъ, о которыхъ почли они заблаго надпомнить читателямъ въ 14-ши книж., вышедшихъ по 1827 годъ, какъ-то сомнѣваешься въ эпомъ. — *Британское Обозрѣніе* (*The British Review*) и *The Quarterly Magazine*, Лондонскіе Журналы, предназначенныя, какъ и три главные Обозрѣнія, Литтературъ и Политикъ и *Альбомъ* (*The Album*), долженствовавшій вмѣщать въ себя

Полишику между сказокъ, басенъ, стиховъ и рецензій, были въ немилости публики съ самаго появленія и оба послѣдніе Журнала уже погибли въ дѣтскомъ возрастѣ; Бришанское обозрѣніе еще держится, но слабо. Издатели смѣхъ Журналовъ люди совсѣмъ неизвѣстные и Журналы нѣмѣ были опдичены. Наконецъ, еще недавно явился новый трех-мѣсячный Журналъ, который можетъ понравиться страннымъ планомъ. Издатели собираютъ всѣ брошюрки и опдѣльно напечатанныя небольшія политическія сочиненія, рѣчи и проч., и шутъ являющся на сцену Бурдешъ, Прадшъ, Брумъ, Б. Конспанъ, Шамобрианъ, Курье и проч. и проч. Имя Журналу дано сообразно содержанію: *The Pamphleteer* (*Памфлетёръ*).

Выходцы изъ Испаніи и изъ Южной Америки нѣсколько разъ принималше въ Англіи издавать Журналы на своемъ родномъ языкѣ, и съ 1826 года образовали наконецъ два трех-мѣсячные: *El Repertorio Americano* (Американское собраніе) и *Correo literario y politico de Londres* (Литературн. и политическ. Лондонскій Вѣстникъ). Они помѣщаютъ въ нихъ собственныя сочиненія, стихи и прозу, переводы избранныхъ Франц. и Англійскихъ статей, полишику и проч.

(Будетъ продолженіе.)

Журнальный свѣдѣніи.

П а р и ж с к і я м о д и (*).

La plus renommée des danseuses du Ranelagh avait dernièrement dans les cheveux des paquerettes bleues à très-longue tige. Ces fleurs étaient placées entre les hautes boucles qui formaient le noeud d'Apollon. La robe, en mousseline anglaise, à raies blanc sur blanc, n'avait dans sa partie inférieure, qu'un ourlet; mais le corsage à gerbe était bordé d'un volant. Un large poignet à cinq boutons fermait des manches longues en tulle, froncées sur l'avant-bras.

Beaucoup de jeunes personnes avaient des roses, ou des reines-marguerites sur les cheveux; d'autres, de la tubéreuse ou du jasmin d'Espagne monté en guirlande. Presque toutes portaient de grosses touffes de cheveux noigés sur les tempes. Il faut excepter quelques étrangères, en cheveux lisses sur le front, et à l'enfant par derrière.

Les robes étaient presque toutes blanches ou couleur de rose; quelques unes étaient bleues, quelques autres jaunes.

De très-jolies femmes, des toilettes extrêmement fraîches, les plus beaux cachemires, les plumets renoués de la plus grande dimension, des canezous de tulle brodé en reprises, des mantilles à bouts carrés brodées au plumetis et à palmes de cachemire en coton blanc; des chapeaux ornés de fleurs volumineuses et de coques de rubans accolés; des robes de gros de Naples avec biais retroussé et dentelé en haut; voilà ce qu'offrait Tivoli le 7 septembre. Comme pour servir de pendant au manteau de la dernière fête extraordinaire, une dame, en rose vif de la tête aux pieds, avait un boa de martre.

На послѣднемъ балѣ въ Раннелэгъ, знаменитѣйшая танцовщица сего собранія явилась съ голубыми маргаритками на головѣ, укрѣпленными на весьма длинныхъ спелбелкахъ. Цвѣты сіи были рас-

(*) До 15 Сентября (н. с.) 1827 г.

положены между высокими буклями, составлявшими узелъ Аполлоновъ. Платье изъ Англійской кисеи, съ бѣлыми по бѣлому полосами, внизу было обшито вросло; но корсажъ платья, сдѣланный снопомъ (*à gerbe*), обшитъ былъ воланомъ. Длинные, тюлевые рукава, съ неровными складками (*fronces*) на передней части рукъ были заснегнуты пятью пуговицами, составлявшими широкое запястье.

У многихъ молодыхъ особъ были на головахъ розы, или Королевины астры; у нѣкоторыхъ туберозы, или Испанскій жасминъ, гирлядою. Почти у всѣхъ волосы на вискахъ были большими пучками, какъ ситъ на вѣянныхъ. Только у нѣкоторыхъ иностранныхъ дамъ волосы напередѣ головы были причесаны гладко, а назадѣ *à l'enfant*.

Цвѣта платьевъ были главные: бѣлый и розовый; немногія платья замѣчены голубымъ и желтымъ.

Парижскій Издапель Моднаго Журнала, говоря о праздникѣ въ Тиволи, начинаешь комплиментомъ гостынямъ: »На гулянь въ Тиволи, 7 Сенсибря, мы видѣли прелестныхъ дамъ, новѣйшіе наряды, самыя красивыя шали, крученые плюмажи величайшаго размѣра, канезу изъ тюля, вышитыяго ушпумами; манпильи съ четвероугольными концами, вышитыя бѣлою хлопчатною бумагою, въ видѣ перьевъ и шалевыхъ узоровъ; шляпки, украшенныя огромными цвѣтами и пучками соединенныхъ лентъ (*assolés*), платья гроденаплевья съ подогнутымъ косякомъ, зубчатымъ въ верху. Какъ-бы для сообразности съ платьемъ, замѣченнымъ на послѣднемъ праздникѣ, одна дама, вся въ яркорозовомъ нарядѣ, была сверхъ того въ шумаковомъ боа.

На приложенной картинкѣ:

Креповая шляпка, украшенная перьями и газовыми лентами. Кисейное платье, украшенное воланами и тюлевыми прошивками. Поясъ изъ ленты.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

*Пьемонтская кампанія Французовъ,
въ 1796 году (*).*

*(Отрывокъ изъ Исторіи Наполеона,
сочинен. В. Скоттомъ.)*

Самъ Наполеонъ замѣтилъ, что нѣтъ въ свѣтѣ странъ, у коихъ естественныя предѣлы были-бы опредѣлены съ большею точностью, какъ предѣлы Италіи. Альпійскія горы кажутся оцѣломъ, воздвигнутымъ самою природою; исполненными буквами, кажется, она начертила на нихъ: «Здѣсь остановился честолюбіе!». Между тѣмъ, это прозябаніе горъ не могло удержать Римлянъ, перешедшихъ его громить свѣтъ, и со времянь Аннибала оно всегда оказывалось недоспащочнымъ

(*) Статья присланная, за которую Издатель Телеграфа поставилъ долгомъ благодарить Г-на Переводчика.

Ч. XVII. No 18.

Е

для защиты Италіи отъ нападений. Французы, въ эпоху нами описываемую, дѣйствительно говорили объ Альпахъ, какъ объ естественныхъ предѣлахъ Италіи, для того, что-бы имѣть право объявить частію своихъ владѣній все, что находится на западъ отъ сихъ горъ; но они не думали почитать Альпы предѣломъ, когда дѣло шло о захваченіи земель отъ государствъ, на сей границъ, или за нею находившихся. Французы провозглашали законъ естественныхъ предѣловъ, какъ неопровержимое правило, когда былъ онъ въ пользу Франціи, и никогда не позволяли ссыласть на него вопреки ихъ выгодамъ.

Въ войнахъ революціонныхъ удача сраженій измѣнялась, отъ времени до времени, въ сосѣдствѣ Альповъ, сихъ важныхъ оплошовъ Италіи. Король Сардинскій имѣлъ въ своей власпи почти всѣ криткія мѣста, повелѣвавшія дефилеями. Это заставляло говорить, что Король носитъ ключи Альпійскихъ горъ на своемъ поясѣ. Онъ потерялъ, правда, Савойское Герцогство и Графство Ниццу въ послѣднюю кампанію; но стоялъ еще противъ Французовъ съ значительнымъ войскомъ и былъ подкрѣпленъ могущимъ союзникомъ, Императоромъ Австрійскимъ, всегда бдительными очами надзиравшимъ за богатою и прекрасною частію своихъ владѣній, простиравшихся на сѣверъ Италіи. Такимъ образомъ, границы Піемонта были закрыты

сильнымъ Австро - Сардинскимъ войскомъ , могшимъ противостать впаденію Французскаго войска , котораго Наполеонъ объявленъ былъ главнымъ начальникомъ. Войска Неаполитанскія также присовокуплены были къ силамъ союзниковъ , такъ , что число ихъ вообще далеко превосходило Французскія силы ; но большая частьъ , составляя гарнизоны , заперлась по такимъ мѣстамъ , конхъ не лзя было оставить.

Можно вообразить горячность , съ какою полководецъ , едва - ли имѣвшій двадцать шесть лѣтъ отъ роду , двинулся на независимое поприще славы и завоеваній , полный довѣренности къ самому себѣ и съ совершеннымъ знаніемъ страны , приобретеннымъ въ то время , когда своимъ искуснымъ планомъ военныхъ дѣйствій онъ далъ возможность Генералу Дюморбіону прогнать Австрійцовъ и завладѣть ущельями Тенды и Саорджіо и проходами въ Высшихъ Альпахъ. Подвиги Бонапарте до сихъ поръ производимы были подъ начальствомъ другихъ ; онъ располагалъ осадю Тулона , но къ заслугамъ Дюгомье отнесено было взятіе сей крѣпости ; достоинства Дюморбіона , какъ мы уже говорили , приписаны всѣмъ преимуществамъ , полученнымъ въ Піемонтѣ , и даже , въ день 13 Вандеміора , видимыя заслуги Бонапарте остались второстепенными , помраченныя оффиціальнымъ званіемъ Барраса , бывшаго тогда главнымъ начальникомъ. Но если су-

ждено было Наполеону сорвать несколько лавровъ въ Италіи, сіи лавры должны были принадлежать ему одному: какъ радостно билось честолюбивое сердце этого чловѣка, идущаго на слѣхъ условіяхъ ищающаго опасностей! Съ какимъ жаромъ проницательный умъ его долженъ былъ обдумывать и готовить средства успѣховъ!

Бонапарте особенно надѣялся на систему шактики, до того времени неизвѣстную, или по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ испытанную въ маломъ видѣ и весьма несовершенно. Здѣсь будетъ къ тому основаніе и дашь общее понятіе о началахъ военнаго искусства, которыя хотѣлъ онъ употребить въ дѣйствіе.

Народы въ дикомъ состояніи, ведя непрерывную войну, всегда составляли себѣ особенный образъ военныхъ дѣйствій, приспособленный къ землѣ, ими обитаемой и оружію, ими употребляемому. Обитатели Сѣверной Америки бывають снабжены своимъ ружьемъ, употребляя его, какъ стрѣлокъ. Онъ залегаетъ въ неприступныхъ лѣсахъ и истощаетъ всѣ хитрости нерегулярной войны, заводя въ обманъ непріятеля. Арабы, или Скифы, рассыпали по своимъ степямъ конныя войска, спараясь, какъ будто шучею, обхвативъ непріятеля и испребишь его своими нечаянными нападеніями, послѣдними опустошеніями; неожиданнымъ манѣвромъ соединяясь вновь, опустошая страну. во-

дуть непріятеля, оббивая обозы, они, въ
второмъ образѣ, приводили въ дѣйстви-
ельность войны, приличнѣе народу, пре-
восходному своей легкой конницею.

Первый вѣкъ образованности бываеши
вѣнне благопріятель успѣхамъ войны. По-
срѣдѣ того, какъ народъ успѣваетъ въ вѣ-
дѣствахъ, плодахъ мира, и какъ характеръ
юна переснаеши быти совершенно не-
опдѣльнымъ опъ характера мирнаго гра-
жданина, система естественной тактики
переснаеши быти употребляема, и когда
впаденія чужеземцовъ, или междуособныхъ
войны, призываюши жителей къ оружію,
они стараются только встрѣтити своихъ
непріятелей, ринувшись на нихъ и предавши
обстоятельства сраженія превосходству
силы, храбрости или числа. Можемъ ви-
дѣти примѣръ въ междуособной войнѣ,
бывшей въ Англіи, гдѣ люди обѣихъ пар-
тій сражались почти въ каждой области
Королевства, безъ всякихъ соображеній, не
думая соединяться, поддерживающъ себя
взаимно и дѣйствовашъ такимъ образомъ,
чтобы изъ опдѣльныхъ отрядовъ ихъ об-
разовалось войско, превосходящее непрі-
ятелей силами. По крайней мѣрѣ, все то,
на что покушались въ семъ родѣ дѣйствій,
было производимо по самымъ грубымъ
планамъ, ибо въ иномъ сраженіи, часть
войска, одержавшая вѣкошорое преимущест-
во, преслѣдовала своего непріятеля,
сколько могла, не пользуясь своими успѣ-

жизни и не поддерживал своих соратниковъ, еще непобѣдившихъ непріятеля, такъ, что иногда главный корпусъ одной и той же арміи бѣжалъ разбитый, въ то время, когда одно изъ крыльевъ его побѣдоносно преслѣдовало непріятеля, дрогнувшаго отъ первой атаки.

Но военное ремесло дѣлается наконецъ должностнымъ занятіемъ и предметомъ глубокаго изученія, и тогда мало помалу открываютъ, что основанія тактики утверждены на знаніяхъ математическихъ и что побѣда увѣнчаетъ полководца, могущаго соединить большее количество войска на одномъ пунктѣ и въ одно время, не смотря на численно-меньшее количество войскъ. Никто лучше Наполеона не обладалъ гениемъ исчисленій и соображеній, необходимыхъ для направленія такихъ рѣшительныхъ маневровъ.

Въ этомъ, дѣйствительно, состояла Наполеонова тайна (какъ называли ее нѣсколько времени): она заключалась въ воображеніи, обильномъ на такіа средства, которыя никогда не пришли-бы въ голову другаго, въ ясности и точности плановъ, въ образъ направленія движеній отдѣльныхъ колоннъ, съ увѣренностію полководца, что каждая изъ дивизій, долженствовавшихъ исполнить движенія, придетъ къ назначенному мѣсту въ ту самую минуту, когда ея дѣйствіе сдѣлается необходимо; наконецъ, тайна Наполеонова состоя-

для всего болѣе въ томъ глубокомъ знаніи, по которому возвышенный гений его умѣлъ выбрать для себя второстепенныхъ дѣйствователей, наиболѣе способныхъ, привязать ихъ къ себѣ, и изъясняя каждому изъ нихъ, что должно было ему знать изъ общихъ плановъ; быть чрезъ то увѣреннымъ въ исполненіи порученнаго, со всею врожденною способностію исполнителя.

Такимъ образомъ, манѣвры Наполеона, какъ ни были они смѣлы, осуществлялись не только съ точностію, какой операціи военныя допуть не достигали, но и съ быстротою, почти всегда имѣвшею дѣйствіе нечаянности. Наполеонъ молніей являлся передъ непріятелями, и когда повторенные опыты приучили ихъ къ удивительной быстротѣ его движеній, вышло, что часто ожидали его атакъ въ положеніи сомнительномъ и нерѣшительномъ, когда съ меньшею остановкою, увидѣли - бы, что гораздо лучше предупредить его.

Великія пожертвованія были необходимы, дабы войска Французскія сдѣлать способными двигаться въ той степени скорости, какой преобладали соображенія Бонапарте. Онъ не зналъ никакихъ затрудненій и неожиданныхъ препятствій. Время, вычисленное имъ для исполненія предписаннаго движенія, не должно было быть пропущено ни подъ какимъ

предлогомъ. Колонна могла бросать обозы, усталыхъ людей, самую артиллерію, только - бы не опоздать на мѣсто своего назначенія. По сему - то, все, что до того времени считалось необходимымъ, не только для здоровья, но для самого существованія войскъ, было большею частью изгнано изъ Французскихъ армій, и въ первый разъ увидѣли войска, кочующія, безъ палашковъ, безъ полевыхъ снарядовъ, безъ провинскихъ магазиновъ, безъ военныхъ лазаретовъ. Солдаты ѣли и спали какъ могли, умирали, гдѣ падали, но всегда двигаясь впередъ, всегда сражаясь и всегда побѣждая.

Справедливо, что сей опказъ отъ всего, кромѣ побѣды, увеличивалъ обыкновенные ужасы войны. Солдаты, съ жельзомъ въ рукѣ и безъ хлѣба, дѣлался мародѣромъ и удовлетворялъ свои нужды грабежемъ; зло, имъ причиняемое, превышало удобства, какія онъ приобреталъ самому себѣ, ибо о военныхъ реквизиціяхъ можно сказать, что собирая ихъ, подражаютъ дикарямъ, рубящимъ дерево, когда хотѣли они снять съ него плоды. Между швѣдъ, копья и дорого покупаемое, но было однакожъ въ системѣ сей быстрой тактики преимущество: вѣрно приобрести то, что сомнительно было-бы въ войнѣ болѣе медленной, когда солдатъ правильно держалъ подъ законами строгой дисциплины. Наполеонова система разрушала войско болѣзнями, устало-

спію и всіми слѣдствіями диченій и нуждъ; но побѣда всегда за нимъ слѣдовала, и этого достаточно было пережившимъ, для забвенія ихъ трудовъ и для призванія новыхъ рекрутовъ въ замѣну погибшихъ. Терпѣливые въ трудахъ, живые и веселые, легко вознаграждаемые за спрдаанія успѣхами, Французскіе солдаты были именно тѣ люди, коихъ надобно было для исполненія шягоспной службы, при полководцѣ, въ копоромъ, съ врожденною имъ догадливостію, они скоро узнали челоука, вѣрно могущаго вести къ побѣдѣ воиновъ, готовыхъ сносить труды, какихъ спойшь будешь побѣда. Природное мѣстоположеніе гористыхъ земель, въ которыхъ Бонапарте въ первый разъ сдѣлалъ опытъ своей системы, было ему чрезвычайно благоприятно. Многочисленныя оборонительныя линіи заспаляли Авспрійскихъ полководцовъ оставаться неподвижными и занимать обширное пространство земель, по правиламъ старинной системы ихъ шапки. Но хотя обильныя на позиціи, съ перваго взгляда кажущіяся рѣшительно неприступными и часто такими почитаемыя, горы, представляли однакожь, при первомъ взглядѣ на нихъ великаго полководца, проходы, дефилеи и выходы, трудные и дополь незнаемые, которыми онъ могъ низпровергать позиціи, съ лица кажущіяся споль ужасными, и атакуя непришеля съ боковъ и съ щылу.

принуждаютъ его сражаться невыгодно или опуступать съ попереею.

Военныя силы, находившіяся подъ начальствомъ Бонапарте, простирались до 50 или 60 тысячъ добраго войска: большая часть его была выведена изъ Испаніи, въ слѣдствіе мира съ симъ Королевствомъ; но войско было худо одѣто и много спррадало въ горахъ, бесплодныхъ и покрытыхъ снѣгами. Конница особенно была въ худомъ состояніи; впрочемъ, родъ службы ея въ сихъ спранахъ не позволялъ дѣлать изъ нее большаго употребленія, слѣдовательно, сія невыгода была незначительная. По описанію Бонапарте, трудно вообразить себѣ нищету Французскихъ войскъ, до той самой эпохи, когда Альпійская кампанія была побѣдоносно кончена перемиріемъ въ Кераско. Уже много дѣтъ армейскіе офицеры не получали болѣе восьми франковъ въ мѣсяць за свое содержаніе; офицеры Главнаго Штаба не имѣли ни одной лошади. Бертье сохранялъ за рѣдкость одинъ изъ дневныхъ приказовъ, современныхъ побѣдъ при Албенга, въ которомъ великодушно назначалось въ награжденіе по при луйдора каждому дивизіонному генералу. Между генералами, конимъ сія награда была пособіемъ въ безмѣрности ихъ нуждъ, были, или могли быть, многіе изъ тѣхъ, чьи имена сдѣлались въ послѣдствіи честію и ужасомъ войны. Ожеро, Массена, Серрюрье,

Жуберъ, Ланнъ и Мюратъ, всѣ генералы пераго достоинства, служили подъ начальствомъ Бонапарте въ Италіанскихъ кампаніяхъ.

Позиція Французскихъ войскъ въ Италіи много разъ перемѣнялась съ Октябрю, 1795 года, послѣ нападенія при Каиро. Левая конечность линіи, въ сію эпоху простиравшаяся отъ юга къ сѣверу, упиралась въ ущелины Аргентинскія и сообщалась съ Высшими Альпами; центръ былъ въ ущельяхъ Тендскихъ и на горѣ Берспрандъ; правая сторона занимала высоты Сенъ-Бернарда, Сенъ-Жака и другихъ горъ въ одномъ направленіи, оканчиваясь на берегахъ Средиземнаго моря, близъ Финале.

Австрійцы, получивъ многочисленныя подкрѣпленія, напали на сію линію, взяли высоты горы Сенъ-Жака, и Келлерманъ, послѣ тщетныхъ усилій возстановить свою прежнюю позицію, принужденъ былъ отступить на оборонительную линію, болѣе западную, бывшую въ Боргетто, Келлерману, дѣятельному и хорошему бригадному генералу, недоставало дарованій быть главнымъ полководцемъ. Его смѣнили и Шерера назначили на его мѣсто; главнымъ начальникомъ Французской арміи въ Италіи. Сей полководецъ отважился на битву противъ Австрійцовъ, при Лоано, при чемъ Массена и Ожеро показали замѣчательныя дарованія. Побѣда, бывшая свидѣтельствомъ сего дѣла, выиграла Францу-

замѣ ливію Сень-Жака и Финале, которую Келлерманъ принужденъ былъ оставить, такъ, что съ извѣстной точки зрѣнія, обоюдная позиція обоихъ войскъ, другъ прошивъ друга, мало различествовала отъ той, въ какой оставилъ ихъ Бонапарте.

Но хотя Шереръ былъ побѣдителемъ, Директорія не хотѣла однакожь довѣрить ему смѣлаго плана: наступательно ударить на всю Альпійскую границу, внести войну въ Италію, принудить Австрійцовъ защищаться въ ихъ позиціяхъ, и чрезъ то уменьшить исполнскія усилія, которыхъ сія Держава не прекращала на Рейнъ, съ успѣхами переменчивыми, но всегда упорно. Управлявшіе тогда Франціею имѣли въ семъ планѣ еще другой предметъ: они хотѣли ужаснуть или низвергнуть Папу; онъ былъ ненависенъ имъ, какъ глава Каполической церкви, ибо преданность Французскаго духовенства ко всемъ рѣшеніямъ Римскаго Двора дѣлала для священниковъ обстоятельствомъ съ совѣстію несогласнымъ присягу въ вѣрности конституціи, особенно отвергаемой тѣми изъ нихъ, которыхъ болѣе почиталъ народъ. Приписывали также Папѣ, и его пріязнностямъ на первовластіе, междоусобную войну въ Вандеѣ, равно и всеобщее недоброхотство Каполическихъ на югъ Франціи.

Все это не было еще единственнымъ побужденіемъ непріязни, какую Директоры питали въ душахъ своихъ къ началь-

нину церкви Католической. Эй три года до
 того времени, Франція оскорблена была
 Дворомъ Римскимъ и оскорбленіе остава-
 лось неопищеннымъ. Обищатели Рима
 сильно вознегодовали, когда Французы, жи-
 вущіе въ Римѣ, и особенно юные худож-
 ники Французскіе, надѣли трехъ-цвѣтныхъ
 кокарды и рѣшили поставитъ гербъ
 Французской республики на воротахъ дома
 Французскаго Консула. Папа, чрезъ сво-
 его министра, изъявилъ желаніе, чшобы
 этого не было, ибо республика Француз-
 ская не была еще имъ Папою признана, какъ
 Правительство законное. Французы, не
 смотря на то, рѣшились исполнитъ свое
 предпріятіе. Изъ этого послѣдовало на-
 родное возмущеніе, и Папскія войска не
 постарались его утишить. Карету Фран-
 цузскаго посланника, или повѣреннаго въ
 дѣлахъ, Бассевиль, народъ остановилъ на
 улицѣ и принудилъ возвратиться назадъ;
 потомъ вломился въ самый домъ посольскій
 и Бассевиль былъ безчеловѣчно зарѣзанъ,
 хотя ни сколько не сопротивлялся и не
 былъ вооруженъ. Естественнo, что Фран-
 цузское Правительство смотрѣло на это
 происшествіе, какъ на поруганіе величайшее,
 и тѣмъ болѣе показывало желаніе быть
 удовлетвореннымъ за безчестіе, что тѣмъ
 подражало поступкамъ Римской республи-
 ки, хорошо или худо, но кажешся, всегда
 служившей для него образцомъ. Происше-

стале въ Римъ было въ 1798 году, но не было еще забыто и въ 1796.

Помышляя о мщеніи, Французское Правительство сначала располагало переправить въ Чивита-Веккіа десять тысячъ войскъ, съ повелѣніемъ: идти на Римъ и требовать отъ владѣтельнаго Понтифика полного удовлетворенія за убіеніе Бассевиля. Но Англійскій флотъ крейсировалъ въ Средиземномъ морѣ и казалось весьма сомнительнымъ успѣть перевезти до моря въ Чивита-Веккіа подобный корпусъ войскъ, не считая того, что если бы войска и переправились свободно, то были бы подвержены сомнительному жребію войны въ срединѣ Италіи, лишенные провіанта и всякихъ пособій, со всехъ сторонъ осажденныя и, вѣроятно, блокируемыя Англійскимъ флотомъ. Обо всемъ этомъ совѣщались съ Бонапарте; онъ отзывался, что прежде всего надобно овладѣть Сѣвѣрною Италією и тогда Французы будутъ въ состояніи приблизиться къ Риму и наказатъ его. Сей планъ, хотя и былъ почти столько же отваженъ, какъ и тотъ, который сначала предполагала Директорія; но все былъ онъ гораздо вѣрнѣе, ибо Наполеонъ хотѣлъ идти на Римъ въ такомъ уже случаѣ, когда могъ сохранить сообщенія съ Ломбардією и Тосканою, а ихъ должно было ему завоевать прежде.

Планъ: . . . перейти Альпы; и вступитъ въ Италію, во всехъ отношеніяхъ согласо-

маса съ честолюбивымъ и самонадѣя-
вымъ характеромъ полководца, которому
върли сіе предприятие. Онъ получивъ
власть отдѣльную, независимую, и полно-
мочіе дѣйствовать по своему собствен-
ному сужденію, на своей отвѣтственности,
нбо землякъ его, Представитель Саличел-
ли, сопровождавшій Наполеона, въ каче-
ствѣ Коммисара Правительства, не былъ
въ самомъ дѣлѣ расположенъ надѣяться ему
своими совѣтами. Прежде былъ онъ по-
кровителемъ Бонапарте, а теперь другомъ
его. Душа юнаго полководца попеременно
приготовлялась, или побѣдить, или все
пожертвовать; объ этомъ можно судить по
словамъ, какія сказалъ Бонапарте одному
изъ друзей своихъ, прѣщаясь съ нимъ: «Че-
резъ три мѣсяца, я въ Миланъ, или въ
Парижъ,» открывши такимъ образомъ и
свою надежду, усцѣха и свою предувѣрен-
ность, что дѣло шло о разрушеніи всѣхъ
его предположеній, если онъ будетъ по-
бѣжденъ.

Наполеонъ хотѣлъ возбудить храб-
рость воиновъ своихъ такими-же често-
любивыми надеждами, и для того обнаро-
довалъ онъ слѣдующее воззваніе къ арміи
Италійской:

»Воины!

»Вы наги, худо накормлены; Прави-
тельство должно вамъ много и ничего не
можетъ вамъ дать. Ваше терпѣніе, храб-
рость, какую мы показываемъ среди снѣжъ

успеховъ, удивительны; но они не доставляютъ вамъ никакой славы; никакой блескъ ея не освѣщается на васъ. Я хочу вознести васъ въ плодоноснѣйшую страну свѣта. Богатые области, большіе города будутъ въ вашей власти: тамъ найдете вы честь, славу и богатства. Воины Италійской арміи! не уже-ли не достигнете въ васъ храбрости или постоянства? —

Это значило показати оленя ищѣемымъ собакамъ, въ ту мину, когда спускаютъ свору. . . .

Австро-Сардинская армія, которую вѣдѣлъ передъ собою Бонапарте, была подъ начальствомъ Вольё, Австрійскаго генерала, съ большою опытностію и съ нѣкоторыми дарованіями, но старика, почти 75-лѣтняго, привыкшаго, въ теченіе всей своей жизни, слѣдовать старинной тактикѣ; потому, онъ не могъ даже подозрѣвать, не только предугадать или испровергнуть намѣренія, предположенныя тактикою полководцемъ, каковъ былъ Наполеонъ.

Планъ впаденія въ Италію, составленный Бонапарте, различествовалъ отъ плановъ всѣхъ прежнихъ побѣдителей, проходившихъ въ сію прекрасную страну, но въ которыхымъ пунктамъ ея горнаго оплота. Изобрѣтательный геній Наполеона рѣшился достигнуть сей цѣли, обогнувъ южную оконечность Альповъ, удаляясь, какъ можно менѣе отъ Средиземнаго моря и переходя

чрезъ владѣнія Генуэзскія узкимъ проходомъ, называемымъ Бокешта, ведущимъ вокругъ оконечности Альповъ, между горами и моремъ. Такъ предполагалъ Бонапарше проникнуть въ Италію по самому низкому просіранству сей страны, и это естественное долженствовало бытъ въ томъ мѣсѣцѣ, гдѣ цѣпь Альповъ соединяется съ Аппенинами. Пунктъ соединенія сихъ двухъ безмѣрныхъ цѣпей горъ есть вершина горы Сень-Жака, выше Генуи, гдѣ Альпы, простираясь на Сѣверо-Западъ, достигаютъ главнѣйшаго ихъ возвышенія, вершинъ Монблана, и гдѣ Аппенины, направляясь на юго-востокъ, постепенно возвышаются до Монте-Велино, высочайшей горы изъ всей Аппенинской цѣпи.

Дабы успѣшь обогнуть Альпы, какъ предполагалъ Бонапарше, необходимо надобно было ему совершенно переимѣнить позицію своей арміи. Войска, занимавшія оборонительную линію отъ сѣвера къ югу, должны были взять наступательную позицію отъ востока къ западу. Говоря о цѣлой арміи, какъ объ одномъ башальонѣ, Бонапарше собралъ свое воинство въ колонну, на правой сторонѣ линіи, имъ занимаемой. Этотъ манѣвръ былъ тонкій, трудный къ исполненію въ присутствіи дѣятельнаго непріятеля, превосходнаго числомъ, и Наполеону не позволили исполнить его безъ препятствій.

Ч. XVII. No 18.

Ж

Едва узнавъ Болёе, что полководец Французскій сосредоточилъ свои силы и перемѣнилъ позиціи, онъ поспѣшилъ прикрыть Геную: безъ овладѣнія симъ городомъ, или, по крайней мѣрѣ, окружающею его страню, Бонапарше трудно было бы исполнить свое намѣреніе. Полководецъ Австрійскій раздѣлилъ войска на три корпуса: Колли, съ Сардинскою дивизією, посланъ былъ направо у Чева; среднее опдѣленіе, подъ начальствомъ Аргенпо, имѣя главную кварширу въ Сазіелло, получило повелѣніе идти на гору, называемую Моншенопше, и двѣ деревни сего имени, соседнія крѣпкой позиціи близь Моншедегино, которою уже овладѣли Французы, дабы прикрыть флангъ свой въ маршѣ на воспокъ. Самъ Болёе, съ лѣвымъ крыломъ, отправился отъ Нови на Волтри, маленькій городокъ, въ десяти миляхъ отъ Генуи, защищающій сей древній городъ, хотя независимость и неуспралипель его, по видимому, долженствовали бытъ мало уважаемы. Такимъ образомъ, казалось, что въ то время, какъ Французы пытались проникнуть въ Италію, приближаясь изъ Саваои по Генуэзской дорогѣ, линія ихъ марша была угрожаема во флангъ тремя Австро-Сардинскими арміями, спешившими съ вершинъ Альпійскихъ горъ. Но, не смотря на свои искусныя диспозиціи, Болёе встрѣчалъ большое неудобство, шедя въ гористой странѣ сообще-

мія между прями оповдденіями своей арміи; сверхъ того, трудно ему было соединить ихъ на одномъ пунктѣ, если-бы это сдѣлалось необходимымъ, тогда, какъ внутренняя линія, по которой маневрировали Французы, позволяла имъ обще дѣйствовать въ своихъ операціяхъ.

10 Апрѣля, 1796 г. Аргенто съ Австро-Сардинскою дивизією отправился на Монпеношпе; между тѣмъ, въ лѣвой сторонѣ Больё напалъ на авангардъ Французскій, дошедшій уже до Водпри. Генералъ Червоки, начальствовавшій Французскою дивизією, ашпакованною войсками Больё, принужденъ былъ опуститься къ главной арміи, и если-бы нападеніе Аргенто было также сильно, или увѣнчано равнымъ успѣхомъ; слава Бонапарте могла-бы быть задушена въ самомъ ея рожденіи. Но полковникъ Рампонъ, Французскій офицеръ, начальствовавшій редутомъ при Монтелегино, остановилъ Аргенто рѣшительнымъ сопротивленіемъ. Имъ не болѣе 1500 человекъ, онъ вдохнулъ имъ свою храбрость, заставивъ поклясться удержатъ свой постъ или умереть, и продолжалъ защищать редутъ весь день 11 Апрѣля, до тѣхъ поръ, пока Аргенто, сильно пораженный въ послѣдствіи, за то, что не сдѣлалъ дальнѣйшихъ усилій выбить непріятеля, отступилъ вечеромъ, въ намѣреніи возобновить ашпаку на другой день поутру.

Но поутру 12 ч., Австрійскій генераль нашель самого себя обхваченнымъ Французами. Червони, отступая отъ войскъ Больё, соединилсъ съ Ла-Гарпомъ; оба корпуса подвинулись на сѣверь, въ ночь на 11-е ч., и утвердились позади редушовъ при Моншелегино, столь храбро защищенныхъ Рампономъ. Это еще было не все: дивизи Ожеро и Массены шли по разнымъ дорогамъ на флангъ и аррьергардъ корпуса Аргенто, шакъ, что на другой день утромъ Австрійскій генераль, вмѣсто возобновленія ашпаки на Французскіе редушты, принужденъ былъ спасашь себя бѣдственнымъ отступленіемъ, оставя знамена, пушки, тысячу человекъ убитыми и 2000 ранеными.

Такова была *Моншеноттская битва*, первая побѣда Бонапарте, гдѣ шакъ торжественно показаль онъ эту математическую достоверность соображеній, которая послѣ, въ достопамятнѣйшихъ случаяхъ, когда силы его бывали слабѣе непріателя числомъ и по видимому въ невыгодной позиціи, всегда поставляла его въ возможность сосредоточивашь въ одно мгновение свои войска и бить непріателя, поражая его въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ почиталь себя сильнѣйшимъ. Бонапарте собралъ при Моншенотте превосходнѣйшую силу противъ центра Австрійской арміи и уничтожилъ его, въ то время, когда Коли на правой и самъ Больё на лѣвой сторонѣ, оба съ много-

численными войсками, даже и не знали о сраженіи до тѣхъ поръ, пока оно не было кончено и поперяно.

Въ слѣдствіе успѣховъ при Монтепошпе и пораженія Австрійцовъ, Французы овладѣли Каиро и очутились въ той споронѣ, гдѣ Альпы проспираются къ Ломбардіи, и горные попоки, сбѣгая съ нихъ, впадають въ По.

Между тѣмъ, Больѣ приближился было къ Волпри, когда Французы удалились опшуда, сгущаясь проливъ Аргеншо. Теперь Больѣ принуждеңъ былъ повернуть, какъ можно поспѣшнѣе, на Дего, въ Бормидской долинѣ, спараясь воспановитъ сообщенія съ лѣвымъ крыломъ своей арміи, преимущесвенно сосшавленнымъ изъ Сардинскихъ войскъ, отъ которыхъ былъ онъ почти опрѣзанъ разбиіемъ центра. Генераль Колли, соопшѣтспвеннымъ движеніемъ влѣво, занялъ Миллезимо, небольшой городокъ, около девяти миль располніемъ отъ Дего, утвердивъ и сохранивъ свои сообщенія посрѣдствомъ одной бригады, поставленной на высотахъ Біаспро. Крѣпостью своей позиціи, хотя войска его имѣли слабое взаимное сообщеніе, Больѣ надвляся удержашься на пространствѣ, имъ занимаемомъ, до тѣхъ поръ, пока могъ получить помощь изъ Ломбардіи и отврапитъ послѣдствія разбиіи при Монтепошпе. Но пропивникъ его не

думалъ дать непріятелю своему подобнаго отдыха.

Французская армія, съ рѣшимостію на общую атаку по всѣмъ пунктамъ, занятымъ Австрійцами, немедленно приближилась према корпусами, на протяженіи четырехъ миль. Ожеро, въ головѣ дивизіи, небывшей на сраженіи при Монте-ноппе, шелъ влѣво прошивъ Миллезимо; центръ, подъ начальствомъ Массены, направлень былъ на Дего, по Борнидской долинь; правое крыло, подъ начальствомъ Ла - Гарпа, манѣврировало вправѣ, въ намереніи обойти лѣвый флангъ Болѣ. Ожеро первый вступилъ въ бой съ непріателемъ. Онъ двинулся на генерала Коли, 13 Апрѣля: солдаты, завистливые къ славѣ, приобрѣтенной ихъ соратниками, напали съ величайшею храбростію. Они бросились на выдвинутые впередъ посты Сардинской арміи, при Миллезимо, сбили ихъ, овладѣли проходомъ, ихъ защищавшимъ и опдѣлили такимъ образомъ опъ Сардинской арміи корпусъ войскъ, около 2000 человекъ, подъ начальствомъ Австрійскаго генерала Проверы, занимавшаго опдѣльную возвышенность, именуемую Коссаріа и закрывавшую лѣвую оконечность позиціи генерала Коли. Но Австрійцы оказали здѣсь храбрость самую упорную. Обхваченные непріателемъ, они бросились въ развалившійся замокъ Коссаріа, стоявшій на сей возвышенности и казались рас-

положенными защищаться итуть до послѣдней крайности, пѣвъ болѣе, что видя съ башенъ сего крѣпкаго замка Сардинцовъ, опть которыхъ были опрѣзаны, они надѣялись, что продолжая сражаться, могутъ надѣяться на другой день освобожденія.

Самъ Бонапарте явился здѣсь, и видя необходимость выбить непріятеля изъ сего важнаго мѣста, приказалъ сдѣлать, одна за другою, три ашпаки. Жуберъ, въ головѣ одной изъ колоннъ, бросившихся въ ашпаку, сражался храбро и вошелъ уже во вѣшнія укрѣпленія, съ шестью или семью другими офицерами, когда былъ раненъ въ голову. Генералъ Баланъ и Генералъ-Адъютантъ Кенеъ, оба пали впередъ колонны, ими предводительствуемой; Бонапарте принужденъ былъ оставить на ночь упорнаго Проверу повелителемъ замка. Утромъ 14 ч. явленіе совершенно перемѣнилось: Бонапарте удовольствовался блокадою замка Коссаріа и далъ сраженіе Генералу Колли, употреблявшему между пѣвъ разныя усилія пособить Проверѣ; все было тщетно: Колли разбилъ, опрѣзанъ опть Болѣе, и какъ могъ, опспунилъ къ Чева, оставя храбраго генерала Проверу его жребію. Провера принужденъ былъ сдаться безусловно.

Въ попѣ - же день Массена, съ центромъ Французской арміи, напалъ на высоты Біастро, пунжшъ соединенія между Болѣе и Колли, между пѣвъ, какъ Ла-Гарпъ,

прошедшій по долину Борнидекой, гдѣ солдаты его брели по пояси въ воду, напалъ съ фронта и съ фланга на деревню Дего, занятую главнокомандующимъ Австрійскою арміею. Первое нападеніе имѣло полный успѣхъ: высоты Біастро были схвачены и Піемонтцы обращены въ бѣгство. Нападеніе на Дего было не менѣе счастливо, хотя сраженіе завязалось жестокое. Больё принудили отступити и совершенно опдѣлили его отъ Сардинцовъ, до сего времени дѣйствовавшихъ съ нимъ заодно. Защитники Италіи начали отступать по разнымъ направленіямъ: Если успѣлъ оподвинуться на западъ, къ Чева, въ то время, когда Больё, сильно истощенный въ трудномъ мѣстоположеніи, отступилъ на Акви.

На другой день, побѣда, казалось, едва не была вырвана изъ рукъ побѣдителей. Дивизія Австрійскихъ войскъ, поздне другихъ опсавившая Волпри и манёвировавшая для соединенія съ войскомъ Главнокомандующаго, нашла позицію, которую наканунѣ занималъ Больё, уже во власти непріятели. Австрійцы явились здѣсь, какъ люди совершенно поперявшіе дорогу и невольно должны были изумиться, видя это мѣстоположеніе въ рукахъ Французовъ. Но не колеблясь ни мало, они напали на непріятели, быспрою аптакою прогнали его и воздвигнули на мѣстѣ битвы орловъ Австрійскихъ. Такое внезапное яв-

леніе произвело сильную тревогу. Французы не могли понять, какимъ образомъ нападеніе непріятеля сдѣлано со стороны противоположной той сторонѣ, куда онъ отступалъ, и такъ, что о движеніи непріятеля совсѣмъ не извѣстили ихъ передовые отряды изъ Акви.

Мгновенно прискакалъ Бонапарте въ Дего. Двѣ апштаки отбиты были Австрійцами, одна за другою; при третней апштакѣ генераль Ланюссъ, въ послѣдствіи убитый въ Египтѣ, надѣлъ шляпу свою на конецъ шпаги и штыками пробился въ деревню. Ланнъ, послѣ бывшій Герцогомъ Монпебелло, также опличился въ сей битвѣ храбростію и воинскими дарованіями; онъ былъ представлень отъ Бонапарте Директоріи, какъ достойный повышенія. Въ сраженіяхъ при Дего, вообще называемыхъ *битвою при Миллезимо*, Австро-Сардинская армія потеряла отъ 5 до 6000 человекъ, 30 пушекъ и большую часть своихъ обозовъ. Сверхъ того Австрійцы отдѣлены были отъ Сардинцовъ и полководцы начали замѣчать, что не только войска ихъ, но и сами они раздѣлены были противоположными побужденіями. Сардинцы старались закрыть Туринъ, въ то время, когда операціи Больё всегда, казалось, направлены были не допустить Французовъ до Миланскихъ областей.

Оставя достаточныя силы въ Бормида, сперечь Больё, Бонапарте обратился

всю свою армию на Колли, который, будучи ослабленъ и безъ всякой надежды на помощь, бросилъ свою оборонительную линію близъ Чева и удалился на линію близъ Танаро.

Тогда Наполеонъ перенесъ главную свою кварширу въ Чева. Съ вышины Монтеземмо, онъ могъ наслаждаться величественнымъ видомъ обильныхъ полей Пиемонтскихъ, проспировавшихся предъ его ногами въ безконечномъ обзорѣ, орошаемомъ По, Танаро и другими рѣками, текущими съ Альпійскихъ горъ. Сія богатая картина расплывалась, какъ Обыкновенная земля предъ глазами побѣдоноснаго войска. За нимъ остались, правда, не пустыни сыпучаго песку, подобныя швѣмъ, но кажимъ шель народъ избранный, но исполинскія громады утесовъ и неприспущныхъ горъ, увѣчаныхъ льдами и снѣгами, кажется, опредѣленныхъ природою бышь оплотомъ и гранью очасливыхъ обласпей, изумляющихъ на Воспокъ пришельца. Войска раздѣляли радость полководца, воспоржествовавшаго неслыханнымъ образомъ надъ сими ужасающими препяшешвіями. Бонапарте, хвалясь успѣхомъ, говорилъ своимъ офицерамъ, смотрѣвшимъ на великолѣпное зрѣлище, предъ ними бывшее: «Аннибалъ пробился сквозь Альпы; мы, мы обошли ихъ!»

Оробѣвшая армія Колли была ашпакована на опспупленіи своемъ, при Мон-

дови, съ двухъ разныхъ пунктовъ, двумя корпусами Бонапартевой арміи, подъ начальствомъ Массены и Серрюрье; послѣдній съ потерею былъ отраженъ Сардинскимъ генераломъ. Но когда Сардинскій полководецъ увидѣлъ во время схватки, что Массена слѣва обошелъ его линію и что такимъ образомъ Французы сжали его съ двухъ сторонъ, онъ увидѣлъ свою позицію почти опчаянною. Піемонтская конница еще усиливалась возобновить сраженіе: на одно мгновеніе она отбила и прогнала Французскую; Генераль Шпенгель старался соединить бѣгущихъ и былъ убитъ; но неукротимая храбрость Мюрана, можетъ быть, никогда не имѣваго равныхъ себѣ въ кавалерійскихъ атакахъ, скоро склонила счастье къ знаменамъ Французскимъ. Пѣхошу и конницу Колли принудили къ бѣдственному отступленію. Побѣда была рѣшительная и Сардинцы, потерявъ лучшихъ воиновъ, пушки, обозы, совершенно отрѣзанные отъ своихъ союзниковъ, видя себя открытыми совершенному уничтоженію отъ соединенныхъ силъ Французской арміи, потеряли всю надежду на возможность прикрыть Туринъ. Бонапарте пользовался успѣхами и завладѣвъ Кераско, спалъ только въ двухъ миляхъ разстояніемъ отъ столицы Піемонта.

Такъ счастье, въ одну кампанію, не болѣе мѣсяца продолжавшуюся, ввело сво-

его любимца въ полное обладаніе путемъ въ Италію, предметомъ его желаній, отдавъ во власть его горные проходы. Бонапарте выигралъ при битвы противъ силъ непріятельскихъ, превосходившихъ его силы; истребилъ у нихъ 25 тысячъ воиновъ, убитыхъ, раненыхъ или полоненныхъ Французами; взялъ 24 пушки и 21 знамя; принудилъ къ бездѣйствию Австрійскую армію; почти совершенно уничтожилъ Піемонтскую; установилъ свободное сообщеніе съ Франціею на всей восточной сторонѣ Альпійскихъ горъ, и съ Италіею, которая являлась передъ нимъ, казалось, приглашая его къ завоеванію. Но не такими лаврами должна была кончиться первая кампанія Бонапарте, когда столько средствъ открывалось ему на великой дѣйствицѣ событій, порожествовавшихъ новыя и важнѣйшія побѣды, съ блистательнѣйшими послѣдствіями. Глава Королевскаго Савойскаго дома, если и не бывшаго въ числѣ могущественнѣйшихъ державъ Европы, по крайней мѣрѣ, одного изъ почтеннѣйшихъ, печальнымъ опытомъ убѣдился, что имѣешь дѣло съ *сыномъ судьбы* (l'homme du destin): горделивое имя, данное въ послѣдствіи челоуѣку, которому, «на нѣкоторое время,» какъ вѣщаетъ Священное Писаніе, «дана была власть вязать владыкъ цѣпями и сильныхъ земли вервами желѣзными.»

Несчастливые остатки Сардинской армии удалились, или лучше сказать, бѣжали и остановились только въ двухъ миляхъ отъ Турина, безъ всякой надежды найдти какую-либо возможность еще оказать значительное защищеніе. Владѣтель Сардиніи, Піемонта и Савойи не видѣлъ другихъ средствъ сохранить столицу и даже самое существованіе свое на твердой землѣ, кромѣ покоренія, почти совершеннаго, въ волю побѣдителя. Да будетъ позволено здѣсь замѣнить, что Викторъ Амедей III; происходилъ отъ того поколѣнія героевъ, которое по особенному положенію государства, образующаго срединную, весьма важную страну, между Франціею и Австрійскими владѣніями въ Италіи, часто было призываемо представлять въ общихъ дѣлахъ Европы лицо, иногда превосходившее ту степень, на которую могло оно объявлять права; будучи домою Европейскихъ второстепенныхъ Государей. Государя Савойскаго дома вообще вознаграждали недостаткомъ могущества дарованіями и храбростію, дѣлавшими имъ величайшую честь, какъ полководцамъ и какъ политикамъ. Теперь Піемонтъ, въ свою очередь, находился предъ стопами непріятеля, побѣдившаго, съ силами меньшими числомъ, противъ силъ Піемонта. Кромѣ помышлений о прошедшей славѣ Государства, положеніе Короля Сардин-

окаго еще болѣе дѣлалось горестно по семейственнымъ отношеніямъ. Викторъ Амедей, пестрь Monsieur (въ то время именовавшагося Людовикомъ XVIII-мъ) и Графъ Д'Аршуа (нынѣшняго Короля Франціи), принявъ зашьевъ при своемъ Туринскомъ Дворѣ, доставлялъ имъ средства соединить окрестъ себя нѣсколько войска, составленнаго изъ дворянства Французскаго, оставившаго опщизну, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства (и часто съ успѣхомъ) прошивишься хитроспшамъ и оружію Французскихъ республиканцовъ. И сей наследственный Государь, съ его союзами, его политическими правилами, видѣлъ себя осужденнымъ просить мира и принявъ его, каковы-бы ни были условия, предписываемыя двадцати шести лѣтнимъ Французскимъ Генераломъ, за нѣсколько мѣсяцовъ до того желавшимъ dospашъ мѣсно аршиллерійскаго ошцефра въ войскахъ Турецкаго Султана!

Перемиріе пошребовано было Королемъ Сардинскимъ, въ слѣдствіе сихъ печальныхъ событій: надобно было купить его опщачею въ руки Французовъ двухъ лучшихъ крѣпостей: Кони и Тортоны, свѣхъ ключей Альпійскихъ горъ, коихъ предки Сардинскаго Монарха споль долго были хранишелями: шакою успункою Король довольно давалъ знашь, что онъ опщачешдъ безусловно. Перемиріе опшверждено въ Кераско; но Король опсправилъ своихъ

коммисаровъ въ Парижъ, пошановашь съ Директорією окончательныя условія мира: они были таковы, какія побѣдишель опредѣляетъ побѣжденному.

Кромѣ крѣпостей, уже уступленныхъ, Король Сардинскій принужденъ былъ отдать Французамъ еще шесть другихъ важныхъ мѣстъ. Дорога изъ Франціи въ Италію должна была оставашься открытою для Французскихъ войскъ, во всякое время; впрочемъ, и безъ того, сдачею крѣпостей Король лишилъ себя всѣхъ средствъ прошивиться успѣхамъ Франгузовъ. Онъ долженъ былъ прервашь всякаго рода союзы и сношенія съ соединенными государствами, бывшими въ войнѣ съ Франціею, обязывался не держашь, ни при своемъ дворѣ, ни въ своей службѣ, ни одного изъ Франгузскихъ эмигрантовъ, ни родственниковъ ихъ, кто-бы они ни были: не было исключенія даже и двумъ дочерямъ Короля; покорность была совершенная. Викторъ Амедей съ сокрушеніемъ сердца подписалъ сей прахташь и не долго пережилъ свое паденіе. Сынъ его наследовалъ только по имени тронъ Піемонтскій: крѣпости и мѣста, могущія дѣлать участіе сего государя сколько нибудь важнымъ, были всѣ отданы Франгузамъ, исключая Туринъ и два или три мѣста малозначительныя.

Полагая прахташь съ Сардиніею окончаніемъ Піемонтской кампаніи, мы оставаемся и разсмотримъ характеръ; ока-

занный Бонапарте въ сію эпоху его жизни. Дарованія его, какъ полководца, были первой степеніи. Совершенная совокупности видна была во всѣхъ его предначертаніяхъ: онъ успѣлъ во всемъ, пѣтми средствами, какіе предлагалъ и извлекъ изъ успѣховъ своихъ всю возможную выгоду. Совсѣмъ иное поведеніе обыкновенно характеризуетъ того, кто бываетъ обязанъ счастливымъ случаю, или единственно храбрости своихъ войскъ, неожиданною побѣдою: когда счастливый жребій улыбається такому полководцу, онъ столько-же бываетъ затрудненъ, какъ затруднила-бы его сама потеря. Но Бонапарте, предвидя слѣдствія каждаго своего движенія, все приготовилъ воспользоваться выгодами, какіе могъ онъ извлечь изъ сихъ слѣдствій.

Слогъ его донесеній и писемъ въ Директорію былъ въ сію эпоху болѣе скромнѣе болѣе простъ, и слѣдственно, болѣе способенъ произвести впечатлѣніе, нежели фигурный и напыщенный слогъ, какой въ послѣдствіи употреблялъ онъ въ своихъ бюллетеняхъ. Хорошее мнѣніе его о самомъ себѣ тогда не дошло еще, можетъ быть, слишкомъ высоко, такъ, что онъ не считалъ необходимою употреблять *полутороногія* слова (*sesquipedalian words*) напынутыя метафоры, какихъ, кажется, искалъ попомъ. Замѣтимъ также, что юный побѣдитель всегда съ благороднымъ рвеніемъ показывалъ себя тогда рас-

положеннымъ доставлять отличившимся офицерамъ повышения, на которые давали имъ право ихъ заслуги. Онъ настоятельно требовалъ награды своимъ опрудникамъ въ каждомъ своемъ донесеніи: поведеніе, сколько правое и великодушное, столько же и благоразумное. Если одобренія его могли быть успѣшны, ему доставалась благодарность за благоуваженіе; если они были отвергаемы, они равномерно получали признательность за свою добрую волю, а негодованіе, причиняемое отказомъ, падало на Правительство.

Но, когда Бонапарте говорилъ просто и чрезвычайно скромно о своихъ собственнѣйшихъ подвигахъ, напыщенность, отъ которой онъ удерживался, по доброй волѣ воздана была ему въ Совѣтѣ пяти соимъ, однимъ изъ ораторовъ, Дюберменилемъ, призывавшимъ всѣхъ поэтовъ, отъ Тиртея и Оссіана до Сочинителя *Марсельскаго гимна*, всѣхъ живописцовъ, отъ Апеллеса до Давида, всѣхъ музыкантовъ, отъ Орфея до Сочинителя *Прощальной пѣсни* (Chant du Départ) и вызывавшимъ ихъ сочинять стихи, музыку и писать изображенія славныхъ дѣлъ Бонапарте и Италійской арміи.

Гораздо въ лучшемъ вкусѣ выбита была медаль Бонапарте, какъ побѣдителя на Монтеноискской битвѣ. Фигура его, сухоощая, съ гладкими волосами, представляетъ разительную противоположность съ пол.

наимъ, квадратнымъ лицомъ, лавровъ виднѣ на послѣднихъ его монетахъ. На оборотѣ медали, изображали Побѣду, лежащую надъ Альпами, съ пальмовою вѣтвью, лавровымъ вѣнкомъ и обнаженнымъ мечомъ въ рукавѣ. Упоминаемъ о сей медали, потому, что она была первая въ великолѣпномъ ряду медалей, напоминающихъ побѣды и славу Наполеона и срисованныхъ Денономъ, какъ дань генію Императора Франціи.

Т. —

II. КРИТИКА.

Замѣтки на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и Литтературы въ Россіи).

(Окончаніе.)

Мелькомъ упоминаетъ потомъ Авторъ объ учрежденіи Академіи. Вѣроятно по ошибкѣ типографической читаемъ послѣ того, что Императрица Анна скончалась въ 1640 году. Обращаясь къ тому, что въ половинѣ XVII вѣка языкъ Русскій потерпѣлъ отъ Малоруссизмовъ, Авторъ спѣшитъ сказать, что при Петрѣ *истота* языка постигнута была наводненіемъ иностранныхъ словъ и что хаосъ сей царствовалъ до XVIII столѣтія Ософанъ, Кантемиръ и Тредьяковскій слѣдуютъ по

слъ сего. »Первый,« говоритъ Авторъ, «почитается
ощомъ духовнаго краснорѣчія въ Россіи.» Но самъ
Авторъ за страницу говорилъ, что сочиненія Св.
Димитрія Ростовскаго почитаются образцовыми,
а Св. Димитрій скончался за 27 лѣтъ до смерти
Феофана. Тредьяковскій, по словамъ Автора, *пер-*
вый ввелъ въ Россіи стопосложеніе Грегеское и
Римское. Опять ошибка! Тредьяковскій старался
вести только гекзаметры, а либами, хорееми и
амфибрахіями первый началъ писать Ломоносовъ;
Тредьяковскій послѣдовалъ за нимъ.

Описаніе Автора о заслугахъ Ломоносова хо-
рошо и справедливо. Только странно, что Авторъ
думаетъ, будто оды Ломоносова должно считать
образцами Лирической Поэзіи, а Академическія рѣчи,
образцами прозы, даже *и донинѣ.* Хорошо хвалить,
но должно знать и мѣру хвалѣ. — »Поповскій былъ
единственный поэтъ, который *умѣлъ подражать*
Ломоносову при его жизни.« Не знаемъ: чѣмъ По-
повскій умѣлъ подражать Ломоносову, когда все
стихотворство Поповскаго ограничилось нѣсколь-
кими пробами перевода изъ Горация и переводомъ
(съ Французской прозы) Поэмы Попе.

Сумароковъ является за Поповскимъ. Авторъ
утверждаетъ «что нѣкоторые изъ трагедій *его до-*
нынѣ остались на театрѣ.« Увѣряемъ его, что
прошло болѣе 20 лѣтъ, какъ перестали играть даже
Димитрія Самозванца, долѣе всѣхъ державшагося
на сценѣ, вѣроятно за имя, сдѣлавшееся народнымъ,
хотя это одна изъ самыхъ плохихъ трагедій Сума-
рокова.

Ломоносовъ, Поповскій и Сумароковъ заклю-
чаютъ у Автора всю Литтературу царствованія

Елисаветы; учрежденіе Московскаго Университета и Академіи Художествъ дополняютъ картину. Авторъ скоро переходитъ къ вѣку Екатерины II. Сначала видимъ у него изложеніе разныхъ подвиговъ сей Государыни, касательно просвѣщенія и образованія Рускихъ. Въ Академіи Наукъ представляетъ онъ Палласа; говоритъ объ учрежденіи учебныхъ заведеній; дозволенія имѣть типографіи частнымъ людямъ. Упомянувъ о переводѣ Веллизарія Мармонтелева, Авторъ подробнѣе всего излагаетъ исторію Русской Исторіи, въ царствованіе Императрицы Екатерины; но къ сожалѣнію, шутъ, что слово, по ошибка. «До Екатерины отечественная Исторія, по приговору величайшаго изъ всѣхъ предразсудковъ, была почитася государственною тайною.» На насъ и безъ того такъ много наговорено иностранцами, что соотечественнику нашему не шло-бы прибавлять невѣрныхъ извѣстій о Россіи. Исторію никогда не почитали у насъ тайною государственною. Если-бы Авторъ сказалъ: *Исторіи у насъ не было*, вошъ это другое дѣло; но Лѣтописи писаны были, какъ самъ Авторъ говоритъ, еще въ XI вѣкѣ и продолжались непрерывно. Государственные акты также никогда не были тайною съ древнѣйшихъ временъ. Исторій и историческихъ записокъ прежде не писывали. Государственные архивы, съ XVII вѣка составившіеся, точно были и суть нынѣ тайны государственныя; но они таковы во всѣхъ государствахъ, пошому что не лзя-же всякаго допустить рыться въ Государственныхъ Архивахъ. Правительство наше само обнародываетъ, что находишь любопытнымъ, и нѣсколько разъ допускало

известныхъ людей въ Архивы (Щербашова, Карамзина, Голикова). Если скажутъ намъ, что это было въ позднѣйшее время, но что Исторія до вѣка Екатерины точно была тайною, отвѣчаемъ: лѣтописи, тысячами списковъ ходившія по рукамъ, развѣ были тайна? Историческія сочиненія (каковы они и были), Митрополита Макарія, Патриарха Іова, Кн. Курбскаго, Палицына, Гизеля, Кубасова, Грибоѣдова, Теофана, Крекшина, Хилкова, Шафирова, Ломоносова, Сумарокова, Ташицева, были всѣмъ известны. Да вотъ и самъ Авторъ говоритъ: «Въ Россіи, до Екатерины было много лѣтописцевъ, даже нѣсколько историковъ, на примѣръ: Хилковъ и Ташицевъ, но ихъ сочиненія были незданы, а щ. е. не напечатаны; но и это ошибка: Шафировъ, Ломоносовъ, Сумароковъ напечатали свои Историческія сочиненія, а что не печатали другіе, въ этомъ Правительствѣ ни сколько не было виновато. Надобно знать, что встарину сочинители какъ-то мало думали объ изданіи своихъ твореній; всякій писалъ самъ для себя, или для немногихъ. Сильнѣйшее доказательство, что Исторія никогда не была у насъ запрещена, состоитъ въ томъ, что вредки наши особенно любили читать Исторію и читали все историческое, неумышленно списывая все имъ попадавшееся въ руки, отъ чего историческихъ актовъ, лѣтописей и описаній, не только оригинальныхъ, но и переводныхъ, у насъ величайшее изобиліе. Авторъ говоритъ, что Екатерина повелѣла издавать историческія сочиненія Миллеру и Шлецеру, сама собравъ ихъ, и желая, чтобы они послужили матеріалами для будущихъ историковъ. Повелѣніе собирать лѣтописи было издано. Неп-

ромъ Великимъ , въ 1721 г. Онъ особенно любилъ Исторію и вызывалъ тогдашнихъ ученыхъ людей писать ее, но еще въ то время нѣкому было. Екатерина, сама охотно занимаясь Русскою Исторіею, подтвердила повелѣніе Петра собирать лѣтописи и акты, и сама точно составила хронологическое обзорѣніе Русской Исторіи (послѣ изданное подъ именемъ *Записокъ, касательно Русской Исторіи*). Но Шлецеръ самъ по себѣ убѣдилъ Академію Наукъ издавать лѣтописи, издалъ часть Никоновской, и написалъ Предисловіе къ общему собранію ихъ, которому тогда дали названіе *Россійской Библіотеки*. Баркову поручили изданіе; Шлецеръ оскорбился и отказался отъ всего: общее собраніе ограничилось однимъ томомъ, заключившимъ Кенигсбергскій свисокъ Нестора. Миллеръ также по своей охотѣ занялся издаваньемъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій. По повелѣнію напечатано нѣсколько лѣтописей отъ Святейшаго Синода и отдѣльно отъ Акад. Наукъ; но взглянувъ только на изданія, можно увѣриться, что ученая критика къ нимъ не касалась.

До сихъ поръ Авторъ все говорилъ какъ-то перерывчиво, мимоходомъ; здѣсь начинается у него систематическая исторія Литтературы. Онъ означаетъ болѣе, дѣлитъ на эпохи. Можно-бы порадоваться, но едва-ли есть чему. Если до сихъ мѣстъ мы видѣли непрерывныя ошибки, здѣсь вмѣшивается вѣщо особенное. Какъ ни увѣряетъ насъ Г-нъ Бальби въ безпристрастіи (стр. 321 — 322), въ изяществѣ вкуса, въ знаніяхъ (*idem*, и стр. 192) нашего соотечественника, мы признаемся, что съ ирродомъ замѣчая все это съ самаго начала, здѣсь отказываемся отъ малѣйшаго убѣжде-

нія въ словахъ П-на Балби. Безпристрастно Авторъ рѣдѣеть и исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ современному; сужденія не доказываютъ другихъ качествъ; приписываемыхъ Г-нѣ Балби его Обзоръ и нѣсколько разъ не вѣршишь глазами своимъ, читая остальные 20 страницъ сочиненія нашего соотечественника. Мы обещались не говорить безъ доказательствъ; продолжаемъ изложеніе статьи.

Въ Русской Словесности, говоритъ Авторъ, надобно различить двѣ эпохи, бывшія въ царствованіе Екатерины (съ 1762 по 1796 годъ). *Первая*, и по счастію болѣе продолжительная, видѣла окончаніе цѣнрица Ломоносова и Сумарокова (какъ будто оба эти литератора одно и тоже!) и появленіе нѣкотораго количества писателей, которыми справедливо гордится Русскій народъ. *Вторая* начинается въ послѣднихъ годахъ ея царствованія и продолжается до первыхъ лѣтъ царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Это отдѣленіе 15-ти лѣтъ (1790—1804) памятно въ Исторіи Русской Литературы славнымъ (fameux) примѣромъ, который показалъ Русскимъ писателямъ, что они потчасъ впадутъ въ заблужденіе, когда удалятся отъ пуши, указаннаго великимъ Ломоносовымъ.

Но какой-же э тотъ путь? Мы до сихъ поръ думали, что народъ, просвѣщаясь и образовываясь, самъ собою и временемъ открываетъ для себя путь, средства, опособы къ усовершенствованію Литературы или Словесности. Если-бы какой нибудь Французъ сказалъ своимъ соотечественникамъ, что они погубятъ свою Литературу, когда сойдутъ съ пуши, указаннаго Малербомъ и Левизакомъ, что-

бы о немъ подумали ! Но Авторъ говоритъ не шло-ли самое, утвѣряя, что Ломоносовъ пробилъ какой-то путь, съ котораго, сохрани Боже сходныхъ послѣдователей до самаго скончанія вѣка. Знаемъ, что Ломоносовъ былъ умный, ученый, великій человекъ; согласимся даже съ Авторомъ, что его оды и рѣчи и теперь образцовы; но какъ можно Словесность цѣлаго народа заставить цѣлѣе вѣки дѣлать то и такъ, что и какъ дѣлалъ Ломоносовъ? Гдѣ примѣръ человека, который сдѣлался-бы абсолютнымъ на вѣки и на всю Словесность и Литтературу своего народа? Не удивится-ли всякій, читая приведенныя нами слова Автора? Не удивится-ли, увидя у Автора въ этомъ мѣстѣ Историю нашей Литтературы слѣдующія эпохи: блестящая эпоха Русской Литтературы, въ концѣ царствованія Екатерины II; возстановленіе Русской Литтературы?! По крайней мѣрѣ, мы съ изумленіемъ остановились на такихъ эпохахъ Литтературы Русской и признаемъ, что не умѣли располковать себя, что все это значить? Пусть объясняетъ самъ Авторъ. Необъясненна еще ничего, онъ говоритъ о славнѣйшихъ людяхъ блестящей эпохи Русской Литтературы. Признаемъ, что мы пожалѣли объ иностранцахъ, которые, вѣроятно, съ почтеніемъ слушаютъ, какъ Авторъ классифируетъ нашихъ писателей отъ 1762 до 1790 года. Начинается Лирическою Поэзією и первый Дирикъ — просимъ угадать, кто? «Державинъ», скажетъ читатель, «Державинъ», великій, неподражаемый Поэтъ нашъ, которому не было и вѣтъ еще равнаго въ Россіи, котораго смѣло можемъ поставить на ряду съ величайшими Дириками всѣхъ вѣковъ! Советимъ вѣтъ! «Ломоносовъ» (га-

воритъ Авторъ) умрал, оставилъ свою лиру Петрову.» Не знаемъ, въ какомъ Парнасскомъ судилищѣ засвидѣтельствовано это завѣщаніе Ломоносова. Но выполняли-ли надежды завѣщателя наследникъ его? Нѣтъ! »Петровъ не умѣлъ упреждать (marier) Русскимъ языкомъ такъ хорошо, какъ его предшественникъ.» Слѣдуетъ похвала и осужденіе Петрову, изъ коихъ выходитъ, по мнѣнію Автора, что Петровъ былъ не дурной поэтъ и умѣлъ къ открытому Ломоносовымъ прибавить кое-что новое. Каково-же чинашь послѣ этого: »Петровъ чинилъ очень опаснаго соперника въ Державинѣ.» Какъ! Державинъ только соперникъ Петрова, котораго Авторъ и не думаетъ сравнивать съ Ломоносовымъ? Чшо-жъ будешь Державинъ въ сравненіи съ Ломоносовымъ? И послѣ этого Авторъ берется писать Исторію нашей Литтературы! Не понимаемъ! Онъ распространяется о томъ, что Державинъ былъ худо воспитанъ, писалъ сначала стихи, не зная стопосложенія; встрѣешь, что слѣды недостатка воспитанія у Державина никогда не изглаживались, что въ старости геній его погасъ и что — *de mortuis bene* — Державинъ занимаетъ однакожь одно изъ первыхъ мѣстъ на нашемъ Парнасе. Но утѣшимся; Авторъ прибавляетъ: «Вообще стихотворенія Державина весьма оригинальны, а это не последнее достоинство сочиненій въ таковой литтературѣ, которая почти вся подражаніе (*Et ce n'est pas leurs moindre mérite dans une littérature qui est presque toute d'imitation*)!» Хорошъ апостасать отъ Рускаго Русской Литтературѣ, въ глазахъ иностранцевъ, и хороша блестящая эпоха этой Литтературы!

Еще лучше приговоръ Лариву Капнисту (который, по словамъ Автора, скончался въ 1813 году, хотя Капнистъ послѣ того жилъ еще годъ). «Онъ былъ другъ и *подражатель* Державина; у него не было гения бѣго послѣдняго, но трудъ и познанія въ Литтературѣ древней и новой (de la littérature moderne; но какой-же *moderne*? Французской, Нѣмецкой, Англійской?) дополняли въ немъ дарованія.» Каковъ кажется вамъ восторженный похвалъ, лирикъ, у котораго трудъ и *тѣнѣ иностранныхъ писателей замѣнили талантъ!*

Упомянувъ о неудачной эпопеѣ Ломоносова, сказавъ, что Херасковъ былъ также неудачливъ, что Костровъ хорошо началъ переводъ Иліады, а Пепровъ хорошо исполнилъ переводъ Энеиды, Авторъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ упоминаетъ о поэмахъ Майкова. *Елисей или раздраженный Вакхъ*, говоритъ Авторъ, surtout mérite l'attention par son' originalité et par sa gaîté. *Елисей*, нестерпимый, ни по предмету, ни по ужаснымъ стихамъ своимъ, заслужилъ у Автора милости больше нежели Державинъ! *Душенька*, Богдановича, удостоилась по крайней мѣрѣ отзвѣва не менѣ лестнаго: благодаримъ ужъ и за то, что она кажется Автору не хуже Елисея.

«Драма оказала успѣхи въ сію эпоху, особенно въ *Комедіи*.» Но какіе-же успѣхи? Авторъ, объявляя о *Княжнинѣ*, говоритъ только, что онъ *писалъ похище Сумарокова*, и заслуживаетъ порицаніе, «за *ограбленіе* Французскихъ драматиковъ безъ всякой пощады (pour avoir pillé — sans aucun ménagement) и часто *портъ* лучшихъ мѣстъ изъ сочиненій Расина и Вольтера.» За тѣмъ находимъ извѣ-

стіе о Бригадирѣ и Недорослѣ, Фонь - Визина. Повторяемъ нашъ вопросъ: на чемъ основаны слова Автора, что *l'art dramatique fit des progrès à cette époque, surtout pour ce qui regarde la comédie*? Всего навсѣ насчитываетъ Авторъ три комедіи, заслуживающія вниманіе: двѣ сочиненія Фонь - Визина (*) и одну сочин. Княжнинымъ: *Хвастунъ*. Но вотъ въ числѣ славнѣйшихъ поэтовъ блестящей эпохи Литтературы Русской являющіяся *Клушинъ*, съ его *Смѣхомъ и Горе*, *Ефимьевъ*, съ *Преступникомъ отъ игры*, *Аблесимовъ* съ *Мельникомъ*. О последнемъ ни слова, а первыхъ можно было выставлять, когда, увидимъ въ послѣдствіи, какъ Авторъ говоритъ о Карамзинѣ, Демітріевѣ и Пушкинѣ.

Но Авторъ съ величайшею увѣренностію думаетъ, что онъ исполнилъ хорошо свое дѣло, воздалъ всякому должное и означилъ всѣ главнѣйшія черты блестящей эпохи нашей Литтературы. По крайней мѣрѣ, извѣстіе о Хемницерѣ онъ начинаетъ слѣдующими словами: »Намъ остается сказать еще только объ одномъ поэтѣ сей первой эпохи царствованія Екатерины «

О прозѣ сей эпохи говоритъ далѣе Авторъ мимоходомъ, упоминая только, что проза всегда отстаетъ отъ Поэзіи. »Проза Ломоносова была чудо, явленіе необыкновенное, и сей порывъ гения оставался долго неподражаемымъ.« За тѣмъ идутъ извѣстія, что Платонъ возвелъ духовное

(*) Замѣтимъ здѣсь, что *Le Mineur* совсѣмъ не выражаетъ Русскаго: *Недоросль*. Г-нъ Сень-При прекрасно передалъ это слово Французскимъ *le Dadais*. За чѣмъ было выдумывать новое, неудачное?

краснорѣчіе до такой степени совершенства, что ошвяля смѣлость у всѣхъ послѣдователей; что проза Фонъ-Визина, въ оригинальныхъ и переводныхъ съ Французскаго сказкахъ, всегда будетъ образцомъ нашимъ разсказкамъ, а Кострова переводъ Оссіана есть un chef-d'oeuvre en fait de prose poétique; что Исторія была съ успѣхомъ обрабатываема Муравьевымъ. Тутъ все рѣшительно ошибки. Платонъ, какъ сочинитель, былъ Орасторъ не первостепенный: это доказываютъ всѣ его проповѣди; онъ превосходенъ былъ только въ торжественныхъ привѣтствіяхъ своихъ. Его Слово на положеніе знамени при гробѣ Петра Великаго и другое на коронованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА останутся всегда превосходнѣйшими твореніями; но все однакожъ не безъ сравненія съ его предшественниками и послѣдователями. Платонъ изумлялъ произнесеніемъ своихъ проповѣдей и шѣлъ только успѣлъ онъ сорвать у современниковъ пальму безсмертія. Прежде и послѣ него были орасторы духовные гораздо выше Платона по качествамъ: напомнимъ Теофана, Гиврида Бужинскаго, Амвросія, Лаванду, Владиміра, не говоря о современникахъ нашихъ. Оригинальная проза Фонъ-Визина была хороша по своему времени, а переводы его и тогда были дурны; Кострова Оссіанъ переведенъ былъ наскоро и съ Французскаго перевода: забавно-же считать его даннѣмъ образцовымъ прозаическимъ твореніемъ. Муравьевъ написалъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ историческихъ для упражненій учебныхъ: какъ-же могъ онъ обработать Исторію съ большимъ успѣхомъ!

Таково-то было цвѣтущее состояніе Русской Литтературы (подлинно: таково-то!), «когда въ

«последнихъ годахъ XVIII вѣка, молодые писатели, «находя старую дорогу трудною, захотѣли пробить новый путь.» Авторъ объясняетъ далѣе, что оставя Славянскій языкъ, юные писатели 1790—1804 гг. подрывли Русскій языкъ въ его основаніяхъ и повредили чистотѣ его иностранными словами; конии думали обогатить его; припомъ ввели саннищенность, «нравившуюся на минуту, особенно женщинамъ; но она происходила не изъ глубины сердца и не замедлила сдѣлаться смѣшною.»

Безпристрастно судя о прошедшемъ, нельзя сказать, что тутъ есть и правда; но какъ все это обито у Автора! Онъ самъ говоритъ, что проза Русская еще едва появлялась; что прозу Ломоносова должно считать необыкновеннымъ явленіемъ; перебирая авторовъ прошлой эпохи, Авторъ ниога не похвалялъ рѣшительно; говорилъ, что при Царѣ Алексіѣ было наводненіе Малоруссазмовъ, при Петрѣ Германизмовъ; видя, что все дѣло состояло въ словахъ, нѣкоторомъ измѣненіи языка, который, какъ еще не утвердившійся, подвергался различнымъ нововведеніямъ. Нововведеніе съ 1790 по 1804 г. было неудачно; но о чемъ вляси говорилъ Авторъ? О *Литтературѣ*; одинъ-ли слогъ, болѣе или менѣе чистый у нѣкоторыхъ изъ множества писателей, составляетъ *Исторію Литтературы цѣлаго народа*? Введеніе новыхъ идей, вліяніе правительства, явленіе гениевъ, образованіе народа, распространеніе его этнографическихъ отношеній, вотъ въ чемъ *Исторія Литтературы*. И какъ-же могъ Авторъ, если съ 1790 по 1804 годъ, между нѣкоторыми молодыми писателями, были въ модѣ галлицизмы и

самыя меншальность, вскорѣ исчезающіе и оснѣвавшіеся только у дурныхъ послѣдователей, какъ могъ онъ изъ этого составить эпоху цѣлой Литтературы? Справедливо-ли послѣ того называетъ онъ эти 15 лѣтъ несчастною эпохою Русской Литтературы, ставитъ въ оглавленіи спашью своей, надъ 1790 годомъ: *Упадокъ Русской Литтературы*, а надъ 1804 г. *Возстановленіе Литтер. Русской*? Надъ этимъ возстановленіемъ находимъ у него надпись: *Epoque d' Alexandre Chichkoff, Chichkoffsky*. Съ совершеннымъ уваженіемъ къ гражданскимъ подвигамъ А. С. Шишкова, сего достойнаго вельможи и покровителя наукъ и просвѣщенія, мы признаемъ литтературную заслугу сего почтеннѣйшаго Литтератора. Въ книгѣ своей: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ Россійскаго языка*, онъ показала ошибки и ложную систему нѣкоторыхъ писателей начала XIX вѣка; но одинъ частный человекъ, какъ-бы ни былъ онъ великъ, не составляетъ эпохи въ Литтературѣ народа. Мы не видѣли изъ описаній Автора доказательствъ, на которыхъ основываясь, назвалъ онъ время съ 1762 по 1790 г. блестящею эпохою Русской Литтературы, и ни по чему и никакъ не можемъ согласиться на оскорбительное названіе, *несчастной эпохи, паденія Русской Литтературы*. Если блестяща была прежняя эпоха, въ чемъ упадокъ другой эпохи? Не самъ-ли Авторъ, послѣ 15 лѣтъ паденія, широкими словами начинаешь выхвалять новѣйшую Русскую Литтературу и исчисляешь вынѣшніе успѣхи наши? Эти успѣхи переходятъ за грань несчастной эпохи и приготовлены были во время ея. Этого мало: Державинъ, Херасковъ, Капнистъ, Косиловъ,

Ефимьевъ, Клушницъ, Муравьевъ, люди, означившіе у Автора прежнюю эпоху, были въ несчастную эпоху живы и писали; нѣсколько юношей, положимъ, висали дурно, и за нихъ, по милости Автора, *падаетъ несчастная Литтература Русская* и иностранцы съ сожалѣніемъ пишутъ: «Писатели *несчастной эпохи*, о которой говоримъ, были весьма многочисленны; но ихъ имена и сочиненія пали въ глубокое забвеніе.» Если и положимъ, что Пнинъ, Подшиваловъ, Князь Долгорукій и другіе достойные уваженія писатели сей эпохи теперь забыты; если согласимся на рѣшительный приговоръ Автора, спрашивается: почему эпоху возстановленія означилъ Авторъ *эпохой Князя Шаховскаго*? Вошь доказательство: «Князь Шаховской нанесъ имъ (молодымъ писателямъ, порывавшимъ языкъ) послѣдній ударъ въ Комедіи своей, называемой: *Новый Стернь*.» И эта маленькая пьеса дѣлаешь у Автора эпоху. I. Того, что слѣдуетъ за симъ, испиндо не лзя, читаешь безъ негодованія. Пусть судящъ сами читатели. «Коса времени пощадилъ только двухъ: *Карамзина*, какъ прозаика и *Дмитріева*, какъ поэта. Первый заслужилъ нынѣ Европейскую славу и одолженъ ею: своей *Исторіи Россіи*. Она вдалси въ изученіе старинныхъ рукописей Русскихъ, следовательно, языка Славянскаго, десять лѣтъ думалъ о своемъ слоgъ и издалъ твореніе, которое, будучи переведено на Французскій и Нѣмецкій языки, дошавило ему нынѣшнюю его славу.» Не говоримъ уже о логикѣ Автора: коса времени *только пощадилъ Карамзина*; а между тѣмъ, въ то же время, *Карамзинъ приобрѣлъ Европейскую славу*; оставимъ это, и спрочимъ каждаго Русскаго: можно-ли о Карамзинѣ,

оказавшихъ столько величайшихъ услугъ, отзываться съ такою непростительною неблагодарностью? Но чѣмъ далѣе идемъ, тѣмъ болѣе начинаемъ встрѣтаться, что Автора, какъ будто нарочно, кощунъ унижать все то, чѣмъ гордится новѣйшая наша Литтература. Къ чему это? Можетъ быть, узнаемъ. Читатели видѣли сужденіе Автора о Державинѣ. Творецъ Ермака, донынѣ единственный въ сказкахъ, Дмитриевъ, оказавшій столько заслугъ нашей поэзіи, даетъ соотечественнику случай къ сужденію самому неосновательному и оскорбительному. «Дмитриевъ избѣгъ жребія своихъ современниковъ (т. е. дурныхъ писателей), благодаря въкорпорымъ лирическимъ произведеніямъ и особенно подражаніямъ сказкамъ Вольтера и Баснямъ Лафонтена. . . .» Не выписывая остальнаго сужденія Автора о Дмитриевѣ, скажемъ, что слава Дмитриева конечно не потерпѣла отъ несправедливости молодого его Рецензента; но безъ досады едва-ли кто забудетъ прочитавши такіе приговоры, вспомни, что ихъ произносятъ соотечественникъ знаменитаго Поэты, въ глазахъ иностранцевъ!

Оставивъ поскорѣе несчастную эпоху Литтературы Русской и перейдемъ однимъ шагомъ къ новѣйшей современной намъ эпохѣ. Сказавъ о П. Сумароковѣ, упомянувъ, что «Les auteurs de cette époque malheureuse (1790 — 1804) nous saurons gré de ne pas rappeler ici leurs noms et leurs écrits», Авторъ забываетъ, кажется, что рѣшился было писать только о Словесности: четвере страницы посвящаетъ онъ тутъ просвѣщенію Россіянъ въ XIX вѣкѣ (346—349), гдѣ кое какъ набросаны у него замѣчанія о Флотѣ и Академіи Художествъ, путешественникахъ Рус-

ских кругомъ свѣта и учреждений Университетовъ. Вотъ наступаетъ новая эпоха: Restauration de la littérature Russe. »Въ послѣднее время всѣ знанія »продвѣли въ Россіи (стр. 348); Литература не замедлила воспринять *прежній блескъ свойа* (стр. 349). Слава Богу! Кого-то подарить здѣсь Авторъ вѣнками! Изображая новѣйшую эпоху, Авторъ дѣлитъ теоретически всю Словесность на части: *Лирическая поэзія, Эпика, Драма, Дидактическая поэзія, Описательная поэзія*. Что это за раздѣленіе? спросашъ насъ. Право не понимаемъ; не понимаемъ также: ошъ чего въ Описательную поэзію включаешь Авторъ *Идиллію*, а въ Дидактическую, *Басню*. Можемъ для образчика теоретическихъ опредѣленій Автора представить еще *опредѣленіе романтической поэзіи*. »Романтизмъ »состоитъ въ выборѣ народныхъ (nationaux) предметовъ и въ употребленіи красокъ, могущихъ по-»разить взоры народа, шакъ, чтобы онъ не былъ »предварительно принужденъ изучивать климатъ, »нравы и повѣрья иностранныхъ народовъ.« Переводъ слово въ слово; чашатели согласяшся, что подобныя положенія не спюашъ опроверженій. Авторъ исчисляеть въ каждомъ родѣ отличнѣйшихъ поэтовъ. Не станемъ слѣдовать за каждою спрочкою его: общія черты дадутъ понятіе о духѣ и образѣ его сужденій.

Жуковскій. »Онъ особенно занимается подражаніями и переводами Нѣмецкихъ и Англійскихъ поэтовъ. Ему одолжена Россія романтизмомъ. Слогъ Жуковского вообще чистъ, но принуждая себя бытъ слишкомъ сжатымъ; Поэтъ часто дѣлаеть »слогъ свой темнымъ; самая блестящая часть его

стихотвореній описательная; самая слабая, напро-
вшивъ, страсти, ибо онъ худо согласуется съ ми-
хшицизмомъ, разлитымъ въ твореніяхъ Жуковскаго.
»Недавно перевелъ онъ Іоанну Д'Аркъ, Шиллера, но
всія пьеса не была представлена на театрѣ.»

И такъ Жуковскій, одинъ изъ первыхъ Рус-
скихъ поэтовъ нашего времени, творецъ Свѣтланы,
Золовой арфы, Посланія къ Александру, Пѣвца въ
станѣ Русскихъ воиновъ и множества другихъ ори-
гинальныхъ пьесъ, живописецъ глубокихъ тайнъ
сердца человѣческаго, дѣлается у Автора *подража-
телемъ, мстенько, но часто темно пишущимъ,
мстикомъ* и, что всего забавнѣе, *наиболѣе ус-
пѣвшимъ въ Описательной поэзи*, когда онъ почти
ничего не писалъ въ этомъ родѣ! Орлеанская Дѣва,
Шильонскій Узникъ, Смальгольмскій Баронъ, пере-
воды изъ Энеиды и Овидія, изъ Мессіады и Гебеля,
образцовая проза Жуковскаго, введеніе множества
новыхъ формъ стихосложенія; всѣ сіи заслуги не
удостоялись отъ Автора ни одного слова.

Пушкинъ. Лирическій поэтъ, еще *очень мо-
лодой* человѣкъ, но приобрѣлъ уже извѣстность
»(réputation), помрачающую многихъ другихъ. *Роман-
тическія поэмы въ родѣ* Байрона (les poèmes roma-
ntiques dans le genre de ceux de Byron), съ нѣко-
торого времени, въ большой модѣ у Русскихъ. Мы
»упомянемъ о поэмахъ только Пушкина, подавшего
»первый примѣръ своимъ *Кавказскимъ Пѣвникомъ.*
»Послѣ того онъ издалъ ихъ много, и во всѣхъ на-
»ходимъ одинакія погрѣшности и одинакія красоты.
»Первыя безъ сомнѣнія стѣмъ болѣе поражаютъ чи-
»тателя, что послѣднія многочисленны. Стихосло-
»женіе легкое, гармоническое, исполненное ритми,

исписанія вѣрный и поэтическій — вотъ красота поэзіи Пушкина. Недостатокъ плана и общности, особенно-же *однообразіе чувствованій* и повтореніе нѣсколькихъ любимыхъ выраженій — вотъ недостатки. Лучшее произведеніе его, поэма: *Людмила*.

Кто узнаешь путь нашего Поэта - исполнителя? Когда спросилъ-бы Авторъ иностранцовъ, Г-на Геро, Г-на Шопена, Французскихъ Литтераторовъ, что таковъ Пушкинъ, творецъ Бориса Годунова, Руслана и Людмилы, Кавказскаго Пльнника, Бахчисарайскаго Фонтана, Цыганъ, Ойгина, Братьевъ Раб-Бойниковъ, Подражаній Корану, Оды, Элегій, стихотвореній, въ которыхъ является онъ истиннымъ Протеемъ и доводитъ языкъ поэзіи до такой степени совершенства, о которой въ Автору блестящую эпоху Литтературы Русской еще и не знали. Пушкинъ однообразенъ, повторяется: хоть упреки, которыхъ не лзя было ожидать творцу Годунова! Но, не сердясь на Автора, улыбнемся при известіи его, что *романтическія* поэмы въ родѣ Байрона, *sont depuis quelque temps très à la mode en Russie*. *Поэмы въ родѣ Байроновыхъ!* Точно какъ будто песни въ родѣ Лафара; *Байронъ въ модѣ!* Вообразите! Мы слышали, что эта мода распространилась въ цѣломъ свѣтѣ, что Байронъ есть поэтъ великаго вѣка нашего, увлекшій за собою весь свѣтъ: все это мы слышали, а что поэмы въ родѣ Байроновыхъ называются *romanesques*, признаемся, слышимъ первый разъ. Парижская новость, передаваемая на Русь нашимъ соотчичемъ!

Батюшковъ. «Его ставяшь Русскіе Критики на ряду съ Жуковскимъ; но онъ превосходитъ его

вчистою слога; за то у него меньше силы, еще меньше оригинальности. Вообще онъ безхарактеренъ что подражаетъ Парни, то Оссиана . . . *Слогъ, чистота*: вошь всѣ достоинства, на коихъ основа на у Автора слава поэтовъ! А заслуги Батюшкова. Его собственныя опикошворенія? Его образцовая проза? Авторъ молчитъ. Приводимъ еще его мнѣнія

Крыловъ. «Послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ опытовъ въ Комедіи, онъ оставилъ сей родъ и сочинялъ Басни, гдѣ изящныя качества Хемницера соединилъ съ великими красотою поэзіи. Послѣ такой похвалы насъ необвиняшь въ пристрастіи, если мы скажемъ, что въ иныхъ басняхъ Крыловъ грѣшилъ своими изысканными вравоученіями и надутымъ слогомъ.»

Грибодовъ. «Одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ комедій. Недавно сочинилъ комедію оригинальную, которая не была даже и представлена на театр.» «Мы не имѣемъ объ ней никакого понятія.»

Мы замѣчали выше, что не была представлена не была напечатана, значить у Автора осужденіе. — Сказать о Крыловѣ, что онъ сколько нибудь похожъ на Хемницера, можешь развѣ поштъ, кто читалъ сихъ Баснописцовъ.

Пересказвъ мнѣнія Автора о первыхъ Русскихъ Поэтахъ нашего времени, мы вскоромъ исчислили другихъ, которые попали въ его списокъ. Онъ похвалою опъзывается о Востоковѣ, Князѣ Шихшовѣ, Гнѣдичѣ, какъ Переводчикъ Иліады, и о Озеровѣ; за нимъ ставишь Висковатова, Грузинцева, за его *Эмпа - Царя* («по причинѣ плашей трагедіи и красотою совершенно въ древневкусъ и безпримѣрныхъ въ Литтературѣ Ру

«*кожа*»), Крюковского, «зі прекрасное стихосложение;» называетъ лучшими переводчиками трагедій: Жандра, Гнѣдича, Лобанова; изъ комиковъ упоминаетъ о Загоскинѣ, «оригинальномъ поэтѣ, сочиненія котораго представляютъ много комическаго и «оригинальности;» лучшими переводчиками комедій именуешь Авторъ Хмѣльницкаго, Жандра; за пѣмъ слышимъ отъ него имена Неваховича и Ильина, съ успѣхомъ обработывавшихъ драму.»

Дидактическая поэзія представляетъ ему только *Опытъ о Критикѣ*, Попе, переведенн. Кн. Шахматовымъ. Слѣдуетъ Милоновъ съ его Самирами. Описательная поэзія (*une de branches les plus pauvres de la littérature Russe*) является съ нѣсколькими оригинальными Идилліями Панаева и Идиллією Гнѣдича: *Рыбаки*.»

И симъ оканчивается Обзорніе Поэзіи Русской, послѣ ея возстановленія. Гдѣ-же тѣ великіе люди, которыми наша эпоха можетъ гордиться? Гдѣ успѣхи наши, могущіе подтвердить слова Автора, что «Литтература наша *воспріяла прежній блескъ свой* (стр. 348)?»

Читатели могли замѣтить, что въ прежнихъ эпохахъ, мало уважая Державина, Карамзина, Дмитриева, Авторъ находилъ людей, о которыхъ говорилъ съ особеннымъ почтеніемъ. Не уже-ли для того ведена вся спашья, чтобы и между современниками выбрать себѣ также кое-кого и принести имъ въ жертву всѣхъ другихъ? Не знаемъ; только называя Жуковскаго подражателемъ, Пушкина однообразнымъ, Крылова надушимъ, ни одного слова не сказавъ о многихъ другихъ отличныхъ поэсахъ, Авторъ нашелъ двухъ!, предъ которыми совершен-

но приходитъ въ изумленіе. *Князь Шаховской* и *Г-нъ Катенинъ*, сушь сіи два генія покровителя и надежда нашей Литшерауры.

Мы видѣли, что *Князь Шаховской* означилъ у Автора эпоху въ Русской Литшерауры, и послѣ того шесть разъ являюща оиъ и *ездѣ первый*. Въ Эпопее, за его *Расхищенныя шубы* (стр. 353); далѣе, какъ лучший переводчикъ трагедій и хорошиій оригинальный прагикъ; потомъ, какъ первый комикъ Русскій, *иъкоторыя пьесы котораго имѣли неслышанный успѣхъ*. Потомъ, какъ сочинитель оперъ и водевилей, изъ коихъ нѣкоторыя *sont les chefs-d'oeuvre de cet auteur*. Наконецъ, какъ превосходнѣйшій сатирикъ: «Два сатиры *Кн. Шаховскаго* (говоритъ Авторъ) могутъ назваться самыми превосходнѣйшими твореніями, какія Литшераура Русская имѣетъ въ семь родѣ.»

Г-нъ Катенинъ, по мнѣнію Автора, есть другое блистательное явленіе новѣйшей Литшерауры (стр. 351). «Онъ Лирикъ, присоединившій къ оригинальности, столь рѣдкому качеству въ Русской Литшерауры, слогъ, всегда исправный, пріятный и сильный, смотря по предмету. Мысль въ него творенія: *Миръ Поэта*, высоко-поэтическая, на исполненіе не оставляешь ничего болѣе желать.» Потомъ Авторъ увѣряетъ, что Мерзлякова переводъ Освобожд. Иерусалима потому дуренъ, что писанъ Александринами, а *Г-нъ Катенинъ* могъ-бы перевести хорошо, ибо изобрѣлъ на Русскомъ языкѣ октавы, шочно Тассовскія. Далѣе находимъ, что «*Мельникова Русская только на Г-на Катенина имѣетъ надежды*. Наконецъ, *Г-нъ Катенинъ* являюща однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ комедій.» Правду сказать: если у насъ

прошло нынѣ только два поэта достойныхъ внима-
 ния, то новѣйшая Поэзія Русская немного
 заслужила въ глазахъ Авшера. За то Проза возне-
 сена имъ удивительно какъ высоко. »Проза« (слова
 Авшера); «которую оставили мы добычею дурнаго
 вкуса и ложныхъ правилъ, воспріяла, въ началѣ сего
 вѣка, болѣе вѣрный ходъ и сдѣлала быстрые успѣхи,
 особенно въ слогѣ Историческомъ и Дидактиче-
 скомъ. Слогъ чистый и правильный, во времена
 Екатерины II бывшій удѣломъ немногихъ людей съ
 большими талантами, сдѣлался принадлежностью
 всѣхъ людей образованныхъ. Но мы не можемъ вхо-
 дить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.» Все, одна-
 кожь, надобно было наименовать главнѣйшихъ апле-
 товъ нынѣшней Прозы. Вошъ они: послѣ Карамзина
 лучшіе наши Историки: *Архіепископъ* (?) Евгений,
 Г-нъ Каченовскій, Григорій Глинка. Желали-бы ми
 знать: гдѣ нашель Авторъ историческія произведе-
 нія Г-на Каченовскаго? Кромѣ небольшихъ Журналь-
 ныхъ статей, переводовъ изъ сочиненій Бузе, Шле-
 цера, Добровскаго и Критическо - Историческихъ
 разскавій, писанныхъ слогомъ весьма несправнымъ и
 съ непрощительными ошибками, мы ничего болѣе не
 знаемъ изъ сочиненій Г-на Каченовскаго. Григорій
 Глинка перевелъ только Манштейновы Записки, и
 то весьма плохо: почему-же можно почесать его за
 Историка? —

»Лучшіе повѣствователи нынѣшней эпохи суть
 Каченовскій, Башюшковъ, Жуковскій и Нарыжнѣй,
 котораго *Славянскіе ветера* заслуживаютъ боль-
 шую пзвѣстность.» Но гдѣ повѣсти и прозаическія
 сочиненія Г-на Каченовскаго? Онъ не издалъ ничего,
 кромѣ Диссертацій и переводовъ, о коихъ сказали
 мы свое мнѣніе выше. Имя Г-на Каченовскаго Ав-

щорь упоминаешъ еще разъ, какъ имя Автора оплично занимавагоса Криптикою и теорією языка. Не многія криптики Г-на Каченовскаго, особливо споры его о банномъ строеніи, намъ извѣстны; но о теоріи языка онъ *нигдѣ* и *никогда* не писалъ, кромѣ самыхъ легкихъ Журнальныхъ статей.

Статьи нашего соотечественника кончена. Можетъ быть, собрѣзая безчисленныя ошибки, прощидорѣзія, мѣтнія его, чашатели скажутъ, что мы напрасно рѣшились на подробный разборъ. Знаемъ, что мы могли-бы сказать рѣшительно, что статья о Русской Литтературѣ, въ Апласѣ Г-на Бальби, исполнена погрѣшностей и даетъ совершенно обратное понятіе о Литтературѣ Русской. Но мы имѣли въ виду иностранцовъ, для которыхъ была она писана. Дорожа всѣмъ, что говорятъ имъ о Россіи, они съ величайшимъ уваженіемъ ошозвались о трудѣ Автора. Апласъ Г-на Бальби переводятъ на Нѣмецкій языкъ; Г-нъ Бальби хвалитъ нашего соотечественника, выше всякой мѣры. Въ *Bibliothèque Universelle* перепечатана была его статья, и вотъ что сказали отъ себя Издатели сего уважаемаго Журнала (Т. XXXIV, Онд. I, стр. 242): «Неизвѣстный Авторъ Обозрѣнія, юный писатель Русскій, *кажется*, очень хорошо знаетъ литтературную Исторію своей отчизны. Свѣдѣнія наши о семъ предметѣ ограничиваются столь малымъ, что сѣ небольшое произведеніе показалось намъ достойнымъ обширнѣйшей извѣстности. Безъ сомнѣнія, въ словѣ найдутся нѣкоторыя неправильныя выраженія и иностранныя обороты; но *важность предмета* заставляетъ забыть сіи легкіе недоспадки.»

Послѣ сего Русскій публицистъ долженъ посшавишь обязанностью вывести изъ заблужденія

иностранцовъ и оцѣпишь трудъ Рускаго по достоинству. Мы обѣщали не говорить безъ доказательствъ: сдѣлая шагъ за шагомъ, мы высказали, сколько позволялъ размѣръ статьи нашей, ошибки и несправедливыя мнѣнія Автора, ибо *всѣхъ* ошибокъ его не возможно было намъ исчислить. Теперь никто не можетъ сказать, что мы рѣшали безъ разбора. Заключение наше будетъ въ немногихъ словахъ.

1-е. Въ статьѣ нашего соотечественника о Русской Литтературѣ не видно надлежащаго понятія ни о Теоріи Изыщныхъ Искусствъ, ни о Критикѣ: спешивъ взглянуть на мнѣнія его о романтизмѣ, на раздѣленіе Словесности по отраслямъ. Авторъ, ограничиваясь разсмотрѣніями нѣсколькихъ отдѣльныхъ произведеній, по симъ разсмотрѣніямъ судить о цѣломъ, не обозрѣвая ни причинъ, ни средствъ общихъ, какими все производится. Невѣрное исчисленіе въ каждомъ періодѣ нѣсколькихъ писателей, безъ всякаго разбора, переводчиковъ и оригинальныхъ вмѣстѣ, составляетъ у него всю исторію. Онъ, кажется, совѣмъ не знаетъ, что не лзя писать Исторію Словесности, не обозрѣвая вполне хода всего образованія и просвѣщенія народнаго; въ такое обозрѣніе входятъ всѣ знанія, всѣ успѣхи просвѣщенія и образованности.

2-е. Названіе обѣщало намъ такой разборъ, ибо Авторъ хотѣлъ говорить о *ходѣ образованія и Литтературы Рускихъ*. Съ 3-й страницы отъказался онъ отъ перваго; наконецъ и отъ Литтературы: одна Словесность сдѣлалась его предметомъ. Гдѣ же вѣрность плана? Потомъ опять отъ времени до времени (стр. 327, 330, 333, 336, 346—349) являющіяся сухія исчисленія уснѣховъ Ру-

скихъ на поприщѣ просвѣщенія и образованности вообще; они такъ отличаются отъ цѣлой массы, что невольно почтешь ихъ посторонними вставками, написанными другимъ человѣкомъ, не заботившимся о планѣ перваго Автора.

3-е. Порядка, послѣдовательности идей и вѣрности общихъ посылокъ Автора, мы совсѣмъ не видимъ. Авторъ, безъ всякой надобности, распространяется о прежнихъ эпохахъ Литтературы Русской, сжимаешь гдѣ должно-бы говорить подробно, называешь *блестящею эпохою* время съ 1762 по 1790 г. и ничѣмъ не доказываешь сего названія, такъ, какъ и названія слѣдующей за тѣмъ эпохи: *упадокъ, несчастная эпоха Литтературы* (1790—1804). Если Авторъ самъ говорилъ, что въ наше время все процвѣло и усовершенствовалось, болѣе прежняго, почему нашъ вѣкъ не получилъ у него названія *блестательнѣйшаго*? Почему эпошъ блестящелнѣйшій вѣкъ у него такъ описанъ, что кромѣ Князи Шаховскаго и Г-да Кашенина, Каченовскаго и Грузинцова, намъ почти нѣкого и выставишь въ доказательство его блестящелнелности?

4-е. Можно-ли исчислишь прошиворѣчія Автора самому себѣ? Карамзинъ только что спасается отъ косы времени и — Карамзинъ получаетъ Европейскую славу! Г-нъ Кашенинъ не удалъ ни одной трагедіи (Андромаха сего Литтератора не была еще тогда извѣстна) и Мельпомена Русская въ немъ только и полагаетъ надежду; Г-нъ Каченовскій не написалъ ни одной повѣствовательной пьесы и названъ лучшииъ повѣствователемъ Русскимъ. А сколько хронологическихъ и историческихъ ошибокъ?

Овъ опчастн были означены нами и многія изъ нихъ доказываютъ незнаніе предмета, о которомъ являса писать Авторъ.

5 е. Наконецъ: что сказать объ оцннхъ литшераторовъ Русскихъ? Какъ нарочно, все переименовано Авторомъ нашими; какъ будто съ намѣреніемъ, Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковский, Пушкинъ, Батюшковъ, Грибоѣдовъ упоминающа у него съ пренебреженіемъ; изъ новѣйшихъ, на примѣръ, Баратынскій, Кн. Вяземскій, Ф. Н. Глинка, Баронъ Дельвигъ, Козловъ, не заслужили даже и упоминанія, когда Г-да Висковатовъ, Грумцовъ, Наръжннй, Неваховичъ, Григорій Глинка, пославлены въ число ошлнчнѣйшихъ писателей.

Какое могло бытъ побужденіе написать такую странную статью? Не понимаемъ! Кто могъ написать это Обзорніе Русской Литшературы? Сличить статью Г-на А. Н. (о которой упоминали мы на стр. Зо Телеграфа), ясно видимъ въ обѣихъ статьяхъ удивительное сходство мнѣній, расположенія, даже сходство самыхъ выраженій. Не ужели одинъ и тотъ-же Сочинитель работалъ и для *Меркурія XIX вѣка* и для *Этнографическаго атласа*? Не ужели первый опытъ не опнялъ у него охоты? Не подозрѣваемъ никого изъ нашихъ литшераторовъ въ намѣреніи воспользоваться нездѣніемъ инспранцовъ, похвалилъ самого себя и своихъ пріятелей и побранилъ людей, конхъ онъ не любитъ. Нѣтъ! мы далеки отъ этого подозрѣнія, хотя недавно писали къ намъ изъ Парижа, что извѣстный Клапротъ получилъ письмо изъ Пепербурга, отъ какого-то Г-на Бюсси-Рабюшена, который проситъ Клапрота помѣстнть въ какомъ нибудь

извѣстномъ Журналѣ статью о сочиненіяхъ *одного изъ Русскихъ писателей* (имени его никому знать вѣнужно), увѣряя Г-на Клапрота, что этотъ писатель есть *первый изъ всѣхъ писателей Русскихъ*. Клапротъ спросилъ у Русскихъ, живущихъ въ Парижѣ; они смѣялись читая письмо, и разсматривая его пристально, увидѣли на немъ Русскую печать самого хваленаго писателя. Что подумать объ этомъ? Мы думаемъ, что Русскій писатель, самъ себя расхвалившій подъ именемъ Бюсси-Рабюшена, хотѣлъ пошутить. Почему не думаешь, что кто нибудь для шутки, съ намѣреніемъ, рѣшился написать ошибочную статью въ Этнографическій атласъ Г-на Бальби? Надобно однакожь сказать, что эта шутка весьма незабавная. На что употреблять во зло довѣренность иностранцовъ и дорожить минувшимъ торжествомъ, которое при нынѣшнемъ сближеніи Россіи съ Европою непременно должно разрушиться. Впрочемъ, предоставляемъ судить другимъ: наше дѣло было показать достоинство статьи и вывести иностранцовъ изъ заблужденія.

Къ статьѣ приложены три замѣчанія: о различіи Славянскаго языка и Малороссійскаго нарѣчія отъ Русскаго языка и о буквахъ Русскихъ и Славянскихъ. Всѣ они довольно хорошо составлены.

Мы должны еще представить читателямъ замѣчанія о Прибавленіяхъ къ статьѣ нашего соотечественника, сдѣланныхъ Г-дами Лемонте; Ферюссаконъ, Геро и Нейенкирхеномъ. Между тѣмъ, мы получили отъ одной особы переводъ статьи Г-на Геро о Русской Литтературѣ, написанной по случаю разбора Антологіи Г-на Сень-Мора. Мы обѣщали уже представить читателямъ переводъ

этой статьи (Тел. XVI, Отд. II, стр. 48) и рѣшаемъ помѣстить его въ слѣдующей книжкѣ, За тѣмъ сдѣлаемъ мы общее' обзорнѣе и этой статьи и прибавленій къ разобранной нами статьѣ соотечественника нашего.

{Н. П.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1826 года.

211. *Грамматика Латинская*, составленная по руководству Брѣдера Ив. Снегиревымъ. Изданіе 2-е. М. 1826 г. 190 стр. in 8.

Сія учебная книга, отличающаяся основательными и ясными опредѣленіями, имѣетъ рѣшительное преимущество предъ 1-мъ изданіемъ оной и по справедливости должна занять нынѣ первое мѣсто между всѣми Латинскими Грамматиками, изданными на Русскомъ языкѣ. Во впоромъ изданіи она изложена болѣе систематически, нежели въ 1-мъ; иприм. въ Синтаксисѣ не встрѣчаемъ уже *правиль въ разсужденіи знатенія и окончанія словъ*; въ сей части Грамматики 2-го изданія падежи разсматриваются только синтаксически, т. е. относительно ихъ управленія въ рѣчи, между тѣмъ, какъ въ Синтаксисѣ 1-го изданія говорится о падежахъ этимологически, т. е., просто: какіе вопросы требуютъ извѣстныхъ падежей, что собственно относится къ Этимологіи. Словомъ: во 2-мъ изданіи сей книги сдѣланы весьма хорошія дополненія,

а многія опредѣленія совсѣмъ измѣнены, особенно въ Синтаксисѣ.

Послѣ сихъ, общихъ замѣчаній отдѣлемъ нѣкоторыя частныя.

Авторъ смѣшиваетъ имена числительныя съ прилагательными. Не все то истинно, что всѣмъ принято: это несомнѣнно, и на оборотъ; современный быстрый ходъ наукъ къ единству началъ ежедневно убѣждаетъ насъ въ этомъ. Но Авторъ не объясняетъ, почему онъ отступилъ отъ общаго правила; изъ опредѣленія-же, составленнаго имъ для имени прилагательнаго, сего не видно.

Между принадлежностями глаголовъ (стр. 41) полагается видъ оныхъ (*genus*). По чему-бы не назвать родомъ? Въ противномъ случаѣ не переводить-бы видъ словомъ *genus*. Впрочемъ, мы совершенно согласны, что лучше называть видами глагола извѣстныя въ нашихъ Грамматикахъ *залогъ*: названіе, неимѣющее, въ смыслѣ Грамматическомъ, никакого значенія, подобно нѣкоторымъ выраженіямъ въ Русской Грамматикѣ.

Во Введеніи къ Синтаксису основательно опредѣляется, что такое періодъ, предложеніе и проч. Но мы не согласимся съ опредѣленіемъ сказуемаго или подлежащаго, ибо симъ послѣднимъ не всегда *опредѣляется подлежащее*. Не лучше-ли назвать: подлежащее *положеніемъ*, а сказуемое или подлежащее его *противоположеніемъ*? Связь-же не всегда выражается однимъ глаголомъ *быть* (*esse*). Всякій глаголъ опредѣляетъ отношенія между подлежащимъ и подлежащимъ, и потому всякій глаголъ можно назвать связью между подлежащимъ и подлежащимъ.

Съ удовольствіемъ читаемъ (стр. 101) замѣчаніе, кажется, не встречаемое ни въ одной изъ нашихъ Грамматикъ, *это всѣ глаголы, кромѣ существительнаго, называемые прилагательными, заключаютъ въ себѣ знатеніе глагола sit и причастія оныхъ, наприм. discipulus audit, ученикъ слушаетъ, вмѣсто discipulus est audiens, ученикъ есть слушающій.* Изъ сего слѣдуешь, что есть собственно одинъ глаголь существительный: *быть* — *esse*, а всѣ прочіе суть его представители, ибо онъ въ каждомъ изъ оныхъ равно содержится, такъ какъ, собственно есть одно общее имя, или мѣстоименіе я, а всѣ прочія имена суть ничто иное, какъ разрозненное, распавшееся, такъ сказать, на части мѣстоименіе. Слѣдственно главное синтаксическое выраженіе, служащее основаніемъ для всѣхъ прочихъ, есть рѣченіе: *я есмь*.

Въ Лашинскомъ Синтаксисѣ всегда важное мѣсто занимаетъ статья о послѣдовательности времени. Были примѣры, что ученики, зная наизусть правила, напечатанныя въ книгѣ, при переводѣ на Лашинскій языкъ, дѣлали ошибки въ употребленіи времени. Причиною этого являлись, невразумительныя объясненія. Сія часть Синтаксиса вообще сбивчиво и слишкомъ школьно истолкована въ нашихъ Грамматикахъ. Во 2-мъ изданіи разсматриваемой нами учебной книги Г-на Снегирева съ удовольствіемъ читаемъ основательное и удовлетворительное объясненіе, относительно употребленія и порядка времени въ языкѣ Лашинскомъ. Важная услуга для учащихся, изурядимыхъ мѣлочными, ничтожными толкованіями закосившихъ педагоговъ! Здѣсь узнаемъ взглядъ опытнаго и мыслящаго наставника. Силь

объясненіемъ уничтожается нелѣпость нашихъ Латинскихъ Грамматику, что (неизвѣстно почему?) на прим. *за прошедшимъ* временемъ слѣдуетъ *предъходящее*, а послѣ будущаго наспоющее. Сія глава, къ чести Автора, совершенно измѣнена во 2-мъ изданіи его Грамматики. Въмѣсто (стр. 112): *перемѣщеніе словъ въ Латин. языкѣ свободно*, лучше бы сказать, что перемѣщеніе словъ въ Латин. языкѣ основывается единственно на законахъ логическихъ, а посему и не ограничивается извѣстнымъ порядкомъ, подобно самой мысли, принимающей много различныя формы.

Въ главѣ: *О словоуправленіи вообще* читаемъ весьма основательное замѣчаніе, которое не встрѣчается въ 1-мъ изданіи, что *падежи и наклоненія зависятъ болѣе отъ значенія, нежели отъ предлоговъ и союзовъ*. Слѣдственно: союзы, на прим. *ut* quo, *eo*, и проч., вопреки нашимъ Грамматикамъ принимаютъ не всегда сослагательное наклоненіе но тогда только, когда этого пребудетъ смыслъ рѣчи. Нѣкоторыя объясненія Автора, при всей основательности оныхъ, могли-бы быть вразумительнѣе. На прим. (стр. 113, § 2.), вмѣсто: *родительный предметный (objecti)*, яснѣе было-бы: *родительный* казуемаго или подлежащаго. Вообще изъясненіе сего § несовершенно вразумительно; примѣръ болѣе нежели самое опредѣленіе объясняетъ различіе между родительнымъ подлежащаго и родительнымъ казуемаго или подлежащаго. Такія опредѣленія, хотя весьма рѣдко встрѣчающіяся во 2-мъ изданіи сей Грамматики, но справедливою требуетъ замѣшанія.

Далѣе (стр. 114, § 6) съ удовольствіемъ читаемъ: по *управленіе слова болѣе основывается на знаніи, нежели на измѣненіи онаго*. Выписываемъ сіи замѣчанія, съ намѣреніемъ доказать превосходство 1-го изданія сей Грамматики, какъ предъ 1-мъ, такъ и предъ всѣми нашими Грамматиками. Въ отдѣленіи о *наклоненіяхъ глаголовъ*, замѣчанія, отличающіяся точностію и основательностію, весьма удовлетворительно подтверждены, удачно избранными примѣрами изъ Цицероновыхъ писемъ.

Дальнѣйшее изложеніе синтаксическихъ правилъ, своею опредѣленностію и точностію, вполне соответствуетъ приведеннымъ нами примѣрамъ. Включимъ, что 2-е изданіе Грамматики Г-на Снеирева есть драгоценный подарокъ, какъ учащимъ, такъ и учащимся языку Лашинскому.

И. Б — нъ.

1827 года.

103. Oraison funèbre de Monseigneur Stanislas Niestrzencewicz de Bohusz, Métropolitain des églises Catholiques - Romaines en Russie, Archevêque de Mohilew, etc. etc. (*Надгробное слово, при погребеніи Его Высокопреосвящ. Станислава Сестрэнцевича Богуша, Митрополиша Римско-Католическихъ церквей въ Россіи, Архіепископа Могилевскаго, и проч. и проч., произнесенное 15 Декабря, 1826 г., Аббашомъ Станиславомъ Парчевскимъ, Докторомъ Богословія, воспитанникомъ главной Виленской Семинаріи, въ приходской Каполической церкви, въ Малой Коломнѣ, въ Санктпетербургѣ; съ замѣчаніями о жизни Высокопреосвящ. Митрополиша,*

Ч. XVII. No 18.

I

Эпитафия: *Stat magni nominis umbra. Lucan I. 132.* СПб. 1827 г. въ тип. Плюшара, in gr. 8. 44 стр., съ литографир. поршретоми и рисунк. Церкви въ Малатицахъ и гравир. церкви въ Коломнѣ.

Рѣчь сію, произнесенную при погребеніи тѣла Митрополита Стан. Сестрениц. Богуша, скорѣе можно назвать некрологическимъ извѣстіемъ, нежели надгробнымъ словомъ. Также намъ довольно странно показалось, что Сочинитель, между прочимъ, уподобляетъ покойнаго Митрополита Мазарену (стр. 16). Мирная, посвященная попеченіямъ о паствѣ и ученымъ занятіямъ жизнь покойнаго Архипастыря, ни сколько не походила на государственную, бурную жизнь хитраго и гордаго Кардинала Мазарена. Можно замѣтить еще нѣкоторыя противорѣчія между текстомъ слова и примѣчаніями въ концѣ его (на прим. между стр. 8 и 32, или примѣчаніемъ на стр. 22 и стр. 27). Покойный Митрополитъ родился въ 1731 году и скончался въ Декабрѣ, 1826 года. Онъ любилъ Науки и Литтературу. Въ юности писалъ онъ на Польскомъ языкѣ трагедіи и поэмы, и въ преклонныхъ лѣтахъ занимался науками, издалъ на Французскомъ языкѣ Историческія изслѣдованія о Таврии, Славянскихъ народахъ и Норманнахъ. Аббатъ Парчевскій (стр. 42) обѣщаетъ издать подробное его жизнеописаніе.

Т.

104. *Изложеніе политической системы Европейскихъ Государствъ*, съ показаніемъ ея происхожденія и начала, побудительныхъ причинъ взаимныхъ Государственныхъ союзовъ и распространенія оной, перемѣнъ и потрясеній, и наконецъ времени

и обстоятельство незыблемаго и прочнаго ея основанія. Сочиненіе А. Оппеля. М. 1827 г., въ Универс. тип., in 8, 40 стр.

Сочиненіе, дѣлающее честь дарованіямъ и свѣдѣніямъ юнаго Автора. Въ быстромъ объемѣ, онъ съ большимъ знаніемъ предмета, руководствуясь Робертсономъ, Юмомъ, Геереномъ, Мишо и другими историками, излагаетъ постепенный ходъ политической системы государствъ Европы и особенно хорошо представляетъ начало ея и главныя причины, дѣйствовавшія на полиптику нынѣшнихъ Европейскихъ государствъ, съ самаго основанія ихъ до нашего времени. Искренне желаемъ видѣть дальнѣйшія послѣдствія прекраснаго начала ученыхъ трудовъ Г-на Оппеля. Исторія ждетъ у насъ сподвижниковъ.

Н. П.

105. *Конспектъ занятій Узднаго Суда*, заключающій въ себѣ обрядъ производства въ немъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, значеніе канцелярскихъ бумагъ, совершеніе крѣпостныхъ актовъ и обязанности Присутствующихъ, Секретаря и приказнослужителей, сочиненный Титулярнымъ Совѣтникомъ Михаиломъ Радугинымъ. *Изданіе второе, съ дополненіями.* М. 1827 г., къ тип. П. Кузнецова, in 8, 150 стр.

Мы упоминали о первомъ изданіи сей полезной и хорошо составленной книги. Радуетъ, что трудъ Г-на Радугина справедливо оцѣненъ Публикою. Авторъ умножилъ достоинство своей книги при новомъ изданіи, сдѣлавъ къ ней многія прибавленія и нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи.

106. *Dictionnaire complet François et Russe, composé sur la nouvelle édition de celui de Wailly et*

de plusieurs autres par Jean de Tatistchew, conseiller d'état. *Полный Французско - Россійскій Словарь*, составленный, по новѣйшему изданію Французскаго Лексикона Вальм и нѣкоторыхъ другихъ, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Тапищевымъ. *Изданіе второе, вновь дополненное и исправленное*. Т. I, отъ А. до Л. Издали С. Селивановскій и А. Ширяевъ. М. 1827 г. въ шип. С. Селивановскаго, in 4, 417 стр.

Словарь Франц.-Россійскій, изданный въ 1816 г. Г-мъ Тапищевымъ, признанъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ до этого времени изданныхъ Франц.-Россійскихъ Словарей. Десять лѣтъ еще трудился неутомимый Лексикографъ надъ симъ Словаремъ, свѣрялъ, дополнял, исправлялъ, слѣдовалъ за ходомъ Французскаго языка: имя Г-на Тапищева ручается за достоинство книги и, кажется, безъ ошибки можно теперь назвать новое изданіе совершенно достаточнымъ и полнымъ. По бѣглому взгляду мы удостовѣряемся въ этомъ. До 7000 словъ и фразъ прибавлено въ Словарь противъ прежняго изданія. Изданіе его заслуживаетъ благодарность публики, и надобно прибавить, что еще ни одинъ Словарь въ Россіи не былъ напечатанъ такъ хорошо. Четкія буквы, расположеніе въ три колонны, на большой четверткѣ, три буквы указательныя надъ каждою колонною: все это удобства, весьма важныя для употребляющихъ Словарь. Дешевая цѣна даетъ всякому средства пользоваться симъ Словаремъ. Мы подробно разбирали въ Телеграфѣ Словари, изданныя Г-мъ Глазуновымъ, и по выходѣ второй и послѣдней части Словаря, издаваемого Г-ми Селивановскимъ и Ширяевымъ, также опладимъ опчетъ подробный

Всего болѣе боимся подозрѣнія въ пристрастіи; помнится, гдѣ-то уже намекали, что въ Телеграфѣ будетъ похваленъ Словарь, о которомъ извѣщаемъ читателей нашихъ. Но воля Г-дѣ Замѣчателей, а хорошаго не лзя не похвалишь.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ и вновь предполагаемая (продолженіе). Различныя покушенія Капитана Франклина въ Арктическихъ моряхъ извѣстны, также какъ и непреодолимость его усилій въ достиженіи къ полюсу. Въ 1825 году, онъ снова началъ свои трудныя изысканія и прошелъ значительную часть сѣверной оконечности Америки, по переправляясь черезъ болота, то идя внизъ и вверхъ по теченію рѣкъ.

Слѣдующее письмо заключаетъ въ себѣ самое полное донесеніе, какое только имѣемъ мы объ экспедиціи сего неустрашимого изыскателя. Оно написано однимъ ученымъ, находившимся при сей экспедиціи, и составляетъ новѣйшее о ней извѣстіе (*).

Крѣпостца Франклинъ, озеро Большаго Медвѣдъ, 6 Февраля 1826 года.

«Въ Нью - Йоркѣ приняли насъ, въ лучшемъ обществѣ, очень благосклонно и даже съ участіемъ. Мы провели тамъ недѣлю весьма пріятно и послѣ сего отправились въ Албани, идя вверхъ по Гудзоновой рѣкѣ, въ паровой лодкѣ. Дорогою мы оста-

(*) См. Прибавленіе къ сей статьѣ. *Прилѣг. Переводника.*

наблюдались въ Западномъ Пунктѣ, дабы осмотрѣть большую Военную Школу, недавно тамъ учрежденную. Это мѣсто возбуждаетъ прискорбныя воспоминанія въ душѣ Англичанина : здѣсь была Американская армія въ то время, когда храбрый и несчастный Маіоръ Андре былъ схваченъ, во время переговоровъ съ измѣнникомъ Арнольдомъ. Гудзонова рѣка величественна ; она орошаетъ страну, исполненную красотами важнаго и романтическаго вида. Албани, мѣсто Правительства въ области Нью-Йоркской, спокойный, хорошо выстроенный городъ и по здѣшнему древній; но въ немъ незамѣтно движенія, поддерживаемаго въ городѣ Нью-Йоркѣ торговлею. Здѣсь мы воспользовались гостепріимствомъ Правителя области, Генерала Уайтъ - Клинтона, любезнаго, учливаго и очень ученаго чловѣка, и также Г-на Ван - Ранзелера, владѣльца въ Графствѣ сего имени, въ родѣ нашихъ знатныхъ господъ, извѣстнаго въ сей странѣ подъ именемъ *покровителя* (patron). Это названіе, безъ сомнѣнія равно нашему Европейскому титулу Герцога. У него мы познакомились съ Г-мъ Сельденомъ, однимъ изъ начальниковъ федеральной партіи. Въ воскресенье мы сопровождали правителя въ церковь, гдѣ совершавшій службу Пресбитеріанскій Священникъ, обратился къ Всецѣльному съ особенною молитвою объ успѣхѣ и здравіи особъ, составлявшихъ экспедицію.

Въ Албани мы наняли три коляски, каждую въ четыре лошади, для переѣзда въ Левистоунъ, городъ, отстоящій отъ Албани почти на 420 миль. Общество наше состояло тогда изъ пяти офицеровъ, четырехъ морскихъ солдатъ и Британскаго Консула (Г - на Буханана), сопровождавшаго насъ

изъ Нью - Йорка и остававшася съ нами во все время нашего перѣзда по Соединеннымъ Штатамъ и Верхней Канадѣ. Г-нъ Бухананъ былъ намъ очень полезенъ своимъ особеннымъ знаніемъ дорогъ, способъ путешествія и нравовъ жителей. Однакожъ, оставивъ большую западную дорогу, идущую въ Буффало, и перешедши на дорогу, ведущую къ Девистоуну, находящемуся на Ніагарѣ, мы вспрѣчались жилищъ способныхъ удовлетворить надобностямъ всего нашего общества, чего впрочемъ и должно было ожидать на дорогѣ мало посѣщаемой. Слѣдуя по сей дорогѣ, въ полночь мы прибыли къ небольшому трактиру, гдѣ всѣ спали. Ворота были только задвинуты, и мы, растворивъ ихъ, были въ пристанищѣ. Служители трактирные скоро услышали насъ, но тогда было довольно холодно и они не позаботились оставить свои постели, выйдти, принять насъ и приготовить намъ ужинъ. Тутъ Г-нъ Бухананъ сыскалъ средство тотчасъ поднять ихъ. Онъ велѣлъ одному изъ горныхъ Шотландцовъ, насъ сопровождавшихъ, пойдти въ корридоръ, подлѣ коего находились спальныя комнаты, и заиграть на флажолетѣ. Едва только онъ навелъ тонъ національной пѣсни *"The gathering of the clans"* (зовъ кланамъ), тотчасъ трактирщикъ, его семейства и пять или шесть молодыхъ женщинъ вышли изъ своихъ комнатъ и съ почтеніемъ пришли къ намъ. Имъ понравился нашъ поступокъ: они сказали, что музыка очень хороша и поспѣшави подавъ намъ весьма умѣренный ужинъ, потому что онъ состоялъ только изъ одного окорока. Послѣ этого они переѣмили одеялы оставленныхъ ими постелей и уложили насъ. Оставивъ Девистоунъ, мы переправились черезъ

Ніагару , желяя прыбыць въ Кинстоунъ , находящійся къ сторонѣ Канады , и прошли вверхъ по Ніагарѣ около семи миль , для того чѣобы посмодрѣть паденіе ея въ семь мѣстѣ , столь справедливо проолавленное . Часто пыпались описывать его , и до сихъ поръ , кажется мнѣ , не съ большимъ успѣхомъ . Я самъ не возьмусь исполнить этого ; но скажу просто , что не смотря на все то , что я читала о семь паденіи , не смотря на множество картинъ сѣго предмета , видѣнныхъ мною , взглядъ на него далеко превосходитъ своимъ великолѣпіемъ все , что я воображала себѣ о немъ . Водопады , видѣнные мною въ другихъ мѣстахъ , должны бытъ почитаемы за ничто въ сравненіи съ Ніагарскимъ . Это неизмѣримый и величественный памятникъ могущества Творца , Того , Кто направляетъ по волѣ своей воды и Кто далъ имъ здѣсь такое движеніе , котораго не могутъ остановить всѣ человѣческія силы . Поставьте Ксеркса , его Сатраповъ противъ стремленія сей дивной рѣки ; поставьте тамъ величайшаго властителя , впереди могущественнѣйшей арміи , какая только попирала когда-либо землю , и одной минушы довольно будетъ поглотить ихъ со всѣми ихъ безчисленными ордами . Окрестности водопада образуютъ пріятное мѣстоположеніе , куда достаточные жители Нью - Йорка обыкновенно прѣзжаютъ проводить жаркое время года . Тутъ видны многіе дома , на мѣстахъ счастливо избранныхъ , и между прочимъ трактиръ , находящійся на высотѣ , повелѣвающей самымъ водопадомъ . Это спроеніе и нѣскольکو деревянныхъ ступенекъ на берегу рѣки , по коимъ любопытные могутъ всходить и сходить , правда , не увеличиваютъ великолѣпія зрѣ-

лица, но, съ другой стороны, они и не вредящъ ему: паденіе Ніагары есть, можетъ быть, одно въ мірѣ, при которомъ сносы подобныя принадлеж-ности. Размѣръ сего паденія шакъ огроменъ, что глядя на ужасный бѣгъ водъ имъ сбрасываемыхъ, взоръ едва усматриваетъ предметы, прибавленные къ нему человѣческою промышленностью.

»Отъ Ніагарскаго водопада мы пошли къ крѣ-пости Св. Георгія, находящейся на озерѣ Оншаріо, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ впадаетъ въ него рѣка, и, переправившись черезъ озеро, вышли на берегъ въ Іоркѣ, столицѣ верхней Канады. Пробывъ въ семь городѣ двадцать чesyре часа, мы сѣли въ двухъ-колесныя шѣлеги и приѣхали, по ужаснымъ дорогамъ и странѣ худо населенной, къ озеру Симкое, черезъ которое также переправились. По берегу рѣки Натавассага сошедши до озера Гурона, черезъ нѣ-сколько дней приѣхали мы въ Пенемангишенъ, мор-ское депо, находящееся въ одномъ изъ заливовъ сего озера. Въ Пенемангишенѣ къ намъ присоединились двадцать чesyре Канадца, изъ Монтреала выслан-ные къ экспедиціи. 23 Апрѣля мы погрузились съ ними въ двѣ большія лодки, съ нѣкоторыми запаса-ми присланныя къ намъ въ предшествовавшее время года изъ Нижней Канады. На сихъ лодкахъ мы пошли около береговъ, по озерамъ Гурону и Верх-нему и прибыли въ крѣпостцу Вилліамъ 10 Мая, бывъ однакожъ задержаны нѣсколько дней въ пупи, шо льдами, шо противными вѣтрами.

»До соединенія Компаніи Гудзонова залива съ Компанією Сѣверо - Западныхъ торговцовъ мѣхами, крѣпость Вилліамъ была главнымъ складочнымъ мѣ-стомъ сей послѣдней Компаніи. Здѣсь мы перемѣни-

ли наши большія лодки на другія четыре, меньшей величины, болѣе способныя для плаванія по рѣкамъ и раздѣлились на два отряда. Капитанъ Франклинъ и я пустились впередъ, въ лодкѣ легко нагруженной, а Гг. Блэккъ, Кендалъ и Дрюммондъ слѣдовали за нами, везя припасы въ трехъ другихъ лодкахъ. 15 Юня прибыли мы въ Кумберландъ - Гоузъ. Вы припомните, что это была зимняя квартира наша въ первый годъ прежней экспедиціи, а въ послѣднюю зиму здѣсь также жили нѣкоторые изъ нашихъ людей, съ тремя лодками и частію запасовъ отправившіеся изъ Англіи въ Юнь мѣсяцъ 1824 года, на корабль Компанія Гудзонова залива. Они снова пустились въ путь 2 Юня и мы присоединились къ нимъ 20 числа того-же мѣсяца, въ самое время помочь имъ достигнуть и перейти сей возвышенный пунктъ земли, раздѣляющій воды, текущія къ Гудзонову заливу и несущіяся къ Арктическому Океану. Опять необыкновенной засухи, господствовавшей въ сіе время года, намъ очень трудно было двигать лодки по ручьямъ, въ различныхъ направленіяхъ выющимся на Метійскомъ перешейкѣ, и особенно это затрудняло насъ по рѣчкѣ Мепи, простирающейся почти на тридцать миль въ длину: въ это время года въ ней не было воды столько, чтобы лодки могли плыть гдѣ нибудь, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ углублений, отдѣляемыхъ одно отъ другаго бродами, очень широкими и почти сухими. И такъ, съ малымъ исключеніемъ, на всемъ пути вдоль перешейка мы должны были на себѣ нести наши лодки, идя по болотамъ, и на каждомъ шагѣ вытерпѣвая нападенія безчисленнаго множества москиповъ. Метійскій перешеекъ, простирающійся во всю ширину песчаныхъ

возвышенностей, занимаетъ въ длину почти двѣнадцать миль, и на семь переходъ лодки были несены на плечахъ моряковъ вездѣ, гдѣ не лъзя было плыть по ручьямъ. Послѣ сего затруднительнаго дѣйствія, отъ котораго большее число людей нашихъ пострадало ногами, мы пошли внизъ по рѣкѣ Апаческау и прибыли, 15 Июля, въ крѣпостицу Чепуайянь, на Горномъ озерѣ. Справившись съ путешествомъ Мекензиза, вы увидите, что изъ крѣпостицы Чепуайяня сей изыскатель отправился 3 Июня 1789 года въ свой достопамятный путь къ Арктическому Океану, въ продолженіе коего онъ нашель рѣку, извѣстную подъ именемъ Мекензиевой, и раскрыль мѣховой торговлѣ обширное пространство земель, дополъ неизвѣстныхъ.

Капитанъ Франклинь долженъ былъ оставаться въ Чепуайянь до пріѣзда Г-на Блакка, дабы имѣть возможность отпустить нѣсколькихъ Канадцовъ, для возвращенія домой въ это время года, и сдѣлать нѣкопорыя другія распоряженія для продолженія своего предпріятія. Но чтобы не терять напрасно времени, рѣшено было, что я пойду впередъ, взявъ съ собою лодки, коихъ было у насъ тогда пять, и въ слѣдствіе сего я отправился 21 числа.

Лодки подъ начальствомъ Гг. Блакка и Кендала (Г-нъ Дрюммондъ остался въ Кумберландъ-Гоузѣ, для собиранія травъ на Санкачеванѣ), прибыли наконецъ въ Чепуайянь 23, и черезъ день Капитанъ Франклинь отослалъ въ Канаду лодку съ путешественниками, услуги коихъ были ему не нужны и отправился для соединенія со мною. Всѣ мы прибыли къ Невольничьему озеру 26 Июля, только двумя днями позже прошивъ вшораго года

вашей прежней экспедиціи: эту разницу въ переходѣ должно приписатьъ единственно лучшему нашему познанію дороги, усовершенствованному способу путешествовать и хорошимъ распоряженіямъ Капитана Франклина. Проведя два дни подъ гостепріимною кровлею Г-на Маккивара, изъясвившаго столь много участія во время первыхъ нашихъ спраданій, я снова пустился впередъ, и слѣдуя южнымъ берегомъ Большаго Невольничьяго озера, достигъ наконецъ рѣки Мекензія и вошелъ въ нее. Теченіемъ сей величественной рѣки быстро повлекло насъ впередъ и 3 Августа мы прибыли въ крѣпостцу Симпсонъ, находящуюся при сліянніи рѣкъ Горной и Мекензіевой. Идя далѣе, внизъ по сей послѣдней рѣкѣ, 6 числа въ семь часовъ утра мы прибыли въ крѣпостцу Норманъ, что есть на двѣсти миль отъ того мѣста, гдѣ сѣли въ лодки. Въ Норманъ я оставилъ одну лодку, съ частью запасовъ нашихъ и избраннымъ экипажемъ, для Капитана Франклина, и продолжая путь съ остальными, вышелъ изъ рѣки Мекензія и пустился вверхъ по рѣкѣ Большаго Медвѣдя, соединяющимся почти въ 30 миляхъ ниже крѣпостцы Норманъ. Рѣка Большаго Медвѣдя чрезвычайно быстра въ теченіи, ибо хоша протяженіе ея на 76 Англійскихъ миль, но внизъ проходящъ ее въ восемь или девять часовъ, тогда какъ вверхъ по ней путь продолжается при или чешыре дни. 16 Августа прибыли мы въ крѣпостцу Франклинъ: ее тогда строили. Г-нъ Дизъ, одинъ изъ главныхъ негоціантовъ Компаніи Гудзонова залива, съ небольшимъ числомъ людей пріѣхавшій сюда въ Іюнь мѣсяцъ, дабы приготовитьсь принять насъ, не ожидалъ пріѣзда нашего ранѣе 25 Сентября. Капитанъ Франклинъ

съ своими сопутниками достигъ крѣпостцы Норманъ на другой день послѣ моего отбытія изъ оной и оставивъ назади Г-на Блакка, съ запасами, самъ съ Г-мъ Кендалемъ быстро сошелъ по рѣкѣ, сопровождаемый экипажемъ, изъ семи человекъ состоявшимъ, включая въ сіе число и Эскимосскихъ переводчиковъ. На третій день они обошли крѣпостцу Доброй Надежды, въ $67^{\circ} 28'$ широты, послѣдній изъ постовъ Компаніи, и черезъ три дни послѣ сего прибыли къ Арктическому Океану. Они увидѣли, что рѣка впадаетъ тамъ многими отраслями, отдѣленными одна отъ другой весьма низкими дельтами, обыкновенно пошопляемыми весною возвышеніемъ водъ рѣки. Кипшовой островъ Мекензія, послѣдняя почка путешествія еего мореплавателя, болѣе всѣхъ выдался впередъ отъ дельты, но островъ сей окруженъ прѣсною водою рѣки, и уже приближаясь къ острову Гаррей, 30 миль далѣе въ море, наконецъ замѣтна соленая вода, отличающаяся отъ мутной рѣчной воды весьма рѣзкою тѣнью. Ровно черезъ шесть мѣсяцовъ по отъѣздѣ своемъ изъ Англіи, Капитанъ Франклинъ вышелъ на берегъ острова Гаррей. Друзья его можетъ быть не безъ сердечнаго движенія узнаютъ, что здѣсь въ первый разъ развилъ онъ шелковое знамя, вышитое супругою его во время послѣдней ея болѣзни и отданное ему съ предчувствіемъ, къ несчастію слишкомъ вѣрнымъ, что они уже не увидятся болѣе въ семъ мірѣ.

Островъ Гаррей находится въ $69^{\circ} 29'$ широты, при $135^{\circ} 41'$ Западной долготы. Съ самаго возвышеннаго мѣста онаго усматриваютъ множество черныхъ и бѣлыхъ киповъ и морскихъ коровъ. Пробывъ здѣсь одинъ день для астрономическихъ

наблюдений и насладившись зрѣлищемъ моря безъ льдовъ, путешественники отправились въ обратный путь, къ тому мѣсту, откуда пишу къ вамъ; они прибыли туда 6 Сентября. Во время ихъ отсутствія мы назвали выспроенную нами путь крѣпостцу *Франклиномъ*, и нынѣ извѣстную подъ симъ именемъ. На островѣ Гаррей они замѣтили многіе слѣды кочевья Эскимосовъ, за нѣсколько времени оставленнаго, но къ несчастію не встрѣтили тамъ ни одного существа сего племени. Однакожъ въ хижины ихъ положили по нѣскольку небольшихъ желѣзныхъ подѣлокъ, и послѣ имѣли удовольствіе узнать, отъ одного Американскаго поколѣнія, называемаго *Быстрые глаза*, посѣщающаго крѣпостцу *Доброй Надежды*, что сіи подарки найдены тамъ, кому они были назначены, и много послужили къ предупрежденію ихъ въ нашу пользу. Съ отъѣзда своего изъ Нью-Йорка, отъ 26 Марта до 6 Сентября, времени соединенія обоихъ упомянутыхъ отдѣленій въ крѣпостцу Франклинъ, включая сюда и обзоръніе Сѣвернаго Берега озера Медвѣдя, сдѣланное во время отсутствія Капитана Франклина, экспедиція прошла 5160 миль, изъ которыхъ 596 находятся въ Соединенныхъ Штатахъ и обитаемыхъ частяхъ Верхней Канады. Путешественники будутъ продолжать свои труды, какъ скоро рѣки очистятся отъ льдовъ ихъ покрывающихъ, что начнется не прежде окончанія Іюня 1826 года. Въ то время, когда пишу къ вамъ это письмо, всѣ составляющіе экспедицію, по виду, довольны и наслаждаются совершеннымъ здоровьемъ. Кажется, они не сомнѣваются въ успѣхъ своихъ усилій (*).

(*) См. Прибавленіе къ сей статьѣ. Дорес.

Три послѣдовательныя путешествія Капитана Парри къ Арктическому полюсу (*) совѣтъ не остались безъ послѣдствій, хотя непредвидѣнныя и чисто случайныя обстоятельства не позволили достигнуть прямой цѣли сихъ путешествій. Они доказали, что Европейцамъ не невозможно провести зиму въ сихъ высшихъ широтахъ, коихъ температура донынѣ почиталась смертоносною, и что, слѣдовательно, можно полагать не безразсудно, что есть средство достигнуть полюса. Экспедиція, о коей мы упомянемъ ниже сего, кажется, объѣщаетъ исполненіе сего предположенія.

О нѣкоторыхъ другихъ экспедиціяхъ сего рода мы не можемъ умолчать, но ограничимся краткимъ упоминаніемъ о нихъ, потому что или описанія оныхъ еще не изданы, или они не имѣютъ общей занимательности. Не нужно прибавлять, что мы никакъ не включаемъ въ сей послѣдній разрядъ путешествій Г на Фрейссине, вокругъ свѣта, и также путешествія Капитана Дюперрея, служащаго дополненіемъ первому, описаніе коего издается въ Парижѣ. Упомянемъ еще о путешествіяхъ: Г на Камльо въ Нубію; Россійскаго Капитана Васильева въ Тихій Океанъ, и Капитана (***) Беллинггаузена къ Антарктическому полюсу. Сей послѣдній, возвратившійся въ 1822 году, не проходилъ на югъ такъ далеко какъ Капитанъ Веддель. Баронъ Врангель странствуетъ теперь въ Камчаткѣ; сіе путешествіе

(*) См. Моск. Телегр. 1827 г. No 13-й стр. 98 и слѣд. *Перев.*

(**) Что имѣлъ Кошуръ-Адмиралъ. *Перев.*

послужить дополненіемъ прежняго его путешествія въ сѣверную часть Сибири , въ 1820—1825 годахъ (*).

Можно указать еще на экспедицію , долженствующую обращать на себя вниманіе всѣхъ друзей наукъ , совершаемую нынѣ въ Африкѣ Маіоромъ Ленгомъ и Капитаномъ Клаппертономъ. Извѣстно , что сіи два путешественника пустились , одинъ отъ сѣвера , другой отъ юго-запада , шакъ чтобы пройти въ долготу по сей части свѣта. Окончательное , столь долго недовѣдомое познаніе Нигера и направленія онаго , по всѣмъ вѣроятностямъ должно быть слѣдствіемъ ихъ трудовъ. По послѣднимъ извѣстіямъ видно , что Гг. Ленгъ и Клаппертонъ совершенно здоровы и ожидаютъ наилучшихъ послѣдствій отъ своихъ усилій.

Донынѣ мало обнародовано подробностей о путешествіи , предпринимаемомъ въ 1821 и 1822 годахъ , подъ начальствомъ Капитана Бичея , для обозрѣнія Сѣвернаго берега Африки. Извѣстно однакожь , что сіе путешествіе имѣло слѣдствіемъ открытіе многихъ , чрезвычайно любопытныхъ останковъ древности и драгоценныхъ документовъ о Кириней и Пентаполисѣ. Развалины Кириinei . Арсинои , Беренисы , Птолемаиды и Аполлоніи , представили карандашу рисовальщика , сопровождавшаго сію экспедицію , множество предметовъ для рисунковъ , нынѣ гравируемыхъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ .)

(*) Баронъ Врангель возвратился въ Кронштадтъ , изъ своего путешествія , 15 Сентября сего 1827 года.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

*Отрывки изъ Байронова сочиненія:
Манфредъ.*

(Дѣйствіе 1-е, явленіе 2-е.)

(Гора Юнгфрау; утро.)

Манфредъ (одио на скалѣ).

Напрасно все; оставленный духами,
Обманутый наукой волшебства,
Принесшей мнѣ мученье, не оспраду,
Я потерялъ надежду на безплодныхъ:
Они забвенья мнѣ не властны дашь,
А въ будущемъ, пока во шмѣ не скрышо
Протекшее, я и чипаць не стану.
О маерь смершныхъ всѣхъ, земля! о вы,
Громады! о юный день! почшо
Прекрасны вы? — Я не могу любить васъ!
Ты солнце, око пынное вселенной,
Всезрящее, оспрадное для всѣхъ!
Ты не сіяешь сердцу моему!
Вы, скалы дикія, съ вершины конхъ
Я подь собою въ мрачной безднѣ зрю
И горный ключь, и боръ надъ нимъ нависшій,
Ч. XVII. No 18.

Въ кустарникъ далью превращенный ! нуженъ
 Одинъ лишь шагъ , движеніе , одно
 Лишь дуновение вѣтра — и навѣкъ
 Я почию въ кремѣиспомъ вашемъ лонѣ,
 Почпо-же медлю я ? Почпо , стремясь
 На встрѣчу смерти , на зову ее ?
 Гошовый пастъ , я неподвиженъ , будшо.
 Прикована нога моя къ землѣ.
 Непоспнжимой нѣкой силой я
 Привязанъ къ жизни . . . къ жизни ! зрѣть въ себя
 Отчаянье и духа наготу ,
 Быть заживо души своей могилой ,
 И знать неправость собственныхъ дѣяній ,
 Последнюю зла степень ; можно-ль жизнью
 Назвашь такое бытіе ?

(Пролетаетъ орелъ.)

О ты ,
 Воздушныхъ странъ быстрокрылатый путникъ ,
 Надъ тучами парящій и громами !
 Лети ко мнѣ : мой прахъ послужитъ вскорѣ
 Тебѣ , пшнцамъ своимъ , приличной пищей.
 Но ты умчался въ облаки небесъ ;
 Оттуда ты объемлешь быстрымъ взоромъ
 Всѣ чудеса творенія . . . Прекрасенъ ,
 О , какъ прекрасенъ видимый сей мръ !
 Какъ спроешь онъ въ себя , въ своемъ печеннѣ !
 Лишь мы , владыки мннзые его ,
 Мы , полупрахъ и полубожество ,
 Невластные ни пашъ , ни вознестистъ ,
 Дыша и гордостью и разрушеньемъ ,
 Борьбою низкихъ нуждъ съ надменной волей ,
 Его свзхій порядокъ нарушаемъ ,

Пока, природою одолены,
Мы спанемъ то, чѣмъ вѣдьмы были помыслины,
Чѣму и вѣрять не хотимъ!

(Въ отдаленіи слышны звуки свирѣли.)

Ахъ! звуки
Пастушеской свирѣли! Въ сей странѣ
Не басня вѣки патриарховъ: пѣсни,
И колокольчиковъ пріятный звонъ
Разносятся въ семь воздухъ свободы:
Душа моя ихъ съ жадностію пѣшь.
О, если-бъ могъ я быть незримымъ духомъ,
Сихъ стройныхъ звуковъ музыкой живой,
Шль эхомъ горь, гармоніей унылой
Рожденной съ голосомъ, и вмѣстѣ съ нимъ
Въ пространствѣ умирающей воздушномъ!

О х о т я и к ъ. (Выходитъ на сцену.)

Сюда умчалась серна; я обманушь
Проворствомъ ногъ ея: моя добыча
Сегодня трудъ не награждаетъ худо!
Но кто здѣсь, на скаль, едва доступной
Опважнѣйшимъ изъ опытныхъ стрѣлковъ?
Онъ не охотникъ; но въ его чертахъ
Написаны и доброта, и гордость,
И мужество свободныхъ нашихъ горцовъ.
Я къ незнакомцу ближе подойду.

(Взбирается выше; Манфредъ не видитъ его.)

М а н ф р е д ъ.

Быть послѣднимъ съ теребни подобно
Дубамъ симъ, жертвамъ какой-нибудь буря;

Нагимъ, ослеплымъ на прокладкахъ кормакъ,
 Гниющимъ, какъ неотребенный шрутъ;
 Вышь такъ и вѣчно такъ, не былъ такъ прежде;
 Морщины зрѣшь на блѣдномъ семь челахъ,
 Изрытныя мгновеньемъ, не годами;
 Влечешь часы, какъ стягоспанные вѣки
 И имъ конца не видишь. . . . О! падите,
 Вы, надо мной нависшія лавины,
 Разрушите вы меня, утесы, скалы!
 Почто меня упадите вы? почто,
 Съ стреминнѣхъ кремнистыхъ повергаеся въ бездну,
 Разите вы лишь тварей, конемъ жизнь
 Не бремя тяжкое, зеленый лѣсъ,
 Спада, жилища мврныхъ поселанъ?

О х о т н и к ъ.

Уже вспаюшь шуманы изъ долинъ;
 Я помогу ему сойдши, иль онъ
 И пушь и жизнь утратишь можешь вмѣстѣ.

(Идетъ выше.)

М а н ф р е д ъ.

Сядой шуманъ вспаешъ надъ ледникѣми;
 Онъ спелется сѣрно-огнистой тучей,
 Какъ пѣна моря адскаго, гдѣ волны
 Шумящъ и бьющъ о берегъ, какъ нескомъ
 Услынный отшверженцовъ душами!
 Я содрогаюсь. . .

О х о т н и к ъ.

Я къ нему украдкой
 Приблжусь съ шмыла; онъ едва сползетъ,
 И жуть его врезаннымъ усмрашилъ-бы. . .

Манфредъ (не видитъ его).

Когда-то пала Розенбергъ гора;
 Ошлинули, какъ двинушя бурей,
 Ошъ ребрь ея, виствщя съ нхъ пучи;
 Громады скаль, ъбломковъ ледяныхъ
 Наполнили и пропасти и доли,
 Разбили въ пыль пошюковъ горныхъ водм
 И заградилн ихъ обычный пущъ;
 Паденья громъ ошгрянулъ по горамя
 И дрогнули кремнистыя сердца
 Ея Альпійскихъ брешій. О, почто
 Въ развалинахъ ея не опочилъ я!

(Охотникъ подходитъ къ Манфреду.)

Охотникъ б.

Другъ, берегись! Тебъ твоей первый шагъ
 Бышь можетъ гибелью! Во имя Бога,
 Не стой на сей нависнувшей скаль

Манфредъ (не слышитъ его).

Отъ приличной былъ-бъ мнѣ могилой;
 Тамъ мирно-бы покоился мой прахъ;
 Не спалъ-бы оцъ, засыпанный горою,
 Игрушкой вътра, хищныхъ птицъ добычей!
 А здѣсь и гроба вѣтъ ему! Простите,
 Вы, небеса. Почто вы на меня
 Глядите взоромъ укоризны? — Вы мнѣ
 Несуждены! Земля! прими мой прахъ.

(Хочетъ броситься со скалы; охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его.)

О ж о т н и к б

Безумный, стой! Не обогришь сих горь
Твоей преступной кровью! Я неволею
Отъ гибели спасу тебя!

М а н ф р е д ъ.

Оставь,

Оставь меня! Я слабъ и боленъ. . . Горы
Вокругъ меня колеблющяся и ходящя
Мой взоръ мрачнѣлъ . . . пошухаетъ . . . Кто ты?

О ж о т н и к б,

Узнаешь послѣ! . . .

(Дѣйствіе III-е, явленіе 4-е.)

(Внутренность башни въ замкѣ Манфреда.)

М а н ф р е д ъ (одиѣ).

Заглялся звѣзды; полный мѣсяць всталъ
Надъ свѣжными верхами горь. Прекрасно! . . .
Еще природа мнѣ утѣшна; съ ночью
Я болѣе сдружился чѣмъ съ людьми;
Подъ мирною уединенной сѣнью
Ея звѣздистаго покрова, долго
Я изучалъ языкъ другаго свѣта.
Мнѣ памятно: въ такую точно ночь,
Еще молодой и вымгій странникъ, я
Былъ въ Колизеумъ, среди священныхъ
Столицы міра древняго ошашковъ.

Въ ущелияхъ полуупавшихъ зданій
 Сверкали звѣзды; по лазури неба
 Ходили въшви дровъ, одѣвшихъ своды;
 Вдали надъ Тибромъ лаялъ песъ домашній
 Пропяжно ближе; въ Цезарскихъ чертогахъ
 Кричали совы, и далекой стражи
 Ночная пѣснь, то пролетѣла съ вѣтромъ,
 То умирала въ тишинѣ окрестной;
 Въ проломахъ стѣнъ чернѣли кипарисы
 И подпирали, мнилось, небосклонъ,
 Но были близко, тамъ, гдѣ обитали
 Цари вселенной, гдѣ витають нынѣ
 Ночныя птицы, и среди обломковъ
 Кусты въ сердцахъ героевъ коренишся,
 Повсюду ива замѣняла лавръ,
 Все, Цезаря и Августа палаты,
 Добыча плѣнныя, съ плѣннемъ мѣшались;
 Лишь мечебойцовъ циркъ окровавленный
 Стоялъ одинъ въ величїи угрюмомъ,
 И ты сіялъ, небесный пунтикъ, мѣсяцъ,
 Надъ сей картиной! Твой серебристый свѣтъ
 Одушевляя царство разрушенья,
 Пустынный видъ развалинъ одичалыхъ,
 Слѣды вѣковъ изглаживалъ на нихъ.
 Овъ украшалъ, и бывшее прекраснымъ,
 И то, чему красу даетъ лишь время,
 Когда, какъ вѣра, спалъ священъ сей край,
 И дань безмолвнаго благоговѣнья
 Великимъ древности воздали люди,
 Царямъ умовъ, исплѣвшимъ, но бессмертнымъ,
 Изъ урнъ своихъ вѣщающимъ законы,
 Такая-жъ ночь тогда была. Какъ странно,
 Чшо я теперь ее воспоминаю!

Но въ вась погда и больше бродяшь мысли,
 Когда покой унылый имъ приличень.

(Съ Англ. М. В — о (*).)

Куплеты.

Не Фебомъ вдохновець къ стихамъ,
 Но страстью мучимъ безпокойной,
 Я за толпой въ Пермесскій храмъ
 Явился съ жертвой недостойной;
 Въ лучахъ безчисленныхъ свѣшилъ,
 Предъ божествомъ горящихъ ярко,
 Никто не вздумаетъ, я мнилъ —
 Замѣшить моего огарка.

Но что-жь? Любимый Фебовъ жрецъ,
 Въ толпѣ меня почтя привѣтомъ,
 Мнѣ говоритъ: »Хвала, пѣвецъ!
 »Твой малый даръ не презрѣвъ свѣтомъ.

(*) Можемъ порадоваться нашихъ читателей, сказавъ имъ, что Г. Переводчикъ, такъ прекрасно передавшій *Сонъ Байрона* и сей *Опрыжокъ* изъ мистеріи Байрона, кончилъ два обширныхъ литературныхъ предпріятія: переводы Шекспирова *Гамлета*, съ Англійскаго, и Мицкевичевыхъ *Дядювъ*, съ Польскаго. Надѣмся, что онъ не замедлитъ подарить общественную публику сими превосходными твореніями. Гамлетъ будетъ первая трагедія Шекспирова вполне переданная на Русскій языкъ. Донынѣ мы имѣли только старинные переводы въ прозѣ (и едва-ли съ подлинника) *Ромео и Юлія* и *Ричарда III*, *Отелло* и *Лиръ* (или, какъ названъ онъ въ Русскомъ переводѣ, *Леаръ*) переведены въ Русскую прозу съ Дюссюва перевода, въ которомъ Шекспиръ являлся совсѣмъ обезображенный. О Русскихъ подражаніяхъ Шекспиру къ чему я упоминаю. Мэд. Т.

«Дзвн порочныхъ : острый спихъ
 »Для нихъ полезная припарка ;
 »Чтобы допечь порядкомъ ихъ ,
 »На шо довольно и огарка.»

И шакъ за дѣло у меня
 Нѣтъ спуска недругу , ни другу ;
 Прошу лишь слабость извиня ,
 Усердје вмѣнишь въ заслугу.
 Не осквернилъ я Музь алтарь
 Невольной скудостью подарка ;
 Всѣмъ свѣшпшь истины фонарь ;
 И въ немъ неболе огарка.

Когда-бъ великаго пѣвца
 Я облеченъ былъ въ санъ высокій ,
 Порокамъ , не щадя лица ,
 Я-бъ угошовилъ пиръ жестокій :
 Всѣхъ обошла-бъ изъ рукъ моихъ
 Сашеры круговая чарка ,
 И ярче молни-бы ихъ
 Жегъ пламень моего огарка.

Но Музь любитель , чуждый имъ ,
 На Пиндѣ я пришлецъ безвѣстный ,
 И бытъ наслѣдникомъ своимъ
 Чту почестью себѣ невмѣстной :
 Полна Поэзія твоя
 Ума Вольшера , чувствъ Петрарка ;
 Играть на лиръ шакъ какъ я —
 Игра не стоить и огарка.

Нѣтъ! никому, не только мнѣ,
 Не уступай святаго сану ;
 Чѣмъ свѣтъ глушишь, я въ тишинѣ
 Тебѣ внимать охотнѣй сану.
 Поши-жь — и къ славѣ Пьеридѣ,
 Да дни твои умножитъ Парка,
 И свѣплый факель ихъ горитъ,
 Не догарая до огарка.

Алексѣй Илларионовскій.

Пѣсня Миньоны.

(Изъ Гётева *Вильгельма Мейстера*.)

Не совлекайте сей одежды бѣлой:
 Пусть въ ней предстану предъ Творцомъ;
 Я улечу съ земли веселой
 Туда — въ подземный, крѣпкій домъ.

И отдохнувъ одно мгновенье,
 Открою я взоръ свѣплый свой,
 И чистое совлекши облаченье,
 Сниму и поясъ, и вѣнецъ земной.

А шамъ, среди духовъ блаженныхъ,
 Дѣвъ, юношей не слышны имена,
 И свѣплымъ пѣла преобращенныхъ,
 Одеждъ не кроетъ пелена.

Здѣсь дни мои безопасно протекали;
 Но грусть жила въ душевной глубинѣ;
 Состарьлась я рано чѣтъ печали;
 Ахъ! юность вѣчную отдайте снова мнѣ!

М. А. —

Заколдованный домъ.

(Продолженіе.)

Впрочемъ, стукъ шаговъ прекратился, все замолкло, и ничто не умножало Дольфова ужаса. Свѣчка его погасла, погасла, погасла; сама Дольфъ дремала, засыпала и — уснула жѣпкими сномъ. Когда онъ проснулся, на дворъ былъ уже день; солнечныя лучи проникали сквозь прѣцины и скважины оконничныхъ ставней и птички весело пѣли подъ застрѣхами. Свѣтлое, прекрасное утро могло разсѣять всѣ ужасы прошедшей ночи. Дольфъ усмѣхнулся, или, лучше сказать, спарядя усмѣхнулся и увѣрилъ самого себя, что все видѣнное и слышанное имъ была игра воображенія, взволнованнаго рассказами, какіе слышалъ онъ отъ другихъ; но Дольфъ былъ немного изумленъ, нашедши дверь своей комнаты жѣпко запертою изнутри, не смотря на то, что онъ рѣшительно видѣлъ, какъ она отворилась, когда ночью шаги вошли къ нему въ комнату. Онъ возвращался въ городъ довольно смущенный, и рѣшился ничего и никому не говорить, пока сомнѣнія его подтвердятся или разрушатся на другую ночь. Молчаніе Дольфа было нестерпимо кумушкамъ, уже напередъ собравшимся въ домъ Доктора. Онъ готовились слышать чудные рассказы и почти разсердились, когда

Дольфъ увѣрилъ ихъ , что ему совсѣмъ нечего рассказывать.

На слѣдующую ночь Дольфъ опять отправился на спорожу. Онъ не могъ не запрещаешь , вступая въ Заколдованный домъ. Теперь постарался онъ особенно осмотрѣть всѣ двери и корошенько себя обезопасить; крѣпко заперъ онъ дверь своей комнаты, заставилъ ее креслами, потомъ развязалъ свой узелокъ съ ужиномъ, поужиналъ, бросился на свой плюфякъ и снарядился заснуть. Какъ-бы не такъ! Тысяча различныхъ мыслей не дали ему спать; время проходило, тихо, медленно; тихо, какъ будто минуны расплывались въ часы. Чѣмъ позднѣе спановилось, тѣмъ сильнѣе билось сердце Дольфа, и онъ едва не вскочилъ съ своего плюфяка, услышавъ, въ самую полночь, знакомые таинственные шаги уже на лѣстницѣ. Какъ прежде шли они медлительно, важно: *тукъ, тукъ, тукъ!* Они приближаются по переходамъ, дверь комнаты растворяется передъ ними, какъ будто нѣтъ на ней ни замковъ, ни крючковъ, и странная фигура входитъ въ комнату. Это былъ пожилой человекъ, широкоплечій, плотный, одѣтый по старинной Фламандской модѣ. На немъ былъ короткий клокъ, сверхъ каштана, опоясаннаго поясомъ съ пряжкой, длинные панталоны, съ большими баншами на коленяхъ и рыжіе сапоги, огромные и широкіе къверху. Шляпа была у него съ больши-

ни, распущенными полями и съ перомъ на одной споронѣ. Полусѣдые волосы его висѣли по плечамъ огромными кудрями; небольшая бородка его была также полусѣдая. Онъ тихо обошелъ по комнатѣ, какъ будио осматривая, все-ли было на мѣстѣ; потомъ повѣсилъ шляпу свою на крючокъ подлѣ двери, сѣлъ въ большія кресла и облокотился на споль и уставя глаза свои на Дольфа, началъ глядѣть на него неподвижно и страшно.

Дольфъ съ природы былъ не прусъ; но воспитанъ съ неизмѣнною увѣренностью въ мершвецовъ и домовыхъ. Тысячи испорій, слышанныхъ имъ о заколдованномъ домѣ, вдругъ пришли ему въ голову, и когда онъ глядѣлъ на эту странную фигуру, съ ея необыкновеннымъ одѣяніемъ, блѣднымъ лицомъ, сѣдою бороною и однимъ неподвижнымъ, рыбьимъ глазомъ, зубы его начали колошиться, волосы стали дыбомъ на головѣ и холодный потъ прошибъ все его шло. Какъ долго оставался въ этомъ состояніи Дольфъ, не могъ онъ послѣ разсказать, но увѣрялъ, что былъ точно какъ заколдованный, не въ силахъ былъ опвесити глазъ ошь чудища, не смигивая смолрѣлъ на него, какъ будто все существованіе его соединялось въ глазакъ. Спарикъ оставался неподвиженъ, сидѣлъ подлѣ стола, не сворачивая, не обращая своего глаза, мертво, угрюмо, важно глядя на Дольфа. Наконецъ, неусып-

ный: шпатель на ближайшей двери захлопался
 криками и завыл, так внятно, что
 она слышала по всем окресненным полам.
 Только что зашла шпатель, спарикъ ни-
 хо подумав, снял свою шляпу съ криво-
 на; дверь отворилась передъ нимъ и за-
 шпорилась за нимъ. Слышно было, какъ
 тяжело спускалъ онъ по лестницѣ: *шукъ,
 шукъ, шукъ!* И когда сошелъ онъ внизъ,
 все стало тихо. Долго внимательно
 прислушивался, высчитывалъ каждый шагъ,
 слушалъ и переслушивалъ, не ворожитъ-
 ли шаги, до ихъ поръ, пока, утомлен-
 ный бессонницей и страхомъ, занулъ бес-
 покойнымъ сномъ.

Дневной свѣтъ возвратилъ ему бодрость и смелость. Все прошлое старался
 онъ почистить сномъ; но вопль стоялъ кресла,
 въ которыхъ сидѣлъ незнакомецъ,
 ваши споль, на который онъ облакачивалъ
 ся; вопль кривонога, на который вѣшалъ
 онъ свою шляпу; шпатель! но шпатель и дверь,
 кривонога, какъ съ вечера заперъ
 ее. Дольше, вопль и кресла, которые при-
 спавилъ онъ къ ней! Дольше: сошелъ по
 лестницѣ, осмотрѣлъ двери и окна: все
 оставалось въ томъ самомъ положеніи,
 въ какомъ было вечеромъ: ни гдѣ не из-
 ходилъ онъ никакого способа выйдти въ
 дверь какому нибудь существованію и выйдти
 изъ него, не оставивъ слѣда. Ну! (закричалъ
 Дольше) это былъ сонъ! Но не шпатель, шпатель
 Чья, бедная спарикъ онъ: шпатель шпатель

памяти своей ночное явленіе, тѣмъ болѣе
вселялось оно въ память.

Дольфъ упорно молчалъ обо всемъ, что
видѣлъ и слышалъ; но глаза его открыва-
ли, какую безпокойную ночь провелъ онъ;
явно замѣтили, что было что-то чудное
скрыто подъ эпимъ таинственнымъ мой-
чаніемъ. Докторъ взялъ Дольфа въ лабора-
торію, заперъ дверь и старался достать
отъ него полную и откровенную доверен-
ность, но ничего не вывѣдалъ. Фрау Илзе
запиралась съ Дольфомъ въ своей комнатѣ:
все напрасно. Наконецъ; Питеръ Грудтъ
цѣлый часъ держалъ Дольфа за пуговицу
на кладбищѣ, самомъ приличномъ мѣстѣ для
разказа о привидѣніяхъ и мертвецахъ, но
ушелъ опшуда, зналъ не болѣе того, что
знали другіе, т. е. ничего не зная. Впро-
чемъ, какъ всегда водится, одна скрытая
истина рождаетъ дюжину лжей: она, точно
какъ гинелъ, запертая въ Лондонскомъ бан-
кѣ, у которой двѣнадцать бумажныхъ
представителей ходятъ въ народъ. Еще
не настала вечеръ; а ужъ все соеѣдство
было полно разными извѣстіями. Одни го-
ворили, что Дольфъ Гейлигеръ караулилъ
заколдованный домъ, съ пистолетомъ,
заряженнымъ серебряною пулею; другіе,
что онъ долго разговаривалъ съ безголо-
вымъ мертвецомъ; еще другіе, что Док-
торъ Нинпергаузенъ и ключарь были гна-
ты отъ заколдованнаго дома до самаго
города толпою мертвецовъ, которыхъ,

одинъ залечилъ, другой схоронилъ. Нѣкоторые покачивали головами и думали, что опасно было Докшору посылать Дольфа ночевать въ своемъ проклятомъ домѣ, гдѣ Дольфъ могъ пропасть, Богъ знаетъ какъ другіе прибавляли къ этому, пожимая плечами, что если домовой унесетъ Дольфа то возьметъ добро, давно ему принадлежавшее.

Такіе слухи дошли наконецъ до господина Гейлигеръ и, какъ можно было предполагать, ужасно встревожили бѣдную старушку. Если-бы сынъ ея схватился съ самымъ опаснымъ живымъ соперникомъ, это не шло-бы ея испугало, какъ то, что онъ одинъ однихонекъ, пускается на невидимыхъ обитателей заколдованнаго дома. Она побѣжала къ Докшору и провела большую часть дня, стараясь уговорить Дольфа не осмѣливаться болѣе ночевать въ проклятомъ домѣ. Она рассказала ему кучу повѣстей, слышанныхъ ею отъ добрыхъ кумушекъ, о людяхъ, осмѣливавшихся караулить, одни и ночью, старые опустыленные дома. Это не произвело никакого дѣйствія. Гордость и любопытство Дольфа были сильно подстрекаемы. Онъ старался успокоить страхи своей матери и увѣрить ее, что ни сколько не было правды во всемъ этомъ, что она слышала отъ другихъ. Бѣдная старушка сомнительно смотрѣла на него и качала головою. Видя, что рѣшительность Доль-

а была непоколебима, она принесла ему маленькую толстую книжечку, съ мѣдыми записками, копорую долженъ онъ былъ взять съ собою, какъ мечъ, поражающій домовыхъ и мерзвцовъ, а Фрау Лизе, видно полагая, что эпого еще недопашочно, присовокупила къ нему какія-то заклинанія одного Гейдельбергскаго аспора.

И такъ, на слѣдующую ночь опять отправился нашъ Дольфъ и занялъ какъ прежде мѣсто спорожа въ Заколдованномъ домѣ. Сонъ-ли, нѣтъ-ли былъ, все въспорилося съ нимъ по старому. Около полуночи, когда нигдѣ не шелохнуло, звуки шаговъ раздались по всему дому: *тукъ, тукъ, тукъ!* заскрыпѣли ступеньки и лѣстницы, дверь въ комнату оповѣлась, спарикъ вошелъ, обошелъ вокругъ омнашы, повѣсилъ на крючокъ шляпу и вѣлъ подлѣ спола. Прежній спрахъ и шрептъ овладѣлъ бѣднымъ Дольфомъ, хопя не такъ уже сильно какъ прежде. Дольфъ былъ шочно какъ очарованъ: неподвижно копрѣлъ онъ на спарика, глядѣвшаго на его, по прежнему, мерзвымъ, внимательнымъ, хладнымъ взоромъ. Такъ оспалились они долго; но постепенно все извѣнялось: мало помалу Дольфъ спановилъ смѣлѣе. Живое-ли, мерзвое-ли, спранное по сущесиво конечно не безъ причины освѣщало Дольфа, и Дольфъ вспомнилъ, шо слыхалъ когда-то, будшо мерзвцы.

Ч. XVII. No 18. 6

до тѣхъ поръ не имѣють позволенія говорить, пока кто нибудь не станеть ихъ спрашивать. Сбравъ всѣ силы, послѣ двухъ или трехъ покушеній, Дольфъ могъ наконецъ пошевелинуть языкъ свой и заговорилъ съ незнакомымъ спарикомъ, въ самыхъ шоржественныхъ формахъ заклинаній, какія только могъ вспомнить. Онъ пожелалъ узнать отъ него, что было причиною ночныхъ его посвщеній?

Едва Дольфъ кончилъ свою рѣчь, какъ старикъ вспалъ съ кресель, снялъ шляпу, дверь отворилась и старикъ пошелъ изъ комнаты, оглядываясь на Дольфа и оспанавливаясь у порога, какъ будто желая знать: слѣдуютъ-ли за нимъ. Дольфъ не колебался ни минуты. Онъ взялъ свѣчку въ руку, маленькую книжку съ мѣдными зашежками подъ мышку и послѣдовалъ молчаливому приглашенію. Свѣчка разливала слабый, дрожащій свѣтъ, но Дольфъ могъ видѣть спарика передъ собою, медленно сходящаго по лѣспницѣ; съ шрепепомъ онъ слѣдовалъ за нимъ. Достигнувъ нижнихъ ступенекъ, старикъ повернулъ къ задней двери. Дольфъ свѣпилъ черезъ перилы, но желая яснѣе видѣть спарика, пакъ сильно махнулъ своею свѣчкою, чпо свѣчка погасла. Блѣдные лучи мѣсяца падали однакожь въ широкое окошко и Дольфъ разглядѣлъ опять спарика, споящаго подлѣ дверей. Дольфъ идетъ къ нему, и едва

приблизился онъ къ дверямъ, какъ спарикъ вдругъ сгинулъ съ глазъ. Дверь была заперта, другаго выхода не было, но спарика, какъ-бы то ни случилось, а неспало. Дольфъ отворяетъ дверь, смотритъ въ поле. Ночь шуманная, но мѣсяць ярко свѣтитъ, шакъ, что въ нѣкоторомъ разстоянїи все можно разглядѣть. Дольфу мерещится, что спарикъ идетъ по тропинкѣ отъ дверей: обмануться было не возможно; но какъ эпокъ спарикъ вышелъ изъ дому? Дольфъ не думаетъ и спѣшитъ за нимъ. Спарикъ идетъ мѣрными шагами, не глядитъ никуда и шорохъ шаговъ его отзывается по полю. Онъ идетъ мимо старой яблони и все по одной тропинкѣ, которая оканчивается близъ небольшого колодца, нѣкогда снабжавшаго ферму водою: путь спарикъ, Богъ знаетъ куда дѣвался! Дольфъ протираетъ глаза, смотритъ: нигдѣ нѣтъ спарика; Дольфъ обходитъ кругомъ колодца: ничего и никого! Мѣсто было открытое, ни кустарника, никакого заколустья. Дольфъ боязливо посмотрѣлъ въ колодець: тамъ въ глубинѣ отражались въ тихой водѣ облака. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, не видя и не слыша болѣе своего таинственнаго пушеводителя, Дольфъ возвратился наконецъ въ домъ, со страхомъ и изумленїемъ, заперъ дверь, оцупью добрался до своего шюфяка и долго не могъ заснуть.

Сонъ его былъ странный и безпокойный: Дольфу снилось, что онъ слѣдуетъ за спарикомъ по берегу большой рѣки, что они оба идутъ на корабль, готовый къ отплытію и что старикъ взводитъ его на корабль и самъ пропадаетъ. Дольфъ видитъ капитана корабля, невысокаго, загорѣлаго человѣка, криваго, съ курчавыми черными волосами и съ шпагой при бедрѣ; но остальной сонъ его совершенно смѣшивается: то Дольфъ плыветъ по водѣ, то онъ на берегу; то въ какой-то бурѣ, то спокойно гуляетъ по неизвѣстнымъ улицамъ. Спарикъ, странно какъ-то, смѣшивается со всеми приключеніями его во снѣ. Дольфъ различаетъ наконецъ, что онъ плыветъ на корабль домой и везетъ съ собою огромный мѣшокъ денегъ.

Когда проснулся Дольфъ, свѣрый обзоръ облаковъ едва зарѣлъ и пѣшухи только что начали пересылать свое *кукареку* изъ дома въ домъ. Онъ всталъ, усмалый и смущенный, болѣе нежели въ прежніе дни. Его совсѣмъ смѣшало все имъ видѣнное и слышанное, такъ что онъ началъ сомнѣваться: здорова-ли его голова, если все что случилось съ нимъ не бредъ горячки. Въ наспоющемъ состояніи души онъ не расположенъ былъ прямо отправиться къ Доктору и вытерпывать допросъ отъ его ключницы. Позавтракавъ остатками своего ужина, Дольфъ пустился гулять по полямъ, желая размыслишь обо всемъ, что

съ нимъ было. Задумавшись брель онъ и поспешенно приближался къ городу, пока совсѣмъ разсвѣло и настало утро; вдругъ опамятовался Дольфъ отъ шума и толканья. Онъ увидѣлъ себя на берегу Гудзоновой рѣки, въ толпѣ народа, бѣгущаго къ приспани, откуда хопѣло опваливавшѣ судно. Невольно студа увлекла его толпа и онъ узналъ, что судно это былъ шлюпъ, приготовленный для переезда въ Альбани по Гудзоновой рѣкѣ. Тупъ увидѣлъ Дольфъ прощанье и цѣлованье спарухъ и дѣшей и величайшую дѣятельность въ пасканьѣ на корабль корзины съ хлѣбомъ, пирогами и запасовъ всякаго рода, не считая огромныхъ кусковъ говядины, висѣвшихъ вокругъ мачты: въ то время путешествованье въ Альбани было важное дѣло. Начальникъ шлюпа бѣгалъ повсюду и отдавалъ приказы, которые не совсѣмъ-то исправно исполнялись: одинъ мапрось закуривалъ еще трубку; другой напачивалъ дорожный ножикъ.

Наружность начальника шлюпа привлекла все вниманіе Дольфа. Онъ былъ невысокъ, плопень, съ черными кудрявыми волосами, кривой, со шпагой на бедрѣ: почто шакой кацпанъ, какой грезился Дольфу ночью! Изумленный, пробужденный отъ своей задумчивости, съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ Дольфъ на происходившее и вспоминалъ всѣ подробности своего сна: корабль, рѣка, множество дру-

гихъ предметовъ, какъ сходны были съ неясными образами, неопредѣленно представлявшимися его ночнымъ воспоминаніямъ!

Когда споялъ онъ и думалъ о всѣхъ такихъ обстоятельствевахъ, Капитанъ корабля вдругъ закричалъ ему по Голландски: «Спуй-же на бордъ, молодой человекъ: вѣдь тебя оставяшь!» Это изумило Дольфа; онъ видитъ, что шлюпка уже подбрала якори и зашевелилась отъ приспани . . . Какъ будто влекла Дольфа какая-то непреодолимая сила . . . онъ вспрыгнулъ на корабль, и черезъ минушу опливъ и вѣтеръ понесли корабль по волнамъ. Мысли и чувства Дольфа были въ безпорядкѣ, смятеніи. Все бывшее съ нимъ не давало ему опомниться и онъ не могъ не подумать, что есть какое-то отношеніе между настоящимъ его положеніемъ и сномъ въ послѣднюю ночь. Онъ чувствовалъ, что находился, какъ будто-бы подъ какимъ-то сверхъестественнымъ вліяніемъ, и рѣшился упѣшать себя одною изъ старинныхъ и любимыхъ пословиць: «Той-ли дорогѣй, другой-ли, а все къ лучшему.» На минушу негодованіе Доктора, за отвѣздъ безъ его позволенія, пролетѣло по сердцу Дольфа, но только на минушу; шуть подумалъ онъ о горести мапери своей при его непонятномъ отсутствіи: мысль эта опечалила его; онъ хотѣлъ-бы просить, чтобы высадили его на берегъ, но зналъ,

что при опливѣ и вѣтрѣ это было невозможно. Врожденная спрашпѣ къ новостямъ и приключеніямъ сильно хлынула въ его душу: онъ видѣлъ себя спраннымъ, неожиданнымъ образомъ брошеннаго въ свѣтъ, на свободную дорогу, по копорой могъ онъ видѣти, осмопрѣтъ всѣ чудеса по величественной рѣкѣ и за синими горами, съ самага дѣтства загоразивавшими его обзоръ. Пова Дольфъ погруженъ былъ въ размышленіе, вѣперъ надулъ паруса, берега, казалось, побѣжали опть плавателей и едва успѣлъ онъ рѣшиться на что нибудь, шлюпъ проплылъ уже Шпикинсь-Девиль и Юнкеръ, и самыя высокія трубы на домахъ Мангапшойскихъ исчезли въ опдаленіи.

Я сказалъ, что плаваніе по рѣкѣ Гудзоновой было въ тогдашнее время дѣломъ важнымъ, и въ самомъ дѣлѣ, вспарину оно было почти также значительно, какъ нынѣ пушешествіе изъ Америки въ Европу. Корабли изъ Мангапшое до Альбани плыли иногда нѣсколько дней; осторожные плаватели подбирали паруса, чупъ задувалъ вѣперъ покрѣпче; на ночь роспанавливались на якорѣ и посылали лодки къ берегу за сливками для чаю, безъ чего не могли существовать пассажиры, бывавшія на корабляхъ. Не говорю уже объ опасностяхъ на Таппаанскомъ морѣ и около горъ; однимъ словомъ: добрый Голландскій буртеръ по цѣлымъ мѣсяцамъ, по цѣлымъ го-

дамъ, говоришь-бывало объ этомъ путешествіи, пока соберется, и никогда никто не пускался въ путь, не приведя въ порядокъ дѣлъ, не сдѣлавши духовной и не попрося молиться о здравіи своемъ во все время отсутствія.

При такомъ путешествіи, Дольфъ радъ былъ, что будетъ ему время подумать и о прошломъ, и о томъ что ему дѣлать, приѣхавши въ Альбани. Правда, взгляды на криваго Капитана напоминалъ ему спранный сонъ его и шревожилъ его на нѣсколько минутъ; но, въ послѣднее время сонъ и существенность такъ перемѣшались въ его жизни, дни и ночи его такъ перепутались вмѣстѣ, что онъ почиталъ себя въ непрерывномъ заколдованъѣ. Впрочемъ, есть какое-то утѣшеніе для чело-вѣка, которому нѣчего терять въ свѣтѣ: имъ утѣшился Дольфъ и рѣшилъ извлечь все возможно - лучшее изъ настоящихъ наслажденій.

На второй день путешествія шлюпъ приплылъ къ горамъ. Былъ вечеръ тихого, жаркаго дня, когда спокойно плыли путешественники по проливу между сими ужасными громадами. Совершенная тишина, какая бываетъ въ лѣсные жары, царствовала повсюду. Скрытъ доски, паденіе весла, отдавались въ окружныхъ горахъ и долго вторились въ отдаленіи, и если случайно Капитанъ приказывалъ что нибудь, воздушные голоса въ горахъ, какъ

будто смѣялись надъ нимъ , повторяя его слова.

Дольфъ смотрѣлъ кругомъ себя въ полномъ наслажденіи и изумленіи отъ окружавшей его великолѣпной природы. Налѣво Дондербергъ возвышалъ свои лѣсисыя улесы, спремнина надъ спремниной, лѣсъ надъ лѣсомъ, пока все шерялось въ лазури неба; направо, видѣнь былъ Антоніевъ мысъ : пустынный орелъ плавалъ надъ сею спремниною, за которою являлись гора за горою, пока вдалежѣ онѣ, какъ будто сходились и хопѣли запереть собою огромную рѣку Гудзонову. Чувство спокойнаго наслажденія раждалось въ душѣ при взглядѣ на зеленѣющія прибрежныя возвышенія, раскинутыя въ увалахъ, лѣсисыя высоты, какъ будто на воздухъ, на вершинахъ улесовъ, и солнечные лучи, проникавшіе сквозь зелень мрачныхъ деревьевъ.

Среди своего удивленія, вдругъ Дольфъ замѣшилъ груды облаковъ , какъ снѣгъ бѣлыхъ; подымавшихся отъ западной высоты. За ними слѣдовали другія облака, тамъ еще и еще: каждое, какъ будто гнало своего предшественника и всѣ ярко отсвѣчивались на синей глубинѣ неба. Вошь! громъ глухо покатился за горами; рѣка, прежде тихая, свѣплая, отражавшая въ себѣ побережье и небеса, подернулась огромными морщинами; лѣсныя пщицы закричали и полетѣли въ свои

гнѣзда, на вершины деревъ, другія скрывались въ щеляхъ утесовъ, и вся природа какъ будто почувствовала приближеніе бури.

Между тѣмъ облака сдвигались въ громады на вершинахъ горъ: верхніе края ихъ еще бѣлѣли и свѣплѣли, но нижніе пошемельно совершенно; дождь началъ капашь густыми каплями; въперъ засвѣжѣлъ и погналъ волны; наконецъ, облака, точно какъ будто разрѣзались вершинами горъ и дождь хлынулъ рѣкою, молніи полетѣли изъ облака въ облако и ударились въ утесы, раздробляя огромныя деревья; громъ страшно загремѣлъ, отзвѣвы его повторились въ горахъ, разражаясь на Дондербергъ, кашась по длинной цѣни горныхъ вершинъ, опъ каждой опбивая новый звукъ и сливаясь въ глухой гулъ на вѣковѣчномъ Бульгилѣ.

На нѣсколько минушь волны, брызги и дождь скрыли всѣ окрестности. Спрашная эша пемноша еще болѣе спрашна была опъ молній, раздиравшихъ нѣдра дождевыхъ пучь. Никогда не видалъ еще Дольфъ шакой ужасной борьбы спихій; буря, какъ будто пробивалась сквозь громаду горъ и привела въ дѣйствіе всю мощь грозныхъ пучь своихъ. Корабль сильно влекло неукрошимымъ вѣпромъ, до шого самага мѣста, гдѣ рѣка изгибается въ своемъ исполинскомъ печеніи. Только что корабль повернулся здѣсь мимо ошраго

мыса, спрашный порывъ вѣтра ринулся съ горы, пригнуль лѣсъ и бѣлою пѣною взрыль рѣчныя волны. Капишанъ увидѣлъ опасность, закричалъ сдавать паруса; но не успѣли и подумавъ исполнить его приказа, какъ порывъ вѣтра обхватилъ корабль и повернулъ его на бокъ. Спрашное смятеніе сдѣлалось на корабль: хлестанье парусовъ, свистъ и шумъ вѣтра, крикъ Капишана, вопли пассажировъ, все смѣшалось съ прескомъ и гуломъ грома. Среди сего волненія корабль перекачнулся снова, большой парусъ перевернулся, волна перешла по кораблю и Дольфъ, заглазѣвшійся на облака, сброшенъ былъ прямо въ рѣку.

Въ первый разъ въ жизни одно изъ досужныхъ упражненій пригодилося Дольфу. Много часовъ опивая прежде опъ работы своей на купанье, онъ сдѣлался совершеннымъ пловцомъ; теперь, надобно было ему это искусство, ибо при всей ловкости и крѣпости своей онъ едва могъ спастись. Дольфъ не успѣлъ и закричать упавши въ воду; всѣ были заняты собственною опасностію и никшо не замѣтили его паденія. Шлюпъ понесло между тѣмъ съ непонятною быспропою. Плаватели съ трудомъ успѣли обогнуть опасный мысъ и совсѣмъ скрылись изъ виду.

Дольфъ боролся съ волнами и успѣлъ приплыть къ западному берегу рѣки; цѣпляясь по утесамъ, упалъ онъ наконецъ, слабый и изнуренный, у корней огром-

ныхъ деревьевъ. Постепенно проходила между нѣмъ гроза. Облака спянулись къ востоку и сливались шамъ въ исполинскія груды, золопимыя послѣдними лучами еолнца. Еще видны были вдали блески молній на шемныхъ сторонахъ облаковъ и опъ времени до времени можно было разслушамъ далекое грохопанье грома. Дольфъ всталъ и смотрѣлъ: нѣтъ-ли гдѣ дорожки съ берега; но все было дико и непроходимо. Упесы надъ упесами, вездѣ пни и деревья, опрокинутыя бурями или упавшія опъ дряхлости. Мохъ и дикія травы совершенно унизывали неприсупные упесы и при каждомъ движеніи Дольфа съ листовъ ихъ обливали его крупныя водяныя капли. Онъ рѣшился однакожь карабкаться на одинъ изъ сихъ почти опвѣсныхъ упесовъ, и хопя былъ онъ силенъ и ловокъ, но нашель это настоящимъ Геркулесовскимъ подвигомъ. Иногда нога его едва держалась на обломкѣ, капившемся внизъ; иногда онъ висъ на вѣтвяхъ и корняхъ деревьевъ, шорчавшихъ изъ земли. Лѣсныя голуби порхали надъ его головою и горный орелъ спрашно кричалъ на ближнемъ упесѣ. Такъ карабкался Дольфъ и уже добрался до кустарниковъ, гдѣ легче было ему всходить, какъ вдругъ что-то зашумѣло между листовьями и — ярко-блещащая змѣя молніей скользянула почши изъ подъ его руки! Она согнулась, будто хопѣла защищаться, подняла голову и въ

раешворенной пасти ея Дольфъ увидѣлъ шипящее жало, точно какъ огонь алое. Сердце у Дольфа замерло и онъ едва не свалился въ пропасть. Змѣя на мгновеніе остановилась; но видя, что на нее не нападаютъ, быстро скрылась въ расщелину утеса. Дольфъ слѣдовалъ за нею глазами въ безмолвномъ ужасѣ и замѣнилъ, что нечаянно попалъ на гнѣздо эхиднъ, свивавшихся, перевивавшихся и шипѣвшихъ въ своей норѣ. Онъ спѣшилъ удалиться отъ такого опаснаго сосѣдства и воображеніе его наполнилось новымъ ужасомъ: Дольфъ видѣлъ эхидну въ каждой вѣтви деревьевъ и слышалъ шипѣніе змѣи въ шумѣ cadaго сухаго листочка.

Наконецъ, докарабкался онъ до вершины утесовъ; но здѣсь былъ непроходимый лѣсъ. Повсюду, куда ни глядѣлъ онъ между деревьями, видны были холмы и утесы, кончавшіеся вдали необозримыми горами. Нигдѣ никакихъ слѣдовъ пути и дороги; ни малѣйшій дымокъ между деревьями не показывалъ мѣста пребыванія человѣческаго: все было дико, мрачно, пусто. Между шѣмъ, какъ стоялъ Дольфъ на краю спремнины и глядѣлъ на глубокую падь, всторонѣ заросшую деревьями, подъ ногами его опломился огромный камень и полетѣлъ въ бездну, ломая вѣтви деревъ, вспрѣчавшихся на пути его. Громкій крикъ раздался внизу; черезъ минушу Дольфъ услышалъ выспрѣлъ: пуля за-

свистала надъ его головою, сшибла въпску съ ближняго дерева и глубоко влѣшля въ пенъ кашпанника.

Дольфъ не дожидаяся другаго выспрѣла, бросился бѣжать снова на берегъ, претеща каждую минупу преслѣдованія непріятельскаго. Онъ успѣлъ счастливо добраться до берега и рѣшился не пускачься болѣе въ спорону, исполненную столькими опасностями.

Промокшій до костей, въ гóръ, свѣлъ онъ на прибрежный камень. Что дѣлать? куда укрышься? Наступало время успокоенія. Пшицы слетались въ гнѣзда; летучія мыши начинали перелетывать и ночной воронъ подымался къ облакамъ, какъ будто сзывая звѣзды; пришла и ночь, закрывая все мракомъ, и хопя была послѣдняя половина лѣта, но въперъ съ рѣки и сырость опъ лѣса производили холодъ чувствительный, особенно шому, кто хорошо выкупался въ водѣ.

Въ шо время, какъ Дольфъ горевалъ и думалъ, вдругъ блеснулъ ему огонекъ между деревьями, близъ берега, въ шомъ мѣстѣ, гдѣ изгибъ рѣки сосавлялъ глубокой заливъ. Онъ приспально спалъ глядя на это мѣсто, съ надеждой, что авось-либо шамъ найдеть какое нибудь человѣческое жилище, гдѣ можеть сыскать что нибудъ для ушоленія голода и жажды и, что также необходимо было въ его спранническомъ положеніи, пріюнтъ на

ночь. Трудно было добираться Дольфу до огня, лазя черезъ прибрежные утесы и спремнины, гдѣ могъ онъ упастись въ воду. и перелъзая чрезъ колоды деревь, изъ которыхъ нѣкоторыя были сломлены послѣднею бурей и огромными вѣтвями еще болѣе затрудняли путь. Наконецъ, достигъ нашъ Дольфъ края утеса, граничившаго съ небольшою ложбиною, откуда свѣшилъ огонекъ. Онъ происходилъ отъ костра, разложеннаго при корнѣ большого дерева, стоявшаго въ долину, и освѣщаль окруженное мѣсто красноватымъ свѣтомъ, оставляя въ темношѣ будшо какую-шо впадину или пещеру въ утесѣ. Небольшой ручеекъ журчалъ подлѣ, какъ можно было догадаться по ошблеску пламени. Двѣ человѣческія фигуры ходили вокругъ огня, еще нѣскольکو человекъ лежало подлѣ огня на землѣ, но какъ они были между Дольфомъ и огнемъ, шо оставались для него въ совершенномъ мракѣ. Вдругъ одинъ изъ ходящихъ повернулся къ другой сторонѣ и Дольфъ испугался, увидя, по испещренной кожѣ и серебрянымъ украшеніямъ, что это былъ дикій Американецъ. Разсмашривая приспальнѣ, Дольфъ замѣшилъ ружья, приспавленные къ дереву и — мертвое шѣло, лежавшее на землѣ. . .

Тутъ началъ онъ сомнѣваться, не попался ли изъ огня въ полымя, и узналъ, кто выстрѣлилъ въ него. Тихо старался онъ удалиться, не осмѣливаясь вѣрнуться.

эпимъ получеловѣкамъ, въ такомъ дикомъ и глухомъ мѣстѣ; но поздно было: Американецъ, съ орлиною быстротою глазъ, оплечающе ихъ поколѣнія, замѣнилъ уже что-то шевелившееся въ кустарникѣ на утесѣ и взялся за ружье еще минуша, и Дольфъ навсегда вылетѣлъ-бы опъ своей охоты къ приключеніямъ. Тупъ, не теряя времени, громко закричалъ онъ, какъ обыкновенно привѣтствуютъ дикіе Американцы своихъ пріятелей. Всѣ товарищи Американца вскочили на ноги. Привѣтствіями размѣнялись и нашъ спранникъ приглашенъ былъ къ огоньку.

Сошедши съ утеса, Дольфъ увидѣлъ къ удивленію своему, что общество новыхъ знакомцовъ его составляли и бывые люди, вмѣстѣ съ дикими Американцами. Одинъ изъ первыхъ, по всему замѣтно, начальникъ общества, сидѣлъ на пнѣ дерева, передъ огнемъ. Это былъ человекъ высокій, здоровый, уже въ лѣтахъ, но еще свѣжій и крѣпкій, почти бронзоваго цвѣта, какъ дикіе Американцы. Веселый видъ оживлялъ его осанку, придавая выразительность орлиному носу и большому рпу незнакомца, хопя лицо его полузакрыто было большою шляпою, украшенною хвостомъ убишаго звѣря. Полусвѣдые волосы были у него кругло обстрижены. Онъ одѣтъ былъ въ охотничье платье и Американскіе сапоги; Американская дубинка висѣла на широкомъ его

тоясь. Когда Дольфъ разсмотрѣвъ ближе незнакомаго, онъ изумленъ былъ какимъ-то сходствомъ его съ старикомъ Заколдованнаго дома: незнакомецъ былъ не такъ одвѣтъ, не въ шѣхъ лѣпахъ, болѣе ласковъ, словомъ: шрудно было сказать, чѣмъ походитъ онъ на бродячаго старика, но однакожь сходство было. Дольфъ чувствовалъ какой-то страхъ, приближаясь къ обществу неизвѣстныхъ людей; но скоро разувѣренъ былъ опкровеннымъ, сердечнымъ: *добро пожаловать*, которыми его встрѣпили. Оглядѣвшись кругомъ, еще болѣе разувѣрился Дольфъ въ своемъ спрѣкъ, увидя, что предметъ, лежавшій на землѣ и напугавшій его, былъ не тѣло убиитаго человѣка, а заспрѣленный олень, и удовольствіе его было полное, когда пріятный запахъ изъ кошла, висѣвшаго на рожнахъ на огонькѣ, увѣриль его, что насшъ оленя уже варилась на ужинъ.

Теперь только распозналъ Дольфъ, что попался въ разгульное общество охотниковъ, а такія охотничьи гулянья по рѣкѣ, въ то время бывали очень обыкновенны. Охотникъ всегда радъ гостю, и припомъ ничто не дѣлаетъ человѣка такимъ ласковымъ и безчиновнымъ, какъ встрѣча въ дикомъ мѣстѣ. Начальникъ общества налилъ спаканъ веселящаго напитка и поднесъ Дольфу съ усмѣшкою, согрѣвъ, какъ говорилъ онъ, сердце; потомъ велѣлъ одному изъ подчиненныхъ

принесшъ изъ лодки новое плащье , а все то , во что одѣшъ былъ нашъ герой , развѣсила передъ огнемъ сушиться .

Дольфъ не ошибся , полагая , что пуля просвистѣвшая надъ его головою , пущена была къмъ нибудь изъ этой веселой толпы . Въ самомъ дѣлѣ , онъ чуть было не раздавилъ одного изъ нихъ опломкомъ ушеса , имъ сдвинушаго , и спарый весельчакъ , въ широкой шляпѣ , украшенной хвостомъ , выспрѣлилъ въ то мѣсто , гдѣ замѣшилъ на высотѣ въ кустарникѣ движеніе , думая , что вѣрно тамъ шевелился какой нибудь звѣрь . Онъ хохоталъ , узнавши о своей ошибкѣ , какъ объ опличной охотничьей шушкѣ . »Ну , пріятель!« прибавилъ онъ , хлопнувъ по плечу Дольфа »если-бы я хоть немного лучше себя замѣшилъ , свалился - бы тебѣ за камень Антонъ Фанъ-деръ-Гейденъ рѣдко промахи-ваешься.« Сіи послѣднія слова удовольствоврили Дольфово любопытство , а немногіе вопросы дали ему совершенное понятіе о томъ , кто былъ спарый охотникъ эшонтъ и лѣсные его поварищи . Начальникъ общества , здоровякъ , въ широкой шляпѣ и охотничьемъ плащѣ , былъ никто другой , какъ Герръ Антонъ Фанъ-деръ-Гейденъ , изъ Альбани , о кошоромъ много слыхалъ Дольфъ . Герръ Антонъ былъ герой многихъ рассказовъ и человекъ спраннаго характера , съ особенными прихотями , кошорыя были предметомъ удивленія добрыхъ , Голланд-

кихъ поселенцовъ. Какъ человекъ богатый, получившій въ наследство обширныя земли и нѣсколько мѣшковъ съ деньгами, Герръ Аншонъ могъ дѣлать что хотѣлъ, не давая другимъ опчепа. Въместо того, чтобы сидѣть спокойно дома, пить въ назначенные часы и съ наслаженіемъ покуривать табачокъ, на лавочкѣ, подлѣ дверей своихъ, а потомъ поружаться на ночь въ теплую постелю, Герръ Аншонъ находилъ все наслаженіе въ опасныхъ предпріятіяхъ и дикихъ мѣстахъ. Никогда не былъ онъ такъ счастливъ дома, какъ отправясь на охоту, въ дичь лѣсовъ, уснувъ подъ деревомъ, переѣзжая рѣку или какое нибудь лѣсное озеро, занимаясь ловлей рыбы, спрѣльбой пшницъ и проводя дни, Богъ знаетъ какъ.

Большой другъ былъ онъ Американцамъ и ихъ образу жизни, который считалъ настоящею жизнью, естественнымъ привольемъ и молодецкою утѣхою. Дома у него всегда жила нѣсколько дикарей, бродившихъ вокругъ его жилища, спавшихъ, какъ собаки, на солнцѣ, готовившихъ охотничьи и рыбачьи снаряды на новые походы и спрѣлявшихъ въ цѣль изъ луковъ.

Надъ этими бродящими существами Герръ Аншонъ имѣлъ полную власшь, какъ охотникъ надъ своими собаками, хотя кишье дикихъ Американцовъ у Герра Антона спрахъ какъ не нравилось добрымъ

людямъ , его сосѣдямъ. Но Герръ Антонъ былъ богачъ и никто не думалъ противиться его прихотямъ ; да , припомъ-же онъ такъ добродушно , такъ ласково обходился со всѣми и всѣ его такъ любили. Иди по улицъ , Герръ Антонъ всегда напѣвалъ какую нибудь старинную Голландскую пѣсню ; издали снималъ свою шляпу предъ встрѣчными , а входя къ кому нибудь въ домъ , крѣпко хлопалъ хозяина по плечу , жаль ему руку , пока тотъ закричитъ , цѣловалъ хозяйку , дочекъ . . . короче , въ Герръ Антонъ никто не замѣчалъ ни гордости , ни своенравія.

Кромѣ Американцовъ , было у него еще три , четыре товарища изъ бѣлыхъ людей , видѣвшихъ въ немъ своего покровителя , обѣдавшихъ у него и иногда имѣвшихъ честь сопутствовать ему въ походахъ. Съ такою свитою и теперь плылъ Герръ Антонъ около береговъ Гудзоновой рѣки , въ лодкѣ , построенной нарочно для его разгулокъ. При немъ было двое бѣлыхъ товарищей его , одѣтыхъ опчаспи по - Американски ; остальную часть общества составляли четыре любимые Американца. Такъ , гуляя , доплыли они до горъ , гдѣ жили уже два или три дня , забавляясь охотой и бродя по горамъ и по берегу.

«Кспати сегодня свалился шны въ воду , пріятель ,» сказалъ Герръ Антонъ Дольфу .
«Завтра ворошимся мы домой и шны на

расно ждалъ бы себѣ ужина въ этихъ го-
ахъ. Но, поварищи, за работу! за работу!
осмотримъ, что есть у насъ поужинать;
опелъ нашъ кипѣлъ довольно; желудокъ
той проситъ работы и я увѣренъ, что н
оспю нашему не лишнее будетъ порабо-
пашъ зубами.»

И въ небольшомъ таборѣ ихъ началось
движеніе: одни снимали копелъ и выпра-
тывали часть похлебки въ большую де-
ревянную чашу; другіе ладили споль на
бломокъ упеса; претъи несли снаряды и
пасасы изъ лодки, споявшей подлѣ берега,
и самъ Герръ Анпонъ пошелъ шуда-же за
варою бушылкѣй доброй водки, особо за-
першой въ ящичкѣ; онъ хорошо зналъ сво-
ихъ поварищѣй и пошому не давалъ имъ въ
руки ключей олъ своего веселящаго запаса.

Тотчасъ гоповъ былъ проспой, но
сытный ужинъ, состоявшій изъ оленины,
сваренной въ водѣ, съ свинымъ саломъ и
Индійскимъ пшеномъ, и изъ домашняго,
свѣжаго хлѣба. Никогда Дольфъ не ужиналъ
такъ вкусно, и когда проглотилъ онъ нѣ-
сколько приемовъ водки Герръ Анпона и
почувствовалъ, какъ по жиламъ его по-
шекъ благошворный эшопъ даръ природы
и опогрѣлъ у него сердце, онъ не захо-
пѣлъ мѣняться своимъ сослоянїемъ ни на
губернаторское мѣсто.

Герръ Анпонъ въ свою очередь развесе-
дился и разшушился, рассказавъ съ дюжи-

ну такихъ исторій, отъ которыхъ были поварищи его хохотали до упаду, между тѣмъ какъ Американцы сохраняли неизмѣняемую свою важность.

»Вопль наспоящая жизнь, пріятель! вскричалъ Герръ Аншонъ, попирая руки.» Мужчины тогда только не баба, когда они могутъ пускайся на вѣтеръ и непогоду бродить по лѣсамъ и пустынямъ, спать подъ деревомъ и жить, какъ ему хочется!

Тутъ запынулъ онъ спаринную застольную пѣсню, размахивая небольшою дорожною фляжкою; поварищи его приспали хоромъ, такъ, что по всему лѣсу раздавался гулъ ихъ пѣнія:

«They all with a shout made the elements ring
So soon as the office was o'er;
To feasting they went, with true merriment,
And tippled strong liquor gillore.»

Какъ ни веселье было Герръ Аншонъ, но не забывалъ однакожь осторожности. Давая полную волю Дольфу, онъ самъ подчивалъ другихъ, и особливо съ умеренностію подносилъ водку своимъ Американцамъ. Когда кончили ужинъ, Американцы выпили свои доли, выкурили по прубкѣ, завернулись въ плащи, легли на землю, ногами къ огню, и скоро захрапѣли во всю мочь. Бывые собесѣдники хотѣли продолжить бесѣду, обѣли кругомъ огня, который тѣмъ болѣе казался пріятнымъ, что

послѣ прошедшей бури , въ лѣсу и въ воздухѣ оспавалась еще сырость. Разговоръ завязался живой: говорили объ охотѣ, разныхъ приключеніяхъ , подвигахъ , опасностяхъ , и многіе изъ разсказовъ были такъ чудны , что я не смѣю повторять ихъ , боясь что слова Герръ Антона и его товарищей могутъ возбудить недовѣрчивость въ нашемъ вѣкѣ. Много разсказывали повѣстей о рѣкѣ Гудзоновой и поселеніяхъ по берегамъ ея , при чемъ Герръ Антонъ показалъ необыкновенную память и способность. Видя его , сидящаго на пнѣ , какъ въ большихъ креслахъ , разсказывающаго чудесныя исторіи , въ то время , когда огонь освѣщаль выразительныя черты лица его , Дольфъ опять пораженъ былъ чѣмъ-то напоминавшимъ ему старика Заколдованнаго дома , пѣмъ спраннымъ сходствомъ Герръ Антона съ старикомъ , въ которомъ Дольфъ не могъ самъ себя опдать опчета и которое чувствовалъ при взглядѣ на видъ и осанку новаго знакомаго своего.

Обстоятельства Дольфова паденія въ рѣку привели къ разсказамъ о разныхъ приключеніяхъ и бѣдствіяхъ , испытанныхъ путешественниками на сей рѣкѣ , особливо въ старыя годы. Герръ Антонъ почти все приписывалъ сверхъ-естественнымъ причинамъ. Дольфъ сомнѣвался въ этомъ ; но Герръ Антонъ увѣрялъ Дольфа , что

это было достоверно известно стариннымъ Голландскимъ поселенцамъ ; что окружныя горы находились подъ властью какихъ-то злыхъ духовъ, которые особенно не любили Голландцовъ. Потому дѣлали они всякія шадости и проказы надъ Голландскими шкиперами , подымая бури , проводя печенія и проч. и проч. , такъ что Голландскій шкиперъ всегда принужденъ бывалъ брать надежныя средства для спасенія: спановишься на якорь вечеромъ , подбираешь паруса , чуть увидишь облачко надъ горами , словомъ : сполько предосторожностей было необходимыхъ , что неимовѣрно долгое время надобно было , чтобы проплыть по рѣкѣ ошь Мангашское до Альбани.

«Иные думаютъ ,» продолжалъ Герръ Аншонъ , «что непріязненная сила духовъ закъша была Американскими колдунами мснись Европейцамъ , выживающимъ природныхъ жишелей. Этому приписываютъ бѣдствіе самаго Генриха Гудзона , когда онъ , плывя по рѣкѣ , искалъ Сѣверо-Западнаго пролива и думалъ , что корабль его разбивается , въ то время , какъ это было просто обморочиванье Американскихъ колдуновъ , не хотѣвшихъ допустить Европейцовъ по этой дорогѣ въ Кишай.

«Большая часть приключеній ,» прибавилъ Герръ Аншонъ , «изъясняющія еще

старымъ преданіемъ о *бурномъ кораблѣ*, плававшемъ по рѣкѣ въ былое время. Увидя, что Дольфъ не знаетъ этого преданія, Герръ Аншонъ посмощрѣлъ на него съ удивленіемъ и спросилъ, гдѣ жилъ онъ до сихъ поръ, если не знаетъ такого важнаго событія изъ опечесшвенной испоріи. Желая въ разговорахъ докончить оспашокъ вечера, онъ рѣшился разсказать преданіе, сколько помнилъ, пѣми самыми словами, какими передалъ его попомощву древнѣйшій поэтъ Новыхъ Нидерландовъ Фанъ-Зелинъ. Герръ Аншонъ пошевелилъ огонь, опъ чего полетѣли изъ него искры, какъ изъ маленькой огнедышущей горы, попомъ хорошенько усѣлся на своемъ сѣдалищѣ, закинулъ назадъ голову, закрылъ глаза, какъ будто желая лучше припомнить, и черезъ минушу началъ разсказывать.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

II. С М Ъ С Ь.

Отрывки писемъ изъ Парижа.

. . . . Даръ слова принадлежитъ Французамъ безспорно прошивъ прочихъ народовъ: Французъ, даже изъ низшаго класса, изъясняется свободно и часто красно. У насъ существуютъ два языка: разговорный и письменный; никто (если не желаешь быть смѣшнымъ) въ обыкновенномъ разговорѣ не употребитъ языка книжнаго; но у Французовъ нѣтъ различія: если записывать разговоръ краснорѣчиваго человѣка, то можно въ томъ же видѣ опддать его въ печать; большая часть статей Пустынника Жуи ничто иное, какъ вѣрное подражаніе обыкновеннымъ разговорамъ, и я вѣрю, что онъ многое подслушалъ въ кофейныхъ домахъ, пр�ктирахъ и шому подобныхъ мѣстахъ. Стенографы (*) зазддаютъ вездѣ, гдѣ только бывають всенародныя чтенія или пренія; каждое слово ораторовъ записывается и опдается въ печать, совершенно въ томъ видѣ, какъ было произнесено. Многіе члены Палаты Депутатовъ и нѣкоторые министры произносятъ свои рѣчи на-

(*) Не лзя не удивляться быстротѣ и точности Стенографовъ: я находился однажды въ Палатѣ Депутатовъ; заздданіе кончилось въ $5\frac{1}{2}$ часовъ, а въ $7\frac{1}{2}$ я уже читалъ въ вечернемъ журналѣ; l'Etoile, подробный и пространный отчетъ заздданія. Если-бъ рѣчи были заготовлены заблаговременно, въ такомъ случаѣ неудивительно; но въ этотъ день всѣ ораторы говорили наизусть (d'abondance): Бенжамень - Конспанъ, Генераль Фуа, Казимиръ Перъ и проч., нападали на Министра Виллеля, который защищался весьма искусно съ помощію Королевскаго Коммисара Мариньяка; всѣ они говорили ошѣнно хорошо и отвѣчали на влезанные вопросы.

изусть, и неожиданные вопросы нѣкоторыхъ, пораждая краснорѣчивые отвѣты другихъ, явно свидѣшельствуютъ, что рѣчи ихъ не сочинены заблаговременно, шѣмъ болѣе, что таковыя пренія производятся между людьми противныхъ мнѣній.

Самые искуснѣйшіе ораторы, изъ слышанныхъ мною, суть: бывшій Депутатъ Генераль Фуа и Профессоръ Краснорѣчя, Французской Академіи Членъ, Виллемень (Villemain). Первый говаривалъ тономъ Парламентскимъ, съ жаромъ, силою и выразительностью; послѣдній изъясняется съ пріятностью, свободою и легкостью. Каждый понедѣльникъ, произноситъ онъ наизусть лекціи о Французской Литтературѣ, въ обширной залѣ, называемой *Сорбона*, гдѣ въ продолженіе 400 лѣтъ спорили о Θεологическихъ истинахъ. Парижане, предпочитающіе блестящее краснорѣчіе истинно-полезнымъ наукамъ, огромными толпами, подобно шумнымъ волнамъ, несущя по понедѣльникамъ въ залу Сорбоны, между шѣмъ какъ мудрый Ж. Б. Сей, ученый Карль Дюпень, славный Тенаръ и проч., проповѣдываютъ въ пустынь. Напрасно Французы уподобляютъ себя Аѳинянамъ; нѣтъ! они мнѣ кажутся еще вѣтренѣе Ашшическаго народа. Сіи послѣдніе съ равнымъ любопытствомъ внимали урокамъ Платона, сценическимъ представленіямъ Аристофана и рѣчамъ Димосѳена; Французы-же ищутъ одной *представительности*. Я часто присутствовалъ во время курсовъ Виллемена и вошъ что я извлекъ изъ оныхъ. Профессоръ, человекъ пріятной наружности, ловкій мужчина, лѣтъ сорока, имѣетъ даръ слова необыкновенный, произношеніе ясное и сильное, голосъ сладкозвучный; сеншенціи его иногда

весьма остроумны, изрѣдка вылетаютъ у него порывы истиннаго краснорѣчія; но далѣе ничего не могу сказать въ его пользу. Часто грѣшивъ онъ противъ Логики; говоря о какомънибудь предметѣ, ежеминутно перелетаетъ къ другому и увлекаясь изобиліемъ мыслей, оставляетъ прежній, на коемъ основаны всѣ его сужденія, такъ, что ежели придти получасомъ позже, то не всегда угадаешь, о чемъ идеть рѣчь. Я всегда физически спрадалъ, слушая его лекціи, и можешь быть попому недовольно цѣнилъ его талантъ: квартира моя была посреди города, близъ площади Вандемской, и я принужденъ былъ отправляться къ нему на другой край Парижа; сверхъ того, пришедъ туда за часъ, не находилъ я уже ни одной пустой скамьи и долженъ былъ два часа стоять. Усердные любители краснорѣчія, съ восходомъ солнца уже занимали мѣста, и вооружась терпѣніемъ, книгами и съвѣстными припасами, ожидали вшествія оратора.

Зала построена амфитеатромъ и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 1000 человекъ. Въ часъ по полудни входилъ Профессоръ, водворяется глубокая тишина; онъ начинаешь говорить и никто не дерзаетъ хлопать въ ладоши, ибо Г-нъ Виллеменъ не терпитъ подобныхъ изъявленій восхищенія. Однажды при мнѣ, говоря о Генрихѣ IV, съ жаромъ, онъ такъ восхишилъ слушателей, что они не могли воздержаться и прервали его, въ лучшую минуту, громкими восклицаніями; Профессоръ съ гнѣвомъ возразилъ: *«Hé Messieurs! ne m'interrompez pas, je ne me soucie pas de vos applaudissements!»* Я истинно жадлъ объ этомъ запрещеніи и съ неудовольствіемъ смышалъ непріятное возраженіе Виллемена. Вообра-

жепіе мое сначала перенесло меня въ древній портикъ : я мечталъ объ Аѳинахъ ; мнѣ казалось , что какой нибудь велерѣчивый мудрецъ говорилъ — и народъ рукоплескалъ ! Такъ думалъ я ; но гнѣвъ Профессора пробудилъ меня отъ мечты , и я увидѣлъ , что ораторъ во фракѣ и не древній Аѳинскій ораторъ , а просто Французскій учитель . Когда-жъ снова водворилось глубокое молчаніе и голосъ витіи съ силою раздавался по пространству залы , мнѣ опять казалось , что

. . . на играхъ Олимпійскихъ ,
 Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ ,
 Отецъ Исторіи читалъ ,
 Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ
 И силы гордыхъ сокрушилъ .
 Народъ , любитель громкой славы ,
 Забывъ ристанья и забавы ,
 Сстоялъ — и весь вниманье былъ . . .

Впрочемъ , если слушать съ прилежаніемъ и вникать въ смыслъ выраженій , можно многое опорочить , и когда вздумаешь , что Профессоръ Виллемъ , уже 15 лѣтъ какъ занимаетъ сію кафедру и говоритъ всегда объ одномъ , то неудивительною покажется свобода , съ какою онъ объясняется . Однажды онъ разбиралъ Говелію , Расинову , и необыкновенно дурно объяснялся въ этотъ день ; эпитемы его были неправильны и неприличны , наприм. *»Toute la profondeur de la superficie»* (вся глубина поверхности) было-бы осмѣяно всегда и вездѣ . Неоднократно заикался , запинаясь онъ и чтобы дать себѣ время поправиться , прерывалъ рѣчь въ самой срединѣ , просилъ запереть окно ; пошомъ совѣмъ

сбился съ полку, внезапно оспановился и началъ пить воду съ сахаромъ; но видя, что слушатели замѣтили его замѣшательство, промолвилъ: »Je bois, parceque je ne sais pas mon rôle. . .«

Кстапи теперь сказать вамъ нѣсколько словъ о Французскомъ импровизаторѣ: сей новаго рода Липтераторъ (имя его *Евгеній Прадель*), потъ самый, который стихами защищался въ судѣ, теперь взялъ подрядъ сочинять на заказъ разные стихи. Я былъ у этого чудака; онъ принялъ меня въ весьма скромномъ жилищѣ; въ кабинетѣ его замѣтилъ я длинныя таблицы, на коихъ написаны стихи, годные на разные случаи: они отличаются надписями слѣдующаго рода: *Свадьбы, Рожденія, Новый годъ*, и ш. д. Тысячи стиховъ съ мужскими приемами и такое-же количество съ женскими; сверхъ того, въ дополненіе полустихія, эпитеты, острия слова, и проч. Купецъ - стихотворецъ въ нѣсколько минутъ окинувъ взорами сіи таблицы, составляетъ весьма порядочные стихи; но чѣмъ скорѣе поспѣваешь работа, шѣмъ она дороже спойшь.

„Что вамъ угодно?“ спросилъ Прадель, „извольте приказать; повѣрьте, что вы останетесь довольны; за самую сходную цѣну я готовъ вамъ сей часъ написать посланіе, мадригалъ, сонетъ, оду, эпипаламу, диѳирамбъ, куплеты! . . .« Онъ никогда - бы не кончилъ, если - бь я не прервалъ его. — Напишите мнѣ куплеты, возразилъ я, на вѣтренность и непостоянство Парижанъ. — „Сей часъ, сударь! Сколько вамъ угодно строфъ?“ — Не болѣе пяти. — „Много-ль стиховъ въ каждомъ

куплетъ? « — Десять или двѣнадцать; теперь условимся въ цѣнѣ. — „Если вамъ нужно сей часъ, въ такомъ случаѣ вы мнѣ дадите 20 франковъ; если-жь вы можете повременить, то я возму дешевле, на прим. къ запрашиваему дню 15 франковъ.« — Помилуйте! это выйдетъ почти по франку на 4 стиха: возможно-ль за такую бездѣлицу запрашивать такъ дорого? — Мнѣ было не къ спѣху, я началъ торговаться и выторговалъ 5 франковъ; на другой день пришелъ и Прадель вручилъ мнѣ мои куплеты: я говорю *мои*, ибо я заплатилъ за принадлежность ихъ чистыя деньги, слѣдовательно могу назвать ихъ моею собственностью, хотя отнюдь не желаю быть авторомъ подобныхъ стиховъ. Но по скорости времени и по цѣнѣ, стихи, ей! ей! не дурны! Однакожь, Прадель написалъ ихъ въ превратномъ смыслѣ и заданный сюжетъ на вѣтренность Парижанъ замѣнилъ своимъ собственнымъ: *Les plaisirs de Paris (Удовольствія Парижа)*.

Я. Т.

Литтературныя извѣстія.

Два романа В. Скопша, о коихъ мы упомянули въ послѣднемъ Но Телеграфа, уже переводятся на Французскій языкъ, по мѣрѣ отпечатанія листовъ Англійскаго подлинника, и переводъ ихъ выйдетъ съ подлинникомъ въ одно время. Французская публика ни сколько не хочетъ ждать романовъ В. Скопша и требуетъ ихъ какъ можно скорѣе. Въ Парижѣ переводятъ еще новѣйшій романъ Фенимора Купера: *Red Rover* (*Красный разбойникъ*). Въ нынѣшнемъ 1827 году, вышелъ уже романъ Купера: *The Prairie* (*Американскія степи*). Англичане начинаютъ называть Купера *Американскимъ В. Скоттомъ* (*the American Walter Scott*): послѣдній романъ его превосходенъ. Странно, что всѣ нынѣшніе лучшіе романисты отличаются обиліемъ. Куперъ издаетъ уже *восьмой* романъ, въ весьма короткое время. — Виконтъ Д'Арленкуръ не отстаетъ отъ другихъ: онъ печатаетъ свой новый, *пятый*, романъ: *Любовь и смерть* (*L'Amour et la mort*). — Въ Англии начинаетъ отличатся еще новый романистъ, Гейнрихъ Смитъ. О послѣднемъ романѣ его: *Bramblethye - House*, пишутъ съ большою похвалою. Впрочемъ, читая разборы сего романа въ Англійскихъ Журналахъ, видимъ, что Смитъ до сихъ поръ еще не выходитъ изъ ряда подражателей В. Скопша, хотя и этотъ рядъ составляютъ многіе отличные романисты; жаль на примѣръ, что донынѣ Русскіе читатели не знакомы съ романами Локкарда, зятя В. Скопша и послѣдователя его на литтературномъ поприщѣ.

Извѣстный Англійскій поэтъ Муръ издалъ также романъ, подъ названіемъ : *Эпикурецъ*. Онъ писанъ стихами и прозою. Авторъ взялъ происшествіе изъ эпохи введенія Христіанской вѣры. Англійскіе критики въ восторгъ отъ Эпикурейца. Говоря о новыхъ сочиненіяхъ извѣстнѣйшихъ нынѣ Европейскихъ романистовъ, замѣтимъ, что современная Польская Литература также становится богата прекрасными романами. Желательно, чтобы кто нибудь изъ Рускихъ познакомилъ насъ на примѣръ, съ романами Бернаровича (особенно романомъ его : *Поята, догъ Лездейки*), а также съ оригинальными романами Скарбека.

Нашъ Русскій Поэтъ, И. И. Козловъ, кончилъ новую поэму свою : *Наталья Долгорукая*. Мы слышали ее изъ устъ самого поэта и не могли не удивиться этимъ превосходнымъ произведеніемъ.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго, собранныя въ одной книгѣ, напечатаны и скоро выйдутъ въ свѣтъ, въ Москвѣ. Баратынскій кончилъ также новую поэму : *Бальный ветеръ*. Слышавъ чтеніе и этого прелестнаго произведенія, мы поспѣшаемъ сказать читателямъ, что новая поэма пѣвца Эды и Пирова будетъ новымъ свидѣтельствомъ оригинальнаго генія Поэта, который *шестьюя пріобрѣтаетъ силы*.

Первый изъ современныхъ поэтовъ Польши, Адамъ Мицкевичъ, вѣроятно, въ скоромъ времени подаритъ Польскую Словесность новою, уже законною имъ, поэмою : *Валленродъ*. Не смѣемъ говорить о достоинствѣ поэтическаго творенія, писаннаго не на родномъ языкѣ нашемъ. Но если предвѣщанія могутъ существовать въ нашъ вѣкъ, хотя въ Литературѣ, мы смѣло скажемъ, что

новое твореніе Мицкевича, не только еще болѣе возвысить славу его, но, кажется, рѣшительно поставитъ Мицкевича на ряду съ великими поэтами Европы.

Журналистика.

Четвертъ - годичные Журналы Англійскіе составляютъ, такъ сказано, высшій трибуналъ Англійскаго вришицизма и политики. Газеты Англійскія, состоя изъ безчисленнаго множества мѣсячныхъ статей, занимающа также литературу и политикой. Но ихъ эфемерное существованіе (въ самомъ дѣлѣ *эфемерное*, ибо большая часть ихъ выходитъ ежедневно) держится только разнообразностью содержанія, а не ученымъ достоинствомъ. Между Газетами и четвертными Журналами составляютъ среднее ежемѣсячные и ежеведѣльные Журналы. Мы говоримъ только о тѣхъ, которые посвящены политикѣ и литературѣ. Въ нихъ уже не однѣ рецензіи составляютъ содержаніе, но все входитъ въ планъ ихъ: стихи, проза, повѣстїи, ученые статьи, и проч. и проч.

Самый *старшій* изъ всѣхъ вообще Журналовъ Англійскихъ, есть ежемѣсячный Лондонскій Журналъ: *The Gentleman's Magazine*. Броу, Джонсонъ и другіе славыя писатели, участвовали нѣкогда въ этомъ, нынѣ *почти столѣтнемъ*, повременномъ изданіи. Онъ, какъ говорятъ, нынѣ совершенно дряхлое литературно-политическое созданіе. Той-же дряхлости подвергался въ Англии *Европейскій Магазинъ* (*The European Magazine*), не смотря на частую

перемѣну редакторовъ въ новѣйшее время, двукратное прекращеніе и перемѣну самыхъ издательей его, Лондонскихъ книгопродавцовъ: онъ мирно скончался въ 1826 году. Не уже-ли и въ журналистикѣ, также какъ въ физическомъ мірѣ, есть свои періоды юности, мужества и старости? Говоряиъ, будто у насъ на Руси бывали этому доказательства. Намъ сказывали даже о явленіи нашей Русской Журналистики еще болѣе поразительномъ: былъ, или и теперь еще есть, говорили намъ, какой-то Журналь, въ первыхъ лѣтахъ оказавшій крѣпость юности, потомъ задряхлѣвшій и наконецъ перешедшій въ состояніе дѣтства. Не смотря на розовую обертку, эшошъ старикъ - дитя, прежде бодрый и крѣпкій, въ старости утѣшалъ читателей пѣнью, что напѣвалъ пѣсенки Русскихъ нянюшекъ, перебиралъ старинку, любилъ ученическія диссертациі, ворчалъ на другихъ товарищей, точно какъ дѣти-старикъ, самымъ забавнымъ образомъ и называлъ эшо ворчанье — кришикою.

По крайней мѣрѣ, не всѣ-же старыя Журналы дряхлѣютъ. Это доказываетъ Англійскій старинный Журналь: *Ежемѣсятное обзрѣніе* (The monthly Review). Въ немъ полишика умѣренная, критика здравая и лишперашурныя статьи отличнаго достоинства, заслуживаютъ дониндъ вниманіе читателей. Три раза въ годъ издается при немъ особое *Прибавленіе*, гдѣ находятся извѣстія объ иностранныхъ кнѣгахъ. *Ежемѣсятный Магазинъ* (The Monthly Magazine) также не молодой Журналь, но пользуется уваженіемъ. Его издаетъ Ричардъ Филипсъ, извѣстный нѣсколькими полезными сочиненіями. Сотрудникъ его Тельваль началъ было въ 1825 г. изда-

вашъ отдѣльный Журналь: *Всеобщая смѣсь*, но прекратили издание свое однимъ годомъ и присоединился къ старому Журналу.

Всѣ сіи старые Журналы хотя и держатся въ Англіи, и хотя иные изъ нихъ и пользуются уваженіемъ, но юные сотоварищи далеко ихъ опередили. И здѣсь являются намъ также при соперника, какъ въ четверть-годичныхъ Журналахъ. *Новый ежемѣсячный Магазинъ* (The New Monthly Magazine), есть оракуль *Виговъ*. Редакторъ его Поэтъ Кампбелль. Журналь начался съ 1821 года. Противникъ его *Блаквудскій Магазинъ*, издается въ Эдимбургѣ, съ 1817 года. Его Редакторомъ былъ прежде Локкардъ. В Скоптъ принимаетъ въ эшомъ Журналь особенное участіе; Тори находятъ въ немъ сильнаго поборника. *Радикалы* дѣйствуютъ также посредствомъ Журнала: *Лондонскій Магазинъ* (The London Magazine).

Вотъ при соперника, почно какъ въ четвертныхъ Журналахъ. Содержаніе ихъ разнообразно: стихи и проза, науки и крипика, извѣстія и политика. *Первый* считается лучшимъ изъ всѣхъ Англійскихъ Журналовъ, которые неисключительно занимаютъ Крипикою. *Блаквудскій Магазинъ* отличаетъ выходками своими противъ всего новаго; *Лондонскій Магазинъ*, напротивъ радикализмомъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

Буккингамъ, долго жившій въ Индіи, бывшій въ Калькуттѣ издателемъ шамошняго Журнала и по возвращеніи въ Англію издавшій любопытныя путешествія свои по Азіи, съ 1824 года началъ новый Журналь въ Лондонѣ, подъ названіемъ: *Гламатая Востока* (The oriental Herald). Онъ по-

свящаетъ его всему, что касается Азіи и особенно Индіи, въ ученое и политическое отношеніи. Съ 1816 года издается въ Лондонѣ *Азіатскій Журналъ* (The Asiatic Journal). Оба Журнала передаютъ Европѣ вѣрныя и драгоценныя свѣдѣнія объ Азіи и идутъ весьма успѣшно. Видно, что Азіатскимъ Журналамъ благопріятнѣе участіе въ Англіи, нежели въ Россіи. За то неудача постигла тамъ Журналъ, назначенный для особеннаго познанія Америки. *Американскаго Монитѣра* (The American Monitor), въ два года, вмѣсто 24, вышло только *шесть* книжекъ, и тѣ были шакъ плохи, что Журналъ совсѣмъ кончился ими. По крайней мѣрѣ, нашъ Азіатскій Вѣспникъ до сихъ поръ еще не конченъ.

Тори находятъ довольно сильную помощь въ еженедѣльномъ Журналѣ: *Лондонская Литтературная Газета*, которую издаетъ уже около десяти лѣтъ Литтераторъ Журданъ. Что въ четверть-голичныхъ изданіяхъ *Эдмбургск. обозрѣніе*, въ ежемѣсячныхъ *Новый ежемѣсяч. Магазинъ*, то въ еженедѣльныхъ *Литтературная Лондонская Газета*. У нее отъ 5 до 6000 подписчиковъ. Противникъ ея *Литтературная Лѣтопись* (The Literary Chronicle) уступаетъ ей во многомъ, хотя ведетъ съ нею жестокою войну. Первая отличаетъ особенно скорымъ объявленіемъ о всѣхъ литтературныхъ новостяхъ. Впрочемъ, кришика сихъ изданій большею частію ограничивается длинными выписками изъ книгъ, послѣ чего предоставляется самому читателю судить, какъ угодно, о книгахъ, изъ коихъ сдѣланы выписки. Этимъ особенно отличались *Новости литтературы и моды, науки и*

искусствъ, умершія послѣ двухъ - лѣтняго бытія. На еженедѣльные изданія какъ - то въ Англіи вообще нѣтъ долговѣчья. Понывъ являлось уже нѣ безчисленное множество, но кромѣ двухъ вышеозначенныхъ изданій, почти ни одно долго не уцѣло. Не входя въ родословіе скончавшихся, означимъ существовавшія въ 1826 году.

Cobbet's Register и *The Republican*, два, простонародные Журнала еще поддерживались народными неудовольствіями на Англійскихъ рынкахъ и площадяхъ. *Зеркало*, нѣкогда было въ большомъ ходу и имѣло (по словамъ Брума) 80,000 подписчиковъ. Оно и теперь ими не бѣдно, ибо очень дешево и издается для простонароднаго чтенія. *Портфѣйлъ* и *Шмель*, еженедѣльные Газеты, поддерживаются, какъ говорятъ, плохими стихотворцами, которыхъ не пускаютъ въ хорошіе Журналы, простонародными шутками и бранью. *Ежедневная книга* есть родъ нашего Памятника событій, который очень извѣстенъ между средними званіями народа за *куріозныя диковинки*, какія находятъ въ немъ добродушные читатели, на каждый день прочищывающіе изъ него по статейкѣ.

(Будетъ продолженіе.)

Журнальный сыщикъ.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

Gros de Naples uni et mérinos broché, telles sont les étoffes pour robes et redingotes. Toutes les nuances

(*) До 5 Октября (н. с.) 1827 г.

le vert sont à la mode. On nomme vert-de-gris dans quelques magasins de nouveautés, la nuance qui, dans l'autres, porte le nom de vert-anglais. — On donne comme étoffe nouvelle, un satin damassé à larges losanges couleur sur couleur, ou fond blanc, fond jaune, fond bleu, rayé de filets noirs. Nous avons vu des chapeaux de ce satin. — Il y a des chapeaux de satin dont la passe, jaune ou bleue est doublée en satin noir damassé. Un grand panache jaune et noir, ou bleu et noir est attaché, à droite, au haut de la forme de ces chapeaux, par un large noeud de deux couleurs. — Déjà les magasins de modes sont remplis de chapeaux d'hiver: les uns, en satin noir, ont la passe doublée de satin rose, ainsi que le large biais dentelé, qui entoure la forme; les autres, en velours noir, ou en satin jaune à raies noires pareilles à celles du papier de musique, sont doublés de satin rose, blanc ou bleu, à grandes losanges couleur sur couleur. — Une des fleurs à la mode est le troëne; on le voit sur des chapeaux de crêpe crêpé rose, jaune ou bleu, et sur ceux de satin blanc. — En toilette, les dames commencent à porter des turbans, soit de crêpe de Chine, soit de velours rayé et à fleurs. Souvent la torsade du turban est de deux étoffes différentes. Un long panache de plumes renouées se place entre la torsade et la calote.

Гладкій гроденацль и мериносовая шкань, вышшая: вотъ модныя матеріи для платьевъ и рендеготовъ. Въ модъ всѣ опшѣнки цвѣта зеленого. Зелено-сѣрымъ цвѣтомъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ называютъ тотъ-же опшѣнокъ, который въ другихъ называютъ зеленымъ-Англійскимъ.

Выдаютъ за новую матерію камчатный апласъ, или съ цвѣшными широкими ромбондами (косоугольниками), или по бѣлому, желтому, голубому полю, съ черными полосками, расположенными съшкою. Появляются шляпки изъ сего апласа.

Дѣлають апласныя шляпки, у которыхъ поля желшаго или голубаго цвѣшовъ, подбиты камчатнымъ чернымъ апласомъ. Большой сулпанъ, цвѣшна желшаго съ чернымъ или голубаго съ чернымъ, укрѣпленъ на правой сторонѣ сихъ шляпокъ, въ верху пулюи, широкимъ бантомъ двухъ цвѣшовъ.

Магазины модъ уже наполнены зимними шляпками: у однѣхъ, изъ чернаго апласа, поля подбиты розовымъ апласомъ, и широкій зубчатый косякъ, также розовый, окружаетъ пулюю; другія, изъ чернаго бархаша или желшаго апласа, съ черными полосками, какія видимъ на ношной бумагѣ, подбиты апласомъ, розовымъ, бѣлымъ или голубымъ, съ цвѣшными ромбоидами.

Модный цвѣшокъ нынѣшній есть *брюгнна*: его увидите на шляпкахъ изъ крепъ-крепе, розоваго, желшаго или голубаго, и на бѣлыхъ апласныхъ.

Въ нарядѣ, дамы начинаютъ носить тюрбаны изъ Китайскаго крепа, или изъ бархаша съ полосками и цвѣшами. Часто, шорсада тюрбана бываетъ двухъ различныхъ матерій. Длинный сулпанъ, изъ крученыхъ перьевъ, помѣщается между шорсадою и пулюю.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама*. Креповая шляпка, убранная апласными руладками, цвѣшами и газовыми лентами. Гроденашлевое плашье. Маншилья изъ шюля, съ шалевыми узорами.

2. *Мужина*. Суконный фракъ съ бархашнымъ ворощникомъ и шелковыми пуговицами; жилетъ изъ пике, съ позолоченными пуговицами. Шелковый плашокъ на шеѣ. Паншалоны изъ матеріи, сдѣланной изъ козьяго пуху (*poil de chevre*).

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

І. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Нѣсколько мыслей о Лекенъ и Театральномъ искусствѣ.

(Окончаніе.)

Да позволяшъ мнѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, внушенное великими, несчастными событіями революціи, ибо жестокія крайности, которыхъ свидѣтелемъ она заспавила меня бышь, часто служили мнѣ изученіемъ.

Человѣкъ свѣтскій и взятый изъ простаго народа, столь противоположные по своему языку, часто имѣютъ одно выраженіе при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ: одинъ забываетъ свое общественное обращеніе, другой оставляетъ простонародныя формы; одинъ возвращается къ природѣ, другой восходитъ до нея; оба скидаютъ съ себя человѣка искусственнаго, дабы оспаться истинно людьми. Звуки того и другаго будутъ одина-

Ч. XVII. No 19.

К

ковы, при насиліи одинакихъ страстей или горестей.

Вообразите себѣ мать, устремившую взоры свои на пустую колыбель любимого дитяти, только что поперяннаго ею: какое-то оцѣпенѣніе въ чертахъ лица; рѣдкія слезы, скользящія по щекамъ ея; немногіе раздирающіе вопли, судорожныя рыданія, иногда вырывающіяся у нея — вопль чѣмъ будетъ выражаться горестная женщины - простонародной и женщины-герцогини. Вообразите также человѣка изъ простого народа и человѣка придворнаго, въ припадкѣ спраспи, пусть будетъ по ревность, мщеніе: оба они, споль различные по своимъ привычкамъ, будутъ одинаковы по своему бѣшенству. Въ неистовствѣ у нихъ будетъ то-же выраженіе: ихъ взгляды, черты лица, жесты, положенія (апшипюды), движенія, вдругъ примуть одинъ характеръ, ужасный, великій, поржественный, въ обоихъ достойный кисти живописца, изученія актера и можешъ бытъ даже, безумство спраспи внушитъ тому и другому одно изъ сихъ словъ, сихъ выражений возвышенныхъ, копорыя также достойны бытъ схвачены и поэтомъ.

Великія душевныя движенія переносятъ человѣка къ природѣ идеальной, какое ни занималъ-бы онъ мѣсто по волѣ судьбы. Революція, заславившая разграфшья сполько гибельныхъ спраспей

развѣ не произвела народныхъ ораторовъ, изумлявшихъ сильными чертами неизысканнаго, ужаснаго краснорѣчія, и выраженіемъ и звуками, отъ которыхъ не ошкрякнетъ-бы самъ Лекенъ?

Онъ чувствовалъ, что искусство декламации (ибо надобно наконецъ употребить это слово) состоитъ не въ сказываніи стиховъ, съ большимъ или меньшимъ жаромъ и надутостію; что это искусство можетъ, усовершенствовавшись, дать нѣкоторымъ образомъ дѣйствительности и мысламъ сцены.

Для достиженія сей цѣли актеръ долженъ получить отъ природы чрезвычайную чувствительность и глубокой умъ: Лекенъ обладалъ сими качествами въ высокой степени. Дѣйствительно, глубокія впечатлѣнія, производимыя актерами на зрителя, суть слѣдствіе соединенія сихъ двухъ существенныхъ нравственныхъ способностей. Надобно мнѣ объяснить, что я разумью подъ симъ. По моему мнѣнію, чувствительность есть не только способность актера легко приходитъ въ движеніе самому, возмутить свое существо, какъ члобы оппечатать въ своихъ черпахъ, и особенно въ голосѣ, это выраженіе, эти звуки горести; могущіе пробудить все сочувствіе сердца и извлечь мезы у слушающихъ; здѣсь еще я разумью и дѣйствіе, ею производимое, и воображеніе, котораго она есть источникъ, во-

ображеніе, состоящее не въ воспоминаніяхъ при коихъ предметы кажутся присущими: это, собственно, только память; въ воображеніе творческое, дѣйствительное, могущественное, состоящее въ соединеніи качествъ многихъ дѣйствительныхъ предметовъ въ одинъ, вымышленный, соединяющее актера съ вдохновеніемъ поэта переносящее его во времена уже несуществующія, заставляющее его присутствовать при жизни лицъ историческихъ или сраспныхъ существъ, созданныхъ гениемъ, открывающее ему, какъ-бы очарованіемъ, ихъ физиогномію, ихъ героическій видъ, ихъ разговоръ, ихъ привычки, всѣ оплѣнки ихъ характера, всѣ движенія ихъ души и даже ихъ частныя странности. Я называю чувствительностью сію способность возвышающуюся духомъ которая волнуетъ актера, обладаетъ его чувствами, возмущаетъ его до глубины души и заставляетъ входить въ положенія самыя трагическія, понимаетъ страсти самыя ужасныя, какъ будто-бы онъ были его собственныя.

Умъ, совершая свое дѣло и дѣйствуя уже послѣ чувствительности, судитъ о впечатлѣніяхъ испытываемыхъ нами по ея власти: умъ избираетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, подвергаетъ своимъ расчетамъ. Если чувствительность даетъ предметъ умъ дѣлаетъ изъ нихъ употребленіе. Она помогаетъ намъ располагать употребленіемъ

іемъ нашихъ физическихъ и умственныхъ силъ; судить объ отношеніяхъ и связи между словами поэта и положеніемъ или характеромъ дѣйствующихъ лицъ, иногда прибавлять, опшѣнки, недостающія имъ и невыразимыя въ стихахъ; наконецъ, дополнять ихъ выраженіе жестами и физиогномією.

Понятно, что такой человекъ долженъ получить отъ природы совершенно особенную организацію, ибо чувствительность, эта собственность нашего существа, дана каждому въ большей или меньшей степени силы; но у человека, назначеннаго природою живописать спрашна въ ихъ высочайшемъ испуленіи, выражать всю ихъ жестокость, показывать ихъ во всемъ безуміи, разумѣется, она должна быть гораздо въ высочайшей степени, и какъ всѣ душевныя движенія наши состоятъ въ ближайшемъ отношеніи съ нервами, то самая нервная система должна быть у актера движима и способна къ впечатлѣніямъ такъ, чтобы могла отзываться вдохновеніемъ поэта спольже легко, какъ Эолова арфа, издающая звуки при малѣйшемъ дыханіи воздуха, къ ней прикасающагося (*).

(*) Часто видали, что молодые актеры при первыхъ своихъ дебютахъ имѣли успѣхи, отчасти заслуженные, но впоследствии не оправдывали надежды

Если актеръ не равенъ чувствительностию по крайней мѣрѣ самому чувствительному изъ своихъ слушателей, онъ будетъ дѣйствовать на нихъ слабо; только высочайшею чувствительностью можешь онъ произвести впечатлѣнія глубокія и привести въ движеніе души самыя холодныя. Сила возвышающая не должна ли быть могущественнѣе той, которую хочящъ взволновать? Надобно, чтобы у актера эта способность была даже, не скажу болѣе и сильнѣе нежели у поэта, постигнувшаго движенія души, повторяемая въ театрѣ, но она должна быть у

поданныхъ ими. Это потому, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ, неразлучное съ первыми опытами сценическими движеніе, приводило нервы ихъ въ состояніе волненія и смущенія, способнаго легко ввести ихъ въ самыя спастныя положенія. Впослѣдствіи, привычка показываться публично, освободивъ ихъ отъ сихъ тяжелыхъ, но благодѣтельныхъ движеній, возвратила ихъ также и къ прежней посредственности. Развѣ не видимъ еще иныхъ людей, для смѣлости употребляющихъ нѣсколько вина? Робкая или лѣнивая природа ихъ, раздраженная такимъ образомъ, получаетъ ложную возвышенность, которая на нѣсколько минутъ можешь замѣнить истинную возвышенность души. Также не замѣчаемъ ли ежедневно, что между собесѣдниками, даже самыя шезвыми, бываешь болѣе говорливости и ума, послѣ, нежели до обѣда? Надобно осмѣлишься допустить, что это присутствіе живости и остроумія происходитъ часто отъ одного движенія нервовъ, доставленнаго удовольствіями стола.

него быстрѣе, живѣе, должна сильнѣе дѣйствовать на его органы. Поэтъ или живописецъ занимающагося своими трудами въ минуты вдохновенія: и могутъ ждать сикъ минуты. У актера вдохновеніе должно быть ежеминутно и покорно его волѣ. Но дабы повелѣвать вдохновеніемъ, властвовать имъ вдругъ, быстро и съ живостью, не должна ли чувствительность актера быть, нѣкоторымъ образомъ, чрезвычайною? Еще болѣе: его умъ долженъ всегда бодрствовать и дѣйствовать вмѣстѣ съ чувствительностью, дабы управлять ея движеніями и дѣйствіями, ибо актеръ не можетъ подобно живописцу и поэту уничтожить того, что выразилъ.

Да позволятъ мнѣ, говоря о сихъ двухъ главныхъ качествахъ, чувствительности и умѣ, сдѣлать отступленіе: оно можетъ служить отвѣтомъ одному изъ мнѣній Дидеро. Допустивъ, что „природа должна награждать актера высшими качествами, видомъ, голосомъ, чувствительностью, разсудкомъ и тонкостью чувства, а изученіе великихъ художниковъ, театральная практика, трудъ, размышленіе, усовершенствованіе дары природы,“ что совершенно справедливо; далѣе онъ прибавляетъ невѣроятное противорѣчіе самому себѣ, что „желаетъ великому актеру много разсудка; желаетъ ему быть *холоднымъ и спокойнымъ* зрителемъ человеческой природы и что, слѣдовательно, ему надобно

многаго тонкости чувства и *состраданія* *неуязвимо чувствительности*.“ Въ самой природѣ гения Дидеро открываю причину этого страннаго парадокса; дѣйствительно, онъ былъ одаренъ обширнымъ и дѣлательнымъ умомъ, но лишенъ чувствительности; это доказываютъ его сочиненія. Онъ отличается надушостью изложенія, вездѣ соединеннаго съ увеличенными идеями. Дидеро понимаетъ всѣ опвлеченныя основанія, всѣ послѣдствія вещей, и не имѣетъ понятія о переменчивыхъ способностяхъ чувствованій. Слогъ его, вообще декламаторскій и напыщенный, никогда недоступенъ разнообразнымъ влїаніямъ внутреннихъ ощущеній, споль различныхъ и многочисленныхъ, дѣйствующихъ на писателей чувствительныхъ и нѣжныхъ. Умъ его былъ способенъ увлекаться, но въ сердцѣ у него не было опасеній. ибо онъ всегда увеличивалъ и никогда не былъ испинно пронуть. Ощелъ его однообразно-возвышенное краснорѣчїе и эпопѣя однозвучный тонъ вѣдїи, опнимающій у его рѣчей гибкость и естественность. Сравнимъ прогательную пропшопу и высокую силу сочиненій Жанъ-Жака, съ ложно-оживленною нарядностью философическихъ фразъ Дидеро, и мы убѣдимся, что въ семъ послѣднемъ не было никогда, никакой примеси чувствительности (ощущенной, врожденной, при коей перо поэта, кисть живописцовъ и органы дѣлательныхъ актеровъ такъ естественно и

вѣрно выражаютъ сладостныя, печальныя или ужасныя ощущенія, которыя умѣютъ они изобразить могуществомъ своего искусства. Между Жанъ-Жакомъ и Дидеро видятъ разницу пицеславія и испины; также какъ между актерами различаютъ произношеніе съ чувствомъ, внушаемое природою, и условленную, выучиваемую декламацію: звуки ея не приводятъ въ движеніе, потому что происходятъ не изъ глубины сердца. Такъ, у Дидеро совсѣмъ не было того, что нужно для сужденія о дарованіи актеровъ, и неудивительно послѣ этого, что онъ слишкомъ увеличивалъ дарованіе дѣвицы Клеронъ, ибо оно было совершенно сопоставное и по этому уже имѣло нѣкоторую аналогію съ геніемъ сего философа, и въ то же время унижалъ спалантъ дѣвицы Дюмениль, основанный на изящнѣйшей чувствительности. Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что Дюмениль была иногда *возвышенна*, а въ великолѣпной похвалѣ своей покровительствуемой, довольно холодно восклицаетъ: «Чья игра совершеннѣе игры дѣвицы Клеронъ!» Признаюсь, я предпочитаю игру возвышенную игрѣ совершенной.

Потому-то, изъ двухъ особъ, назначенныхъ для театра, пусть одна будетъ одаренною чрезвычайною чувствительностью, такую опредѣлил я выше сего, и другая глубокимъ умомъ: я безъ сомнѣнія предпочту первую. Конечно, у нея будутъ нѣ-

которыя погрѣшности; но ея чувствительность внушить ей возвышенныя душевныя движенія, поражающія зрителя и восхищающія его до глубины сердца.

Умъ заставитъ другую бытъ холодно благоразумною и правильною. Одна превзойдетъ ваше ожиданіе и понятіе; другая только исполнитъ ихъ. Актеръ вдохновенный глубоко взволнуетъ душу; актеръ умный удовлетворитъ одному уму. Тотъ сполько приобщитъ васъ къ своимъ ощущеніямъ, что не дастъ вамъ воли даже судить; эгоистъ совершенно оставитъ васъ самимъ себѣ своею умною и безукоризненною игрою и позволитъ вамъ разсуждать на свободѣ. Одинъ будетъ самолицо, другой только актеръ представляющій лицо. У одного, вдохновеніе часто будетъ замѣнять умъ, тогда какъ у другаго соображенія ума будутъ слабо замѣнять дѣйствія вдохновенія.

Но для созданія великаго актера, каковъ былъ Лекенъ, надобно соединеніе чувствительности и ума.

У актера, обладающаго симъ двойнымъ даромъ природы, наступаетъ родъ особеннаго труда. Сначала, повторительнымъ ученіемъ, онъ испытываетъ свою душу ощущеніями и даръ слова звуками, собственными положенію лица, которое онъ долженъ предсавлять. Тогда идетъ онъ въ театръ, приводитъ въ исполненіе не только первыя изученія свои, но еще бо-

лѣе предаваться всѣмъ дикимъ порывамъ своей чувствительности, всѣмъ движеніямъ, внушеннымъ ею безъ его сознанія. А послѣ сего? Такія вдохновенія не должны бытъ потеряны, и его память въ спокойствіи ищетъ ихъ, оживляетъ ему звуки, ударенія голоса его, выраженія лица, движенія, степень непринужденности, наконецъ все, что въ сіи минуты испуленія способствовало произведенному имъ дѣйствию. Тогда умъ подвергаетъ своему разсмотрѣнію всѣ сіи средства, очищаетъ ихъ, утверждаетъ въ его воспоминаніи и хранитъ въ сей сокровищницѣ, дабы въ слѣдующія представленія снова явить ихъ по волѣ. Впечатлѣнія сіи такъ неувимы, что часто актеръ долженъ, вышедши за кулисы, повторить то что игралъ, скорѣе нежели то что будетъ играть. Такимъ-то трудомъ умъ собираетъ и хранитъ всѣ сіи созданія чувствительности. Только симъ средствомъ, послѣ двадцати лѣтъ (надобно по крайней мѣрѣ сколько времени), чедовѣкъ, которому назначено имѣть изящный талантъ, можетъ наконецъ изобразить передъ публикою почти всѣ роли съ совершеннымъ познаніемъ, разграниченныя во всѣхъ ихъ часпяхъ. Этимъ путемъ постоянно шелъ Лекенъ (*), и

(*) И Тальма. Сіи аналитическія изученія самого себя чрезвычайно драгоцѣнны и высказаны съ полнымъ чистосердечіемъ. Здѣсь узнаемъ сподольже до-

долженъ и дпи всякій, кто имѣетъ гордоспъ слѣдовать за нимъ. Вся жизнь его была посвящена сему роду труда, и только въ послѣдніа пять или шесть лѣтъ своей жизни онъ вполне собралъ плодъ своихъ изученій. Тогда - то обильная чувствительность его никогда не позволяла его ниже прагматическихъ положеній, какія онъ долженъ былъ живописать, и умъ его вполне раскрылъ всѣ собранныа имъ сокровища; тогда - то увидѣли игру его столь вѣрною, столь покорною его волѣ, что онъ всегда снова находилъ и пѣже соображенія и пѣже дѣйствія: звуки, уклоненія, жесты, положенія, взгляды, все вновь являлось у него при каждомъ представленіи съ равною точностью, силою и непринужденностью: если и была какая разница въ одномъ представленіи отъ другаго, то всегда въ пользу послѣдняго.

Такимъ образомъ, чувствительность и умъ суть главные, необходимыа качества для актера. Сверхъ того, еще кромѣ памяти, какъ необходимаго для него орудія, ему нуженъ слухъ и черты лица, по крайней мѣрѣ приличныа пѣмъ ролямъ, къ какимъ онъ предназначенъ; нуженъ голосъ, легко измѣняющійся, могущественный, выразительный. Не имѣю нужды

браго человека, какъ искуснаго актера. Рекомендуемъ сіи наставленія юнымъ ученикамъ прекраснаго искусства. *Примѣт. Франц. Издатель.*

досказывать, что хорошее воспитание, изучение Исторіи, не столько событій, сколько нравовъ народныхъ и особеннаго характера лицъ историческихъ, даже рисованіе, должны также укрѣпить дары природы.

Легко разсудишь, что я говорю здѣсь объ одной трагедіи. Не входя въ изслѣдованіе вопроса, что труднѣе играть: трагедію или комедію, скажу, что для достиженія совершенства въ томъ и другомъ родѣ, надобно обладать нѣми-же нравственными и физическими качествами; думаю только, что у актера трагическаго они должны имѣть болѣе могущества. Актеру комическому не нужна та-кой силы въ чувствительности и исполненіи; воображенію у него меньше дѣла. Онъ представляешь предметы, видимые имъ ежедневно, представляешь существа, въ жизни коихъ онъ самъ нѣкопорымъ образомъ участвуешь. Съ небольшими исключеніями, обязанность его состоитъ единственно въ подражаніи странностямъ и смѣшнымъ споронамъ, въ живописи страстей, взятыхъ изъ той сферы гдѣ самъ актеръ находится, слѣдовательно болѣе умѣренныхъ нежели страсти въ области трагедіи. Здѣсь въ немъ говоришь и дѣйствуешь, такъ сказать, его собственная природа, въ своихъ подражаніяхъ, тогда какъ трагическій актеръ обязанъ оставить шопъ

кругъ, гдѣ онъ привыкъ жить, и пустити́сь въ высшую область, гдѣ гений поэта поставилъ и облекъ идеальными формами существа, созданныя мыслію или данныя ему Исторіею, и уже возвеличенныя ею и большимъ разстояніемъ времени. Онъ долженъ въ сихъ лицахъ сохранить ихъ великій размѣръ и въ поже время дать ихъ возвышенному языку естественные звуки, выраженіе опкровенное, истинное: этого соединенія величія безъ надутости, естественности безъ плоскости (*trivialité*), этого согласія идеала съ истинною чрезвычайно трудно достигнуть въ трагедіи.

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что прагматическій актеръ имѣетъ гораздо болѣе свободы въ выборѣ средствъ, изображая передъ судилищемъ публики предметы, основно не существующіе въ обществѣ, тогда какъ шаже публика легко можетъ судить актера комическаго, соображая, сходна-ли копія съ подлинникомъ, находящимся передъ ея глазами (*); но я отвѣчаю, что

(*) Вотъ совершенный камень преткновенія для актера, играющаго комедію: если онъ избѣгаетъ его, представляя истинную копію оригиналовъ общества, не разрушая однакожъ законовъ театральнoй опшики, то заслуживаетъ быть почишаемъ актеромъ первого достоинства и занимаетъ сію степень по желанію даже шопы, ибо она въ самой себѣ находитъ мѣрило своего сужденія. Приговоръ прагматическому актеру основывается на историческихъ воспоминаніяхъ, и

спрасни одинаковы во всё времена: общество можетъ уменьшить силу ихъ, но тѣмъ не менѣе существуютъ онѣ въ глубинѣ души, и каждый зритель можетъ очень хорошо судить о нихъ собственно по себѣ.

Что касается до великихъ историческихъ характеровъ, то одна просвѣщенная публика составляетъ мнѣніе, также какъ и славу актера: Исторія знакома ей и она легко можетъ судить объ истинѣ подражанія. Вслѣдствіе сказаннаго мною, явно, что нравственныя способности у актера трагическаго должны быть сильнѣе и выше, нежели у актера комическаго (*).

воображеніи зрителей, на ихъ ощущеніяхъ, что можетъ увеличить энтузіазмъ, но не даетъ правилъ для сужденія. Короче: я почишаю всѣхъ, особенно нервическихъ женщинъ и молодыхъ людей, принимающихъ впечатлѣнія, способными судить о трагедіи; напротивъ, представленіе комедіи можетъ быть оценено только людьми зрѣлыми и знатоками. Такимъ образомъ, актеръ трагическій будетъ извѣстнѣе, комическій славнѣе.

(*) Подобно сему послѣднему, онѣ должны быть испытательнѣе, изыскательнѣе, нѣжнѣе, должны проникать глубже. Большая часть трагическихъ ролей одного цвѣта: сильнаго, блестящаго, рѣшительнаго; роли комическія состоятъ изъ намековъ, изъ бѣглыхъ отпѣнковъ: надобно схватить шпикости ихъ для созданія, для оживленія картины, начерченной авторомъ.

Разумѣешь, что качества физическія, какъ-то: измѣняемость лица, выразишельность физиогноміи, должны быть рѣзче, голосъ полнѣе, звучнѣе, сильнѣе въ удареніяхъ у актера трагическаго, ибо ему нужно нѣкоторое созданіе частей въ цѣлое, сила болѣе нежели обыкновенная, дабы съ начала до конца передать съ одинакою энергіею ролю, гдѣ авторъ не рѣдко заключилъ въ пѣсномъ размѣрѣ, въ продолженіе двухъ часовъ, всѣ движенія, всѣ волненія, часно существомъ спрашнымъ испытываемыя единственно въ долгое время цѣлой жизни. Впрочемъ, повторяю еще, что великому актеру комическому надобно сполько-же качества, какъ и великому актеру трагическому, хотя и въ различныхъ родахъ: тому и другому необходимо бытъ посвященнымъ въ тайнства спрашной природы, необходимо знать склонности, слабости и даже спранности сердца человѣческаго.

Сообразивъ всѣ качества, составляющія истиннаго актера трагическаго, всѣ дары, какими должна надѣлать его природа, должно-ли удивляться, что актеры сіи такъ рѣдки? Изъ многихъ являющихся на сень поприщѣ, у одного есть умъ, но душа его ледяная; у другаго есть чувствительность, но совсѣмъ нѣтъ ума. Тотъ обладаетъ обоими сими качествами, но въ пажой слабой спепененъ, что все равно хотябы ихъ у него не было: игра его не производитъ дѣйствія; все выраженіе его

приторно, неярно, безцвѣтно; попеременно говоришь онъ громко, тихо, скоро, проляжно и какъ-бы на удачу. Тотъ получилъ отъ природы всѣ сіи счастливые дары души и ума, но его голосъ, безжизненный, тупой, невозвышающійся, не повинуется ему въ выраженіи спрасней; такой актеръ плачетъ и не заставляетъ плакать; расстроганъ, но никого не можетъ расстрогать. У этого звучный и прогательный голосъ, но черты его лица не красивы, ростъ и формы совсѣмъ не героическіе. Словомъ сказать: счастливое соединеніе случайностей, какое долженъ заключить въ себѣ одинъ человекъ, дабы сдѣлаться великимъ актеромъ, таково, что нѣчего удивляться, если рѣдко видимъ великихъ актеровъ.

Надобно сказать, что и въ Лекенѣ были нѣкошорые недоспашки; но въ Липптературѣ и въ подражательныхъ искусствахъ, гений цвѣтятся по своимъ изящнымъ произведеніямъ; несовершенства не составляютъ части его славы: это грубая матерія, безъ превосходства благороднѣйшихъ его вдохновеній достигающая на часть забвенію; самое воспоминаніе о недоспашкахъ его сохраняется только извѣстностію, доставленною ему совершенствами. Природа отказала Лекену въ нѣкоторыхъ физическихъ преимуществяхъ, требуемыхъ сценою. Въ чертахъ лица его, не было ничего благороднаго; физиогномія,

его казалась обыкновенною, спазмъ была короткою; но его изысканная чувствительность, движенія души пламенной и страстной, способность его, совершенно переходить въ положеніе представляемыя имъ лица, умъ его, столь тонкій, что давалъ ему средства понимать и передавать всѣ ошпѣнныя характеровъ, какіе должно было живописать, все это украшало его неправильныя черты и придавало имъ прелесть невыразимую. Голосъ его, отъ природы тяжельшій и мало извѣняющійся, былъ, какъ-бы подъ покрываломъ: но самое это сообщало его голосу, дурному въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какія-то меланхолическія и проникающія дрожанія (vibrations), поражающія до глубины сердца. Однакожъ, посредствомъ шпуда, Лекенъ успѣлъ уменьшить жесткость голоса, обогатить его всеми звуками страсти и покорности всѣмъ, самымъ изысканнѣйшимъ измѣненіемъ чувствъ; наконецъ, онъ изучалъ свой голосъ, какъ изучаютъ инструментъ, и зналъ всѣ качества его, всѣ недоспѣшки. Онъ легко пробѣгалъ по струнамъ неблагодарнымъ, дабы производить звуки только струнами гармоническими; голосъ, коимъ испытала онъ всѣ шоны, былъ для него какъ-бы полный клавиръ: онъ по волѣ извлекалъ изъ него всѣ звуки, какіе были ему нужны; и такое могущественное голоса чувствительнаго, даннаго природою, или приобретеннаго ис-

кусной; что онъ приводитъ въ движеніе даже иностранца, непонимающаго словъ: въ голосъ Лекена было это преимущество.

Талантъ дѣвицы Госсенъ и дѣвицы Дегарсенъ, болѣе всего состоялъ въ этомъ счастливомъ дарѣ природы. Я видѣлъ въ Лондонѣ Французовъ, неразумѣвшихъ ни одного Англійскаго слова, но они умилялись и плакали, слыша звуки прогашельнаго голоса Миссъ О'Нейлъ.

При началѣ своего поприща, Лекенъ поступалъ также какъ и всѣ молодые актеры: онъ предавался сильнѣйшимъ движеніямъ, кричалъ, потому, что въ молодыхъ лѣтахъ это единое спасеніе отъ трудностей. Но, со временемъ, Лекенъ почувствовалъ, что изъ всѣхъ монотоній, монотонія силы есть самая несстерпимая, что въ трагедіи надобно говорить, а не ревить, что кто безпрестанно выходитъ изъ себя; когда утомляешь не прогая, что только бывая рѣдко, неожиданно, это можетъ удивлять и приводить въ волненіе, что, наконецъ, слушатель, оскорбленный безпрестаннымъ крикомъ актера, забываетъ трагическое лицо и перестаетъ сочувствовать несчастіямъ его, для того, чтобы жаловаться на усталость актера. Лекенъ, часто утомленный въ продолжительныхъ и сильныхъ сценахъ, старался скрывать отъ публики послѣдствіе этого свежъ усилій; въ ту минуту; когда средоточіе его была нѣбо-

дѣе немогущи, онъ , казалось , еще сохранилъ всю силу ихъ и могущество.

Въ Лекенъ осуждали также некоторую тяжесть произнесенія ; но , во первыхъ , этою недоспатокою происходилъ отъ его нравственной природы , медленной , основательной и размышляющей ; сверхъ сего Вольперъ , у котораго особенно онъ былъ актеромъ , можетъ быть не легко-бы согласился пожертвовать пышностью и гармонією своихъ стиховъ произношенію слышкомъ естественному и истинному. Онъ желалъ , чтобы поражали сильно , если не поражаютъ вѣрно , и какъ въ трагедіи его было нѣсколько надутости , то актеръ долженъ былъ сдѣлать системъ принятой поэтомъ. Къ тому-же , во время Лекена , еще столь блестящее гениемъ тогдашнихъ писателей и философовъ , всѣ подражательныя искусства подверглись направленію ложному и изысканному , а Лекенъ , можетъ быть , чувствовалъ , что онъ былъ довольно богатъ всеми совершенствами и могъ сдѣлать легкую жертву дурному вкусу своего времени ; впрочемъ , произношеніе его , сначала медленное и развѣренное , поспешенно оживлялось , и вошедши въ высшую область спрасшей , Лекенъ уже удивлялъ высокостью своей игры. Не смотря на величайшее распространеніе дурнаго вкуса въ искусствахъ , среди общества того времени и въ числѣ друзей Вольпера , было много людей , одаренныхъ поэтическими...

кусокъ: ихъ софиты были чрезвычайно юлезны Лекену; самъ Вольтеръ, хотя былъ очень дурной актеръ, даже разыгрывал свои сочиненія, но имѣлъ ученія наивренія, сообщалъ ихъ Лекену и Лекенъ искусно приводилъ ихъ въ исполненіе. Во время одного путешествія въ Ферней, о которомъ можно найти извѣстіе въ письмахъ Лекена, Вольтеръ заставилъ его совершенно переменить образъ игры въ роль Чингисъ-хана. По возвращеніи въ Парижъ, Лекенъ явился на сценѣ въ этой роли. Публика, сначала изумленная переменою игры его, долго оставалась въ нерѣшимости: порицать или хвалить? Думали, что актеръ не въ расположеніи: въ игрѣ его исчезъ шумъ и всѣ ремесленные пособія, прежде доставлявшія ему столько рукоплесканій за сію роль. Когда опустился занавѣсъ, тогда только публика, неподвижная вовсе продолженіе пьесы, дѣйствительно почувствовала, что Лекенъ разсудительно замѣнилъ напрасные крики, напрасную надутость и простонародныя средства, звуками простыми, благородными, ужасными, страшными: это былъ точно, какъ сказалъ Вольтеръ, левъ, ласкающій свою львицу вонзая въ нее когти. Мгновенно, и какъ-бы электрическимъ движеніемъ, составилось мнѣніе: оно было изъявлено продолжительными и многочисленными рукоплесканіями. Лекенъ слышалъ это доказательство общественнаго одо-

брежя, встодя въ свою ложу; облокотясь на перила лѣстницы, онъ сказалъ театральному прислужнику, который стоялъ внизу: «Ружо! что это намъ слышно?» — Э, Г-нъ Лекенъ! ошлѣчалъ. Ружо, это вамъ рукоплещущъ: наконецъ они васъ узнали. —

Опытъ показалъ ему, что всѣ вздорныя соображенія посредственности, всѣ противоположности звуковъ, всѣ крики, могутъ доставить много рукоплесканій и *бравъ*, но вовсе не дадутъ славы. Въ то время, когда охотники кричатъ воображая, что душа ихъ взволнована; хотя у нихъ спрадаютъ только уши, когда они рукоплещутъ до послѣдней возможности, въ это время есть нѣкоторое число артистовъ, знаменитыхъ, просвѣщенныхъ людей, чувствительныхъ только къ истинному и сообразному съ природою: эти люди мало производятъ шуму, но они утверждаютъ славу. Лекенъ освободилъ себя отъ любви къ рукоплесканіямъ, которая мучитъ большее число актеровъ и часто вводитъ ихъ въ заблужденіе: онъ желалъ нравиться только здравомыслящей части публики. Отбросивъ все шарлатанство ремесла, онъ, для произведенія истиннаго дѣйствія, не заботился, какъ произвѣсти дѣйствіе: потому-то, можешь быть, ему рукоплескали меньше всѣхъ актеровъ того времени, особенно

когда онъ приближался къ концу своего поприща; но ему больше всѣхъ удивлялись, и онъ сдѣлалъ прагедію болѣе общенной, не лишивъ ее величественныхъ ея размѣровъ. Онъ умѣлъ соблюдать благоразумную умѣренность въ жесткахъ и движеніяхъ своихъ, и смотрѣлъ на эту часть искусства, какъ на существенную принадлежность, ибо жесты также языкъ; умноженіе ихъ лишаетъ благородства вида. Когда другіе актеры были только театральные герои, въ немъ благородство казалось не произведеніемъ усміа, но простымъ дѣйствіемъ привычки; онъ не старался казаться величественнымъ, не усиливалъ голоса, когда надобно было повелѣвать или отдавать приказъ. Онъ зналъ, что человѣку могущественному не нужно усиливаться, дабы заставить себя повиноваться, и что въ немъ достоинствъ, въ какомъ онъ находится, во всѣхъ словахъ его есть весь, во всѣхъ движеніяхъ власть.

Декань показывалъ величайшій умъ и рѣдкое, истинное искусство въ различныхъ движеніяхъ своего произнесенія, умѣя дѣлать его быстрымъ или медленнымъ, сообразясь съ положеніемъ лица и часто онъ прерывалъ свою рѣчь искусственнымъ молчаніемъ.

Дѣйствительно, есть извѣстные обществѣ, гдѣ необходимо обращаться, прежде нежели вѣрнѣе слову что,

что испытываетъ душа или разсматриваетъ умъ. Поэтому - то въ сихъ случаяхъ актеръ долженъ, не начиная еще говорить, быть по виду въ размышленіи; показывать, что въ продолженіе сихъ остановокъ онъ обдумываетъ то, что хочетъ сказать; но, должно также, чтобы въ это время физиогномія его замѣняла слова; чтобы положеніе тѣла его, черты лица, означали, что въ сіи минуты размышленія душа его сильно занята; безъ этого, промежутки въ произнесеніи будутъ только холодными распановками и ихъ скорѣе припишутъ развлеченію памяти, нежели дѣйствию мысли.

Также бывають положенія, когда человекъ, жестоко волнуемый, такъ много чувствуетъ, что не можетъ ждать медленнаго соединенія словъ; чувство, снѣсняющее его, прежде нежели будетъ выражено голосомъ; внезапно вырывается въ нѣмыхъ дѣйствіяхъ. Тогда жесты, положенія тѣла, взгляды должны предшествовать словамъ, какъ блескъ молніи предшествуетъ удару грома. Это средство удивительно усиливаетъ выраженіе, обнаруживая душу столь глубоко проникнутую, что нетерпѣливо желая выразиться, она избираетъ для этого самые скорые знаки.

Вотъ что составляетъ собственно такъ называемую нѣмую игру: это одна изъ существеннѣйшихъ частей театраль-

наго искусства ; ее очень трудно изучить , трудно овладѣть ею и привести въ правила ; но ею даетъ актеръ своему произнесенію видъ естественности и истины , скрывая всю наружность изученій и повторительнаго упражненія.

Но есть еще другія положенія , гдѣ лицо , увлекаемое силою чувства , вдругъ находить всѣ нужныя ему выраженія. Слова являются на устахъ его спольже быспро , какъ мысли въ душѣ : они рождаются въ одно время и слѣдуютъ одни за другими непрерывно ; тогда произнесеніе актера должно быть скоро , быстро , одного приѣма. Онъ долженъ скрыть отъ публики даже усилія дыханія слишкомъ сильнаго и продолжительнаго , ибо припишь въ себя воздухъ значить нѣкопорымъ образомъ опдыхъ , оспановку , а это , въ самомъ малѣйшемъ своемъ явленіи , замедляетъ жаръ движенія и необходимо уничтожаетъ его дѣйствіе , потому что , какъ бы заставляешь участвовать душу въ этомъ опдохновеніи , успокоеніи (*). На-

(*) Для выполненія того , чего я здѣсь требую и особенно для избѣжанія ошъ этого сильнаго грудью , ашихъ несстерпимыхъ хрипѣній , какія слышимъ у многихъ актеровъ на сценѣ , есть вѣрное средство , кошорому научилъ меня онытъ ; вотъ оно : актеръ долженъ вбирать въ себя воздухъ , прежде нежели у него прервется дыханіе и прежде нежели необходимость и усталость заставитъ его вдругъ вдохнуть

добно еще прибавить, что сирасья идетъ не какъ Граммашива: она не останавливается всегда тамъ, гдѣ-бы хотѣлось сей последней; обыкновенно она мало укажаетъ почками и запятыми и переходить ихъ или переищщаетъ по волѣ своего безпорядка и своимъ влеченій.

въ себя много воздуха. Слѣдовательно, онъ долженъ вбирать воздухъ понемногу, часто, и особенно, прежде нежели необходимость принудитъ его къ вшону. Для того довольно легчайшихъ дыханій, если они часты; но въ семъ случаѣ надобно большое искусство, чтобы они не были замѣны; безъ этого, онъ частаго прерыванія смиховъ, чшение актера будешь невѣрно, нескладно и затруднительно; это средство можно всего легче сдѣлать незамѣтнымъ передъ гласными и особенно передъ *l'a* и *l'e*. Желая, чтобы меня лучше поняли, я привожу примѣръ и отмѣчаю черточкою мѣста, гдѣ-бы я переводилъ дыханіе, если-бы мнѣ надобно было читать слѣдующій отрывокъ:

Lusignan, — le dernier de cette auguste race,
 Dans ces momens affreux ranimant notre audace, —
 Au milieu des débris des temples renversés,
 Des vainqueurs, des vaincus — et des morts entassés, —
 Terrible, — et d'une main reprenant cette épée,
 Dans le sang infidèle — à tout moment trempée, —
 Et de l'autre — à nos yeux montrant avec fierté
 De notre sainte loi — le signe redouté, —
 Criant à haute voix: — Français, soyez fidèles! —
 Sans doute en ce moment, le couvrant de ses ailes.
 La vertu du Très-Haut, — qui nous sauve aujourd'hui,
 Appuyait sa route, — et marchait devant lui.

За несколько лѣтъ передъ смерщю, Лерельъ былъ постигнутъ сильною и продолжительною болѣзнию: она-то раскрыла талантъ его во всей зрѣлости совершенства. Это покажется страннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо. Бываютъ жестокіе, рѣшительные переломы и разстройства въ животной экономіи; они возвышаютъ силу нервной системы и даютъ воображенію непостижимую дѣятельность: тогда тѣло въ спраданіи, умъ въ яснovidѣніи. Иногда больные удивляются живостію своихъ идей, иногда память ихъ приходитъ въ новую дѣятельность, оживляетъ для нихъ событія и обстоя-

Изъ этого примѣра видно, что я употребляю сіи легкія дыханія, гдѣ только можно, передъ гласными; сіи дыханія посланы также передъ выраженіями, требующими силы, каковы, напримѣръ, слово: *terrible* и два полуслѣшія:

Criant à haute voix: — Français, soyez fidèles!

Но, повторяю, надобно очень осерегаться, чтобы ни ухо, ни даже глазъ зрѣла не подозрѣвали, что вы переводите дыханіе. Объявляю также, что надобно большую привычку и упражненіе, дабы познакомишься съ симъ механическимъ дѣйствіемъ. Этимъ средствомъ, приведенные мною въ примѣръ двѣнадцать стиховъ, могутъ быть сказаны какъ-бы однимъ духомъ, со всею быстротою и жаромъ, какихъ она требуютъ. Впрочемъ, чаще или рѣже надобно употреблять сіи дыханія, это зависить отъ большей или меньшей силы каждаго человека. Иному актеру совсѣмъ не нужно употреблять ихъ такъ часто.

тельства, совершенно забытыя; иногда въ нихъ являлся родъ какого-то предвѣднiя, и пошому Шенъ, можетъ быть, справедливо сказалъ :

Le ciel donne aux mourans des accens prophétique.

Послѣ сего состоянiя, въ нервной системѣ всегда оспааетса нѣчто изъ этой чрезмѣрной чувствительности. Ощущенiя спавшiяся легче и глубже; всѣ чувствованiя наши получаютъ высшую степень нѣжности. Сiи пошрясенiя, кажется, очищаютъ и обновляютъ наше бытiе: это испыталъ Лекенъ послѣ своей болѣзни. Ему было полезно даже продолжительное бездѣйствiе во время выздоровленiя. Самое спокойствiе его было прудъ, ибо генiй не всегда пребуесть упражненiя; онъ, какъ золото въ нѣдрахъ земли, образуется и совершенствуесть безъ шума и движенiя.

Послѣ долгаго отсутствiя Лекенъ явился на сценѣ. Какъ удивилась публика, гошовившаяся бытъ снисходительною къ человеку, ослабленному спраданiемъ, увидѣвъ его въ блескѣ совершенства и новой красѣ. Онъ какъ-бы облекся существомъ болѣе прежняго совершеннымъ и болѣе чистымъ. Здѣсь-то умъ его отвергъ все чего не можетъ одобритъ разсудокъ. У него исчезли крикъ, напряженiя легкихъ, ходячiя горести и протонародныя слезы, уменьшающiя и унижающiя дѣйствующее лицо. Въ голосъ его, прерывистомъ

и звучномъ, явились, не могу объяснить, какіе-то звуки, какое-то дрожаніе, опыывавшіяся въ душѣ каждаго; слезы, которыми онъ смягчалъ свой голосъ, были героическія и проникающія (*). Игра его, полная, глубокая, патетическая, ужасная, очищенная отъ всѣхъ шумящихъ средствъ дѣйствовать, неослабляющихъ по себѣ воспоминанія, преслѣдовала даже во снѣ гнѣхъ, кто его слушалъ.

Въ эпоху послѣднее время своей жизни, лучше узнавъ страсти людей, и можетъ быть увидѣвъ вблизи великія горести, онъ умѣлъ лучше живописать ихъ, и если для выраженія душевныхъ мученій горестныя и меланхолическія звуки часто вырывались изъ груди его среди рыданій и слезъ, часто также, при послѣдней степени страданія нравственнаго, измѣнившійся голосъ его издавалъ звуки задушаемые, тяжкіе, спрашные, худо образованные; въ глазахъ его, какъ бы помѣшанныхъ, не было слезъ: онъ, казалось, всѣ пали на его сердце. Удивительное искусство, заимствованное изъ самой природы! Оно гораздо болѣе волнуешь

(*) Тальма, написавшій сію сцашью вообще смѣлымъ и даже небрежнымъ слогомъ, употребилъ здѣсь шакое выраженіе, котораго а не смѣлъ перевести вѣрно; вотъ оно: *les larmes dont il la trempait étoient héroïques et pénétrantes* (слезы, которыми онъ смягчалъ голосъ, были героическія и проникающія), *Перев.*

душу нежелью самыхъ слезъ, ибо въ действительной жизни, вопль состраданія плачущему отъ горести, мы по крайней мѣрѣ чувствуемъ что онъ облегчаетъ себя слезами; но жалость наша неизмѣримо сильнѣе, при видѣ несчастливца, у котораго, въ испущеніи мрачнаго и глубокаго отчаянія, нѣтъ голоса для выраженія своихъ страданій и нѣтъ слезъ для облегченія ихъ! Такимъ образомъ, аксіома Горація, цвѣтущая Буало:

Pour m'attacher des pleurs, il faut que vous pleuriez;
не всегда вполне справедлива.

Страсти Лекена были чрезвычайны. Онъ любилъ съ бѣшенствомъ (*); ненавидѣлъ, какъ сказываютъ, также, и поплѣ всегда будешь дурнымъ актеромъ, чья душа неспособна чувствовать страстей чрезвычайныхъ. Въ выраженіи ихъ есть столько оптимизмовъ, что актеръ можетъ понять, выразить оныя, единственно самъ испытавъ ихъ. Тогда, богатый наблюденіями, сдѣланными надъ собственною своею природою, онъ самъ себя служитъ образцомъ и примѣромъ. Онъ вопрошаетъ самого себя о впечатлѣніяхъ, испытан-

(*) Въ послѣднее время жизни своей онъ страстно любилъ въ госпожу Бенуа и долженъ былъ жениться на ней. Играя въ театрѣ, онъ всакій разъ помещалъ ее за первую кулисою и обращалъ къ ней всѣ выраженія нежности и любви, какія принадлежатъ актрисѣ, бывшей съ нимъ на сценѣ.

ныхъ его душою, о выраженіи, оппечатавшемся въ чертахъ лица его, о звукахъ, какими волновался голосъ его въ различныхъ припадкахъ страстей; онъ размышляетъ о сихъ воспоминаніяхъ и всѣмъ дѣйствительности заставляеть переходить въ вымышленныя страсти, какія долженъ живописатьъ.

Осмѣлюсь-ли сказать, что самъ я, при одномъ случаѣ моей жизни, испыталъ глубочайшее огорченіе, но страсть къ театру была во мнѣ такъ велика, что обремененный дѣйствительною горестью, проливая слезы, я невольно сдѣлалъ быстрое и бѣглое замѣчаніе объ измѣненіи моего голоса и какомъ-то спазмодическомъ дрожаніи, производимомъ имъ во время слезъ. Не безъ нѣкотораго стыда признаюсь, я машинально думалъ, какъ воспользоваться этимъ при случаѣ, и въ самомъ дѣлѣ, этою попыткою надъ самимъ собою часто былъ мнѣ очень полезенъ (*).

(*) Замѣчу при семъ случаѣ, что слезы почти всегда заставляють голосъ вередши къ самымъ высокимъ тонамъ его; но въ сихъ рѣзкихъ тонахъ онъ не только не унаслащенъ, но часто сухъ, обмороженъ и не прогашеленъ. Слѣдственно, въ горесимъ надобно, сколько возможно, улощреблять голосъ средней: только при этомъ тонѣ слезы благородны, прогашельны, проникательны и голосъ легко находить тѣ патетическіе звуки, тѣ раздрающіе и горестныя тоны, которые пробуждаютъ всю чувствительность души и заставляють зрителя плакать съ вами.

Непріятности, огорченія, горестныя воспоминанія, которыя актеръ можетъ примѣнять къ представляемому имъ лицу, усиливая его чувствительность, также приводятъ его въ эпо необходимое для развитія нравственныхъ способностей состояніе волненія. Я совсѣмъ не желаю, чтобы идущіе по сему поприщу имѣли случай часто испытывать подобныя средства. Но актеръ имѣеть однакожь преимущество извлекать даже изъ своихъ горестей существенную выгоду и изъ нихъ почерпаетъ средства усовершенствованія.

Сльдственно, Лскенъ въ самыхъ страстяхъ своихъ находилъ пищу своему таланту. Для характеровъ ненавистныхъ и спрасней порочныхъ онъ не имѣлъ никакого основанія въ душѣ своей, потому, что былъ человекъ благороднѣйшій, но умѣлъ живописать ихъ по аналогіи. Дѣйствительно, между страстями безпорядочными, унижающими природу человеческую, въ которыя сближаются опдѣльными частями своими съ возвышающими ее и возвеличивающими спрасями, живыми и чистыми. Такъ чувство благороднаго соревнованія даетъ намъ знать, что испытывать можетъ зависть, справедливое негодованіе за оскорбленія, показываетъ намъ издалека изступленіе ненависти и мщенія. Осторожность и благоразуміе объясняютъ намъ скрытность. Желанія, мученія, безпокойная ревность любви, дають поманіе

О всѣхъ ея неистовствахъ и посвящающихъ насъ въ тайны всѣхъ ея преступлений. Сіи соображенія, сіи сближенія суть слѣдствія незамѣтнаго, быстраго труда чувствительности и ума, въ тайнѣ совершающагося въ актерѣ и поэтѣ и открывающаго имъ, не смотря на неприкосновенность къ сему ихъ природы, черныя склонности и виновныя страсти порочныхъ и испорченныхъ душъ. Такъ Мильшонъ, человекъ строго-честный, съ душою столь полною Божественнаго чувства, сотворилъ лицо Сатаны; Корнель, самый простой и честный человекъ, создалъ Фоку и Феликса; Расинъ Нерона, Нарциса и Маевана; Вольперъ, съ ужасающею истиною, изобразилъ дѣйствія фанатизма, и Дюсисъ, столь простой по своимъ склонностямъ, жившій столь набожно, пламенною кистью написалъ въ Абюфарѣ всѣ увлекабельности преступной любви.

Здѣсь оканчиваю мои размышленія. Я набросалъ ихъ не въ большомъ порядкѣ и какъ они попадались мнѣ подъ перо. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи воздать благодарность памяти величайшаго изъ всѣхъ актеровъ, являвшихся на нашей сценѣ, и мимоходомъ распространить нѣкоторые идеи о Театральномъ Искусствѣ, бывшія слѣдствіемъ моею собственною опытности. Знаю, въ чемъ онѣ не полны. Жаль, что самъ Декенъ очень мало оставилъ намъ своихъ мыслей: о семъ предметѣ.

Ч. XVII. No 19. М

тъ. Никакъ не думаю, чѣобы я могъ дополнить то, чего онъ не сдѣлалъ; но если силы мои будутъ соопвѣтствовать моему желанію, если дѣятельныя занятія мои дадутъ мнѣ нѣсколько досуга, я желалъ-бы, въ тишинѣ и на покой, собрать въ послѣдствіи воспоминанія продолжительной опытности и, такимъ образомъ, трудомъ, можетъ быть полезнымъ для моихъ будущихъ послѣдователей, окончить поприще, украшенное нѣкоторыми успѣхами и вполне посвященное возвышенію прекраснаго нашего искусства: я такъ любилъ его!

II. КРИТИКА.

Критическое обозрѣніе Русской Литтературы, помѣщенное въ Revue Encyclopédique.

(Для всякаго просвѣщеннаго и любящаго свое отечество Россіянина пріятно видѣть, съ какою ревностію иностранцы начинаютъ заниматься приобрѣтеніемъ точныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ и стараются познакомиться съ нашею Литтературою. — Многіе иностранные журналы постоянно посвящаютъ сему предмету особенныя отдѣленія въ изданіяхъ своихъ. — Изъ числа таковыхъ *Revue Encyclopédique*, одно изъ лучшихъ періодическихъ изданій въ Европѣ, отличается болѣе прочихъ, въ общемъ смыслѣ, удовлетворительными свѣдѣніями, точными сужденіями и отсутствіемъ

предубѣжденій въ статьяхъ своихъ о Россіи, ибо считаетъ въ числѣ сотрудниковъ, людей, которымъ отечество и Литтература наша извѣсны по достовѣрнымъ источникамъ, а не по наслышкѣ, или изъ сочиненій наполненныхъ грубыми и невѣжественными ошибками и извѣстіями, чрезъ посредство коихъ единственно Европа долгое время знакомилась съ Россіею. Въ Ноябрьской и Декабрьской книжкахъ прошедшаго 1826 года, сего изданія, находишься разборъ Русской Антологіи Г-на Дюпре-де-С. Мора, писанный Г. Геро; хотя достоинство сей Антологіи въ отношеніи переводовъ Русскихъ стихотвореній, въ оной находящихся, давно уже опредѣлено, по крайней мѣрѣ у насъ, однакожь, такъ какъ этотъ разборъ содержитъ въ началѣ своемъ бѣглый взглядъ на Русскую Литтературу и общія изслѣдованія объ оной, имѣющія значительное достоинство для иностранцевъ, и кои также могутъ быть любовными и полезны для насъ, то я побудился сими причинами перевести эту часть разбора съ нѣкоторыми небольшими замѣчаніями и просить Издашеля Московскаго Телеграфа о помѣщеніи онаго въ своемъ Журналѣ.

Н. П—а.)

Имѣютъ-ли Рускіе Литтературу? вотъ вопросъ, дѣлаемый ежедневно людямъ, кои пибли случай быть въ сношеніяхъ съ симъ народомъ, столь юнымъ еще, но сдѣлавшимъ уже столько успѣховъ, по многимъ отношеніямъ, въ просвѣщеніи.

«Начало» какъ говоритъ Г-нъ Дюпре-де-Сень Моръ въ своемъ *Введеніи*, «подлинно можетъ счищаться»

ея только со времени Петра I. Прежде этой эпохи просвѣщеніе сосредоточивалось въ монастыряхъ; высшее Русское Духовенство отличилось въ отдаленныя времена, нѣкоторыми хорошими твореніями. Рускіе ссылаются на *Лѣтописи Монаха Нестора*, писанныя въ XI столѣтіи, кои должны быть почитаемы главнымъ основаніемъ Русской Исторіи. Сія Лѣтописи были продолжаемы до 1700. Есть также *Житія Святыхъ, Духовныя наставленія; Путешествіе Игумена Данила въ Палестину*; переводы *Священныхъ книгъ* на Славянскомъ языкѣ, писанныя ошцами Греческой Церкви; сказки и героическія Поэмы, въ томъ числѣ одна подъ заглавіемъ: *Повѣствованіе о походѣ Князя Игоря на Половцовъ* (Пѣнь о походѣ Игоря), которая относится къ XII столѣтію. Но, какъ (прибавляетъ Авторъ Русской Анпологии) нѣкоторые слабые лучи, проникающіе сквозь глубокую темноту и въ большихъ промежуткахъ, не могутъ разсѣять мрака невѣжества, такъ просвѣщеніе поздно являлся у народа, лишеннаго еще пѣхъ полезныхъ заведеній, кои суть, такъ сказать, маяки ума человѣческаго и служатъ точками соединенія для умственныхъ способностей и порывовъ воображенія.“

Прибавимъ однакожь къ сей картинѣ одно соображеніе, почерпнутое изъ славнаго сочиненія Русскаго Историка Карамзина (1). «Было время: говоритъ онъ (2) «когда Россія, рожденная, возвеличенная Еди-

(1) Смолр. въ послѣдней Юлвской книжкѣ, Томъ XXXI, стр. 242, *Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ Карамзина*, Г-на Толстаго. Прил. Сог.

(2) Смолр. Истор. Госуд. Росс. Томъ V, Глав. IV, стр. 366 и слѣд.

повластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя пошъ-же характеръ, шъ-же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой полипической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодною бытъ подѣ влияніемъ Греціи, единственной Державы, ниспроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго естъ безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ, и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торгѣвлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? ѳеатромъ помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства. . . . Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, испощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія. Нашествіе Башыево испровергло Россію. Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельные свѣдѣнія и науки болѣе и болѣе въ ней размножались. . . .“

Такимъ образомъ будучи замедлены въ своемъ ходѣ, Рускіе, по возстановленіи независимости, должныствовали сдѣлать успѣхъ тѣмъ быстрѣйшій, что они были избавлены отъ медленныхъ попытокъ, которыми геній другихъ народовъ былъ подвергнутъ: имъ стоило только заимствовать просвѣщеніе съ той степени, на которую оно достигло у содѣстственныхъ народовъ. И такъ можно смѣло сказать

что Литтература не имѣла младенческаго возраста въ Россіи; съ первыхъ шаговъ она явилась въ полной красотѣ и мужествѣ, и съверь дѣйствительно не имѣлъ, какъ говоритъ Г нъ де-С. Моръ, ни своихъ Трестановъ, ни своихъ Жоделлей. Едва считаютъ въ сей Литтературѣ одного Тредьяковскаго, Профессора весьма ученаго и воспитанника Роллена, который совершенно заблудился, избравъ поэтическое поприще, для коего природа вовсе его не опредѣлила (1).

Искусство книгопечатанія было введено въ Россію въ 1553 году, ш. е. спо лѣтъ послѣ изобрѣтенія онаго; одиннадцать лѣтъ прошли еще до появленія Апостола, первой книги на Славянскомъ языкѣ, изданной въ Москвѣ. Съ сего времени до 1813 года, считаютъ по показанію одной Русской Библіографіи (2) 13,249 твореній, напечатанныхъ въ Россіи на Славянскомъ и на Русскомъ языкахъ. Опытъ Исторіи Россійской Словесности, изданный Г-мъ Гречемъ и находящійся въ четвертомъ томѣ

(1) Тредьяковскій предпринялъ, между прочими поэтическими сочиненіями, переводъ шести-стопными стихами Фенелона Телемака, подъ заглавіемъ *Телемахиды*. Императрица Екатерина, на вечерахъ своихъ въ Эрмитажѣ, имѣяла въ наказаніе придворнымъ особамъ прочесть наизусть отрывокъ изъ сей странной Поэмы; и тѣ, кои съ удовольствіемъ воспоминають шеперь эти вечера, увѣряють, что сіе наказаніе было самое тяжелое, какому только могли ихъ подвергнуть. Эзотъ же самый Литтераторъ, лишь только окончилъ переводъ въ 26-ти Томахъ Древней и Римской Исторіи Роллена, какъ пожаръ истребилъ рукопись. Но онъ не потерялъ бодрости, принялся за работу съ новою ревностію и сдѣлалъ второй переводъ, который и былъ изданъ въ С. Петербургѣ (въ годахъ 1749—1762 и 1761—1767). *Прим. С.*

(2) *Опытъ Россійской Вибліографіи Василія Сопикова. С. Петербургъ, 1814—1821. Пяты Том. in 8. Прим. Сог.*

сочиненія, о которомъ мы недавно объявляли (1), содержитъ извѣстія вмѣстѣ біографическія и бібліографическія, о четырехъ снахъ или около того Русскихъ сочинителей; изъ сего числа можно наименовать до шестидесяти дѣйствительно оплотившихся. Древнѣйшій изъ лѣтописцовъ Русскихъ, Несторъ, славился уже въ XI столѣтіи; онъ имѣлъ достойнаго послѣдователя въ Патріархъ Никонъ, жившемъ около папы сохъ лѣтъ послѣ него. Въ царствованіе Петра I го учрежденіе многихъ общественныхъ школъ и основаніе Академіи наукъ, въ которую онъ призвалъ многихъ иностранныхъ ученыхъ, придали просвѣщенію сильный полетъ и приготавили чудеса послѣдующихъ царствованій. Къ этой эпохѣ, или второй половины XVII столѣтія, до второй половины XVIII, относятся труды Князей *Кантемира* и *Хилкова* и Статскаго Совѣтника *Татищева*, перваго въ *Сатирической поэзіи*, двухъ другихъ въ *Исторіи*.

Но въ царствованіе Екатерины II науки на Сѣверѣ блистали самымъ яркимъ свѣтомъ. Тридцать лѣтъ сего царствованія должны быть почитаемы великимъ литературнымъ вѣкомъ Россіи; они суть относительно сей страны то, чѣмъ былъ относительно Франціи вѣкъ Людовика XIV. Сама Императрица подала примѣръ своимъ подданнымъ: она попеременно являлась мудрымъ законодателемъ,

(1) Это сочиненіе въ 4-хъ томахъ, изъ коихъ мы объявляли только о послѣднемъ, изданномъ особо, подъ заглавіемъ: *Опытъ краткой Исторіи Россійской Словесности*, составленъ полный курсъ Ришорики, Спихосложенія и Словесности Россійской, съ собраніемъ отрывковъ изъ лучшихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, дѣлающихъ честь вкусу и учености Автора. *Прим. Сог.*

великимъ полководцомъ, искуснымъ дипломатомъ; Философія и Словесность скоро включили ее въ число своихъ дражайшихъ послѣдователей — Пётръ 1-й, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Историкъ, на коего мы ссылались въ началѣ сей статьи, желалъ возвысить насъ на степень просвѣденія; Екатерина видѣла въ насъ людей уже просвѣщенныхъ и обращеніе ея съ народомъ своимъ было слѣдствіемъ сего благороднаго мнѣнія, которое она возымѣла о немъ. Къ именамъ *Ломоносова*, почитаемаго основателемъ Русской Литтературы, лирическихъ поэтовъ *Петрова* и *Поповскаго* (1), трагическаго поэта *Сумарокова*, эническаго поэта *Хераскова*, прославившихся уже въ царствованіе Елисаветы, присоединились въ шеченіе сихъ знаменитыхъ придцати лѣтъ имена: прелестнаго *Богдановича*, баснописца *Хемницера*, двухъ комиковъ, *Фонъ-Визика* и *Княжнина* (2), трехъ лирическихъ поэтовъ, *Державина*, *Капниста* и *Петрова*, изъ коихъ первый почитается вмѣстѣ Русскимъ Пиндаромъ, Гораціемъ и Анакреономъ, двухъ историковъ *Щербатова* и *Болтина* и многихъ другихъ почтенныхъ писателей, исчисленіе которыхъ конечно показалось-бы слишкомъ длиннымъ читателю лишенному подробностей, кои единственно могли бы сдѣлать оное занимательнымъ для Французовъ.

(1) *Поповскій* врядъ ли можетъ назваться лирическимъ поэтомъ, ибо онъ извѣстенъ переводомъ Дидактической Поэмы: *Опытъ о геловдкѣ*, Понпе, и первый послѣ Ломоносова писалъ довольно чистою прозою. *Прим. Перев.*

(2) *Княжнинъ* равно извѣстенъ и какъ трагическій, и какъ комическій писатель. *Прим. Перев.*

Если мы прибавимъ еще къ сему списку имена вѣдѣйшихъ писателей, дѣлающихъ особенную честь Россіи, и между коими оплчаются Г-да *Дмитріевъ*, *Карамзинъ*, *Крыловъ*, *Жуковский*, *Батюшковъ*, *Катенинъ*, *Гнѣдигъ*, *Морзляковъ*, *Измайловъ*, *Вейковъ*, оба *Пушкины*, Князь *Шихмазовъ*, *Шаховской* и *Вяземскій*, *Неклинскій-Мещкій*, *Шишковъ*, *Олинъ*, *Долгорукой*, *Озеровъ* *Милоновъ* (1), и особенно если-бы мы могли зложить ихъ права на общественное уваженіе и ризнашельность, по конечно не были-бы въ затрудненіи отвѣчать на вопросъ, коимъ начали нашу статью: *имѣютъ-ли Русскіе Литтературу?* Однакожь, отъ чего Литтература сія споль мало извѣстна другимъ народамъ Европы? Постараемъ

1) Съ нѣкотораго времени Россія потеряла сихъ трехъ послѣднихъ писателей. Князь *Долгорукой* оплчился въ посланіяхъ и саширѣ; *Милоновъ* приобрѣлъ величайшіе успѣхи въ семъ послѣднемъ родѣ и обѣщаль бытъ Русскимъ Ювеналомъ. Что же касается до *Озерова*, который умеръ, имѣя шолько 46 лѣтъ отъ роду, онъ превзошелъ уже всѣхъ трагическихъ поэтовъ своего народа. Полагають, что зависши можно часпій приписать смерть сего челоуѣка, одареннаго чувствительностію споль же тонкою, какъ нашъ безсмертный *Расинъ*. — Г-нъ де С-нъ При (*M. de Saint-Priest*), въ шомѣ посвященномъ Русскому шеашру и ооставляющемъ часть собранія Образцовыхъ драматическихъ произведеній (*Chefs-d'oeuvre dramatiques*), издавна Книгопродавцемъ *Ладвока*, предпринялъ познакомиться Францію съ двумя лучшими сочиненіями *Озерова*, *Фингаломъ* и *Димитріемъ Донскимъ*. — *Карамзинъ* жилъ еще, когда сія спашья была написана. *Прим. Сог.* — Каждый образованный Русскій читатель увидишь, что здѣсь современные наши писатели помѣщены просто безъ разбора и вовсе не по порядку ихъ относительныхъ достоинствъ. Достаточно шолько замѣнить, что *А. Пушкинъ* и *В. Л. Пушкинъ* совокуплены подъ общимъ шашломъ обоихъ *Пушкиныхъ*. *Прим. Перев.*

оя разсмотрѣть въ самыхъ источникахъ причинъ такого равнодушія, тѣмъ болѣе удивительнаго отношеніи къ народу, вступившему съ нами въ удѣлъ просвѣщенія, что мы вдали въ Литтературу другихъ народовъ Европы, кажется, до такой степени, что пренебрегаемъ изученіемъ собственныхъ классическихъ писателей.

Я уже сказалъ, что Рускіе, будучи удержаны въ стремленіи своемъ обстоятельствомъ самыми неблагоприятными для успѣховъ просвѣщенія, должны ствовали заимствовать знанія съ той почвы, на коей оныя достигли у сосѣдственныхъ народовъ, когда избавились наконецъ отъ продолжительнаго ига Татаръ. Но отъ сего обязательства, и отъ сей удобности имѣть Литтературу уже совершенно образованную, не могло-ли также произойти важнаго неудобства, и не должно-ли приписывать сему случаю недоспашокъ, коимъ можно вообще упрекать Русскихъ писателей, то есть, отсутствіе оригинальности, сего качества, которое единственно можете продлить существованіе Литтературы за предѣлы той эпохи, въ которую она оказывала свое вліяніе? Я готовлюсь уже къ возстанію противъ меня народнаго самолюбія для опроверженія сего предположенія, которое Рускіе почтутъ обиднымъ и за которое могутъ меня обвинить въ предубѣжденіи. И такъ я заставляю говорить одного изъ ихъ соотечественниковъ: они конечно не опстраняютъ свидѣтельства челоука равно свѣдущаго въ обѣихъ Литтературахъ и долгое время занимавшаго въ Россіи значительную должность по части общественаго воспитанія. Слѣдующія строки суть извлеченіе изъ одного писъ-

къ Французу, десять лѣтъ жившему въ Россіи, который, съ того времени, посвящалъ часть своихъ досуговъ на изученіе языка и Словесности, доставлявшихъ ему часто истинное наслажденіе. Предпріятіе ваше, совокупивъ въ одну книгу различныя Русскія стихотворенія, переведенныя вами и шъ, кои вы намѣреваетесь передать на вашъ языкъ, конечно есть самый естественный способъ любить себя новую прозу на поприщѣ Литтературы, и составляющееся теперь совмѣстничество и достиженія одной цѣли, должно произвести соединеніе, могущее обратиться въ вашу пользу. Вы знаете, чтобы я указалъ вамъ на наши оригинальныя произведенія, дабы избѣгнуть неудобствъ, замѣненныхъ вами послѣ первыхъ опытовъ. Не скрою отъ васъ, что подобное обязательство превышало бы мои силы, и я полагаю даже, что тотъ, кто возметъ за это, наложитъ на себя многолѣтній трудъ, бо оный требуетъ знанія всѣхъ языковъ Европы, равно и различныхъ Литтературъ, на кои мы налагали сборъ. Рускіе не ограничивались переводами, подражаніями и копіями съ Французскихъ писателей: они заимствовали у всѣхъ народовъ Европы и даже въ Востока въ пренебреженіи (1). Если

1) Что Рускіе подражали, переводили, списывали Французскихъ писателей, это совершенно справедливо; но не думаю, чтобы трудъ показавъ собственно намъ принадлежащее въ нашей Литтературѣ, требовалъ знанія всѣхъ языковъ и Словесностей Европы. Къ сожалѣнію, мы ограничивались лавшою на полѣ одной Французской Поэзіи и сборы наши съ другихъ Литтературъ мало насъ обогатили. Съ Нѣмецкими писателями насъ нѣсколько познакомили Жуковский; съ Англичанами оцѣ же, и то весьма немного; о древнихъ мы почти и не думали, не говоря уже объ Италійской, Испанской и проч. Литтературахъ Европы, и если

бы надлежало показашь, что принадлежить имъ собственнo, то подобное дѣло было-бы весьма продолжительно, трудно и утомительно. Я опасася даже, чтобы заключеніе не было предосудительно для нашей славы. По моему мнѣнію, за исключеніемъ некоторыхъ стихотвореній *Ломоносова*, большаго числа стихотвореній *Державина*, многихъ *Басень Ламинцера* и *Крылова*, Русская Литтература представляетъ нитого достойнаго testi per se; и если мы владѣемъ другими отличными произведеніями, то не по достоинству изобрѣтенія имъ принадлежатъ одобренія знающихъ судей, но по выраженію, по новости оборотовъ и по искусному употребленію различныхъ формъ нашего языка (1)

есть у насъ переводы образцовыхъ твореній сихъ народовъ, то они сдѣланы съ Французскаго, писаны слогомъ употребленнымъ и ни къмъ не читаются. Къ изученію Восточныхъ языковъ мы обратились весьма недавно, и оно не имѣло еще ощутительнаго вліянія на нашу Словесность: Восточныя еще болѣе Запада оставляли въ пренебреженіи, Если мы не ставлены событіями въ такое положеніе, что должны заимствовать знанія и просвѣщеніе съ той степени, которой оныя достигли у сосѣдственныхъ народовъ, намъ надлежитъ обогатиться всѣми свѣдѣніями, опытами и роскошью просвѣщенія Запада; сродниться съ произведеніями пламеннаго воображенія восточныхъ народовъ, имѣвшихъ столько вліянія на судьбу нашего Государства; почерпнуть вдохновеніе въ Лѣтописяхъ народа, въ подвигахъ, событіяхъ и нравахъ многочисленныхъ племенъ Русскаго Царства, и излагая мысли и чувствованія языкомъ мощнымъ и свѣжимъ, облекать наши творенія въ формы образованной Словесности. Такимъ образомъ Литтература наша можетъ содѣлаться оригинальною, Европейскою и приобрести права жить въ свѣтахъ. *Прим. Пер.*

(2) Можно прибавить еще къ симъ четыремъ оригинальнымъ писателямъ, о коихъ говоритъ нашъ Русскій корреспондентъ, *Хераскова*, Сочинителя двухъ Эпическихъ Поэмъ; *Россида* для покоренія Казани, коей весьма хоро-

очемъ, не въ этомъ-ли состоятъ главное достоинство Лафонтена, Расина, Буало и Делиля? Наши писатели подверглись упреку за то, что почерпали изъ ихъ источниковъ съ сими великими геніями, что старались сблизиться съ первобытными образцами, подражали подражателемъ древнихъ. Когда обкрадешь славнаго писателя, говоришь Вольперъ,

й разборъ, писанный однимъ Французомъ, Г-мъ *Вазеномъ*, вѣрааль - Маіоромъ въ Русской службѣ, находится въ шологіи Г-на Дюпре-де-Сень Мора, и *Владиміръ*, или христіанство введенное въ Россію, и Исторической Поэмѣ *заженіе при Чесмѣ*; *Боброва*, Автора Описательной Поэмы и *Таврида*; Трагическихъ Поэмъ, *Сумарокова*, *Княжнина*, *Озерова*, *Крюковскаго* и *Комика Фонъ-Визина*, коимъ обязаны трагедіями: *Хоревъ*, *Синавъ* и *Труворъ*, *Александрій*; *Рославъ*, *Владиславъ*, *Смерть Олега*, *Димитрій онской*; *Пожарскій*, *Елизавета* (дочь Ярослава), и Комедіями: *Бригадиръ* и *Недоросль*, всѣ піэсы, какъ видно, содержаніе національное; наконецъ многихъ другихъ сочинителей, коихъ произведенія въ родѣ менѣе возвышенномъ, почерпнушы также изъ Русской Исторіи и нравовъ и обычаевъ ихъ народа. Разумѣется, что мы говоримъ здѣсь только о поэтахъ, ибо въ другихъ отрасляхъ словесности, коими занимались Рускіе, вообще можно найти болѣе оригинальныхъ писателей. *Прим. Сог.*

Русскій корреспондентъ, наименовавъ Ломоносова, особенно-же Державина, Крылова и Хемницера, показалъ всѣ источники нашихъ оригинальныхъ произведеній и почти исполнилъ трудъ, для коего онъ требовалъ многихъ лѣтъ. Сочинитель, должно признаться, весьма ошибочно увеличилъ это число. Въ сочиненіяхъ Сумарокова, Княжнина и проч., даже Озерова, кромѣ Русскихъ именъ, ничего нѣтъ національнаго; и за исключеніемъ комедій *Фонъ-Визина*, въ семь спискѣ трагедій и поэмъ, болѣе всего оригинальнѣе находится, можешь быть въ *Херсонидѣ*, *Боброва*. — Упомянувъ о *Владиславѣ*, Княжнина, Авторъ вѣроятно разумѣлъ трагедію его *Владиславъ*; *Смерть Олега* также не находится въ сочиненіяхъ Озерова, и какъ говоряшь, испрѣлена имъ самимъ; *Елизавета*, Крюковскаго, издана послѣ смерти Автора и ни что иное, какъ подражаніе. *Прим. Пер.*

то надобно уже его убить; а мы вовсе не имѣемъ знаменитыхъ преступниковъ, могущихъ похвастаться подобными смертоубійствами. Я пойду далѣе и стану даже утверждать, что лучший переводъ оригинальныхъ произведеній нашего Тиртея (1) можетъ быть опасенъ для его знаменитости, и обнаживъ его отъ собственнаго колорита, предлагая, что замѣна вознаградитъ потерю, что надѣяться въ мысляхъ, ходѣ, планѣ, расположеніи и порядкѣ лучшихъ изъ его произведеній? Увидя только блуждающее воображеніе, много дурнаго вкуса, и въ итогѣ уродливости (2). Послѣ сего по

(1) Здѣсь говорится о Жуковскомъ, Сочинителѣ Поэмы изданной въ 1812мъ году, подъ заглавіемъ: *Пвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, за которую Императоръ Александръ пожаловалъ ему ежегодный пенсіонъ въ 4 т. руб. — *Прим. Соц.*

(2) Этого самый Поэтъ, коего соотечественники именуютъ *Романтическии*, подражалъ особенно Нѣмецкимъ писателямъ. Онъ поставилъ въ чести у Рускихъ *Баллады* давно уже оспавленную Французами, но которая считаешъ многочисленныхъ приверженцовъ въ Англіи и Германіи, гдѣ впрочемъ она не имѣетъ тѣхъ формъ, какъ у насъ. *Прим. Соц.*

Большая часть стихотвореній Жуковского сушь переводы или подражанія, и главное, собственное его достоинство состоятъ въ прелести языка и въ искусствѣ, съ коимъ онъ умѣлъ, такъ сказать, присвоить намъ разнообразныя шворенія знаменитыхъ Германскихъ и Англійскихъ поэтовъ и сроднить ихъ съ нашею Словесностію; конечно для сего надобно имѣть великій шалантъ, и Жуковский владѣетъ имъ неоспоримо, но обнаживъ его сочиненія отъ собственнаго ихъ колорита, все прочее не принадлежащее уже ему, а слѣдовательно и упрекъ за недосапки въ составѣ не можешь къ нему относиться. Въ небольшомъ числѣ собственныхъ произведеній Жуковского, на прим. въ *Севтландѣ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Пвецъ во станѣ воиновъ*, и другихъ находятся красоты оригинальныя и въ составѣ сихъ піесъ, основанныхъ на повѣрхьяхъ, предразсудкахъ и обычаяхъ народныхъ, вовсе нѣтъ уродливости. Способны ли онѣ къ переводу на иностранныя языки? Это вопросъ совсѣмъ посторонній. *Прим. Перев.*

дше сами, выиграешь ли онъ отъ перевода. У сь есть молодой Поэтъ *Александръ Пушкинъ*, который сдѣлался извѣстнымъ произведеніями, заключающими отпечатокъ великаго таланта и порывъ оригинальности; но стихотворенія его разсыпаны по разнымъ журналамъ и лучшія хранятся еще его портфѣйлѣ, хотя копія съ оныхъ быстро множатся и украдкою обращаются въ нашихъ ществахъ. Этотъ новый Протей, ибо онъ умѣетъ лежаться во всѣ образы, обѣщаетъ быть первостепеннымъ поэтомъ (1).“

Читатели останутся намъ благодарными мотъ бышь, за сіи общія изслѣдованія, коими мы чли обязанностію начать разборъ творенія, посвященнаго Авторомъ Литтературѣ, такъ сказать, все еще новой въ Европѣ, или по крайней мѣрѣ вѣстной только весьма немногимъ. Давно уже ѣщали мы имъ *Извѣстіе о Русской Литтературѣ*; важкія подробности, въ кои мы входили теперь, и ѣ, кои были помѣщены нами, годъ уже тому на- дь, въ статьѣ о подражаніяхъ Русскимъ Баснямъ

(1) Смолр. Rev. Encycl. Т. XXX, въ Іюньской книжкѣ, стр. 119 — 121, объявленіе о послѣдней Поэмѣ сего Сочинителя; *Бахчисарайскій Фонтанъ*, переведенной Французскими стихами Г-мъ Шопеномъ, и проч. — *Прим. Сог.*

А. Пушкинъ исполнял въ полной мѣрѣ обѣщаніе бышь первостепеннымъ Поэтомъ. Дѣль изданныхъ имъ поэмъ свидѣтельствуютъ о разнообразіи и силѣ его генія, рѣющаго безпресанно; но судя по напечатанному отрывку изъ его Трагедіи *Ворисъ Годуновъ* и по описывамъ обной свѣдущихъ людей, читавшихъ сіе произведение въ манускриптѣ, можно и теперь еще сказать, что лучшія его творенія, долженствующія упрочить его славу и званіе оригинальнаго Поэта, хранятся еще у него въ портфѣйлѣ. — *Прим. Пер.*

Крылова на Французскомъ и Итальянскомъ языкахъ, послужають имъ предварительными свѣдѣніями, а наипочкою начала для труда, ошъ коего мы не отказались, но который пребуесть продолжительнаго изученія, щательныхъ изысканій и болѣе распространенія, нежели мы можемъ сдѣсь дать оному (1).

(1) Сія статья, коею мы почли нужнымъ начать разборъ творенія Г-на Дюпре-де-Сень Мора, была давно уже написана и даже извѣстна въ Россіи, когда вышель *Этнографическій Атласъ Г-на Бальби*, въ коемъ съ пользою можно заимствоваться изъ *Взгляда на Русскую Литтературу*; доставленнаго Русскимъ писателемъ. Мы съ удовольствіемъ замѣтили, что встрѣнились съ нимъ во многихъ сужденіяхъ и твореніяхъ его соотечественниковъ. Онъ могъ войдши въ большія подробности нежели мы и наименовать нѣсколько писателей болѣе. Для дополненія нашей картины и дабы ошдать долгъ справедливости, мы, прибавимъ здѣсь имена *Востокова, Лобанова, Загоскина, Хмеляницкаго, Грибодова, Панаева, Катеноскаго, Глинку, Нарбжмаго, Малиновскаго, Калайдовита и Строева*, кои равно оказали хорошія услуги Словесности. — Многіе молодые писатели, между которыми замѣчаютъ *Варатимскаго*, готовящся идши по ихъ стопамъ. *Прим., Сов.*

Признаюсь, что я не имѣлъ въ рукахъ Атласа Г-на Бальби, но судя по шому, что сказано о немъ въ No XI Московскаго Телеграфа, я никому не совѣтовалъ-бы почерпашъ свѣдѣнія о Русской Литтературѣ изъ помѣщеннаго въ сей книгѣ *Взгляда* на оную, коша сей взглядъ и писанъ какимъ-то Русскимъ дворяниномъ и словесникомъ; особенно же надобно осперегаться прибавленія къ оному, оставленнаго Г-мъ Нейенкирхеномъ, гдѣ между прочимъ, лучшими Русскими Трагедіями показаны: *Марфа Посадница*, соч. Иванова, *Персей*, соч. Г-на Ростовцова и *Сафо*, соч. Г-на Сушкова, а главнѣйшимъ поэтомъ Г-нъ Филимоновъ! Изъ прибавленнаго въ семъ послѣднемъ замѣчаніи списка новѣйшихъ Русскихъ писателей можно полагасть, что оный заимствованъ изъ Атласа Г-на Бальби, ибо Сочинитель хотѣлъ говорить шолько объ однихъ Поэтахъ, а шуть находящся имена Гдѣ *Нарбжмаго, Катеноскаго, Калайдовита, Строева* и проч., кои конечно оказали важныя услуги нашей Литтературѣ, но первый писатель повѣсти, другіе занимались отечественною Ис-

перейдемъ теперь къ разбору творенія Г-на Дюпре
в С. - Мора.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская Литтература.

1826 года.

211. Государственная внѣшняя торговля
1825 года, въ разныхъ ея видахъ. СПб. 1826 г.
в 4, 68 стр.

1827 года.

107. Государственная внѣшняя торговля
1826 года, въ разныхъ ея видахъ. СПб. 1827 г.
въ шип. Департам. внѣшней торговли, in 4, 68
стр.

Мы упоминали о выходѣ сихъ важныхъ статисти-
ческихъ акшовъ, отъ Правительства обнародо-

ворію, Древностями и проч. и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ
стень какъ Поэтъ. Баратынскій-же стоить на ряду отлич-
нѣйшихъ нашихъ современныхъ Стихотворцовъ и давно уже
далеко опередилъ ихъ, по стопамъ коихъ заставляешь его
идти Французскій Писатель. Элегіи Баратынскаго, носящія
отпечатокъ истинной душевной грусти, могутъ стоять на
ряду съ Элегіями А. Пушкина, хотя имѣютъ различный съ
ними характеръ. Стихотворенія его вообще отличаются
глубокими чувствами и почнымъ выраженіемъ: его можно
назвать анатомикомъ души человѣческой. *Эда, Пирн, Че-
репъ, Истина, Посланіе къ Гибдигу* и другія произведенія се-
го Поэты даютъ ему право на весьма почетное мѣсто на
нашемъ Парнассѣ. О Грибоддовѣ я не говорю, ибо изъ коме-
дін его: *Горе отъ ума*, былъ напечатанъ одинъ только не-
большой отрывокъ, слѣдовательно, иностраннѣй Писатель
не могъ достойно о немъ судить. *Прим. Перев.*

Ч. XVII. No 19.

Н

важныхъ, за 1824 годъ (Тел. Т. IX, стр. 146). После того, точно въ такомъ-же порядкѣ, какъ и за 1824, выданы отъ Департамента вѣдѣній торговли извѣстія о вѣдѣній торговли нашей за 1825 и 1826 гг. — Извлекаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сихъ драгоценныхъ актовъ, соизвѣщая всѣмъ Статистикамъ нашимъ ближе заниматься опчешами за нашу торговлю, ибо въ нихъ найдутъ они повѣрку многимъ шесторіямъ.

Въ 1825 г. вывезено отъ насъ за границу, товарами и деньгами, всего на сумму 236,351,242 р. а., привезено къ намъ только на 195,095,250 руб., слѣдовательно: въ 1825 г. Россія *выиграла* 41 255,992 р. — Въ 1826 г. отпускъ простирался до 181,782,254 руб.; привозъ до 186,807,152 р., слѣдовательно: въ 1826 г. *перевѣсъ привоза* былъ 5,024,898 руб. — Но, «поскольку привозные товары прежде очищаются пошлиною, нежели обращаются въ продажу, а отпускные прежде бывающъ проданы, пошлина-же платится при объявленіи къ отправкѣ, то изъ сего слѣдуетъ, что для правильности баланса, къ цѣнѣ отпускныхъ товаровъ, надлежитъ приложить сумму поступившихъ съ нихъ пошлинъ, а изъ таковыхъ-же привозныхъ, сумму поступившихъ пошлинъ вычестъ.» — Посему выходитъ, что *перевѣсъ на нашу сторону* состоялъ въ 1825 г. 70,063,174 р., а въ 1826 г. 17,197,521 руб. — Въ 1824 г. Россія выиграла вѣдѣній торговлею 25,318,304 р., и того въ три года болѣе 112 милліоновъ рублей. Касательно 1825 года, мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: «что перевѣсъ торговли въ семь году дѣйствительно значительно склонился на нашу сторону, въ томъ легко удосто-

вѣрится сравненіемъ нынѣшняго судоходства съ прошлогоднимъ, количествомъ лошадей вышедшихъ за границу съ товарами, возвышеніемъ нашего курса, бывшаго въ продолженіе торговаго года, и тѣмъ, что монеты привезено болѣе нежели на $11\frac{1}{2}$ милліоновъ; чему досель, кромѣ 1822 года, мало было примѣровъ. — Впрочемъ въ составъ сего торговаго баланса естественно не входятъ ни обороты контрабанды, кошорой прекратить невозможно, ни разные платежи за границу посредствомъ вексельныхъ оборотовъ, какъ по надобностямъ Правительства, такъ и отъ множества проживающихъ за границею нашихъ единоземцевъ, ни таковыя-же платежи у насъ отъ иностранцевъ, ниже истинные платежи за наши и чужестранные товары, которые не могутъ быть съ показанными цѣнами одинаковы, ибо въ сихъ цѣнахъ включаются и купеческія прибыли; при чемъ и самыя показанія цѣнъ не всегда можно принимать за вѣрное. Съ другой стороны у насъ и золото, по значительному добыванію онаго, должно быть почитаемо товаромъ. Если-бы возможно было все сіе положить въ счетъ съ точностію, то безъ сомнѣнія балансъ нашъ много-бы уменьшился, какъ по правиламъ здраваго разсудка и быть надлежитъ, ибо по существу вещей нельзя быть столь непомерному перевѣсу попуска противъ привоза.» Касательно 1826 года, сдѣлано замѣчаніе слѣдующее: »Почти во всей Европѣ происходили по торговлѣ необыкновенныя замѣшательства, и въ семъ отношеніи надлежало опасаться весьма невыгодныхъ послѣдствій и для Россіи. Но при внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, несправедливо-бы было жалованъ-

вѣи на ходъ нашей торговли, ибо хотя перевѣсъ
 въ нашу пользу и не столь значителенъ, какъ былъ
 въ вѣкоторыя изъ прежнихъ годовъ; но судя по-
 обще, мы отъ общаго разстройства торговли по-
 терпѣли менѣе, нежели другіе народы. Отпускъ
 нашихъ товаровъ, хотя противъ оплчнаго 1825
 года значительно менѣе, однако по соображенію съ
 1824, еще довольно удовлетворителенъ, и къ осе-
 нн непроданныхъ товаровъ при портахъ не оста-
 влось. Къ тому за необыкновеннымъ приливомъ по-
 купщиковъ въ 1825 году, необходимо должно было
 послѣдовать чувствительному оныхъ уменьшенію.
 Привозъ-же напротивъ по соразмѣрности былъ до-
 вольно силенъ, по той причинѣ, что иностран-
 цы естественнымъ образомъ всячески старались
 сбыть своихъ произведеній сколько можно болѣе,
 и слѣдовательно обратились наипаче къ Россіи.
 За симъ, по соображенію того, что товаровъ об-
 работанныхъ и служащихъ къ удовлетворенію ро-
 скоши и временныхъ потребностей привезено въ
 1826 году менѣе, нежели въ 1825 г., а товаровъ
 служащихъ къ руководѣнію и фабрикамъ въ 1826
 болѣе, нежели въ 1825 г., выводится заключеніе,
 что разсматривая внѣшнюю нашу торговлю, по
 всимъ уваженіямъ не лзя не убѣдиться, что она
 въ внѣшнемъ ея положеніи истинную приноситъ
 государству пользу, и что, съ самаго соспоянія
 нынѣ дѣйствующаго тарифа перевѣсъ всегда кло-
 нился на нашу сторону.

Замѣчательнѣйшія событія по торговлѣ нашей,
 въ 1825 году, суть слѣдующія: Правительство
 наше не переставало пещись объ успленіи правиль-
 ной торговли и обезпеченіи оной отъ подрывовъ

копленную торговлю, равно и о доставленіи торгующему сословію возможныхъ удобствъ и облегченій. — Дозволено иностранцамъ имѣть хожденіе въ таможенныхъ по дѣлахъ, до торговыхъ операцій относящимся, отъ иностранныхъ гостей или заграничныхъ купцовъ, безъ записки въ соотвѣтственные съ вѣрителемъ разряды, представляя прикащика свидѣтельства I-го класса не по каждому дому, но вообще одно свидѣтельство. — За отправленные въ складочныя таможи и транзитомъ товары позволено принимать въ залогъ каменные строенія, въ уездныхъ городахъ и мѣстечкахъ состоящія. — Довроша опивозныхъ товаровъ въ С. Петербургѣ, главнымъ мѣстѣ нашего отпуски, обезпечена тѣмъ, что браковщики подчинены Департаменту внѣшней торговли. — Производство таможенныхъ обрядовъ и дѣлъ ускорено до такой степени, что корабли, приходившіе въ теченіе года къ С. Петербургскому порту съ товарами, чрезъ двой сушки по приходъ, начинали уже нагружаться нашими. — Уменьшены сборы съ судовъ Бѣломорскихъ промышленниковъ. — Срокъ на подачу объявленій на товары, привозимые къ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ безъ коносаментовъ, постановлено считать со дня передачи товаровъ изъ карантинныхъ въ таможи, а не съ прихода кораблей. — Увеличены сроки на перевозъ громоздкихъ товаровъ отъ Прута къ Днѣстру. — Постановлены правила для торговли Персіанъ и другихъ Азіятскихъ народовъ. — Нѣкоторыя Турецкія издѣлія, тарифомъ 1822 года запрещенныя, по древней привычкѣ къ онымъ Крымскихъ жишелей Магомешанскаго закона, разрѣшено привозить къ портамъ Феодосійскому и Керченскому.

му. — Уменьшена до копѣйками серебромъ съ пуда пошлина на иностранную соль, привозимую въ Остзейскія Губерніи и Нарву. — Съ Крымской соли пошлина при отпускѣ обавлена, съ 15 на 5 к. ассигнаціями съ пуда. — Бессарабскую соль разрѣшено, сверхъ Дубоссаръ и Могилева, привозить на малки Парканы и Одессу. — Въ Бессарабію разрѣшено деготь отпускать беспошлинно. — Для пользы торговли Новороссійскаго края сдѣлано уменьшеніе въ пошлинахъ съ кожъ и поташа, вывозимыхъ изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, и изъ Бессарабской области по Дунаю. — Равнымъ образомъ разрѣшено изъ Грузіи квасцы отпускать беспошлинно; но привозъ оныхъ, кромѣ Персидскихъ, къ таможеннымъ Астраханскаго округа запрещень. — Въ Баку разрѣшено привозить дерево и дрова безъ пошлинь. — Въ исходѣ года послѣдовала роспись, кою со многихъ отпускныхъ товаровъ еще сбавлена или и совсѣмъ сложена пошлина, а нѣкоторые изъ иностранныхъ вновь разрѣшены къ привозу и на Министерствѣ финансовъ возложено изготovitъ новое изданіе Европейскаго Тарифа, въ совокупности со всѣми послѣдовавшими послѣ перваго перемѣнами. — Въ печеніе сего года сдѣланы разныя распоряженія для вѣщаго прегражденія тайнаго провоза товаровъ. — На границѣ Пруссіи учреждена наблюдательная линія. Изобрѣтень и вводится новый способъ для клейменія товаровъ. — Постановлено, чтобы конвоевые листы, выдаваемые Польскими Камерами, предъявлялись въ Россійскія таможи. — Подтверждено, чтобы Евреи производили торговлю въ тѣхъ только 15 Губерніяхъ, въ коихъ было имъ сіе позволено въ 1804 году. — По составу таможеннаго вѣдомства

произошла следующія перемены: таможи Юрбургская и Полавигенская возведены въ первоклассныя, чрезъ что торговля тамъ значительно усилилась; учреждёнъ надзирательскій постъ въ Сумскомъ посадѣ и особый таможенный надзоръ въ Екатериноградѣ; уничтожены таможи: Виленская и Кіевская, заставы Кольская и Мезенская; Гродненская таможня переищена въ третій классъ. — Наконецъ, сдѣланы распоряженія для удобнѣйшей и лучшей складки и храненія, какъ привозныхъ, такъ и отпускныхъ товаровъ. — При С. Пешербургской биржѣ строилась пакгаузы, въ коихъ товары будутъ находиться въ совершенной безопасности отъ всякаго наводненія; достроивалась Кронштадтская Таможня; также построены для товаровъ вновь разныя зданія при таможахъ Архангельской, Желтковской, Таганрогской и Оренбургской.“ — Въ 1826 году, удостоились **ВЫСОЧАЙШАГО** утвержденія: 1) планъ торговаго общества въ Одессѣ, съ капиталомъ до 2,000,000 червонцовъ, имѣющаго цѣлю распространить отпускную нашу торговлю чрезъ Черноморскіе порты и торговыя связи Россіи съ иностранными державами, особенно внѣ Европы; 2) учрежденіе въ Одессѣ-же Морской Спиховой Конторы, для застрахованія судовъ и товаровъ, отправляемыхъ опшуда, какъ за границу, такъ и въ другіе Черноморскіе и Азовскіе порты. — Тамъ-же составилаь Компанія, подъ названіемъ Черноморской, для заведенія паровыхъ мѣльницъ и отпуска пшеничной муки за границу. — Вышло на Россійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ новое изданіе шарифа (о коемъ упомянуто въ 1825 году) и въ коемъ содержится, не только роспись пошлинъ съ привозныхъ и от-

пусковыхъ товаровъ , но сводъ всѣхъ постановленій ; какъ тарифныхъ , такъ и другихъ , касательно привоза и отпуска. — Для распространенія торговли нашей Кяхтинскими чаями за предѣлами Имперіи , установленъ возвратъ пошлинъ при отпускѣ оныхъ за границу. — Въ поощреніе конскихъ нашихъ заводовъ , дозволенъ выводъ лошадей , кромѣ жеребцовъ и жеребчиковъ , какъ изъ портовъ , такъ чрезъ всѣ таможи и заставы , находящіяся противъ границъ Австрійскихъ и Прусскихъ. — Установленъ транзитный прогонъ нашего скота въ Австрію и Пруссію , чрезъ Царство Польское. — Облегченъ отпускъ отъ Санктпешербургскаго порта за границу хлѣба вообще , и дозволено пшеницу и рожь въ зернѣ отправлять безъ особыхъ дозволеній главнаго мѣстнаго Начальства. — Разрѣшенъ безпошлинный привозъ въ Санктпетербургъ изъ Финляндіи сухопутно и моремъ чугуна. — Ревельской Таможнѣ дозволено принимать всѣ шѣ товары , кои допускающся въ Рижскую , кромѣ суконъ , полусуконъ и казмировъ , и на очистку оныхъ положенъ срокъ шестимѣсячный. Сей-же Таможнѣ присвоено и складочное право на шѣ товары , кои будутъ въ оную привозиться прямо изъ иностранныхъ земель моремъ. — Съ нѣкоторыхъ Россійскихъ произведеній при отпускѣ изъ Ревельскаго порта за море уменьшена пошлина. — Исправлено постановленіе о взиманіи просроченныхъ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ , остающихся въ распоряженіи таможенъ. — Разрѣшено повсемѣстно шкиперамъ имѣть вмѣстѣ двухъ анкерковъ водки столько-же вина , и въ томъ числѣ водки не болѣе двухъ. — Для усиленія торговли по сухопутной нашей Европейской границѣ ,

пошлина съ иностранной соли, привозимой чрезъ Толангенъ и Юрбургъ; понижена наравнѣ со взимаемою въ портахъ Балтійскаго моря. — Бессарабскую соль разрѣшено привозить моремъ въ Одессу, Овидіополь и Николаевъ. — Разрѣшено привозить Бессарабское виноградное вино, сверхъ Дубоссаръ и Могилева, чрезъ Овидіополь, Маяки и Парканы, при чемъ опредѣленъ срокъ на дѣйствіе выдаваемыхъ на оное свидѣтельство. — Какъ Россійскіе, такъ и Бессарабскіе повары, за исключеніемъ винограднаго вина, чрезъ Днѣпровскія таможи провозить дозволено всему Россійскому купечеству, безъ различія гильдій. — Впредь, до устройства Керченскаго карантинна, дозволенъ чрезъ Θεодосійскую таможду безпошлинный пропускъ произведеній Черкесіи и Абазіи. — Для оживленія мѣноваго торгова съ Малою Азією, уменьшена пошлина съ привозимыхъ въ Крымъ изъ Анаполіи издѣлій шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ. — Наконецъ, дабы Азіятскіе купцы, приѣзжающіе въ Россію, не терпѣли по торговлѣ затрудненій, постановлено, чтобы впредь начальники Бухарскихъ каравановъ допускаемы были въ качествѣ посредниковъ или ходатаевъ по дѣламъ торговли между Азіятскими купцами и таможеннымъ начальствомъ.»

Изъ вышесказаннаго, что въ 1826 г. въ привозѣ *менѣе* противъ 1825 г. было товаровъ *недающихъ* жизни промышленности, а *болѣе* подкрѣпляющихъ ея дѣятельность, можно замѣтить, что такія, «событія, свидѣтельствующія о поспешномъ преуспѣяніи нашихъ фабрикъ, по всей справедливости не лзя оицнестъ ни къ чему иному, *жакъ* къ дѣйствию нынѣшней нашей тарифной си-

«семы. Видѣть такое распространеніе промышлен-
 «ности пѣтъ пріятнѣе, что въ сырыхъ произведе-
 «віяхъ мы много имѣемъ нынѣ совѣспниковъ. Земле-
 «пашество прошивъ прежняго времени возведено
 «по всей Европѣ на великую степень совершенства;
 «ленъ и пенька стали оппускаться изъ Ишаліи; въ
 «Ирландіи для разведенія оныхъ учредилось Общество
 «съ большимъ капиталомъ; ленъ разрѣшено оппу-
 «скашь изъ Египта; кожи и лѣноной товаръ при-
 «возяшся въ Европу изъ Америки; металлы также
 «въ разныхъ земляхъ добываются, особливо въ желѣ-
 «зѣ соперничаютъ съ нами Шведы.» — «Здѣсь
 «приличнымъ почитается сказать, что собствен-
 «ное наше торговое судоходство начинается рас-
 «пространяться; что духъ предприимчивости
 «въ нашемъ купечествѣ возрастаетъ, и что
 «вѣроятности къ сбыту нашихъ произведеній
 «на будущее время представляются благопріят-
 «ныя. — Хотя не всѣ корабли, ходящіе подъ
 «Россійскимъ флагомъ, суть собственно-Россійскіе,
 «ибо многіе изъ нихъ принадлежатъ Финляндцамъ;
 «но и наше купечество начинается дѣятельно зани-
 «маться сею существенною вѣщью торговли. —
 «Между прочими, одного Архангельскаго купца, Ком-
 «мерціи Совѣтника Брандша, ходитъ нынѣ въ море
 «11 кораблей, величиною совокупно въ 2651½ дасъ.
 «Въ семь году ходилъ изъ С. Петербурга Россійскій
 «корабль въ Александрію съ нашими товарами, и
 «возвратился опшуда съ грузомъ Египетскихъ про-
 «изведеній. На собственныхъ своихъ корабляхъ по-
 «сылали разные наши товары купцы: Савинъ въ Лон-
 «донъ, а Сапожниковъ въ Ливорну; первый изъ нихъ
 «также отправлялъ прямо отъ себя юфть свою въ

Въну. Нѣкоторые изъ нашего купечества вошли въ сношенія съ Бразилією. — Въ Гамбургѣ примѣтно возвысилась цѣна на наши свѣчи, конопляное масло и канашы. Въ Кштадѣ Московское сукно предпочтается прочимъ. Въ Мексикѣ усилились требованія на наше фламское полошно и воскъ. — Такимъ образомъ торговля наши связи распространяясь по всѣмъ частямъ свѣта, будутъ безъ сомнѣнія болѣе и болѣе усугублять какъ шрудолубіе нашихъ мастеровъ и промышленниковъ, такъ и дѣятельность торгоющаго сословія.“

Приходящихъ кораблей во всѣ порты Россійскаго государства было въ 1825 г. 3,903, въ томъ числѣ изъ Англіи 1740; въ 1826 г. всего 3,594, въ томъ числѣ изъ Англіи 1,209. Отходящихъ кораблей въ 1825 г. было 4,046, въ томъ числѣ въ Англію 1722; въ 1826 г. всего 3,616, въ томъ числѣ въ Англію 1216.

Въ числѣ отпущенныхъ товаровъ изъ Россіи было въ 1825 г. *хлѣба и муки* на 16,454,821 р., *льну* 2,452,010 пуд. на 36,317,321 р., *пеньки* 2,808,344 пуда на 26,379,426 руб., *жельза и мѣди* на 15 слишкомъ милліоновъ рубл., *шерсти* 117,706 пуд. на 5,206,544 р., *лѣснаго товара* на 11,882,348 р., *поташу* 518,800 пуд. на 3,568,404 р., *сала* 3,773,497 пуд. на 37,056,610 р., *сѣмя льнянаго* на 8½ милліоновъ, *щеткины* на 12 слишкомъ милліоновъ, *воску* на 4,858,252 р. — Въ 1826 г. *хлѣба* отпущено на 16,766,833 р., *льну* 2,173,231 пуд. на 25,494,669 руб., *пеньки* 2,577,555 пуд. на 24,966,390 руб., *жельза и мѣди* на 14½ милліоновъ, *шерсти* 63,292 пуд. на 1,545,604 руб., *лѣснаго товара* на 7,919,156 руб., *поташу* 428,331 пуд. на 2,666,305 руб., *сала*

2,902.723 п. на 28,053,078 руб., *сѣмя льняного* 372.251 ч. на 7,577,563 руб., *щетки* 47,721 пуд. на 3,847,600 руб., *воску* на 3,819,928 руб.

Въ числѣ привозныхъ товаровъ было *вины виноградныхъ*, въ 1825 г. 35,065 оксоф. на 8,073,132 р., въ 1826 г. 39 005 оксофш. и 76,322 бут. на 7,522,634 руб., *Шампанскаго*, въ 1825 г. 326,071 бут. на 1,943,175 руб., въ 1826 г. 248,567 бут. на 1,552,817 руб., *кофе* въ 1825 г. 106,560 пуд. на 6,769,147 руб., въ 1826 г. 95,235 пуд. на 4,640,670 руб., *чая* въ 1825 г. 133,514 пуд. на 4,807,049 руб., въ 1826 г. 130,562 пуд. на 5,675,992 руб., *фруктовъ* въ 1825 г. на 4,570,201 руб., въ 1826 г. на 4,401,374 руб., *соли*, въ 1825 г. 3,050,006 пуд. на 5,326,153 руб., въ 1826 г. 2,821,226 пуд. на 4,520,566 руб., *бумажные издѣлій* въ 1825 г. на 11,174,775 руб., въ 1826 г. на 12,627,635 руб.

Главнѣйшіе торговые дома, судя по обширности торговли, въ 1825 и 1826 г. были слѣдующіе: *Клеменцъ и Берхъ* 14 и 21 милліонъ; *Вильсонъ и Томсонъ* 17 и до 13 милліоновъ; *Стиглицъ* 13 и до 15 милліоновъ; *Люксъ Д. Д.* до 12 и 9 милл.; *Миттель и К.* 10 и до 7 милл.; *Бейли Э. К.* 14 и до 8 милліоновъ.

108. *Собраніе актовъ торжественнаго засѣданія ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Академіи Наукъ*, бывшаго по случаю празднованія столѣтняго ея существованія, 29 Декабря, 1826 года. Санктпетербургъ, 1827 года, въ Типографіи Акад. Наукъ, in 4, 72 и 111 страницъ, съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ медали Академической,

Сто лѣтъ совершилось, какъ знаменитое ученое сословіе, предложенное Великимъ Петромъ и учрежденное Екатериною I, существуетъ въ Россіи. Публикѣ извѣстно уже изъ Вѣдомостей обѣихъ столицъ, какимъ образомъ праздновала Академія сіе торжественное событіе. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ ИМПЕРАТОРСКОЮ Фамиліею, удостоили засѣданіе Академіи своимъ посѣщеніемъ. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, Его Величество Король Прусскій и ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА, Наслѣдникъ, Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, Государь Цесаревичъ и Великій Князь КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ и Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ, при семъ случаѣ благоводили принять званіе Почетныхъ Членовъ Академіи. Торжество Академіи ознаменовано для потомства медалью, по изобрѣщенію Господина Академика Келлера, исполненною извѣстнымъ Художникомъ нашимъ Графомъ Ѳ. П. Толстымъ. Изобрѣшеніе и исполненіе сей медали превосходны.

Въ изданной нынѣ книгѣ помѣщены: Описаніе торжества Академіи; Рѣчи Президента и Секретаря Академіи; Изложеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею; Рѣчь Господина Академика Шпорха и Прибавленія, состояція въ письмахъ Президента къ Государю Цесаревичу и Его Величеству Королю Прусскому, описаніяхъ сихъ Высокихъ Особъ и копійхъ съ дипломовъ, поднесенныхъ Академіею ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, Особамъ ИМПЕРАТОРСКАГО Дома и Его Величеству Королю Прусскому.

Рѣчь Господина Президента Академіи, Тайнаго Совѣтника и Сенатора, С. С. Уварова, заключаетъ въ себѣ изложеніе знаковъ покровительства, какими

удостоена была Академія, съ самаго ея основанія донынѣ, отъ Монарховъ Россіи. Въ Ръчи Господина Секретаря Академіи Н. П. Фусса кратко изложено Исторія Академіи, за прошедшее столѣтіе съ 1724 по 1826-й годъ. Заслуги сего ученаго заведевателя блестящи и велики. Академія наша смѣло можетъ стоять въ ряду другихъ знаменитѣйшихъ Европейскихъ Академій. Сожалѣемъ, что пространствъ нашей статьи не позволяеть намъ выписать подробно всего исчисленнаго въ прекрасной Ръчи Господина Секретаря Академіи, достойно наследовавшаго мѣсто и званіе своего почтеннаго родителя. Вошь главнѣйшія черты:

Математическія науки, составляющія одно изъ отдѣленій Академіи, болѣе всего были обработаны съ самаго начала ея. «Нѣтъ сомнѣнія, что чистое и изобрѣтательное дѣло Математиковъ, кои въ Академіи имѣли счастье обладать съ самаго учрежденія ея, способствовали къ утвержденію славы ея въ чужихъ краяхъ и къ обращенію вниманія на труды ея, особливо въ такое время, когда открытіе новаго исчисленія величинъ безконечныхъ совершенно преобразовало видъ наукъ Математическихъ, когда всѣ умы восторжены были блестящимъ и счастливымъ приложеніемъ сего анализа къ задачамъ дошолъ неприслупнымъ для усилій величайшихъ Генистовъ. Довольно наименовать двухъ братьевъ Якоба и Данила Бернулли, ихъ соотечественника Леонарда Эйлера и Германа, также Гольдбаха, Крайше отца и Эммуса, дабы показать, сколь великое участіе Академія, совокупными усиліями сихъ Членовъ своихъ, въ первое пятидесятилѣтіе своего существованія, вносила въ быстрое успѣханіе

ствъ отраслей наукъ Математическихъ, которыя были слѣдствіемъ постепеннаго усовершенствованія высшей Аналитики и Геометріи. Двѣ новыя отрасли анализа, не менѣ важныя : вычисленіе синусовъ и вычисленіе варіаціонное, проложившія новыя пути въ рѣшенію множества задачъ величайшей важности, воспріали свое начало и усовершенствованіе въ нѣдрахъ Академіи, будучи произведеніемъ генія великаго Эйлера. Вся первая половина столѣтія, прошедшаго со времени учрежденія Академіи, была временемъ математическихъ открытій ; во вторую же половину, новое поколѣніе ученыхъ, на основаніи ишлось прекрасномъ и столь прочномъ, начало воздвигать зданіе правильнѣйшее, прибавлять къ оному части новыя, пополнять недоспашочныя, утверждать слабыя, и сей подвигъ былъ совершенъ самимъ ветераномъ Эйлеромъ и учениками его Іоанномъ Албертомъ Эйлеромъ, Лекселемъ, Крафтомъ (младшимъ), Румовскимъ, Копельниковымъ, Николаемъ Фукомъ, также Яковомъ Бернулли, Шубертомъ, Гурьевымъ, Висковатовымъ и Коллинсомъ.

Извѣстно, что Гидродинамика преобразована, можно даже сказать, получила видъ науки, чрезъ творенія, вышедшія изъ нѣдръ нашей Академіи, чѣмъ даболѣе обязана она Даніилу Бернулли и Леонарду Эйлеру, коего послѣднія сочиненія о семъ предметѣ принадлежатъ уже ко второй половинѣ столѣтія. Теорія движенія тѣлъ небесныхъ, особенно Луны, самая затруднительная изъ задачъ Астрономическихъ, наука мореплаванія, теорія строенія и управленія кораблей, теорія музыки, классическія сочиненія о Діоптрикѣ, Механикѣ, Астрономіи, системѣ міра, вышли изъ подъ пера Академикомъ-

Математиковъ 2-й половины прошлаго столѣтія. Болѣе 1200 разсужденій, заключающихся въ 72 томахъ записокъ Академіи и объемлющихъ всё опра-сли Математики, какъ чистой, такъ прикладной, содержатъ многія любопытныя изслѣдованія, новыя методы, остроумныя рѣшенія великаго множества задачъ, дошолъ нерѣшенныхъ, или рѣшенныхъ недостаточно, въ отношеніи основательности началъ, строгости и точности сужденій, или со стороны простоты и изящности формулъ, удобности въ употребленіи оныхъ и легкости вывода.

«Академическая обсерваторія, не смотря на неудобство своего положенія, принадлежить къ числу заведеній постоянныхъ и достаточно снабжен-ныхъ нужными приборами; имѣвъ припомъ дѣятель-ныхъ и искусныхъ Астрономовъ, какъ-то: Дели-ля, Гейнзіуса, Гришова, Лексея, Румовскаго, Ганри, Иноходцова, Шуберта, Вишневскаго, Тар-ханова, она всегда доставляла наблюденія, кото-рыя были уважаемы и заслуживали вниманіе ученыхъ. Исторія Астрономіи въ Россіи предспавляетъ мно-гія эпохи, въ которыя Академія особенно обнару-жила великую дѣятельность. Таково, на примѣръ, было прохожденіе Венеры мимо солнца, для наблю-денія коего посланы были Академіею 12 Астроно-мовъ въ разныя мѣста Имперіи. Извѣстно, что наблюдению сего прохожденія изъ споль многихъ почекъ поверхности земной, опредѣлено разстояніе земли отъ солнца и многія другія измѣренія нашей планетной Сисхемы, съ такою точностію, что оную превзойди могутъ только вычисленія будуща-го подобнаго явленія въ 1874 году.

Упомянутому путешествуію 12 Астрономовъ, наблюдавшихъ прохожденіе Венеры, и поздѣйшему путешествуію Академика Иноходцова, совершенному на счетъ Академіи, Географія обязана опредѣленіемъ Географическаго положенія многихъ городовъ. Путешествіе Академика Шуберта изъ С. Петербурга въ Иркутскъ съ посольствомъ, отправлявшимся въ Пекинъ, обогатило ее также свѣдѣніями о долготѣ и широтѣ многихъ мѣстъ. Особенно-же Географія и карты нашей Имперіи возведены на степень нынѣшняго ихъ совершенства восьмилѣтнимъ Астрономическимъ путешествуіемъ Академика Вишневаго, совершеннымъ на счетъ Академіи и доставившимъ ИМПЕРАТОРСКОМУ Военно-Топографическому Депо около 300 Географическихъ опредѣлений мѣстъ.

„Въ Исторіи Физики и Химіи съ похвалою упоминающіяся записки нашихъ Академиковъ: Лейшмана, извѣснаго своими искусными опытами и поліэдрическими анаморфозами; Брауна, учинившаго первыя наблюденія о замерзаніи ртуты; Рихмана, содѣлавшагося жертвою первыхъ опытовъ надъ электричествомъ молніи; Эпинуса, изобрѣдшаго телескопическаго микроскопа, съ которымъ въ совершенствѣ не можешь сравниться ни одинъ инструментъ сего рода; онъ же открылъ электрическую силу въ шурмалинѣ и написалъ сочиненіе объ электричествѣ и магнетизмѣ, почтившееся въ свое время классическимъ и по сіе время уважаемое отличѣйшими Физиками нашего времени; Бильфингера, Крафшовъ, отца и сына, Пешрова, Ловица сына, извѣснаго открытіемъ прошивугнильнаго свойства углей и другими превосходными раз-

ложеніями и открытіями по части Химіи ; Геллерта , Ломоносова, Георги , изобрѣшателя опытовъ о самовоспламененіи; Захарова, Шерера, приобрѣшшаго достойную славу глубокою ученостію, званіемъ химической Литтературы и сочиненіемъ о минеральных водахъ въ Россіи ; Кирхгофа, учинившаго первые опыты къ приготовленію сахара и водки изъ картофеля и изобрѣшшаго выгодный способъ очищать масла и приготавливать киноваръ.

«Естественная Исторія всѣхъ трехъ царствъ природы , наука , столь-же обширная , сколь важная и полезная, обязана Академіи великими успѣхами. Въ доказательство сему довольно приведемъ на память путешествія двухъ Гмелиновъ, Палласа, Гильденшпета , Лепехина , Фалка и Георги, коихъ журналы и записки содержатъ драгоценныя наблюденія, относительно Зоологіи , Ботаники , Минералогіи и даже Географіи , Этнографіи, Технологіи , Экономіи и Статистики. Точнѣйшее познаніе Россіи во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, безчисленное множество улучшеній , предложенныхъ въ путевыхъ журналахъ ихъ и уже съ того времени приведенныхъ въ дѣйствіе , обогащеніе Академическаго Музея во всѣхъ его частяхъ , были плодами сихъ путешествій , продолжавшихся нѣсколько лѣтъ. Сіи путешествія , служащія памятникомъ золотаго вѣка Академіи , по предложенію нынѣшняго Президента оной, издаются нынѣ въ одномъ собраніи на Россійскомъ языкѣ. Позднѣйшія путешествія Озерецковскаго , Зуева, Редовскаго , Адамса , нашедшаго во льдахъ свѣжее тѣло мамонта , также путешествіе Тилезіуса и Лангсдорфа , ученыхъ естественныхъ испытателей , участвовавшихъ въ славной экспедиціи Крузенштерна ,

равно обогатили Естественныя Науки и Зоологическій кабинетъ нашъ.

»Путешествія сія сопряжены были съ опасностями и стоили Академіи многихъ жертвъ: Ловицъ отецъ убитъ Казаками Пугачева, Гмелинъ младшій умеръ въ плѣну у Лезгинскаго Хана Усмея, Гильденшпетъ, плѣнный тѣмъ-же Ханомъ, обязанъ былъ спасеніемъ по близости находившемуся корпусу Генерала Медема, который послалъ 600 Казаковъ для преслѣдованія Лезгинцовъ; Адьюнктъ Черной умеръ въ плѣну у Киргизовъ, а часовщикъ его Арнольдъ едва чрезъ нѣсколько лѣтъ выкупился изъ неволи. Фалкъ и Редовскій, утомленные и расстроеныя отъ долговременнаго и затруднительнаго путешествія, до окончанія онаго лишились жизни.

»Слѣдуя за успѣхами Минералогіи, стоить только привести на память имена Лаксмана, Фербера, Франциска Германа, Севергина; чтобы показать, чѣмъ наука сія обязана Академіи. Тоже можно сказать и о Ботаникѣ. Въ лѣтописяхъ Академіи начертаны имена Буксбаума, издателя Ценшурій, Гмелина и Гильденшпетта, сочинителей Флоры Сибирской и Кавказской, Зигесбека, Аммана, Гибенштрейта; Кельрейтера, прежде всѣхъ наблюдавшаго сочетаніе тайнобрачныхъ растений, Лепехина, Рудольфа, Смѣловскаго, Триніуса, неутомимаго изслѣдователя ниворослей. Творенія всѣхъ сихъ ученыхъ уважаются знаатоками:

»Академія наша успѣшно занималась Анатомією и Зоомією, или сравнительною Анатомією. Творенія и записки Академиковъ Дювернуа, Вейшбрехта, Вильда, Бѣргаве, Вольфа, Загорскаго, Пандера, почитаются въ своемъ родѣ классическими. . . .

Исторія, только до 1747 была занятием Академіи; въ то время была она исключена новымъ Уставомъ, и только въ 1803-мъ году снова открытъ былъ при Академіи отдѣлъ наукъ историческихъ. За всѣмъ тѣмъ, заслуги Академіи по сей части незабвенны. Байеръ, первый разрѣшившій тайну происхожденія Руссовъ; Миллеръ, путешествовавшій для сохраненія драгоценныхъ матеріаловъ въ Сибирь и основатель Русской Палеографіи; Шлецеръ, положившій основаніе Исторической Критикѣ; Лербергъ, столь рано похищенный смертію отъ ученыхъ занятій; Кругъ, издавшій драгоценныя сочиненія касательно древней Руси и неусыпно приготовляющій дальнѣйшія изысканія; Келеръ, славный своими изслѣдованіями Греческихъ древностей, въ южной Россіи находящихся; Френъ, почерпнувшій въ глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ и древностей, драгоценныя матеріалы для Русской Исторіи и оказавшій столько услугъ Восточной Нумизматикѣ: вошъ Члены, коихъ Академія съ честью можетъ выставить въ своемъ Историческомъ отдѣлѣ.

Политическая Экономія представляетъ намъ имя Шторха; Статистика Германа; Греческія Древности и Филологія Греффе: людей, заслужившихъ уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ современниковъ. Наконецъ, труды нынѣшняго Президента Академіи, отличнаго Филолога, извѣстны всей Европѣ. Словомъ: въ 72 томахъ разныхъ сочиненій, изданныхъ нашею Академіею и состоящихъ болѣе нежели изъ 2500 отдѣльныхъ статей и диссертацій, богатый рудникъ найдуть Математикъ, Естествоиспытатели

тель, Историкъ , Филологъ , Статистикъ и Политическій Экономъ.

Въ печеніе столѣтія составились при Академіи драгоцѣнныя собранія. Бакмейстеръ описалъ, за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сокровища, коими обладала тогда Академія. Кто Рускій не знаетъ, что при Академіи находилъсь безцѣнный *Кабинетъ Петра Великаго*, въ коемъ сохранены вещи, принадлежавшія сему Государю, безпримѣрному въ Лѣтописяхъ человѣчешва, работы его , одежда: безцѣнные остатки для каждаго Рускаго, для каждаго челоуѣка ! Въ послѣдніе 50 лѣтъ Академія усовершенствовала свои Музеи, Кабинеты и Библіотеку , упошребивъ болѣе полумилліона изъ экономическихъ суммъ и получивъ подарки отъ знаменитыхъ ученыхъ. Зоологическій Кабинетъ обогащенъ былъ въ послѣднее время Лангсдорфомъ , доставившимъ собранія Зоологическія изъ Южной Америки; Пандеромъ, составившимъ собраніе ископаемыхъ изъ окрестностей Одессы и окрестностей Пешербурга; Зивальдомъ , путешествовавшимъ вокругъ свѣта. Въ Рѣчи Господина Секретаря Академіи перечислены усовершенствованія и нынѣшнее состояніе богатаго Минералогическаго собранія, Гербаріевъ, Нумизматическаго Кабинета, особенно обогащеннаго въ 1823 году покупкою коллекціи Графа Сухшелена , заключающей до 12,000 Греческихъ и Римскихъ монетъ (въ томъ числѣ 183 золотыхъ и 3758 серебряныхъ); Азіятскаго Музея , состоящаго изъ драгоцѣнныхъ книгъ и рукописей Китайскихъ , Манджурскихъ , Японскихъ , Монгольскихъ , Тибетскихъ, монетъ, идоловъ, домашнихъ ушварей и драгоцѣннаго собранія, почти 700, рукописей Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ, собранныхъ ученымъ Ори-

антикваромъ въ Багдадѣ и купленнымъ Академіею. Нумизматическая часть Азіятскаго Музея содержитъ, не только монеты Золотой Орды, въ непрерывномъ порядкѣ Хановъ и дѣль ихъ ханствованія, но монеты всѣхъ Мугаммеданскихъ династій Востока, съ VII вѣка до нашихъ временъ; между ними находятся истинныя сокровища историческихъ памятниковъ.

Наконецъ заслуживаетъ вниманіе, вновь приобретенный Академіею, за 40,000 рублей, превосходный Музей Египетскихъ древностей, составленный въ Каирѣ и Александріи Италіянцемъ Кастильоне. Всѣхъ предметовъ въ немъ до 1000; особенно замѣательны три статуи изъ бѣловапаго известкового камня, и изъ гранита, 30 барельефовъ, также изъ известкового камня, съ изображеніями предметовъ религіи, или занятій обыкновенной жизни. Вкусъ сихъ изображеній весьма различенъ, но они принадлежатъ къ числу предметовъ самыхъ любопытныхъ и отличныхъ изъ всего собранія. Берлинъ и Вѣна не имѣютъ подобныхъ имъ, а въ Минхенѣ находится только малое число оныхъ. Въ томъ же собраніи имѣются четыре муміи весьма хорошо сохранившіяся, въ богато расписанныхъ саркофагахъ, двѣнадцать большихъ сосудовъ изъ алебастра, два жертвенныхъ камня и небольшая пирамида изъ известкового камня, со многими гіероглифическими надписями; нѣсколько сотъ небольшихъ идоловъ и статуй божествъ Египетскихъ составляютъ весьма богатую и занимательную нѣбологическую коллекцію; великое множество небольшихъ сосудовъ, украшеній каменныхъ и глиняныхъ не менѣе поучительно. Наконецъ восемь свитковъ изъ папируса, весьма хорошо сохранившіяся, мо-

могутъ назваться важными памятниками и общаются
 «богатый источникъ свѣдѣній касательно Исторіи,
 языка и обычаевъ древнихъ Египтянъ. Сіе собраніе,
 «подъ именемъ *Египетскаго Музея*, расположено въ
 «двухъ покояхъ, украшенныхъ сообразно съ предме-
 «шамъ, которые оно въ себя заключаетъ.»

1826 года.

212. *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ.
 Сочиненіе Александра Пушкина. *Глава вторая*. М.
 1826 г. in, 12 42 стр.

1827 года.

109. *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ.
 Сочиненіе Александра Пушкина. *Глава третья*. СПб.
 1827 г. въ шип. Депарш. Народ. Просв., in 12,
 51 стр.

110. *Чернецъ*, Кіевская повѣсть. Сочиненіе
 Ивана Козлова. Изданіе *третье*. СПб. 1827 г. въ
 шип. Ивана Глазунова, in 8, 64 стр.

111. *Стихотворенія Евгенія Баратынскаго*.
 М. 1827 г. въ шип. А. Семена, in 8, 178, V стр.

Мы соединяемъ въ Библиографіи Телеграфа *вто-*
рую главу Онѣгина, изданную въ прошедшемъ году
 и уже всѣмъ извѣстную, съ *третьею* главою, щоль-
 ко на сихъ дняхъ полученною изъ Спбурга. Вообще
 за Пушкинымъ библиографическое извѣстіе едва успѣ-
 ваетъ: его творенія *раскупаютъ* прежде нежели
 медлительный библиографъ запишетъ ихъ въ реестръ
 современныхъ произведеній нашей Литтературы.
 Мы извѣщали читателей нашихъ о 2-й главѣ Онѣ-
 гина, еще до изданія оной въ свѣтъ; послѣ того
 намъ *общаны* были разборъ сего новаго произведе-

нія Поэта нашего; тѣмъ лучше: ждемъ исполненія обѣщанія *теперь*, ибо Рецензенту можно будетъ поговорить о трехъ главахъ вмѣстѣ. Библиографу не хочется однакожь, не подѣлившись поскорѣе съ читателями Телеграфа приятнымъ извѣстіемъ объ изданіи *третьей главы Онѣгина* и особенно, извѣстіемъ, приложеннымъ въ началѣ книжки, что «нынѣ изданіе продолженія Онѣгина будетъ слѣдовать въ непрерывномъ порядкѣ: одна глава пошлѣ за другою,» а всѣхъ главъ, какъ говоряшь лиштературные лазутчики, двадцать слишкомъ. Какой обширный разгулъ Поэту и сколько наслажденій ожидаетъ читателя! Что, если-бы чаще можно было соединять въ Русской Библиографіи вдругъ по четыре книги шакихъ, о которыхъ теперь мы хотимъ кратко увѣдомить нашихъ читателей!

Повторяемъ, что *вторую* главу Онѣгина знаютъ всѣ, и вѣрно половина наизусть; слѣдовательно, объ ней можно говорить, какъ о сочиненіи совершенно знакомомъ читателямъ. Они припоминають, что Онѣгинъ, послѣ смерти дяди полный хозяинъ его помѣстьевъ, деревенскаго дома, заводовъ и проч. и проч., скучаетъ въ наслѣдственной деревнѣ,

За тѣмъ, что онъ равно скучаль

Средь модныхъ и старинныхъ залъ;

знакомится съ молодымъ сосѣдомъ своимъ Ленскимъ и Поэтъ вводитъ насъ въ домъ Лариныхъ, куда Ленскій ѣздитъ, почти какъ женихъ Ольги, дочери Лариныхъ. Поэтъ обрисовываетъ характеръ и образъ жизни Ленскаго, Лариныхъ, сосѣдей ихъ, деревенскихъ дворянъ. Здѣсь Поэтъ прервалъ свое повѣствованіе.

Оно начинается снова въ третьей главѣ; но очерки постороннихъ характеровъ здѣсь всѣ въ пѣни: Ленскій, Ларины, сосѣди, самый Онѣгинъ забыты Поэтомъ: душу, сущность третьей главы составляетъ Татьяна, дѣвушка, одаренная необыкновенною, сильною душою, дѣвушка, у которой *«всю исторію составляетъ любовь.»* Татьяна любитъ Онѣгина. . .

. . . Въ сердце дума заронила,
 Пора пришла, она влюбилась.
 Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображенье,
 Сгарая нѣгой и поской,
 Алкало пищи роковой,
 Давно сердечное томленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала . . . кого нибудь,
 И дождалась! открылись очи,
 Она сказала: *это онъ!*

Поэтъ описываетъ разговоръ Татьяны съ няней; хочешь передать намъ письмо Татьяны къ Онѣгину, долго отговаривается отъ чашечекъ и шумишь надъ ихъ перепѣнемъ. . . .

. . . Предвижу затрудненье:
 Родной земли спасая честь,
 Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
 Письмо Татьяны перевести.
 Она по Русски плохо знала,
 Журналовъ нашихъ не читала,
 И выражалася съ трудомъ

На языкъ своемъ родномъ ,
 И такъ писала по Французски. . . .
 Что дѣлать ! повпоряю вновь :
 Донинѣ дамская любовь
 Не изъяснялася по Русски,
 Донинѣ гордый нашъ языкъ
 Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

Я знаю : дамъ хотѣшь заставить
 Читашъ по Руски, Право, страхъ !
 Могутъ-ли ихъ себѣ представить
 Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ !
 Я шлюсь на васъ мои поэмы ;
 Не правда-ль ? милые предметы,
 Которымъ , за свои грѣхи ,
 Писали вшайнѣ вы стихи ,
 Которымъ сердце посвящали ,
 Не всѣ-ли Русскимъ языкомъ .
 Владѣя слабо и съ прудомъ ,
 Его шакъ мило искажали ,
 И въ нихъ устахъ языкъ чужой
 Не обратился-ли въ родной ?

Не дай мнѣ Богъ сойшись на балѣ ,
 Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ ,
 Съ семинаристомъ въ желшой шалѣ
 Иль съ академикомъ въ чепцѣ !
 Какъ устѣ румяныхъ безъ улыбки ,
 Безъ грамматической ошибки
 Я Русской рѣчи не люблю .
 Быть можешь , на бѣду мою ,
 Красавицѣ новыхъ поколѣнъ ,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ ,
 Къ грамматикѣ приучишь насъ ;

Стихи введушь въ употребленья :

Но я . . . какое дѣло мнѣ,
Я вѣренъ буду старинѣ.

Неправильный, небрежный лепеть,
Непочный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный шрепешъ
Произведешь въ груди моей;
Раскаясь во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будешь милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи. . . .

Мы читаемъ однакожь попомоу письмо Татьянѣмъ,
переданное въ прелестныхъ стихахъ. Письмо го-
шова :

Татьяна, шо вздохнешь, шо охнешь ;
Письмо дрожишь въ ея рукѣ,
Облапка розовая сохнешь,
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась;
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча , . . .

Не скажемъ читателямъ, что сдѣлала Татьяна съ
письмомъ къ Онѣггину, что дѣлала во весь эпошъ
день. . . .

Смеркалось : на столѣ блистая,
Кипѣлъ вечерній самоваръ,
Кишайскій чайникъ нагрѣвая ;
Подъ нимъ клубился легкій паръ,
Разлишый Ольгиной рукою,
По чашкамъ демною струею

Уже душистый чай бѣжалъ
 И сливки мальчикъ подавалъ ;
 Татьяна предъ окномъ спояла
 На стекла хладныя дыша ,
 Задумавшись, моя душа
 Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На ошуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель : О да Е.
 И между тѣмъ душа въ ней ныла
 И слезъ былъ полонъ помный взоръ.
 Вдругъ шопотъ ! кровь ея застыла . . .
 Воть ближе ! скачуть . . . и на дворъ
 Евгений

Оставляемъ читателямъ узнавать послѣдствія въ самой поэмѣ Пушкина. Мы и безъ того невольно выписали столько стиховъ, что наша Библиографическая сфера спала похожа на крипическія сферы Англійскихъ газетъ. Тѣмъ менѣе скажемъ мы о двухъ другихъ прекрасныхъ явленіяхъ нашей Словесности.

Чернецъ, Козлова, напечатанный *третьимъ* изданіемъ, радуешь насъ какъ явленіе маловиданное въ Русской книжной торговлѣ: поэма, въ два года прижды напечатанная, доказываетъ, что публика наша уже понимаетъ прелесть Русской поэзіи, что поэма *Чернецъ* сдѣлалась, такъ сказать, *народною поэмою*. Пожелаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ модѣ на хорошіе Русскіе стихи.

Изданіе *Стихотвореній Баратынскаго* исполняетъ давнишнее желаніе публики: имѣть собранными въ одну книгу всѣ мѣлкія стихотворенія пѣвца Финляндіи, Пировъ и Любви. Три

виги Элегій, болѣ сорока стихотвореній разнаго содержания, сказка и прицать Посланій составляютъ собраніе Стихотвореній Баратынскаго. Многія пьесы донинѣ не были еще извѣстны публикѣ, и собраніе ихъ доказываетъ разнообразіе, оригинальность (переводныхъ пьесъ всего только *семь*) и богатство дарованій Поэта, который общается намъ въ будущемъ Поэта высокой степени.

Изданіе Стихотвореній Баратынскаго прекрасно. Пожелаемъ, чшобы наконецъ дурныя изданія успались у насъ на долю дурно переводимыхъ романовъ, сборниковъ и новѣйшихъ способовъ дѣлать сургучъ и ваксу, а изящныя творенія и ученые книги издаваемы были достойнымъ образомъ (*).

W —

(*) Стихотворенія Баратынскаго продаются въ Москвѣ, въ Коншорѣ Телеграфа, и въ Санктпешербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Смирдина и Слѣвина. Цѣна 10 рублей ассигн. Г-да многогородные, адресуясь въ Коншору Телеграфа или къ вышеозначеннымъ книгопродавцамъ, могутъ получать сію книгу безъ всякой плашмы за пересылку. Изд. Тел.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛЬТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ, и вновь предполагаемыя.

(Окончаніе.)

Въ 1817 году Г-нъ Делла Челла, Италійскій Медикъ, сопутствовавшій сыну Паши Триполійскаго во время похода его противъ возмущившагося брата, также имѣлъ удобство посѣтить Кириною и сдѣлалъ описаніе оной. Послѣ него мѣста сіи были посѣщены и изслѣдованы съ величайшимъ тщаніемъ однимъ Французомъ, соединяющимъ въ себѣ пламенную любовь къ наукамъ и древностямъ съ самыми обширными познаніями. Мы хотимъ говорить о Г-нѣ Пашо. По рекомендаціи къ Дею Триполійскому, онъ получилъ отъ него позволеніе посѣтить земли между Дерною и Кириною. Это пространство, на девятнадцать льѣ, покрыто развалинами городовъ и деревень. Среди сихъ слѣдовъ утраченныхъ поколѣній, четыре различныя мѣста привлекли особенное вниманіе Г-на Пашо: Натрунь, на берегу морскомъ, почти совершенно покрытый водою; Амелондегъ, гдѣ существуютъ еще большіе бассейны, изсѣченныя въ скаль; Терешъ, окрестности коего наполнены могилами, и Гернесъ, въ четырехъ льѣ отъ Кирины. Подлѣ Дерны есть гротъ, внутренность коего покрыта прелестными арабесками и барельефами, изображающими эмблеммы христіанства. Это не одно мѣсто въ Киринеѣ съ видными слѣдами христіанской религіи.

Въ Январѣ 1825 года Г-нъ Пашо былъ въ Ки-риней. «Не возможно выразить» говоритъ онъ, «раз-личныхъ чувствованій друга некуствъ при взглядѣ на сію окрестность и на разрушеніе, претерпѣнное ею отъ времени и вмѣстѣ отъ варваровъ. Ячмень и овесъ покрываютъ тѣ мѣста, гдѣ Аристиппъ и Карлеадъ учили своихъ слушателей; желѣзо плуга раздробляешь или обезображиваетъ мастерскія произведенія Греческаго рѣзца, и непросвѣщенный Арабъ видишь въ обломкахъ статуи и колоннъ одни кам-ни, наполняющіе его поля и препятствующіе луч-шему урожаю: чтобы избавиться отъ этого, онъ собираешь ихъ безъ порядка въ кучи, или раздробля-ешь на части. Четыре дороги проходятъ по той доли-нѣ, гдѣ находишься Кириная. Онѣ и во всю длину свою обложены плитами, положенными въ равномъ одна отъ другой разстояніи; вмѣсто ихъ часто на-ходятся саркофаги или ниши, такъ некстати принятыя Докторомъ Делла Челлою за жилища. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песокъ и земля, покрывшіе до-рогу послѣ ея устройства, исчезли, и можно при-звать на пятахъ желобки, напечатлѣнные Грече-скими колесницами. Подобные слѣды находятся въ Некрополисѣ и на другихъ публичныхъ мѣстахъ Ки-риней.

«Единственные памятники сей древней и зна-менистой столицы, еще замѣчательной въ своихъ обломкахъ, суть: театръ, бѣгъ, амфитеатръ, два храма и нѣсколько публичныхъ бань; но все это такъ разстроено, что невозможно уз-нать ни размѣра оныхъ, ни рода Архитектуры. Обломанныя статуи, шафты и капишели разби-тыхъ колоннъ, лежатъ въ безпорядкѣ, вполонину

зарытая землю. Но если что напоминает древнюю пышность Кириен, важность ея народонаселенія и успѣхи въ искусствахъ, то это остатки обширнаго ея Некрополиса. Восемь или девять рядовъ погребальныхъ часовенъ, помѣщенныхъ амфитеатромъ, служатъ поясомъ горы, на которой была выстроена столица Африканской Греціи. Каждая изъ сихъ часовенъ, окруженная гробницами и саркофагами, покрыта надписями и украшениями: ихъ исполненіе, болѣе или менѣе тщательное, показываетъ, къ какой эпохѣ они принадлежатъ. Одну Греческую надпись можно еще прочесть на Аполлоновомъ фонтанѣ; вода его, среди сихъ явленій упадка и разрушенія, сохранила всю свою свѣжесть, прозрачность и льется между кучами кустарниковъ и цвѣшовъ.

»Берегъ между Кириеню и Пшолемаидю, выдавшись впередъ, образуетъ мысъ Фикусъ, сѣверную оконечность Кириен. Сія часть страны, покрытая горами и неровностями, кажется, мало была обитаема древними. Тамъ не видно ничего замѣчательнаго, кромѣ остатковъ нѣсколькихъ военныхъ постовъ на высотахъ. Самыя любопытныя развалины въ Пшолемаидѣ суть: развалины храма, гдѣ три колонны еще не упали; аданіе съ Греческою надписью; два квадратныя возвышенія каменной работы, кажущаяся, принадлежавшія къ одному изъ входовъ въ городъ, и нѣсколько гробницъ, выстроенныхъ изъ большихъ каменныхъ плитъ; во внутренности оныхъ по одной или по двѣ комнаты; украшенныхъ барельефами прекрасной работы. Между гробницами и развалинами города есть много бассейновъ, неправильной формы, вокругъ коихъ находятся могильныя часовни, изсѣченныя въ

скалъ. Онѣ неукрашены, шакъ какъ въ Некрополи-
сѣ Киринейскомъ, но не менѣе достойны любопыт-
ства великимъ числомъ надписей, ихъ покрывающихъ.

»Тейхира, въ семи миляхъ на юго-западъ отъ
Птолемаиды, была нѣкогда окружена стѣною, за-
мѣтною еще по нѣкопорымъ обломкамъ. Памятни-
ки ея находящяся въ такомъ-же состояніи какъ и
Птолемаидскіе. Нѣсколько холмовъ земли означа-
ютъ мѣсто, гдѣ была нѣкогда Берениса. Триста
шестьдесятъ ручьевъ орошаютъ и сообщаютъ пло-
доносіе известковой возвышенности, на которой
находится Кириней. Мармарика и пустыня Барка
совершенно безъ воды, но древніе жители умѣли
пособить этому множествомъ каналовъ и водоемовъ:
одни слѣды ихъ видны и Арабы не думаютъ объ ис-
правленіи оныхъ. Впрочемъ, сѣверъ Киринеи есть въ
сей странѣ единственное мѣсто, гдѣ прозябаніе
веселитъ нѣсколько взоръ.»

Во время бытности Г-на Пашо въ Кириней, ему
сказали объ одномъ мѣстѣ, находящемся почти
въ пятидесяти миляхъ отъ сего города, называе-
момъ Марадегъ, котораго положеніе, какъ показа-
лось ему, соотвѣтствуетъ положенію Гесперид-
скаго сада Справанова. Онъ прибылъ туда, пере-
ѣхавши пустыню, и нашелъ, что Марадегъ есть
оазисъ, около шести миль въ діаметръ, покрытый
пальмовыми деревьями и орошаемый семью ручьями,
изъ коихъ въ одномъ вода горячая и находящяся въ
постоянномъ кипѣніи. Границы сей страны не поз-
воляютъ намъ привести здѣсь многихъ обстоя-
тельствъ, подтверждающихъ первое предположеніе
Г-на Пашо о семъ мѣстѣ.

Ч. XVII. Но 19.

II

Г-нъ Гамба, Французскій Консулъ въ Тифлисъ, совершивъ путешествіе на югъ Россіи и особенно въ за-Кавказскія области, представилъ документы, болѣе всего важные для Европейской торговли и долженствующіе, можетъ быть, дать ей новое направление. По его ходатайству, одобренному Генераломъ Ермоловымъ, Императорскимъ Указомъ дарована свобода торговлѣ въ сихъ областяхъ и предоставлены льготы торговцамъ, тамъ водворяющимся. Такимъ образомъ снова открыты пути, по коимъ, во время восточныхъ Императоровъ, привозили въ Европу шелкъ Кишайскій, пряные корни и драгоценныя Индійскія камни; сіи-же пути долго были источникомъ богатства и пышности Генуи.

Г-нъ Гамба долженъ былъ бороться съ предрасудками и привычкою, всегда сильно возстающими противъ всякой мысли объ улучшеніи. Но это не смутило его. Сначала онъ издалъ, въ 1825 г., карту, переведенную съ Русскаго на Французскій языкъ, дабы показать своимъ соотечественникамъ страну, на которую обращаютъ ихъ вниманіе: этого было недовольно. Вскорѣ въ описаніи его путешествій увидѣли столь-же важныя, какъ и любопытныя извѣстія о сихъ отдаленныхъ и намъ болѣею частію едва извѣстныхъ странахъ. Дѣйствительно, не лзя безъ особеннаго вниманія читать то, что онъ говоритъ о торговлѣ Одесской и торговлѣ между Мингреліею и портами Понша Эвксинскаго. Пріятно слѣдовать за нимъ въ поѣздкахъ его въ Севастополь, въ Сукумъ-Кале, Кубу, Дербеншъ, Астрахань и въ чепыре Имеретинскія области. Его описанія мѣстъ и нравовъ, новыя и любопытныя, должны нравиться и ученымъ людямъ

и ятъмъ, кто въ чтеніи ищетъ одного удовольствія; но его обширныя виды, цѣль коихъ есть одна существенная польза, необходимо должны быть предметомъ размышленій негоціантовъ и, осмѣливаемся прибавить, Европейскихъ Правительствъ.

Кромѣ путешествій, исчисленныхъ нами, есть и другія, вскорѣ долженствующія совершиться. Тщаніе и попечительность, съ коими они снаряжены, обѣщаютъ столь-же драгоцѣнные послѣдствія, какія видѣли мы отъ путешествій уже оконченныхъ. Въ числѣ сихъ путешествій важнѣйшимъ можно почестъ новую экспедицію Капитана Парри къ Сѣверному полюсу. Извѣстно, что Англійское Правительство обѣщало въ награду 5000 фунт. стерлинговъ (125,000 рублей) тому мореплавателю, кто первый достигнетъ полюса. Одушевляемый славою и любовью къ наукамъ, Капитанъ Парри не имѣлъ нужды въ подобномъ побужденіи для возобновленія своихъ предпріятій, кои производилъ уже онъ съ ревностью и непоколебимосію, столь достойными похвалъ. Не одни соотечественники желаютъ ему удачи въ предпріятіи: всѣ, кому дороги успѣхи просвѣщенія, должны почитать сего неустрашимого мореплавателя своимъ землякомъ и съ любопытнымъ вниманіемъ смотрѣть на его труды.

Россія не оспалась чуждою сему духу изыскательности, сему общему направленію. Снаряжены два корабля, имѣющіе назначеніемъ обозрѣть берега Россійскіе у водъ Тихаго моря и идши для открытій въ южную часть Великаго Океана. На нихъ находятся многіе уважаемые ученые. Оба корабля снабжены всеми необходимыми астрономическими и физическими инструментами. Затѣмъ въ Копенгагенъ,

въ Англію, къ Канарскимъ островамъ, въ Ріо-Жанейро, послѣ краткаго пребыванія въ семь послѣднемъ портѣ, путешественники обогнутъ мысъ Горнъ, посящятъ острова Товарищества, именно Отаити, и оплывутъ къ Сандвичевымъ островамъ. Въ Ситхъ, заведеніи Россійско-Американской компаніи, корабли разстанутся и начнутъ каждому назначенныя дѣйствія. Въ условленномъ мѣстѣ Южнаго Океана они соединятся въ началѣ зимы 1828 года и возвращаясь въ Европу мимо мыса Доброй Надежды.

Вотъ что исполнено или предположено, въ послѣдніе годы, разными народами, по части путешествій! Не всѣ предпріятія награждались ожидаемымъ успѣхомъ, но вообще, какъ мы сказали въ началѣ сей статьи, ими произведены большіе успѣхи въ Географіи и Естествознаніи. И каково-бы ни было слѣдствіе подобныхъ экспедицій, но мы тѣмъ не менѣе должны уважать и признавать достоинства людей, для пользы наукъ подвергающихъ себя многимъ лишеніямъ и опасностямъ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Статья сія, помѣщенная въ одномъ Англійскомъ Журналѣ въ послѣдней половинѣ прошедшаго года, требуетъ пополненій, ибо черезъ годъ, со времени появленія оной въ свѣтъ, извѣстно вномъ слѣдующее о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ путешествій, коихъ она касается.

Въ Англійскихъ Журналахъ пишутъ: Капитанъ Франклинь и Докторъ Ричардсонъ прибыли 25 Сентября, сего 1827 года, въ Ливерпуль и ош-

правились въ Лондонъ. Другія особы, составляющія экспедицію, подъ начальствомъ Капитана Блэка и Лейтенанта Кендала, должны возвратиться на корабль компаніи Гудзонова залива; ихъ съ минутой на минутой ожидаютъ на островахъ Оркадскихъ. Экспедиція исполнена очень счастливо. Капитанъ Франклинъ и Капитанъ Блэкъ, сошедши по рѣкѣ Мекензія, слѣдовали западнымъ берегомъ до 150° западной долготы. Они не нашли большаго углубленія берега, но замѣтили, что онъ постепенно принимаетъ направленіе къ сѣверу, до 70° 30' широты; гдѣ, казалось, поворачиваетъ къ западу. На самомъ опдаленномъ пунктѣ своего путешествія Капитанъ Франклинъ былъ не далѣе какъ во 150 миляхъ отъ корабля *Блоссома*, командуемаго Капитаномъ Бигемъ, и если-бы тотъ и другой знали это, то Капитанъ Франклинъ могъ-бы возвратиться въ Англію по Тихому Океану; но неувѣренность въ сей встрѣчѣ представляла столько опасностей въ позднее время года, что далѣе углубляться на западъ было-бы непрощительнымъ неблаго-разуміемъ. Съ большою основательностію Капитанъ Франклинъ возвратился къ озеру Медвѣдя и провелъ тамъ зиму со своими друзьями, также изслѣдовавшими, подъ управленіемъ Лейтенанта Кендала и Доктора Ричардсона, весь берегъ между рѣками Мекензіевою и Мѣдныхъ Рудъ. Сія послѣдняя часть Американскаго берега болѣе изобильна заливами нежели первая: объ онѣ изслѣдованы и обойдены неробкими нашими путешественниками. На западъ отъ рѣки Мекензія, большая цѣпь каменистыхъ горъ оканчивается въ двадцати или тридцати миляхъ отъ берега. Эскимосы сначала были

недовѣрчивы и непріязненны, но въ послѣдствіи сдѣлались дружелюбны; припасы въ великомъ изобиліи и съ большимъ радушіемъ доставляемы были повѣренными компаніи Гудзонова залива.

»Съ особеннымъ удовольствіемъ можно прибавить, что сія опасная экспедиція не стоила жизни ни одному человѣку и что изнуренія и недостатки не имѣли никакого непріятнаго дѣйствія на нашего смѣлаго и неутомимаго путешественника, пользующагося совершеннымъ здоровьемъ, какъ кажется. Собранія по части Естественной Исторіи, составленныя путешественниками, многочисленны, особенно растеніями; Ботаника будетъ обогащена многими новыми родами. Опыты надъ магнитомъ и дѣйствіемъ сѣвернаго сіянія на магнитную иглу, чрезвычайно важны и подтверждаютъ наблюденія Лейшенанта Фоспера (*Liverpool Mercury*).

»О послѣдней экспедиціи Капитана Парри намъ сообщили слѣдующее извѣстіе. Слѣдствія оной, надобно признайся, не соотвѣщаютъ надеждамъ.

»Безъ всякихъ замѣчательныхъ приключеній, Гекла прибыла изъ Англіи въ Гамерфестъ, на берегу Лапландіи, и взявъ извѣстное число оленей, зимней обуви и лодокъ для ѣзды по льду (*), отправилась къ Шпицбергену. Тамъ гавань была покрыта льдомъ, но Гекла, уже много дней затрудняе-

(*) Лодки сіи были устроены особеннымъ образомъ: онѣ могли служить и лодкою и санями, смотря по надобности. Будучи сдѣланы изъ легкаго, хотя швердаго и прочнаго лѣса, онѣ были одѣшны кожей и навощеннымъ холстомъ, вслучаѣ надобности послужившимъ-бы вмѣсто нарусовъ.

мая на ходу своемъ льдами , продолжала бороться съ сими препятствіями до 27 Мая. Тогда въ первый разъ попытались вѣхать въ саняхъ. Но ледь скоро взломало , онъ пошелъ и невозможно было употребить въ дѣло ни оленей , ни лодокъ. Гекла, совершенно задержанная льдами , наконецъ освободилась отъ нихъ 8 Юня : это позволило приблизиться на югъ до Семи острововъ , но тамъ не нашли гавани и принуждены были возвратиться къ Шпицбергену. 19 числа сдѣлали второе покушеніе вѣхать въ саняхъ , но ледь былъ изломанъ во многихъ мѣстахъ и оказался совсѣмъ не таковъ , какимъ надѣялись его найдти ; идти далѣе стало чрезвычайно затруднительно : двадцать разъ въ день надобно было выбираться изъ лодокъ и опять укладываться. На семь пуши не встрѣтили ни одной льдины которая занимала-бы пространства болѣе трехъ миль. Прибывъ къ 82° широты , путешественники остановлены были сильнымъ дождемъ (что необыкновенно въ сей высотѣ) и ледь оказался такъ разломанъ и раздробленъ , что люди и лодки безпрестанно грузли въ промоинахъ и надобно было употребить величайшую осторожность , чтобы избѣгнуть гибельныхъ слѣдствій. Но препятствіе непреодолимое , заставившее путешественниковъ отказаться отъ всякаго покушенія идти впередъ , усмотрѣно было въ чрезвычайно сильномъ направленіи льдовъ къ югу : это движеніе такъ стремительно , что въ одинъ день , пройдя упомянутыхъ осьмнадцать миль , увидѣли что увлечены на пять миль назадъ къ югу.

Капитанъ Парри не давалъ знать своимъ соудникамъ о семъ обстоятельстве до тѣхъ поръ ,

покуда половина запасовъ не была испрачена; тогда надлежало оставить всю надежду на успѣхъ. Можно почестъ большимъ счастьемъ, что во время замѣтили направление льдовъ и что оно было къ Югу; ибо еслибъ ледъ пошелъ къ востоку, то при большемъ числѣ больныхъ, неспособныхъ, по мнѣнію Хирурга, переносить трудности пупы, это имѣло бы слѣдствія пагубныя. Въ послѣдніе дни раціоны были уменьшены до восьми унцій говядины, 4 унцій хлѣба, полусестера рому и одной пинты какао, въ сушки.

Вышедши изъ льдовъ, лодки выдержали въ открытомъ морѣ жестокую бурю, сопровождаемую снѣгомъ и продолжавшуюся пятьдесятъ шесть часовъ: съ большимъ трудомъ можно было подвигаться впередъ. Между тѣмъ началъ оказываться скорбутъ и единственнымъ лекарствомъ противъ него было скорое возвращеніе. Среди всѣхъ сихъ препятствій и непредвидѣнныхъ случаевъ, постоянство и мужество начальника предпріятія не измѣнялись ни на одну минуту. Такое швердое и благоразумное поведеніе конечно заслуживало-бы лучшія послѣдствія. 82° 45' есть высшая широта, какой достигли въ сію экспедицію. (*Globe and Traveller.*)

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

В ы д е р ж к а.

Мой умъ колода картъ. — »Вошь вздоръ!
Но знать не перваго разбора!
Прибавить, въ видъ приговора,
Журнальной партьи *Матадоръ*;
Вамъ, господа, и книги въ руки!
Но съ вашей легкой мнѣ руки,
Спасибо вамъ, могу отъ скуки
Играшь въ *носки* и въ *дураки*.

*

Въ моей колодѣ по мастямъ
Разсорпированы всѣ люди:
Сдаю я желуди иль *жлуди*
По вислоухимъ игрокамъ;
Есть *бубны* славнымъ за горами;
Вскрываю *вины* для друзей;
Живо-усопшими творцами:
Я вдоволь лакоблю *гервей*.

*

На выдержку-ль играть начну,
Грецишь *банкъ* глупосией союзныхъ,
И банкометь, изъ самыхъ грузныхъ;
Не усидить, когда зачну;

Ч. XVII. No 19.

Смиляюшся, берутъ съ испуга
 Вновь дольщиковъ въ игру свою . . .
 Богъ помощь имъ шопишь другъ друга,
 А я ихъ гуршомъ всѣхъ поплюю.

*

Что мысли? Выдержки ума! —
 А у кого задержки въ эшомъ? —
 Тотъ засдается, вѣкъ съ лабешомъ
 Въ игрѣ и рѣчи и письма;
 Какой на сдѣлаеишь попышки,
 А глупость срѣжешь на просакъ!
 Онъ проиграется до нишки
 И выйдешъ на чисто дуракъ.

*

Вотъ паршья дамской игрочки,
 Друзья два бѣдные Макара:
 На нихъ ошъ каждаго удара
 Валяшся шишки и щелчки:
 Одинъ, съ поблекшими цвѣтами,
 Съ *последней жертвой*, на мѣль сталъ;
 Тотъ мѣломъ, бѣлыми стихами,
 Вписалъ свой проигрышъ въ Журналъ.

*

Игра честей въ большомъ ходу;
 Въ нее играшь не всѣмъ здорово:
 Играя на честное слово,
 Какъ разъ наскочишь на бѣду.
 Тотъ сшавишь свѣчку злему духу,
 Въ прокъ не пойдешъ того назна,
 Кто легкоумье ловишь въ музу,
 Чшобъ дѣлать изъ нѣе слона.

*

Не суйтеса къ большимъ шузамъ,
 Вы мнѣ подь пару недоростки:
 Игрушки кошкѣ, мышкѣ слезки,
 Давно инвердитъ разсудокъ намъ;
 Поищемъ по себѣ игорку,
 Да игроковъ подь нашу масть:
 Кто не по силамъ лѣзеть въ горку,
 Тошъ можешъ и въ просакъ понасть.

*

А какъ играть тому съ плеча,
 Кто заручился у фортуны;
 Онъ лука напани всѣ струны
 И бей всѣ взяжки съ горяча.
 Другой ведетъ разсчетъ, и строгій,
 Но за безсчетныхъ счастье Богъ,
 И тамъ, гдѣ умный выигралъ ноги,
 Тамъ дурачокъ всѣхъ срѣзалъ съ ногъ.

*

Бѣднякъ, дуракъ и намъ съ руки,
 Заброшенный въ народной давкѣ,
 У счастья и у всѣхъ въ опшпавкѣ,
 Климъ, развѣ могъ играть въ плевки;
 Теперь онъ стеръ успѣховъ губкой
 Все, чѣмъ обчелся въ шарину,
 Въ игрѣ коммерческой съ прикупкой
 Онъ вскрылъ удачно на жену.

*

Друзья! кто хочеть быть умень,
 Тошъ по пословицѣ поступитъ:
 Продастъ онъ книги, карты купишь;
 Такъ древо нажилъ умъ Семень.

Умъ въ картахъ : соглашусь охотно!
 Въ ученомъ мѣрѣ видимъ сплошь,
 Домъ книгами набитъ, и плотно,
 Да каршъ не сыщешь ни на громъ.

*

Памфилъ, пустая голова!
 Ты игрокомъ себя не числи:
 Не вскроешь ты на козырь мысли,
 Какъ ни пасуй себѣ слова.
 Не такова твоя порода,
 Игрой ты не убьешь бобра:
 Твой умъ и полная колода,
 Я знаю, до не каршъ игра.

Кн. Вяземскій.

Заколдованный домъ.

(Окончаніе.)

Мы не станемъ рассказывать повѣсти о *Бурномъ кораблѣ*, пересказанной Герръ Антономъ Дольфу; или все, или ничего: Герръ Антонъ проговорилъ далеко за полночь, и по одному отпрыску вы не могли-бы оцѣнить всей занимательности бесѣды Герръ Антона. Но всему свой чередъ. Самая занимательность разговоровъ уступила могуществу дремоты. «Ты хочешь спать, пріятель!» сказалъ Герръ Антонъ, «доброй ночи!» — Онъ завернулся въ широкій мѣховой плащъ свой, прилегъ къ огню и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Между тѣмъ мѣсяцъ выставилъ серебряные рога изъ закругленной вершины Олдъ-Буль-Гилля и освѣтилъ сѣрые утесы и мрачные лѣса, освѣчивая дрожащимъ сіяніемъ на зыбкой поверхности обширной рѣки. Ночная роса пала на землю и облокла всю окрестности сѣрымъ туманомъ. Товарищи Герръ Антона прикинули дровъ въ костеръ, насплали Дольфу постелю изъ сухихъ вѣтвей и листьевъ, подъ скалою, и проснулись съ нимъ. Нѣсколько времени прошло, пока Дольфъ могъ заснуть. Онъ разсмапривалъ спранный ночлегъ свой и все его окружавшее: дикіе лѣса и утесы, огонь, бросавшій отблескъ на полудикое общество, на Герръ Антона, Богъ знаетъ

чѣмъ, напоминавшаго ему ночнаго посѣщителя его, спарика Заколдованнаго дома. Отъ времени до времени слышалъ онъ рыканье дикихъ звѣрей, раздававшееся изъ лѣса; крикъ пустынной совы, пѣніе дикихъ птицъ, въ множествѣ обитавшихъ по окрестностямъ, или всплескъ осетра, во всю огромную длину свою всплывавшаго на поверхность тихой рѣки. Дольфъ сравнивалъ новый ночлегъ, съ обыкновеннымъ своимъ пребываніемъ на чердакѣ докторскаго жилища, гдѣ ночью только и слышалъ онъ бывало однообразный бой городскихъ часовъ; хриплый голосъ *уэть-лема*, пропѣжно провозглашавшаго, что въ пустыхъ улицахъ *все благополучно*; храпленіе Доктора, распянувшася въ старыхъ своихъ креслахъ, или хрустѣніе крысы, подгрызавшей гнилыя панели. Мысли Дольфа обратились къ бѣдной спарушкѣ, матери его: что думаетъ она о таинственной пропажѣ своего Дольфа? какъ грустна должна быть ей такая потеря? эта мысль безпрестанно мрачила наслажденія настоящаго его положенія: она влекла за собою чувство горести и спраданія; Дольфъ уснулъ со слезами, навернувшимися на глазахъ его.

Вошь, если-бы я рассказывалъ небывлицы, теперь, какой прекрасный случай вернуть въ мою повѣсть страннаго приключенія между этими дикими лѣсами и утѣсами, и потомъ веселіе моего героя

изъ бѣды въ опасность, изъ опасности въ бѣду; высвободить его какимъ нибудь чудомъ . . . но все, что я ни пересказываю, сущая правда: я долженъ довольствоваться прѣспытымъ повѣствованіемъ, говоришь, что было въ самомъ дѣлѣ и держашься во всемъ безхвостой правды.

Рано поутру, на другой день, порядочно позавтракали наши искатели приключеній, сняли шаторъ и поплыли въ лодкѣ Герръ Антона. Въперъ не шевелилъ паруса; Американцы дружно начали работать веслами, развлекая скуку однообразія пѣснями объ одномъ изъ бывшихъ людей. День былъ ясный и теплый; ни одна волна не рябила поверхности воды; только весла, ударяясь объ воду, узорили длинными епруями ея поверхность. Вороны, чуя оспашки ужина охотниковъ, собирались стадами и вились на томъ мѣстѣ, гдѣ синій дымокъ поднимался между деревьями и показывалъ мѣсто вчерашняго ихъ пребыванія. Когда плыли наши путешественники между горами, Герръ Антонъ указалъ Дольфу горнаго орла, властителя здѣшнихъ мѣстъ, сидящаго на сухой вѣтви, свѣсившейся надъ рѣкою, и съ поднятыми къ небу глазами, казалось, любовавшагося величіемъ упреннаго солнца. Приближеніе лодки встревожило размышлявшаго властителя. Онъ расправилъ одно крыло, потомъ другое, уравниваясь одно мгновѣніе и покинувъ свое сѣдалище, пикировалъ вели-

чественно поднялся надъ головами плавателей. Дольфъ схватилъ ружье и выпалилъ въ него: пуля сшибла нѣсколько перьевъ съ крыла; выстрѣлъ ошозвался отъ утеса къ утесу и повторился въ тысячу отголосковъ; но властитель пернатыхъ летѣлъ тихо, всходилъ выше и выше, большими кругами, надъ зеленою вершиною лѣсной горы, пока совсѣмъ пропалъ изъ виду за послѣднимъ высочайшимъ ея утесомъ. Дольфъ оскорбился молчаливымъ пренебреженіемъ орла, и почти упрекалъ самого себя, что такъ безразсудно оскорбилъ величественнаго повелителя пернатыхъ. Герръ Антонъ, смѣясь напомнилъ ему, что они еще не выплыли изъ предѣловъ владѣнія Дондербергскаго духа, а старый Американецъ покачалъ головою и замѣтилъ, что не на добро шощъ наскочить, кто спанеть стрѣлять въ орла, и что, напрошивъ, охотникъ всегда долженъ оспавлять ему часть своей добычи.

Впрочемъ, ничто не оспанавливало путешествія нашихъ странствователей. Весело проплыли они величественныя, пустынные мѣстоположенія, пока достигли острова Поллополя, находящагося въ окончаніи горнаго хребта: здѣсь былъ привалъ; хотѣли провести въ записи самый жаръ и дать отдыхъ гребцамъ. Одни приготавливали шущъ полдникъ, пока другіе отдыхали въ тѣни густыхъ деревьевъ, любуясь красотою окрестнаго мѣстоположенія. Съ

одной стороны представлялся имъ нагорный берегъ, состоявшій изъ горъ крутыхъ и высокихъ, усѣянныхъ лѣсомъ, далеко по водѣ простиравшимъ мрачную тѣнь; съ другой, обширное пространство водъ, подобное большому озеру, отрѣзано было отъ рѣки зеленѣющимъ мысомъ; наконецъ, въ самой дали синѣлась гора Шаунгункъ, какъ застывшая волна на чистой лазури неба, иногда задерживавшейся дымчатымъ облакомъ.

Но я не стану рассказывать подробностей плаванія подлѣ береговъ рѣки: Бродящее, земноводное житье, плаванье по серебристымъ волнамъ, ходьба по дикому лѣсному берегу, пирушки на тѣнистыхъ мысахъ, гдѣ зелень деревьевъ шумитъ надъ головой и волны рѣки блещутъ у ногъ; отдаленныя горы, и скалы, и деревья, и бѣлоснѣжныя облака, и лазурь неба, все, облеченное прелестью лѣтнихъ дней, все это, прекрасное въ существенности, надѣждаетъ въ повѣствованіи.

Когда останавливались наши странствователи, одна часть ихъ шла въ лѣса охотиться, другіе ловили рыбу, иные забавлялись спрѣляя въ цѣль, прыгали, бѣгали, боролись, и Дольфъ приобрѣлъ величайшую благосклонность Герръ Антона своею ловкостью и искусствомъ во всѣхъ сихъ упражненіяхъ; я сказалъ уже, что Герръ считалъ ихъ совершенствомъ человѣческихъ дарованій.

Такъ весело жили они, выбирая только самые удобные часы для путешествія, иногда на утренней зарѣ, иногда въ тихій вечеръ, иногда-же, какъ только блѣдное сіяніе луны начинало серебрить волны, вокругъ небольшого ихъ суденышка. Никогда Дольфъ не жила въ шакомъ привольѣ, никогда не чувствовалъ онъ никакого согласія со всѣмъ тѣмъ, что его окружало, какъ теперь, въ дикой, подверженной всякимъ случайностямъ жизни. Онъ оказывался человекомъ совершенно такимъ, какихъ любилъ Герръ Антонъ и безпрестанно болѣе и болѣе заставлялъ любить себя. Сердце стараго весельчака билось отъ радости, видя молодого человека, обшавшаго со временемъ быть почто тѣмъ, чѣмъ всегда былъ онъ самъ, и когда приближались они къ концу своего путешествія, Герръ не вытерпѣлъ болѣе и просилъ Дольфа рассказать ему подробности своей жизни. Дольфъ обо всемъ откровенно рассказалъ ему, рассказалъ и свое Медицинское ученіе, и малый успѣхъ свой, и будущій сомнительный жребій своей жизни. Герръ чрезвычайно пораженъ былъ тѣмъ, что такія необыкновенныя дарованія, какія видѣлъ онъ въ Дольфѣ, должны быть погребены и скрыты подъ докторскимъ парикомъ. Онъ совершенно презиралъ искусство лекарское, никогда не знавши другаго лекаря, кромѣ своего здороваго сложенія. Онъ не терпѣлъ даже никакого ученья, съ тѣхъ

Горь, какъ еще бывши мальчишкой, высвѣченъ онъ былъ, когда не добрался смысла въ какой-то учебной книжкѣ. И вообразить, что молодой человекъ, подобный Дольфу, который шакъ славно спрѣляетъ, удишь, бѣгаешь, прыгаешь, вздишь верхомъ, борется, принужденъ будетъ казать пилула и шолочь кореня для своего пропшанія: это ужасно! Онъ совѣщивалъ Дольфу не опчаяваться и «бросить ремесло людоморовъ.» Передаю слова, какъ были они сказаны. «Молодой малый, съ такими удивительными дарованіями, всегда сыщешь себѣ дорогу въ свѣтъ,» продолжалъ Герръ Аншонъ. «Въ Альбани, у тебѣ нѣтъ, кажется, никакого пріюта: ты можешь приспавать прямо ко мнѣ и оспаваться подъ моей кровлей, пока не вздумаешь воротиться домой, а между тѣмъ мы поохопимся и поудимъ съ побоемъ: жаль твоей способности оспавлять долго въ праздности.»

Дольфъ, брошенный на игру случая, не затруднился въ согласіи своемъ. Впрочемъ, какъ онъ ни начиналъ обдумывать, какъ ни размышлялъ, онъ не могъ не вообразить, что Аншонъ-фанъ-дерь-Гейденъ, *такъ или сякъ*, связанъ былъ въ участіи его съ заколдованнымъ домомъ, что несчастный случай, столкнувшій его съ Герръ Аншономъ въ горахъ, *такъ или сякъ*, велъ къ чему нибудь хорошему. Всего удобнѣе рывашъ затрудненія словами: *такъ*

или слякб: эта дорожка, по которой брѣдять всѣ беззаботные люди, крѣпкіе заднимъ умомъ, подобные нашему Дольфу Гейлигеру. Идя по ней, могутъ они весьма легко мирить прошедшее горе съ ожидаемымъ счастьемъ и, правду сказать, обладаютъ пайною счастія спольже драгоценною, какъ философскій камень; словомъ, нашъ Дольфъ рѣшился идти по легкой дорогѣ *такб. или слякб*.

По прїѣздѣ въ Альбани, появленіе Дольфова покровителя, казалось, произвело всеобщую радость. Множество поздравленій встрѣпило его на берегу, еще больше на улицахъ: собаки ласпились къ нему, мальчишки кричали отъ радости, цѣлый свѣтъ, казалось, знаетъ Герръ Антона. Дольфъ слѣдовалъ за нимъ въ молчаніи, удивляясь чистотѣ, опрятности прекраснаго города: тогда Альбани былъ еще въ полной славіи и обитаемъ почти исключительно одними потомками Голландскаго племени. Въ него не набрелъ еще тогда безпокойный народъ изъ Новой Англіи. Все было спокойно и въ порядкѣ: ни шуму, ни крику, ни толканья; всѣ жили не сшибаясь другъ съ другомъ. Густая трава росла на немощенныхъ улицахъ и веселила глаза своею свѣжею зеленью. Высокіе сикоморы, или плакуція березы осѣняли дома и крыши были паутинами гусениць. безопасно развѣшавшихъ длинныя нити, или въ видѣ бабочекъ радовавшихся новому своему пре-

образованію. Дома построены были въ старинномъ Голландскомъ вкусѣ, съ превысокими кровлями. Опрятныя хозяйки сидѣли на лавочкахъ передъ дверьми домовъ, въ капорахъ, унизанныхъ большими складками, въ красныхъ юбкахъ, съ бѣлыми передниками и усердно вязали чулки. Мужья сидѣли тутъ-же на другихъ лавочкахъ, покуривая табачокъ; у ногъ хозяевъ сидѣли маленькія Негритянки и шили. Ласточки вились вокругъ кровель и косыми линіями быстро пролетывали вдоль улицъ, унося богатые добычи своимъ маленькимъ крикунамъ; прелестные подкрапивники летали вокругъ своихъ крошечныхъ жилищъ, привлеченныхъ къ стѣнамъ дома; коровы шли домой, мычали и останавливались подлѣ ворошъ своихъ хозяевъ, дожидаясь, когда начнутъ ихъ доить; маленькіе Негрѣнки подгоняли поненъкими хворостинами лѣнвивыхъ и опспававшихъ.

Гдѣ ни шелъ Дольфовъ покровитель, вездѣ встрѣчало его ласковое наклоненіе головы хозяина, привѣтливое слово хозяйки, всѣ за проспо называли его Аншономъ, ибо въ этомъ уголку папріархальнаго быта всѣ жили росли вмѣстѣ и называли другъ друга проспо по именамъ, какое кому дано было при крещеніи. Герръ мало однакожь останавливался для обыкновенныхъ своихъ шутокъ: ему нетерпѣливо хотѣлось видѣть своихъ домашнихъ, и вскорѣ Герръ Аншонъ и госпи его при-

шли къ мирному своему пристанищу. Домъ Герръ Антона былъ огромное строеніе, въ Голландскомъ вкусѣ, съ огромными желѣзными буквами на переди его, показывавшими годъ, когда онъ построень; эпоха построенія его восходила почти до времени первыхъ переселеній Голландскихъ.

Вѣсть о прїздѣ Герръ Антона, предупредила приходъ его и уже весь домашній народъ бѣжалъ встрѣтить своего хозяина. Передъ домомъ стояла толпа маленькихъ и большихъ Негровъ. Спарики, посѣдѣвшіе въ домъ Герръ Антона, хохотали отъ радости, неловко поздравляли его и кривлялись, а маленькіе Негры прыгали вокругъ него. Но самое счастливое швореніе, изъ всѣхъ осчастливленныхъ его прїездомъ, была невысокая, миленькая, кровь съ молокомъ дѣвушка, единственное дитя его и отрада его сердца. Она прїбѣжала и хопѣла обнять своего опца; но при взглядѣ на неизвѣснаго молодого человека, пришедшаго съ опцомъ, засмыдилась и обробѣла, какъ обыкновенно робѣють дѣвущія, никогда не оставлявшія отеческаго жилища. Дольфъ съ удивленіемъ и радостію смотрѣлъ на нее: никогда Дольфъ не видывалъ ничего подобнаго. Она одѣта была очень мило, по спаринной модѣ Голландомъ, въ узкомъ корсетѣ и коротенькой, широкой юбочкѣ, нарядъ столько выгодномъ для показанія стройнаго снѣга

и хорошенькой ножки. Волосы ея красиво завиты были вокруг маленькой красной шапочки и оплывали свѣжую бѣлизну лица ея; глаза были голубые, блестящія, сманъ прекрасный; ножки... словомъ: это была маленькая Голландская богиня, и Дольфъ, не умывшій выдерживашь силы каждаго новаго впечатлѣнія, шопчасъ влюбился въ нее до безумія.

Ласковымъ привѣтствіемъ пригласили Дольфа войти въ домъ. Внупреннее устройство дома представляло смѣшеніе любимыхъ привычекъ Герръ Антона съ великолѣпіемъ его предковъ. Мебель въ комнапахъ была старинная, лучшаго краснаго дерева; буфеты и горки блистали тяжелой серебряною посудой и дорогимъ Кишайскимъ фарфоромъ. Надъ каминомъ былъ, по обыкновенію, фамильный гербъ, раскрашенный и въ кружкѣ. Выше его висѣло отличное ружье съ Американскими снарядами и пороховымъ рогомъ. Главная комната убрана была множествомъ Американскихъ орудій, калюмешами мира, томагауками, ножами и поясами изъ уампуна; шупъ-же были разнаго рода рыболовные приборы и два или три охотничьи ружья. Домашнія дѣла вообще ведены были, какъ видѣлось, по прихотямъ хозяина, поправляемымъ, можетъ быть, маленькими заботами его дочки. Патріархальная простота и добродушіе замѣтны были во всѣхъ пошупкахъ домашняго народа.

Негры приходили безъ всякаго призыва въ комнапы, только для того, чшобы смотрѣть на своего хозяина и слушать его рассказы: они стояли у дверей, пока онъ продолжалъ говорить, потомъ смѣялись и уходили рассказывать въ кухню, что услышали. Пара маленькихъ Негрѣнковъ играла на полу въ собаками и опнимала у нихъ хлѣбъ, намазанный масломъ. Всѣ люди съ домъ Герръ Антона были веселы и счастливы, а когда накрыли ужинъ, разнообразіе и изобиліе домашнихъ припасовъ показывали, и роскошную щедрость хозяина, и отличное умѣнье хозяйствовашь его дочери.

Вечеромъ собралась главнѣйшая Альбанская знать, фанъ-Реннселлеерсы, фанъ-Гансеворпы, фанъ-Розебоомсы и другіе друзья Фанъ-Деръ-Гейдена, слушать рассказы о новомъ его походѣ: онъ былъ Синдбадь Альбани, и подвиги и похождения его были любимымъ предметомъ разговоровъ между жителями Альбани. Когда спарики засѣли подлѣ дверей и рассказывали другъ другу безконечныя исторіи, Дольфъ учтиво подсѣлъ къ дочери Герръ Антона, сидѣвшей на лавочкѣ у кошки. Они уже успѣли познакомиться между собою: въ тѣ счастливыя времена не знали еще притворной осторожности и пустыхъ околичностей, и припомъ всегда было и есть что-то чрезвычайно благодѣтельное для любовниковъ въ мракѣ длинныхъ

лѣпныхъ вечеровъ: таинственный сумракъ ободряетъ самый несмѣлый языкъ и не даетъ замѣтить щекъ, пылающихъ огнемъ робкой спѣдливости. Однѣ звѣзды блистали на небѣ и фонари проходящихъ, по временамъ, слабо мелькали въ комнатахъ мимобѣгущимъ свѣтомъ.

Что говорилъ Дольфъ на прелестное ушко дѣвочки Герръ Антона, пересказать не возможно: слова были такъ тихо, такъ неясно выговариваемы, что ни одно почти слово не дошло до ушей Дольфова историка. Вѣроятно, впрочемъ, что у Дольфа не недоставало краснорѣчія. Припомъ, онъ былъ одаренъ природнымъ дарованіемъ нравиться дѣвушкамъ. Дольфъ и сосѣдка его совсѣмъ не замѣтили, что собесѣдники Герръ Антона, одинъ за другимъ, убрался изъ дома; Герръ Антонъ, упомянутый разсказами, дремалъ въ своихъ креслахъ, какъ вдругъ пробудилъ его громкій поцѣлуй, копорымъ Дольфъ Гейлигеръ неоспорожно вздумалъ кончить одинъ періодъ своей рѣчи, и копорый опдался въ пишинѣ комнаты, какъ исполешный выспрѣль. Герръ поднялся съ кресель, велѣлъ подать огня и замѣшилъ, что пора распаваться и идти спать; но желая доброй ночи, онъ дружески пожалъ руку Дольфа, смѣючись поглядѣлъ на него и значительнѣе покачалъ головою. Ахъ! добрый Герръ Антонъ хорошо помнилъ, что и самъ онъ бывалъ молодъ.

Комната, гдѣ помѣстили нашего героя, была обширна и обита дубомъ. Еней главную мебель составляли шкафы съ платьемъ и огромные коммоды, чистые въ шершые воскомъ и украшенные мѣднымъ скобками; въ нихъ набито было множество бѣлья. Добрыя Голландскія хозяйки-взстари любили похвастаться такимъ домашнимъ богатствомъ передъ посѣтителями.

Впрочемъ, душа Дольфа была шакъ полна, что нѣкогда ему было замѣчать что за предметы его окружали; но онъ не могъ однакожь удержаться, чтобы не сравнить на досугъ свободное, сердечное житье-бытье Герръ Антона съ запачканнымъ, скучнымъ хозяйствомъ Доктора Ниппергаузена; еще сверкнула у него мысль, разрушавшая всѣ его радости, мысль, что онъ скоро долженъ оставить своего добраго хозяина и милую хозяйку и снова быть одинъ одинѣхонекъ на бѣломъ свѣтѣ. Остаться здѣсь надолго была-бы непростительная глупость: онъ и безъ того уже влюбленъ по уши, а шакому бѣднику, каковъ былъ онъ, мечтать о дочери знаменипаго Герръ Антона-фанъ-дерь-Гейдена... и мысль объ этомъ казалась Дольфу сущою глупостью! Самая ласковость, какую показала милая эпа дѣвушка, по мѣкоторомъ размышленіи, заставляла его ускорить опѣздомъ: завоевать сердце дочери Герръ Антона значило заплачивать

му дерзкою неблагодарностью. Словомъ Дольфъ думалъ и размышлялъ какъ многіе молодые мыслители, съ добрымъ сердцемъ легкою головою, думаясь сдѣлавши и вѣлаясь иначе нежели придумали: вечеромъ рѣшались превосходнымъ образомъ, а утромъ забудуть на что рѣшились.

»Но, право, мое путешествіе не дурно-же кончилось!« сказалъ Дольфъ, погружаясь въ мягкую постелю и закрываясь вѣлымъ, чистымъ одѣяломъ. »Вмѣсто того, чтобы мнѣ возвратиться домой съ мѣшкомъ денегъ, меня бросило на чужую сторону; въ карманъ ни одного шпивера, а сверхъ того, я влюбленъ въ такую неровню, что и подумать спрашно! Да что до этого« (прибавилъ онъ, попягиваясь и перевернувшись на одинъ бокъ): «квартира у меня теперь славная, а шамъ . . . будемъ думать о томъ, что есть: придетъ день, будетъ умъ. Не даромъ говорится: *той-ли дорогой, другой-ли, а все къ лучшему.*»

Говоря такъ, онъ протянулъ руку и хотѣлъ запустить свѣчку, какъ вдругъ остановился и испугался: онъ увидѣлъ — привидѣніе Заколдованнаго дома, споявшее передъ нимъ въ темномъ углу комнашъ..

Другой взглядъ разувѣрилъ его: онъ узналъ, что принятое имъ за привидѣніе, въ самомъ дѣлѣ было только Голландскій порпрешъ, висѣвшій надъ коммодомъ въ углу. Впрочемъ, порпрешъ этотъ былъ

точное изображеніе ночнаго постыпшела Заколдованнаго дома: такой-же влокъ, такая-же съдая борода и выпученные глаза; такая-же шляпа, съ перомъ на одной споронъ! Дольфъ вспомнилъ теперь о сходствѣ, какое замѣчалъ онъ сполько разъ между Герръ Аншономъ и старикомъ Заколдованнаго дома, и вполнѣ убѣдился, что между ними было что-то общее и что какой-то таинственный жребій управлялъ его путешеспвіемъ. Онъ смотрѣлъ на портретъ почти съ такимъ-же спрахомъ, какъ прежде смотрѣлъ на таинственный подлинникъ его, пока звонкій бой спѣнныхъ часовъ не возвѣспилъ ему, что уже давно наступила ночь. Дольфъ потушилъ огонь; но долго оставался онъ въ раздумьѣ о всѣхъ любопытныхъ обспоятельстввахъ и отношеніяхъ; все вертѣлось у него въ головѣ, пока онъ не заснулъ. Ему привидѣлся сонъ, и сонъ эшотъ былъ сообразенъ бродящимъ его мыслямъ. Снилось Дольфу, что онъ все еще смотритъ на портретъ старика и что портретъ поспепенно оживляется, споднитъ се спѣны, идетъ по комнашѣ, а Дольфъ слѣдуетъ за нимъ и оба очутились — у колодца въ Заколдованномъ домѣ! Тутъ старикъ указываетъ пальцомъ на колодець, умѣхается и исчезаетъ.

Проснувшись поуспру, Дольфъ увидѣлъ у успели своей Герръ Аншона. Весело пожелалъ онъ Дольфу добраго успра

и спросилъ: каково гоще его ночеваль? Дольфъ отвѣчалъ ему и скорѣе свѣшилъ распросить о поршрентъ, висѣвшемъ на стѣнѣ. «Ахъ!» сказалъ ему Герръ Аншонъ, «это поршрентъ стараго Киліана Фанъ-дерь-Шпигеля, одного изъ бургмейсперовъ Амстердамскихъ, который, по случаю какого-то смашенія, оставилъ Голландію и перѣхалъ въ здѣшнюю сторону, во время губернаторства Петра Спкюйвезанта. Онъ былъ предокъ мой, по женскому колѣну, и старый скупяга. Когда Англичане захватили Новый Амстердамъ, въ 1664 г., онъ удалился въ деревню; тамъ впалъ въ задумчивость, безпрестанно мечтая, какъ-бы не опняли у него имѣнія и какъ-бы не сдѣлаться ему подъ старость бѣднякомъ. Онъ обратилъ все въ наличныя деньги и спряшалъ; годъ, или два, послѣ того бродилъ еще по разнымъ мѣстамъ, перемѣнялся, свирывался, все думая, что Англичане его преслѣдуютъ и хотятъ опнять у него деньги. Наконецъ, нашли его однимъ упромъ мертваго въ его постелѣ, и до сихъ поръ никто не знаетъ, гдѣ спряшалъ онъ большую часть своихъ сокровищъ.»

Герръ Аншонъ вышелъ изъ комнашы и Дольфъ нѣсколько времени былъ погруженъ въ размышленія. Вся душа его была наполнена слышаннымъ рассказомъ. Онъ вспомнилъ, что Фанъ-дерь-Шпигель было родовое имя его машери и что ему расска-

звали когда то почно о Киіанъ Фанъ-деръ-Шпигелъ, какъ объ одномъ изъ его предковъ. Дольфъ слыжалъ даже отъ матери, что мужъ ея, Дольфовъ отецъ, былъ законный наследникъ этого шарика Киіана; но что шарикъ умеръ, не оставя ему ничего въ наследство. Теперь увидѣлъ Дольфъ, что Герръ Антонъ также попомокъ, а можетъ быть и наследникъ этого бѣднаго богача, и что сѣдовѣтельно Фанъ-деръ-Гейденъ и Гейдигеры между собой родни. „Что,“ думалъ Дольфъ, „если послѣ всего этого, вопъ и изъясненіе моихъ сновъ; если я долженъ былъ сдѣлаться счастливымъ повздой въ Альбани и если я найду забытое богатство шарика въ колодцѣ Заколдованнаго дома? Но каковъ-же крюкъ сдѣлалъ это шарикъ скряга для объясненія своей тайны! Что-бы ему рассказать мнѣ погда-же у колодца, не заспавляя меня плыть въ Альбани, купаться въ рѣкѣ — и все для того только, чтобы выслушать здѣсь разсказъ объ немъ и опсправиться опять шарикомъ путемъ?“

Такъ думалъ Дольфъ одвываясь. Онъ сходилъ по лѣстницѣ, въ нѣкоторомъ сомнѣніи, когда вдругъ мелькнуло передъ нимъ прелесное личико Маріи Фанъ-деръ-Гейденъ и улыбка ея, казалось, разрѣшила всѣ сомнѣнія Дольфа. „Да!“ подумалъ онъ, „шарикъ правъ. Если онъ дѣлаентъ меня своимъ наследникомъ, вѣрно ему хошѣ-

«Ах, чтобы и прелестная внучка его так же досталась его наследнику. Оба семейства родныя могутъ вновь соединиться и богатство опарика достанется всѣмъ вмѣстѣ, кому должно.»

Только что пришло это въ голову Дольфа, какъ онъ былъ уже совершенно убѣжденъ. Теперь нешерпѣливо желалъ онъ поскорѣе вѣшать назадъ и завладѣть богатствами, которыхъ, какъ не сомнѣвался онъ болѣе, лежали на днѣ колодца; онъ пререпалъ, чтобы прежде его не открылъ ихъ ктонибудь другой. „Кто знаетъ,“ думалъ Дольфъ, «если у этого похитителя Заколдованнаго дома въ обычаѣ являться каждому похитителю и если онъ все разскажетъ такому-же какъ я бродягѣ, а тотъ прогуляется не до Альбани, а только до колодца?» Тысячу разъ желалъ Дольфъ, чтобы на это время опарикъ Заколдованнаго дома сдѣлался такимъ-же сиднемъ, какъ портретъ его на стѣнѣ у Герръ Антона. У Дольфа была точно лихорадка вѣшать. Два или три дня прошло однакожь, пока представился ему случай отправиться въ Мангаштое. Какіе тяжелые были эти дни! Цѣлые вѣка, не смотря на то, что миленькая Марія улыбалась ему весело и что Дольфъ каждый день болѣе и болѣе въ нее влюблялся.

Наконецъ шлющъ, съ котораго такъ удачно слетѣлъ Дольфъ, приготовился къ отплытію. Дольфъ недовко разскажалъ

хозяину своему о причинахъ скорого отъезда. Герръ Аншонъ изумился. Онъ было распорядился уже поддужины повозокъ въ окрестности и Американцы его готовились къ большой экспедици на одно изъ дикихъ озеръ. Герръ отвелъ Дольфа въ сторону и испощилъ все красноречіе, убеждая его оставить помышленія о дѣлахъ и побыть еще съ нимъ, но напрасно. Герръ принужденъ былъ наконецъ замолчать, и только замѣпилъ, что «жаль, очень жаль, если такой отличный молодой человекъ принужденъ попусту перясть свое время.» Впрочемъ, Герръ Аншонъ дружески сжалъ руку Дольфа на прощанье и подарилъ ему любимое свое ружье, вмѣстѣ съ приглашеніемъ: считать его домъ за свой собственный, когда еще вздумается посѣтить Альбани. Марія не сказала ни слова; но когда Дольфъ поцѣловался съ нею на прощанье, щеки ея поблѣднѣли и слезы сверкнули на глазахъ.

Тотчасъ побѣжалъ Дольфъ на корабль. Паруса подняли, вѣтеръ задулъ; скоро пропалъ вдаль Альбани, съ его зеленѣющими горами и веселыми островами. Быстро проплыли Каапскильскія горы, у которыхъ очарованныя вершины были на шопъ разъ свѣшлы и безоблачны. Благополучно миновали владѣнія Дондербергскаго духа и его подчиненныхъ. Миновавъ Аверспраусскій заливъ, Крошонскій мысъ,

переплывъ Таппаанское море, на третій день послѣ обѣда плавапели наши увидѣли Обокенъ, чернѣвшій вдали, какъ облако, и вскорѣ послѣ того, крышки домовъ Мангапшпойскихъ появились изъ волнъ рѣки.

Первая мысль Дольфа была бѣжать къ своей доброй матери; ему покою не давала мысль: какъ перенесла она потерю сына; онъ не зналъ однакожъ и того, какъ и объяснилъ ей опѣздъ свой, не открывая тайны Заколдованнаго дома, а этой тайны онъ никому не хотѣлъ ввѣрять. Въ какомъ-то раздумьѣ Дольфъ вошелъ въ улицу, гдѣ былъ домъ его матери... но какво было изумленіе его, когда на мѣстѣ дома онъ увидѣлъ только кучу развалинъ!

Тутъ узналъ Дольфъ, что во время его отсутствія страшный пожаръ истребилъ множество большихъ домовъ: и бѣдная хижинка госпожи Гейлигеръ подверглась разрушенію вмѣстѣ съ ними. Дольфъ едва могъ распознать нѣкоторые слѣды тѣхъ мѣстъ, гдѣ прошекло его дѣтство. Не смотря на опустошеніе пламени, каминъ подлѣ копораго игрывалъ Дольфъ, еще торчалъ въ обгорѣлыхъ стѣнахъ дома, украшенный Голландскими изразцами, съ разными изображеніями, на которыхъ съ такимъ удивленіемъ смотривалъ прежде Дольфъ. Между обломками домашняго скарба нашель онъ остатки кресель, на которыхъ сидѣвала прежде добрая мать его, давая сыну своему полезныя нравоченія.

Даже и исчисленная книга проповѣдей Гуса Фанъ-дерь-Шлагфершпанда, полуобгорѣлая, валялась на родимомъ пепелищѣ.

Страшное зрѣлище это ужаснуло Дольфа, когда онъ подумалъ, что мать его погибла въ пламени. Но скоро вывелъ его изъ ужаснаго сомнѣнія одинъ сосѣдь, случайно шедшій мимо и сказавшій ему, что госпожа Гейлигеръ еще жива.

Впрочемъ, добрая старушка поперяла все въ этомъ несчастіи. Народъ, сбѣжавшійся на помощь, такъ занятъ былъ таканьемъ имѣнія изъ домовъ богатыхъ ея сосѣдей, что небольшая хижинка и все что имѣла бѣдная старушка сгорѣло безъ всякой помѣхи; безъ усердной помощи спараго друга, Пипера Грудша, вѣроятно и сама бѣдная мать Дольфа, съ своимъ котомъ не избѣжала-бы участи, постигшей домъ ея и все имѣніе.

Испугъ, горе сразили госпожу Гейлигеръ и она сдѣлалась больна. Публика оказала къ ней впрочемъ, все свое благорасположеніе. Кроме того, что когда спасли все, что было возможно, у богатыхъ сосѣдей ея, люди, тушившіе огонь, рѣшились было помогать и госпожѣ Гейлигеръ, но увидѣвъ, что у нее уже нѣчего спасать, всѣ сошлись къ обгаркамъ дома, жалѣли объ ея участи, и шутъ-же положили собрать ей что нибудь на бѣдность. Несчастный жребій ея сдѣлался предметомъ всеобщаго сожалѣнія. Всѣ жалѣли объ ней болѣе не-

желали когда нибудь прежде, и если-бы сожалѣніе можно было перебить въ деньги. . . Боже милостивый! какъ богата сдѣдалась-бы госпожа Гейлигеръ!

Наконецъ, рѣшено было на самомъ дѣлѣ, что надобно чѣмъ нибудь пособить ей въ крайности. Въ слѣдствіе этого Доминусъ торжественно объявилъ въ первое воскресенье, что благочестивые его слушатели не должны отказать въ помощи бѣдной вдовѣ спарушкѣ, и всѣ благочестивые слушатели тотчасъ изъявили самыми разительными словами свое участіе. Даже Альдерменъ Кобужъ Гроссбикъ и Герръ Милльдоллеръ, богатый Голландскій купецъ, встали съ своихъ скамеекъ и присоединили свои голоса къ Доминусову. Само по себѣ разумѣется, что состраданіе столь знаменитыхъ гражданъ было весьма важно. Докпоръ Ниппергаузенъ тогда-же посвѣпалъ по званію своему госпожу Гейлигеръ, ссудилъ ее, безъ всякой паны, множествомъ добрыхъ совѣтовъ и всѣ хвалили Доктора за его челоуѣколюбіе. А что дѣлалъ спарый другъ, Питеръ Грудшъ? Что могъ сдѣлать эпошъ бѣднякъ, и къ чему-бы годилось его состраданіе, увѣщаніе и совѣты! Да онъ и не говорѣлъ ни слова, а сдѣлалъ только что могъ: далъ у себя приюстъ бѣдной спарушкѣ.

Къ смиренному жилищу Питера Грудша шихонько побрелъ Дольфъ. Ида, онъ

вспомнилъ всю нѣжность и любовь своей добродушной матери, ея снисходительность къ его проступкамъ, ея забывчивость его шалостей, и когда привелъ она себя на память свою безпечную, шалостливую жизнь, «я былъ негодяй!» вскричалъ онъ и печально опустилъ голову. «Такъ! признаюсь въ этомъ! Но,» прибавилъ Дольфъ, сложа руки и смотря на небо, «но пусть только она останется жива, пусть только будешь жива . . . я докажу, что я сынъ, достойный своей доброй матери!»

Когда Дольфъ приблизился къ дому Пипера Грудпа, спарикъ эшошъ вышелъ нечаянно изъ дверей и съ ужасомъ опустивъ ошь Дольфа, не зная: не привидѣніе-ли какое явилось передъ нимъ! Но какъ тогда было еще на дворѣ свѣтлѣхонько, Пиперъ скоро опомнился ошь ужаса, вспомнивъ, что мертвецы въ такую пору не ходящъ. Дольфъ узналъ ошь почтеннаго ключаря о спрахѣ и слухахъ, какія произвела въ городѣ нечаянная пропажа его. Единогласно рѣшили все, что Дольфа унесъ некошной, госпившій въ Заколдованномъ домѣ, и спарикъ Абрагамъ фанъ-Дозеръ, жившій неподалеку ошь ужаснаго эшого дома, увѣрялъ, что въ ту самую ночь, когда пропалъ Дольфъ, слышенъ былъ въ воздухѣ спрашный крикъ, точно, какъ будто огромное стадо дикихъ гусей лептѣло подѣ облаками. Въ слѣдствіе всего эшого, на Заколдованный домъ начали

смопрѣшь еще съ большимъ ужасомъ, нежели прежде. Ни за что въ свѣтъ, никто не хотѣлъ уже въ немъ оспаться на ночь, а Докпоръ, даже и днемъ переспалъ шуда въздись.

Надобно было взять нѣкоторыя предосторожности, чѣобы мапери сказать о приѣздѣ Дольфа. Бѣдняжка уже считала его погибшимъ, а припомъ душа ея была еще безпреспанно перзаема усердіемъ посѣпителей и посѣпительницъ, приходившихъ къ ней съ разказами о мершвецахъ и людяхъ, унесенныхъ нечиспыми духами. Дольфъ нашель спарушку въ постель, съ послѣднимъ оспаткомъ величія дома Гейлигеровъ, спарымъ копомъ: бѣднякъ мурныкаль по прежнему, копя въ пожарѣ спалиль свои усы, придававшіе такое величіе его физиогноміи. Добрая спарушка заплакала, крѣпко обвила руки свои около шеи Дольфа и только могла воскликнуть: »Дитя мое! ты еще живъ!« — На минушу, казалось, она забыла всѣ свои потери и несчастія, опъ радости, при видѣ сына. Спарый котъ шопчасъ показаль явные знаки, что и онъ радуется возвращенію молодого своего хозяина.

Глаза спарушки еще болѣе оживились, когда она увидѣла, что кромѣ ее самой, есть еще швореніе, копорое радуется возвращенію ея сына. »Тибъ узналь шебя! бѣдняжка!« сказала она, поглаживая шелковистую шерсть своего любимца; но вдругъ

поглядѣла на себя, печально опустила голову и прибавила: «Ахъ! милый мой Дольфъ! матери твоей нечѣмъ будетъ помогать тебѣ! не знаю, какъ я и сама буду питаться! Что-же будетъ съ тобою, дитя мое!»

— Не говорите мнѣ объ этомъ, маме́нъка! вскричалъ Дольфъ. Я долго былъ вамъ въ тягость, и теперь пришелъ мой чередъ успокоить васъ на старости. Ободрились, не грустите! Вы, и я, и Тибъ доживемъ еще до веселыхъ дней. Вы видите, что я молодъ, здоровъ и крѣпокъ. Я не сомнѣваюсь, что все пойдетъ хорошо, и вѣрьте, что *той-ли дорогой, другой-ли, а на свѣтѣ все къ лучшему!*“

Пока все это происходило въ домѣ Пяттера Грудта, вѣсть долетѣла къ Доктору Ниппергаузену, что ученикъ его возвратился живъ и здоровъ по прежнему. Маленькій человѣчекъ самъ не зналъ: радоваться-ли ему или печалиться при этой вѣсти. Правда, появленіе Дольфа опровергало страшные рассказы объ его загородномъ помѣщеніи, но ему, спряхъ какъ досадно было, что ученикъ, ошъ котораго онъ почиалъ уже себя освобожденнымъ, опять, какъ съ неба свалился, ему на руки. Такъ колебался Докторъ между двумя различными чувствами, пока совѣты Фрау Илзе рѣшили его, что гораздо выгоднѣе упереться на самовольное отсут-

ствіе Дольфа и захлопнуть ему навсегда двери.

Вотъ, къ тому времени, какъ, по вѣзмъ расчешамъ, бѣглый ученикъ долженъ былъ явиться на старое гнѣздо свое, все приготовлено было къ его принятію. Дольфъ наговорился съ своею матерью, успокоилъ ее, отправился къ дому своего quondam наставника и дрожащею рукою постучался въ двери. Едва только раздался первый, скромный ударъ его, какъ Докторова голова, въ красномъ спальномъ колпакѣ, высунулась въ одно окошко, а голова управительницы, въ бѣломъ ночномъ чепчикѣ, въ другое. Дольфъ осыпанъ былъ страшнымъ множествомъ упрековъ и выговоровъ, смѣшанныхъ съ неоправданными совѣтами, какими люди обыкновенно ссужаютъ друзей въ несчастіи и человека въ бѣдѣ. Черезъ нѣсколько минутъ не было ни одного окошка въ цѣлой улицѣ, въ которомъ не появилась бы какая нибудь голова въ спальномъ колпакѣ и не слушала звонкое щебетанье Фрау Илзе и хриплое кваканье Доктора Ниппергаузена. Отъ окошка къ окошку летала одна рѣчь: «А! вотъ Дольфъ Гейлигеръ явился и хочетъ приняться за старое ремесло!» — Короче: бѣдный Дольфъ увидѣлъ, что отъ Доктора нѣчего ждать, кромѣ добрыхъ совѣтовъ: этого добра, видно такъ много было у Доктора, что онъ даромъ кидаль его за окно. Дольфъ по неволѣ ударилъ опбой и

на ночь принужденъ былъ просить себѣ ночлега у честнаго Пипера Грудта.

На слѣдующее утро, чуть забрежжилось, какъ Дольфъ былъ уже въ заколдованномъ домѣ. Тамъ все осталось точно такъ, какъ было въ послѣдній его ночлегъ. Поле вокругъ заросло густою правою и по всему можно было замѣтить, что ни одна душа человѣческая не приближалась сюда во время Дольфова отсутствія. Съ препенущимъ сердцемъ подошелъ онъ къ колодезю, заглянулъ въ него и увидѣлъ, что колодець этакъ глубокъ и что въ немъ есть вода. Дольфъ запасся уже крѣпкою хвороспиною, подобною пѣмъ, какими удятъ рыбу на ошмѣляхъ Ньюфаундленскихъ. На ней прикрѣпилъ онъ грузильцо и крючокъ. Такимъ орудіемъ началъ Дольфъ мѣрять колодець и удилъ что попадется. Онъ увидѣлъ, что глубина воды въ колодецѣ порядочная и что камни, упавшіе сверху колодца, завалили его. Много разъ крючекъ цѣплялся тамъ за каменья и едва не изломалось удилище. Но вотъ Дольфъ зацѣпилъ и выпатцилъ — черепъ конской, еще . . . спремена! Уже давно ловилъ Дольфъ, а ничего еще не поймалъ онъ такого, что-бы могло разогнать его сомнѣнія, или подкрѣпить надежды. »Какой-же я дуракъ“ (вскричалъ онъ)! »повѣрилъ моему бреду“ . . . Дольфъ рѣшился бросить крючекъ свой въ колодець и опказаться ошъ всѣхъ надеждъ своихъ.

»Еще разъ !« вскричалъ онъ, «это будетъ послѣдній !» Дольфъ еще разъ опускаетъ крючекъ, чувствуетъ, что грузильцо понептъ между камнями, и когда онъ хочетъ тащить свое удилице назадъ, видитъ, что крючекъ зацѣпился за что-то тяжелое. Со всею осторожностію началъ онъ выпаскивать, боясь чибобы пруть, который такъ и гнется, не изломался. Мало помалу, камни закрывавшіе то, что прицѣпилось къ крючку, развалились на всѣ стороны. Дольфъ вытащилъ свою добычу на поверхность воды и — какова была радость его, видя, что на крючекъ висѣло что-то, блестящее, какъ серебро ! Едва дыша, Дольфъ тащилъ свою добычу, удивляясь необыкновенной ея тяжести и спрашась безпрестанно, что она сорвется съ крючка и бухнетъ опять въ воду. Наконецъ Дольфъ выпаскиваетъ ее изъ колодца благополучно: это большая серебряная миса, старинной формы, богатой ошдаки и съ гербами, точно такими, какіе были на каминѣ въ домѣ госпожи Гейлигеръ. Вся миса эта опущана была накрѣпко проволокою. Дрожащею рукою Дольфъ распушываетъ проволоку . . . распуталъ . . . глядишь: миса полнѣхонька большихъ золотыхъ монетъ, такого чекана, какого Дольфъ до того времени и не видывалъ ! Явно, что онъ нашелъ скрытое мѣсто, гдѣ старый Киліанъ Фанъ-дери Шпигель спряхалъ свои сокровища.

Боясь, чтобы какойнибудь проходящий его не замѣшилъ, Дольфъ потчасъ убрался отсюда шихонько и спрячалъ свою драгоценную мису въ самомъ сокровенномъ мѣстѣ. Онъ побѣжалъ въ городъ и началъ распускать самыя спрашныя исторіи о Заколдованномъ домѣ, осперегая всякаго, что не должно даже и подходить къ нему близко, а самъ между тѣмъ въ ненастные дни, когда никого не было на окрестныхъ поляхъ, всегда бывалъ тамъ, попому что, надобно сказать правду, ночью и самъ Дольфъ не смѣлъ студа показаться. Въ первый разъ въ жизни сдѣлался онъ дѣятельнѣе и трудолюбивѣе, продолжалъ свое новаго рода ловленье, постоянно, съ успехомъ, и въ самое короткое время наловилъ столько денегъ, что въ тѣ умѣренныя времена, могъ на цѣлую жизнь свою сдѣлаться однимъ изъ богатѣйшихъ бургеровъ.

Разсказывать-ли подробно остальную исторію Дольфа? Сами догадаетесь, что помаленьку поспарался онъ перепродать всѣ свои сокровища, не возбуждая ни удивленія ни подозрѣній; что наконецъ, удовлетворивъ всѣ опасенія свои, онъ зажилъ славно, женился на миленькой Маріи Фанъ-дербъ-Гейденъ, съ Геррѣ Антономъ жилъ душа въ душу и весело развѣзжалъ съ нимъ по окрестностямъ Альбани и Мангашпое.

Впрочемъ, не лѣзя не досказать вамъ, что Дольфъ взялъ спарушку мать свою къ себѣ въ домъ и, какъ самый добрый сынъ,

дѣляла ее въ преклонныхъ лѣтахъ. Госпожа Гейлигеръ насладилась наконецъ шую радостью, что о сынѣ своемъ ни опъ ко- го не слыкала зловѣщихъ полковъ; напро- тивъ, онъ каждый день болѣе и болѣе при- ходилъ въ общее почтеніе, всѣ хорошо го- ворили объ немъ и объ его винахъ, и самый гордый бургмейстеръ никогда не опказы- вался опъ приглашеній къ Дольфову обѣду. Часто Дольфъ за споломъ рассказывалъ о своихъ шалостяхъ, заставлявшихъ цѣлый городъ ненавидѣть его; но пупъ всѣ со- глашались, что опъ шалости были самыя остроумныя шутки, и гости, самыя сте- пенные и важныя, хохотали до упаду, слы- ша рассказы весельчака Дольфа. Никто такъ не былъ изумленъ неожиданными до- стоинствами Дольфа, какъ старый на- ставникъ его, Докторъ Ниппергаузенъ, но Дольфъ такъ былъ не злопамятенъ, что сдѣлалъ его своимъ домашнимъ Докторомъ, взявъ однакожь предосторожность выкиды- вать за окошко все, что ни предписывалъ Докторъ. Мать Дольфа часто собирала въ зимніе вечера старыхъ знакомыхъ своихъ пить чай, въ веселой небольшой комна- тѣ своей, и когда Ниперъ Груднъ, сидя пупъ у огонька и качая на колыняхъ внучка ея, поздравлялъ ее съ тѣмъ, что Дольфъ сдѣлался такимъ великимъ человѣ- комъ, добрая старушка всегда съ удивле- ніемъ покачивала головою и опивчала: «Ахъ, ны сосѣдъ сосѣдъ! Да не говорила-ли жъ

шебъ всегда, что Дольфъ право будешь лучше всякаго другаго ?

Такъ-то поживалъ Дольфъ, радостно и благополучно, и чѣмъ старѣе и умнѣе онъ становился, тѣмъ веселѣе былъ и совершенно разрушилъ старое повѣрье, что *кладъ нейдетъ въпрокъ*. Онъ употреблялъ свои деньги на добрыя дѣла, сдѣлался почетнѣйшимъ гражданиномъ, а наконецъ и членомъ правительства. Онъ былъ великій покровитель всѣхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій, какъ то: *Общества библiотека* и *Клуба пѣсельниковъ*; почетное мѣсто отводили ему на всѣхъ общественныхъ обѣдахъ; онъ первый ввелъ въ употребленіе черепаховыя супы, улучшилъ породу скаковыхъ лошадей и драчливыхъ пѣшуховъ, и всегдашнимъ былъ покровителемъ скромныхъ дарованій: кто умѣлъ спѣть застольную добрую пѣсню или рассказать хорошую исторію, могъ быть твердо увѣренъ, что за Дольфовымъ столомъ вѣрно найдется для него мѣсто.

Дольфъ былъ также членомъ Общественнаго Комитета, издавашаго полезныя учрежденія объ усприцахъ, и подарилъ городовому совѣту большую пуншевую чашу, сдѣланную изъ пойн серебряной мисы, кошорую Дольфъ выпатчилъ прежде всего изъ колодца; чаша эта и теперь хранишся, какъ драгоценный подарокъ.

Наконецъ, тихо и вѣсело скончался нашъ Дольфъ въ глубокой старости и съ величайшею почестью погребенъ былъ на кладбищѣ маленькой Люшеранской кирхи въ Садовой улицѣ, гдѣ можете еще и теперь видѣть его памятникъ, съ скромною эпитафіею, написанною въ Голландскихъ стихахъ другомъ его Герръ Юспусомъ Бенсономъ, стариннымъ и превосходнымъ поэтомъ Манганшпойской области.

Повѣсть, слышанная вами отъ меня, основывается на самыхъ вѣрныхъ фактахъ, какіе едва ли можно предъявить для всякой другой повѣсти въ этомъ родѣ. Почтенный дворянинъ Іосія Фанъ-деръ-Мееръ слышалъ ее отъ своего дяди, слышавшаго ее отъ самого Дольфа. Окончаніе своего разказа Дольфъ доверялъ только, за величайшую тайну, немногимъ испытаннымъ друзьямъ, за собственнымъ своимъ споломъ, и за большою, вышеозначенною, пуншевою чашею, и какъ спранны и неимовѣрны ни были по видимому подробности разказа, но никогда и ни одинъ изъ слышавшихъ не показывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Да! я и забылъ было сказать вамъ, что Дольфъ почивался однимъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ спрълковъ изъ лука, въ цѣлой области.

(Съ Англіиск. F.)

II. С М Ъ С Ъ.

Журналистика.

Подписчикамъ *Журнала Преній* присланъ былъ въ прошломъ мѣсяцѣ пробный листокъ *Вѣстовщика* (le Nouvelliste), Ахенской Газеты, ежедневно издаваемой Боваромъ, Редакторомъ и типографщикомъ. Этого журнальнѣй образчикъ не прельстителенъ и вѣроятно никого у насъ не соблазнитъ на подписку. Такъ и-быть, ради домашняго издѣлья, можно подписываться на свои и худше Журналы; но кто-же велишь за свои деньги покупать чужое, когда оно нехорошо? *Вѣстовщикъ* наружностью походитъ на Франкфуртскій Журналъ, но хуже напечатанъ; порядокъ внутреннѣй, кажется, очень сбивчивъ; тому, который спроситъ о духѣ этой Газеты, можно отвѣчать, что образчикъ, намъ доставленный, надушенъ пространною спашьею о происхожденіи, родословіи, качествахъ, и проч. и проч., трюфелей, которою, или которыми поживился одинъ изъ ученѣйшихъ Журналовъ нашихъ. Вотъ что называется лакомиться добромъ на перехватъ и не даешь ничему спуска!

Между провинціальными Французскими Журналами встрѣчаются такіе, которые могутъ поспорить въ достоинствѣ и съ столичными, или, по крайней мѣрѣ, идти непосредственно за ними. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ выходившихъ въ свѣтъ въ прошломъ году: *Просвѣтитель Роны* (l'Éclaircissement de

Rhône), *Независимый* (l'Indépendant), печатались въ Лионѣ; *Указатель Бордосскій* (l'Indicateur Bordelais), *Журналъ Тулузскій* (le Journal de Toulouse), *Сѣверное Эхо* (l'Echo du Nord), *Другъ Харти* (l'Ami de la Charte), выходившіе въ Клермонъ - Фанранъ и въ Нантъ и *Листокъ Камбрейскій* (la Feuille de Cambrai). Впрочемъ, провинціальные Журналы, также, какъ и Парижскіе, раздѣлены на мнѣнія. Правительство, по числу подписчиковъ каждаго Журнала, можешь такимъ образомъ, безъ лишнихъ издержекъ и трудовъ, судить о большинствѣ голосовъ за такое-то или другое мнѣніе. Периодическія изданія, здѣсь упомянутыя, были въ большомъ расходѣ, за постоянное направленіе ихъ къ пользѣ общественной, за неуклонное служеніе истины распространеніемъ мнѣній благонамѣренныхъ, тѣсно сопряженныхъ съ благосостояніемъ гражданскимъ и государственнымъ.

Подписчики *Кормтаго*, прекращеннаго, получаютъ въ возмездіе *Французскую Газету* (la Gazette de France); слѣдовательно: подозрѣнія наши и опасеніе, что подписныя деньги пропадутъ безъ зачета, оказались несправедливыми. *Французская Газета* сlyветъ во Франціи Іезуитскою газетою. У насъ, слава Богу, Іезуитовъ нѣтъ, и по этому намъ до еееокрашическихъ мнѣній ея дѣла мало. Но все-же имѣетъ она болѣе правъ на любопытство наблюдателей, потому, что она рѣшительнѣе и въ своемъ направленіи прямѣе *Кормтаго*, который всегда лавировалъ и держался береговъ. Мы будемъ во временахъ знакомить читателей Телеграфа

съ листками Французской Газеты, а на первый раз почерпнемъ въ ней примѣчательный отрывокъ изъ Исторіи Наполеона, В. Скоптомъ изданной. Читателямъ Журналовъ извѣстно, что новый Историкъ навесъ въ сочиненіи своемъ шпжкое обвиненіе на Генерала Гурго, приверженца Наполеона, поварица его въ ссылкѣ и извѣстнаго военными сочиненіями; что Генеральъ написалъ очистительное опроверженіе; что В. Скоптъ подтвердилъ свой приговоръ и представилъ историческіе доводы. Изъ Журналовъ не видимъ полного слѣдствія и производства любопытной шпжбы, и пошому не приспаемъ ни къ шой, ни къ другой сторонѣ, хотя для чести человечества и шоржества неизмѣнной вѣрности несчастію, желаемъ Генералу Гурго оправдаться и разсѣять подозрѣнія, затмѣвающія блескъ его прѣжней жизни. Вотъ пока сущность шпжбы:

„Генераль Гурго (слѣдуя за Наполеономъ на островъ Св. Елены) оставилъ во Франціи мать и сестру, нѣжно его любившихъ и къ которымъ онъ былъ сердечно привязанъ, Изъ дружбы къ нимъ и въ слѣдствіе желанія ихъ увидѣться съ нимъ, Генераль Гурго захотѣлъ возвратиться въ свое отечество, Ревность и несогласія, господствовавшія между имъ и Графомъ Берспраномъ, еще болѣе утвердили его въ зномъ намѣреніи: онъ просилъ Губернатора и получилъ ошъ него позволеніе ѣхать прямо въ Лондонъ. Оставляя островъ Св. Елены, говорилъ ошъ Сиръ-Гудзонъ-Доу и Барону Стюрмеру, Австрійскому Коммисару, о тайныхъ надеждахъ и планахъ, доими занимались въ Лонгвудѣ. Приѣхавъ въ Англію, весною 1818 года, онъ не менѣе опкровенень былъ и съ Правительствомъ и уведомилъ его о разныхъ

предположеніяхъ побѣга, кои были представлены Наполеону, о удобствахъ и затрудненіяхъ сихъ плановъ и о причинахъ, побуждавшихъ Наполеона предпочесть пребываніе на островѣ покушеніямъ побѣга. Тогда думали, что Генералу Гурго хотѣлось попасть въ милость у Короля Французскаго; какъ-бы то ни было, какія ни были-бы его собственныя намѣренія, но черновыя подлинныя извѣщеній, данныхъ имъ Сиръ Гудзонъ-Лоу, Барону Спюрмеру и послѣ въ Лондонѣ Вице - Секретарю военному, храняшся въ архивахъ; извѣщенія сіи сходствуютъ между собою и достоверность ихъ не подлежитъ сомнѣнію (*et leur authenticité ne sauroit être mise en question*). Всѣ подробности означены съ величайшимъ тщаніемъ; но въ именахъ соблюдена строжайшая осторожность, съ тѣмъ, чтобы никто не могъ подпастъ отвѣтственности по приведеннымъ показаніямъ. Вообще эти подлинныя черновыя носятъ на себѣ, какъ и ожидать должно, оппечашокъ чистоты и правды.

„Намъ часто будетъ случай ссылаться на сіи документы, съ тѣмъ, чтобы читатель могъ противопоставить испинныя намѣренія Наполеона, рѣчамъ, способствующимъ ему для достиженія своей цѣли. Мы узнаемъ, что Генераль Гурго, возвратившись на твердую землю, принялся за прежнюю свою вѣжность къ памяти Императора, и вѣроятно теперь жалѣешь, что сообщилъ тайны заоченія его, ушамъ не совѣтъ дружелюбнымъ; но сія перемѣна въ чувствахъ не можешь ни сколько ослабить испины свидѣтельства его, ни уничтожить права нашего передать гласности доставленные отъ него свѣдѣнія“ (томъ XVIII, глава 5, изданіе in 12).

»Генераль Гурго (прибавляеть къ тому Газета Лионская, изъ коей почеркнуша сташья сія во Французскую Газету) не можеть-ли къ оправданію своему сказать, что личная преданность особа Наполеона не ослѣпляла его до той степени, что онъ готовъ былъ принестъ въ жертву сему чловѣку спокойствіе и выгоды Европы, которую новое покушеніе, подобное Эльвскому, могло еще разъ предать пламени?»

Едва-ли и это оправданіе очистило-бы обвиняго. Генераль Гурго могъ, не входя въ разногласіе съ совѣстью своею, отклонитъся отъ соучастія въ исполненіи предположеній, которыя казались ему предосудительными, но ничто не должно было побудить его предать чловѣка, уже и такъ судьбою справедливо преданнаго, когда это чловѣкъ, уповая на свидѣтельства самоотверженія и величайшихъ пожертвованій, ему въ дань приписанныхъ Генераломъ Гурго и малымъ числомъ его товарищей, повѣрялъ имъ тайныя помышленія свои, какъ друзьямъ испытаннымъ въ горнилахъ несчастія, имъ общаго. Довольно найдется людей, которые во всѣхъ случаяхъ готовы поступать по расчетамъ благоразумія и такъ называемой повелительной необходимости, но весело и утѣшительно встрѣчатъ изрѣдка исключенія, увлекающіяся романтизмомъ сердца, когда дѣло идетъ о своей собственной опасности и о вѣрности къ благодѣтелю въ несчастіи.

Какъ-же не признать, что есть *согласіе гени-
аль*, по крайней мѣрѣ эпическихъ! Господа Кришкики!
судите сами. Едва появилась у насъ *Александрон-
да*— и у Французовъ печатные станки шакже засто-
вали подѣ поэмою въ двадцати четьрехъ пѣсняхъ:
Александронда или отомщенная Греція, сочине-
ніе Сильвана Фаланшея. Александръ Македонскій, ге-
рой Фаланшея-Омира. Не только *согласіе* въ под-
вигѣ, но и въ приемахъ: и Французской поэмы на
первый случай показала только голова, изъ деся-
ти пѣсней составленная, а хвостъ пошянется въ
непродолжительномъ времени. *Французская Газета*
отзывается съ похвалою о представленномъ образ-
цѣ: но отзывается-ли кто съ похвалою о лишшера-
турномъ вкусь Французской Газеты? Вотъ вопросъ.
И у насъ одинъ Журналь акалъ въ посхищеніи . . .
Вотъ и здѣсь *статка* журнальная! »Н. Н. ру-
чается за умъ такога-то, «говорилъ Н. . . ., а кто
ручается за умъ Н. Н.?» спросилъ онъ съ жи-
востью.

На горизонтѣ Литтературы Французской
еще носится эпическая туча: *Кловисіада*, героиче-
ская поэма, въ двадцати четьрехъ пѣсняхъ. Охота
было Омиру подавать такой несчастный примѣръ!
Сочинитель этой поэмы какой-то *Дародъ-де Лиль-
бомъ*. Откуда берутся эти дородные Эпики? До-
стойно замѣчанія, что худые поэты принимаютъ
охотнѣе хорошихъ запоземы, трагедіи и Геркулесов-
скіе подвиги поэтического міра. Какъ часіно тотъ,
кто не чувствуетъ въ себѣ силы написать изящное
посланіе, остроумную эпиграмму, замысловатую пѣ-
сню, приступаетъ къ комедіи въ пяти актахъ,

въ стихахъ, чтобы запугать огромнымъ предпріятіемъ добросердечныхъ судей, которые спѣшаютъ посторониться почтительно предъ пышнымъ цугомъ Парнаскаго Бригадира, шолько не Фонъ-Визинскаго.

Журнальный сыщикъ.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

Le gros de Naples uni ou broché, le mérinos broché, la popeline unie, la bourre de soie, sont les étoffes des robes et des redingotes. On voit plus de robes à carreaux que de robes à raies et à pois. Les étoffes rayées, dites *osagiennes* ou *missouriennes* ressemblent beaucoup aux *calmandes* qui étaient à la mode dans la jeunesse de la plus que centenaire Elisabeth Durieux. — Ventre de girafe, ou brun-osage, vert-antique sont les couleurs à la mode pour les robes de mérinos. Les volans sont brodés en soie de la même nuance. — Le matin, en négligé, les merveilleuses et les jeunes personnes portent des tabliers très-étroits et très-courts, à la *provençale*, en taffetas à carreaux. Ces tabliers, froncés du haut, sont dentelés tout autour, ou bordés d'une ruche découpée; ils ont deux petites poches. — Déjà, le soir, au spectacle, et même l'après-midi à la promenade, les élégantes ont repris leur *boa* de martre. — Les chapeaux de satin noir commencent à devenir nombreux: les uns sont garnis d'un grand biais qui entoure la forme et qui est doublé, ainsi que la passe, en satin couleur de feu.

(*) До 10 Октября, 1827 г.

Souvent ce biais figure par devant, un croissant. A droite et à gauche, au bas de la forme, sont placés deux plumets couleur de feu, en plumes lisses. — Quelques chapeaux habillés, en velours noir ou jaune-girafe ont, au haut de la forme, deux plumets blancs, et entre ces plumets une longue plume blanche. Une rosette, ou plutôt une large cocarde en ruban de satin agrafe à la fois les plumets et la plume — Parmi les fleurs de fantaisie qui servent à orner des chapeaux et des bérêts, nous citerons de l'avoine à feuilles d'or et à grains noirs; de la fougère dont la tige est en soie jaune-orange, et dont les feuilles sont en plumes noires; enfin une fleur, dont les tiges nombreuses et menues sont terminées par de petites boules noires et brillantes. — Grand nombre de bérêts en gaze-mousseuse, en gaze-neige, en gaze-damassée, sont composés de grand plis, qui forment comme trois éventails. Entre ces plis on place les fleurs de fantaisie que nous venons de décrire, et de plus des cerceaux de ruban ou des rouleaux de satin. — Les merveilleux portent des boutons de chemise en cornaline rouge taillée à facettes. — Les nouveaux lorgnon sont à deux verres, se plient et se replient, pour entrer dans un étui d'écaille, d'où on les fait sortir en poussant un petit bouton d'or. L'étui doit être très étroit; les verres doivent le dépasser de chaque côté. On ne dit plus mon lorgnon, mais mon binocle.

Гроденаплъ, гладкій или вышитый, мериносовая ткань, вышитая, поплинь гладкій, бур-де-суа — вотъ матерія для платьевъ и реденготовъ. Платьевъ изъ матерій съ квадратами болѣе видно, нежели изъ матерій съ полосками и кружечками. Матерія полосатая, называемая *Озажскими*, или *Миссурскими*, походятъ на *Кальмандскія*, бывшія въ модѣ за спо. — Цвѣтъ : *брюхо жирафа*, темно-озажевый и зеленый цвѣтъ змѣвика — вотъ модныя цвѣта для платьевъ изъ мериносовой ткани. Воланы на нихъ вышиваются шелкомъ такого-же оштѣнка, какъ платье. — Утромъ, *запросто*, щеголихи и молодыя особы носятъ узенькіе, коротенькіе передники *Провансальскіе*, изъ шафты съ квадратами : они дѣлаются съ двумя карманчиками ; сверху въ складкахъ ; края ихъ вырѣзаны зубчиками, или обшиты сръзаннымъ рюшемъ. — По вечерамъ, въ театрѣ, и даже послѣ обѣда на прогулкахъ, щеголихи начали уже носить тумакковыя *боа*.

Апласныя, черныя шляпки входятъ болѣе и болѣе въ употребленіе ; иныя изъ нихъ убираются большимъ косякомъ, окружающимъ тулью и подбитымъ, также, какъ и поля шляпки, апласомъ огненнаго цвѣта ; иногда косякъ этотъ составляетъ напередѣ шляпки полумѣсяцъ. Направо и налево, внизу тульи, два плюмажа изъ гладкихъ перьевъ, огненнаго цвѣта. — На нѣкошорыхъ нарядныхъ шляпкахъ, изъ бархата, цвѣта чернаго, или желшо-жиратоваго, въ верху тульи, видите два бѣлые плюмажа и между ними длинное бѣлое перо. Розетка, или лучше скажете, широкая кокарда изъ апласныхъ лентъ служить аграфомъ, и плюмажамъ и перу. — Изъ

исла выдуманныхъ цвѣшовъ, служащихъ къ украше-
нiю шляпокъ и беретовъ, упомянемъ объ овсѣ , съ золо-
тыми листочками и черными зернушками; о папо-
ютникѣ , у котораго стебелекъ шелковый , цвѣща
желто-оранжеваго, а листочки изъ черныхъ перьевъ;
законецъ, объ одномъ цвѣточкѣ, у котораго много-
численные тоненькiе стебельки оканчиваются чер-
выми , блестящими шариками. — Большое число
беретовъ изъ *пѣнистаго газа* , изъ *газа свѣжнаго* ,
изъ *газа камтатнаго* , состоитъ въ большихъ склад-
кахъ, образующихъ, какъ будто три вѣера. Между
ними складками находятся выдуманные цвѣты , о
коихъ мы говорили , и сверхъ того , обручки изъ
ленгъ, или апласные випки.

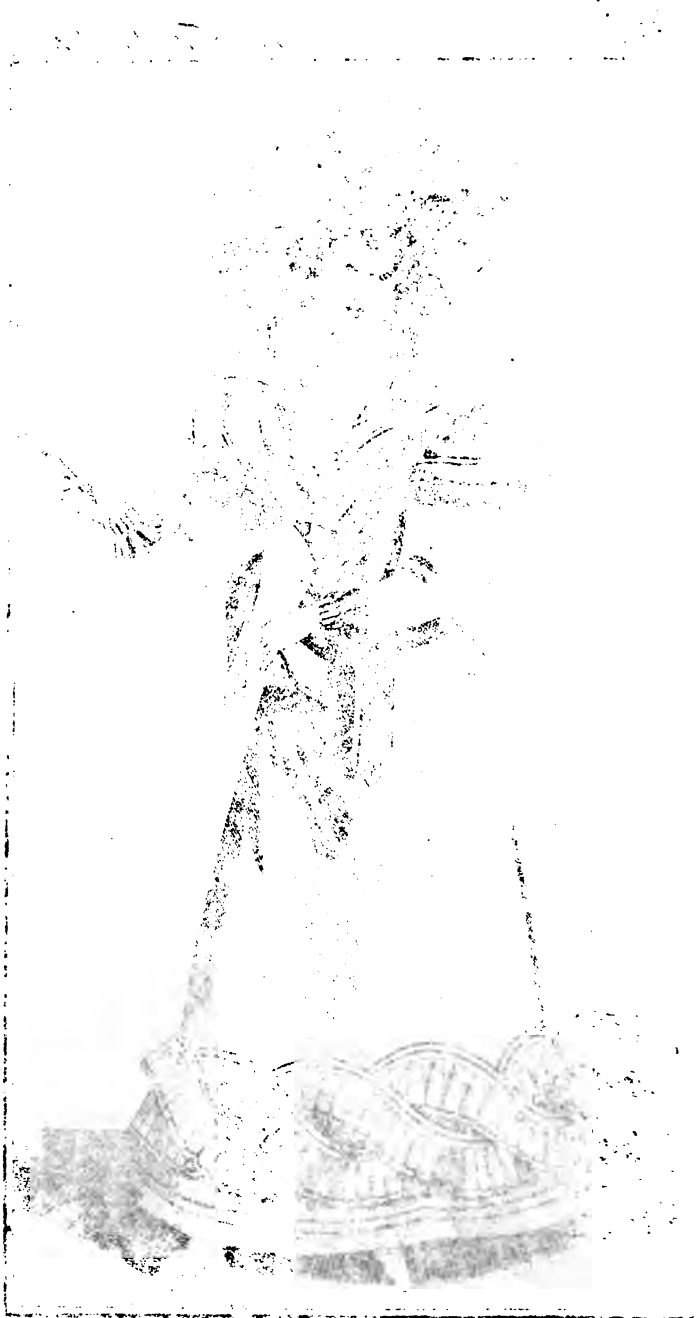
Щеголи носятъ на рубашкахъ пуговики изъ
краснаго , граненнаго à *facettes*, сердолика (корнали-
на). — Новые лорнетсы , съ двумя стеклами, скла-
дываются такъ , что легко можно помѣстить ихъ
въ черепаховый футлярчикъ; стекла выходятъ, если
подавите золотую пуговку на футлярчикъ , копо-
рый долженъ быть весьма плоскiй. Стекла должны
быть видны изъ него съ обѣихъ сторонъ. Теперь
нѣтъ уже въ употребленiи слова : *lorgnon*, но гово-
рятъ: *binocle*.

На страницѣ 119 жъ No 18 го Телеграфа, въ строкѣ 29 жъ,
вмѣсто: *зелено-сиреневъ цвѣшомъ* должно быть: *цвѣтомъ*
аримбдьяки.

На приложенной картинкѣ :

Апласная шляпка, убранная блондами, перьями и вѣнкомъ изъ гранашъ. Плашье изъ морелевой матеріи ; уборка : воланы, окруженные дугами изъ шелку.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЕ

О ВНОВЬ ВЫШЕДШЕМЪ МЕДИЦИНСКОМЪ СОЧИНЕНІИ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ВРАЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ,

издаваемою Докторомъ Медицины М. Маркусомъ, Надворнымъ Советникомъ и Кавалеромъ, Московской Голицинской больницы Инспекторомъ.

Врачебная Наука и Искусство, основываясь на познаніи законовъ природы и ея дѣйствій на человеческое шло, какъ въ здоровомъ станѣ и болѣзненномъ состояніи, — предшавляешъ въ наши времена кругъ свѣденій, распросстраняющій свои предѣлы ежедневно болѣе и болѣе ошъ умножающихся наблюдений и опышовъ. На сихъ послѣднихъ сѣ ошдаленнѣйшихъ временъ основывалось искусство врачевашъ, а посему, всякой новый опытъ, всякое новое наблюдение, должно необходимо упрочивашъ сие основаніе. Врачъ, преслѣдующій усовершеншование своей науки, долженъ необходимо знашъ перемѣны, случающіяся въ кругу оной; но часшо встрѣчаешъ къ шому большія затрудненія; ибо новѣйшія наблюдения и опышы заключающся, или въ особыхъ швореніяхъ, или въ периодическихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, коихъ приобрѣшеніе шѣишъ значительныхъ издержекъ.

Желая, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать къ усшраненію шоль важнаго препятшвія къ распросстраненію врачебныхъ свѣденій въ нашемъ Ошечествѣ, нижеподписавшійся намѣренъ издавашъ Медицинское сочинение подѣ заглавіемъ: Врачебныя Записки, коего главнѣйшею цѣлію будетъ: собирая истинно-полезныя врачебныя свѣденія,

разсѣяныя по многочисленнымъ Иностраннымъ, особенно же періодическимъ сочиненіямъ передавать ихъ въ крашнихъ, но объемлющихъ сущность предмѣла извлеченіяхъ на языкѣ ошечешвенномъ.

Другое, не менѣе полезное назначеніе сихъ Записокъ есть то: чшобы сдѣлать оныя со временемъ хранилищемъ наблюденій ошечешвенныхъ Врачей.

Предмѣшомъ сихъ Записокъ будущъ Врачебная Наука и Искусство во всей обширности, съ шѣмъ однакожъ, чшобы Пракшическая часть Медицины какъ полезнѣйшая предшавлялась преимущественно внимацію чшашеля, Теоретическая же ограничивалась бы шольно необходимымъ изложеніемъ шѣхъ предмешовъ, кои нужны для Медицины основанной на опысахъ и наблюденіяхъ, пушеводимыхъ здоровымъ и сшрогимъ сужденіемъ.

Источники, изъ коихъ почерпнутся сообщаемыя свѣденія, вромѣ оригинальныхъ и классическихъ шворей, будущъ всѣ лучшія иностранныя Періодическія изданія, Медицинскаго содержанія.

Сшашьи помѣщающа въ двухъ слѣдующихъ отдѣленіяхъ: первое отдѣленіе, заключаая науки собственно Медицинскія, будещъ содержать сшашьи: изъ Паталогіи, Терапіи, Хирургіи, Акушерства, Судебной Медицины, Медицинской Полиціи, Науки о Женскихъ, Дѣшскихъ и Глазныхъ болѣзняхъ. Во второе отдѣленіе, предназначаемое для вспомогаельныхъ наукъ Медицины, помѣщающа сшашьи изъ разныхъ отраслей Ешестшвовѣденія, какъ въ ошношеніи Физиологическомъ шанъ и Фармакологическомъ.

Въ заключеніи сообщаемы будущъ Литературныя, библіографическія. и разнаго содержанія любольшинныя извѣстія.

Сочиненіе сіе издаваемо будеть въ неопредѣлен-
ное время книжками , заключающими не менѣе 12
листовъ. — Благосклонное принятіе онаго опредѣ-
лишь число книгъ , долженствующихъ выдти въ
продолженіи будущаго 1828 года , впрочемъ Изда-
тель предполагаетъ издавать оныхъ до шрехъ.

Цѣна каждой книжки или часши 5 руб. ассигнац.

Первая часшь уже выпла,изъ печати и роздаеш-
ся у Гна Полеваго, въ Коншорѣ Московскаго Теле-
графа, на большой Дмишровѣ въ домѣ Г. Селива-
новскаго, гдѣ принимаешся подписа и на слѣдую-
щія часши. —

Д. М. Маркусъ.

МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА.

Ободренный шрехъ-лѣшнимъ, постояннымъ вни-
аніемъ Публики и Лишшерашоровъ ошечествен-
ныхъ и иностранннхъ, нижеподписавшійся будешъ
одолжашъ изданіе *Московского Телеграфа* и въ
будущемъ 1828 году.

Цѣль сего Журнала ошашеша прешняя: по возмо-
ности полное изображеніе современнаго сосшоя-
нія Наукъ и просвѣщенія, въ Россіи и иностран-
ныхъ государстввахъ, и взглядъ на успѣхи ума че-
ловѣческаго по главѣйшимъ ошраслямъ знаній. Но
абы соединить пользу съ удовольствіемъ, Теле-
графъ заключашъ въ себѣ ошдѣленіе Изящной
словесности, Разныя Извѣстія и Смѣсь.

Расположеніе Телеграфа, заслужившее одобреніе
росвѣщенной Публики, ошашеша прешнее.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА. Оригинальныя и
переводныя изъ новѣйшихъ иностраннхъ книгъ и
Журналовъ сшашъи, касашельно Изящныхъ Ис-
кусствъ, Историческо - Полишическихъ знаній
наибъ-шо: Исторіи собственно, Исторической Кри-
тики, Археологіи, Сшашисшики, Полишической
Экономіи, и проч).

II. КРИТИКА. Разборы важнѣйшихъ новыхъ
сочиненій, ошечественныхъ и иностраннхъ, ка-
сашельно историческихъ и другихъ знаній; шакже
разборы важнѣйшихъ произведеній Изящной Слове-
сности, въ Лишшерашурахъ: Русской, Французской,
Нѣмецкой, Англійской, Польской.

III. БИБЛІОГРАФІЯ. Извѣстія о новыхъ кни-
гахъ, издаваемыхъ въ Россіи, съ вращими о нихъ
замѣчаніями.

Библиографическія извѣстія о замѣчательнѣй-
шихъ явленіяхъ иностраннхъ Лишшерашуръ.

Журналистика или размошрѣніе современныхъ
Журналовъ, ошечественныхъ и иностраннхъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ. Историче-
скія обзорѣнія важнѣйшихъ собышій современныхъ;
біографіи и неврологіи знаменитыхъ современни-
ковъ; ученія извѣстія; новыя ошкрышія, изобрѣше-
нія; пушешесшвія. Вообще, въ семъ ошдѣленіи при-
ложено будешъ сшараніе (исключая полишическія
извѣстія и изслѣдованія) предшавить картину
современной Исторіи, Географіи и Сшашисшики.

V. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Произведенія, въ стихахъ и прозѣ, ошечесивенныхъ Лишшерашоровъ; Русскія повѣсти; ошрывни изъ новѣйшихъ романовъ и повѣсти извѣстныхъ иноошранныхъ писателей; нравы и проч.

VI. СМѢСЬ. Разныя лишшерашурныя извѣстія; переписка; извѣстія о шеапрахъ, о замѣчательныхъ событіяхъ въ Москвѣ, Пешербургѣ и другихъ мѣстахъ нашего ошечесшва; Французскія и Англійскія моды, съ каршинками новѣйшихъ модныхъ костюмовъ, дамскихъ и мужскихъ. *Картинокъ приложено будетъ (какъ прежде) въ теченіе года тридцати шесть.*

Въ 1-мъ отдѣленіи, Издашель, сверхъ другихъ предмешовъ, обратишь вниманіе чашателей на ошечесивенныя фабрики, заводы, мануфакшурныя и коммерцію. — Военная ишорія шакже досшавишь много машеріаловъ. — Событія прежнихъ временъ будутъ иногда предшавляемы въ занимательныхъ ишорическихъ повѣствованіяхъ.

Въ 3-мъ отдѣленіи, Издашель посшарѣе, сколько возможно поляѣе, помѣстишь библиографію *всѣхъ Русскихъ книгъ и Журналовъ*, включая книги и Журналы, выходящія въ Ошѣ-Зейскихъ и Польскихъ обласшяхъ Россійской Имперіи, для чего приняшы Издашелемъ предшарительныя мѣры.

Телеграфъ въ шеченіе шрехъ лѣтъ былъ украшаемъ произведеніями ошличѣйшимъ Лишшерашоровъ нашихъ. Издашель надѣеся, что и на будущее время они не ошавяшь украшашъ Телеграфъ своими произведеніями. — Издашель имѣеъ нѣсколько драгоцѣнныхъ и донинѣ неизвѣстныхъ произведеній прежнихъ знаменишыхъ нашихъ писателей, шакже многіе ишорическіе акты и памятники, кои будутъ помѣщены въ Телеграфѣ.

Съ Новаго года будетъ еще издаваемо, при каждой книжкѣ Телеграфа, особенное Прибавленіе подъ названіемъ: *Изображенія новѣйшихъ мебели, экипажей, уборокъ комнатъ, образцовъ матерій, узоровъ для шитья*, и проч. и проч. — Самое названіе показываеъ цѣль сего прибавленія: она состоишь въ томъ, чшобы нашимъ фабриканшамъ, машерамъ мебели и экипажей и другимъ художникамъ досшавишь образцы, могущіе руководшвовашъ ихъ вкусомъ и показывашъ имъ новѣйшія произведенія фабриканшовъ и художниковъ Парижскихъ, Лондонскихъ и Вѣнскихъ. При усовершеншвованіи ошечесивенныхъ издѣлій, мы чувшвуемъ щедосшашонокъ подобнаго изданія. У насъ ешеъ превосходныя

исшера и художники; шолько за недоспашкомъ но-
йшихъ фасоновъ и образцовъ, они ошсшають
иь иноспранцовъ. Желая принесшь всевозмож-
ю пользу въ семъ ошшошеніи, Издашель Теле-
афа полагаешъ шаную цбну за *Прибавленіе*, кошо-
я шолько ошупила-бы собшвенныя его издержки
выписку иноспранныхъ журналовъ, нарочно для
го предмеша, гравировку и раскрашиванье рисун-
въ. *Прибавленіе можно получать и отдбльно отъ*
телеграфа.

Цбна Телеграфа, отдбльно отъ Прибавленія,
шаешся прежняя: за 24 книжки, съ 36 картинка-
и Парижскихъ модъ, дамскихъ и мужскихъ, и дру-
ми гравюрами, снимками почерковъ, поршреша-
и и каршами, *въ Москвб, тридцать пять рублей*
сигнаціями; съ пересылкою, во всб другіе города
россійской Имперіи, сорокб рублей ассигнаціями.

Цбна Прибавленія, отдбльно отъ Телеграфа,
4 картинки, хорошо гравированныя и раскрашен-
и, съ ошсаніями), *въ Москвб, десять рублей асси-*
аціями; съ первылною, во всб другіе города Рос-
ійской Имперіи, пятнадцать рублей ассигнаціями

Но особы, выписывающія Телеграфъ, *въ Москвб*
съ пересылкою, платятб за Прибавленіе только
ть рублей ассигнаціями, шо ешъ: за Телеграфъ и
рибавленіе въ Москвб сорокб рублей; въ пересылкою
рокб пять рублей.

Желая привешъ въ лучшій порядокъ разсылку
телеграфа и доспавишь болбе удобштва подписчи-
мъ при раздачб книжекъ, Издашель учредилъ
бсь въ Москвб особенную *Контору Телеграфа*, въ
карширб своей, состоящей на *Дмитровкб, въ домб*
жи Селивановской, подб № 58; входъ въ Коншору
улицы, подб ворошб. Въ сію Коншору благово-
шб адрессовашь особы живущія въ Москвб и ино-
родныя, кошорыя могушъ шакже выписывашъ
телеграфъ чрезъ Газетную Экспедицію Москов-
аго Почшамша. Въ Санктшпешербургб подписка
ошимаешся у Книгопродавца А. Ф. Смирдина, въ
аблюшенб для чшенія, подлб Сняго моста. Всб
исьма, посылни и шребованія на имя Издашеля
телеграфа, благоволятб адрессовашъ въ вышеозна-
шную Коншору Телеграфа.

Н. Полесой.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Содержаніе и форма Изящной Словесности ().*

Если Изящная Словесность возможна, какъ наука, то она должна имѣть извѣстное содержаніе и форму.

Мы принимаемъ изящное за совокупность истины и доброты; а изящными произведеніями почитаемъ тѣ творенія духа, въ которыхъ видимъ совокупность безконечныхъ идей съ конечными формами. Изъ сего начала предлежитъ намъ вывести рѣшеніе нашего предложенія.

Первое дѣйствіе разумнаго существа, начало всѣхъ прочихъ дѣйствій, есть самопознаніе; безъ самопознанія мы не могли-бы оплечать себя отъ предметовъ, насъ окружающихъ. Въспомни съ познаніемъ о томъ, что мы существуемъ,

(*) Статья, содержащая продолженіе изслѣдованій о Теоріи Изящныхъ Искусствъ, начатыхъ въ No XVI. Изд. Гел.

рождается познаніе и о томъ, что въ насъ существуютъ предметы. Изъ сего заключаемъ, что познавать и существовать, или знаніе и бытіе сливаются и одно другимъ опредѣляется; такія понятія называются *тождественными*.

Самопознаніе, обнаруживающееся въ умъ, волю и чувствъ, называемъ *мыслью*; ибо познавать, дѣйствовать и чувствоваться есть потребность мыслящаго существа. Мысли, служащія первообразами во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческаго духа, суть идеи. Разсмотримъ все разнообразіе человѣческихъ наблюденій, дѣяній и произведеній: найдете, что мудрецы изыскиваютъ предвѣчныя идеи въ видимой природѣ; законодатели стремятся обратить дѣянія въ идеи; наконецъ писатели и художники соединяютъ безконечныя идеи съ конечными формами. Какая цѣль трудовъ и подвиговъ Великаго Петра или Фридриха? Приведеніе всѣхъ и cadaго къ совершенству идеальному. Какое заключеніе всѣхъ изслѣдованій Ньютона и Лапласа? Существованіе въ природѣ единого закона, по которому вращаются шѣла небесныя и происходятъ явленія на нашей планетѣ и котораго идея первоначально существуетъ въ умѣ нашемъ. Что представляють намъ произведенія Омира, Рафаеля, Моцарта? Безконечныя идеи истины и доброты, выраженныя или словомъ, или образами, или звуками. Въ дѣяніяхъ вели-

кихъ, въ наукахъ, словесности и искусствахъ, видно развитіе мыслящаго существа; простолюдины почитаютъ оныя покло средствами для пріятностей жизни, а просвѣщенные принимаютъ ихъ за цѣль жизни духовной.

Мысль, обращенная на природу и согласующая предствленія свои съ бытіемъ всего насъ окружающаго, становится способностью познавательною, умомъ, котораго характеръ есть истина. Мысль, обращенная на себя отъ существенности, переходитъ въ способность хотѣнія, волю, которой отличительное свойство доброты. Соединеніе мысли съ видимыми формами предметовъ природы есть твореніе искусства, котораго признакъ издѣтельство.

Видимые предметы заключаются въ извѣстномъ пространствѣ; ощущаемыя явленія происходятъ въ извѣстномъ времени: отъ того мы называемъ и тѣ и другія конечными. Мысль, свѣтъ міра духовнаго, внѣ пространства и времени, и потому называется безконечною. Сверхъ сего міръ физическій предствляется въ разнообразіи; духъ всегда являетъ единство. По симъ предположеніямъ, мы можемъ выразиться такимъ образомъ: истина есть отношеніе безконечнаго къ конечному, или единства къ разнообразію; доброта — конечнаго къ безконечному, или разнообразія къ единству; наконецъ издѣтельство —

совокупность безконечнаго съ конечнымъ, или единство въ разнообразіи.

Изъ сего явствуетъ, что изящное не есть истина; оно не есть также и доброта, но полное соединеніе той и другой. Высокія умозрѣнія и добродѣтельные подвиги еще не составляютъ произведенія изящнаго; для сего потребны такія явленія, въ коихъ соединяются силы умственные и нравственные. Если истинѣ приписываемъ мы условіе необходимости, добропѣ — условіе пользы: ино изящное и необходимо и полезно.

Совершеннѣйшее выраженіе мысли есть слово; но мысленіе заключаетъ въ себѣ дѣйствія ума, воли и чувства; посему въ словѣ выражается умъ, воля и чувство. Система таковыхъ выраженій или знаковъ составляетъ языкъ. Выраженіе мысленія всѣхъ и каждаго, говорящаго какии-либо языкомъ, содержится въ Словесности.

Все, происходящее во времени и являющееся въ пространствѣ, равно самое пространство и время, могутъ быть предметомъ Словесности. Всякое мысленіе по какому-либо изъ сихъ предметовъ есть произведеніе *Словесности*. Но таковыя произведенія представляютъ одни только снимки съ человека или природы; напримовъ творенія, носяція на себѣ отпечатокъ духа и выраженные способами, изъ природы заимствованными — сіи творенія принадлежатъ къ искусству изящ-

наго. Подражаніе звукамъ , какіе слышимъ , и очертаніямъ , какія встрѣчаемъ въ природѣ , не сославимъ Музыки и Живописи ; но Гайденова мысль сотворенія міра , звуками выраженная , или Рафаелева Мадонна , въ образъ смертнаго представленная — суть изящныя произведенія Музыки и Живописи. Такъ и сочиненія по Натуральной Исторіи , Анатоміи , Психологіи , Физикѣ , Математикѣ , заключающіяся въ области Словесности , не принадлежатъ къ Изящной Словесности: это изложеніе представленій и понятій , сославляющихъ область ума. Но мысль наша имѣетъ высшія созерцанія , кои будучи облечены въ формы видимыхъ предметовъ , представляють идеалы : *изображеніе сихъ идеаловъ посредствомъ слова есть предметъ Изящной Словесности.* Очевидно , что здѣсь нѣтъ подражанія ; напротивъ , это отраженіе челоуѣческаго духа , безсмертнаго , безконечнаго.

Разсматривая произведенія Изящной Словесности , находимъ , что они обращены прочимъ произведеніямъ Словесности : въ нихъ поступаемъ не отъ предметовъ къ представленіямъ , не отъ многообразія къ единству , но отъ созерцанія къ предметамъ , отъ единства къ многообразію. Сочиненія , взятыя по всемъ отраслямъ знаній челоуѣческихъ и содержащіяся въ области Словесности , заключаютъ или описанія того , что суще-

ствуетъ, или того, что должно быть; произведенія - же Изыщной Словесности показывающъ вмѣстѣ и что есть, и что должно быть, или короче, что возможно; ибо возможность есть совокупность дѣйствительности существенной и необходимости умственной. Характеры эпопей, чувствованія оды, дѣйствія драмы, не имѣя ничего совершенно соотвѣтственнаго въ дѣйствительной природѣ и человѣкѣ, однако кажущся возможными. Духъ нашъ, созерцающій человѣчество и мѣръ физическій, носящій въ себѣ не понятія окружающей насъ видимости, а идеи вселенной, не довольствуется ни явленіями природы, ни дѣйствіями человѣка: стремясь къ совершенству, онъ творитъ и свою природу, и свое человѣчество. Сей новый мѣръ, населенный иными существами, твореніе духа, образъ и подобіе божества имѣющаго, есть *мѣръ эстетическій*. Предметы, изъ сего мѣра заимствованные и выраженные словомъ, составляютъ произведенія Изыщной Словесности; тѣ-же самыя идеи, выраженные образами и звуками, производятъ Изыщныя Искусства.

Возможность, сказали мы, отличительное свойство произведеній Изыщной Словесности, заключаетъ въ себѣ условія и необходимости и дѣйствительности: отсюда происходитъ, что и произведенія Изыщной Словесности носятъ отпечатокъ преимущественно или необходимо-

сти, или действительности: одни составляют *Поэзію*, другія — *Витійство*. Въ однихъ видимъ представленія характеровъ, чувствованій и дѣйствій, какія должны быть по превосходству духа нашего; въ другихъ характеры, чувствованія и дѣйствія изображаются особенно такими, какими они являюся по ограниченности вещественнаго нашего бытія.

Для описанія того, что происходитъ во времени и пространствѣ, довольно одного наблюденія; описанія того, что должно быть, производится умозрѣніемъ; творенія же изъ міра эстетическаго отличаются *изобрѣтеніемъ*, дѣйствіемъ творческой мыслящей способности.

Съ перваго взгляда разность между Исторіей и Эпосей, разсужденіемъ и дидактической поэмой, рѣчью и драмой, разность, говорю, между сими произведеніями споль велика, что они, кажется, въ одной категоріи находиться не могутъ. Это подтверждается и обыкновеннымъ предубѣжденіемъ вразсужденіи вымысла, или изобрѣтенія стихотворнаго и цѣли Поэзіи, несправедливо ограниченной удовольствіемъ. Но имѣя высшее возрѣніе на изящное и изящныя произведенія, убѣждаемся, что Изящное Искусство, какъ твореніе духа, заключаетъ въ себѣ условія не одного скоропреходящаго удовольствія, а необходимости и пользы. Изъ сего же происхожденія Изящной Словесности и

Изящныхъ Искусствъ заключаемъ и о ложности поняшя, какое нѣкоторые имѣютъ о вымыслѣ въ искусствахъ. Представлятъ людей съ конскими ногами, или съ рыбьимъ хвостомъ не значить вымышлять; такихъ представлений нѣтъ въ природѣ и они существовать не могутъ, пока существуютъ извѣстные намъ законы природы. Напрощивъ человекъ со всеми совершенствами тѣла, сердца и души хотя не находится въ природѣ; но идеаль его существуетъ въ духѣ нашемъ — и, отвлекая отъ человека все бременное, увѣряемъ, что совершенный человекъ былъ-бы возможенъ. Сей идеаль человека не проповѣдчикъ идеѣ человека вообще: и это не вымысль, а швореніе духа, его изобрѣтеніе. Изображеніе шакowychъ идеаловъ назначается не для удовольствія, а для облагородствованія нашего, возвышенія, совершенствованія.

Такимъ образомъ обозначаются сами собою предѣлы изобрѣтенія въ изящномъ, а вмѣстѣ съ симъ опредѣляется *содержаніе Изящной Словесности*. Миръ эстетическій, видимъ изъ предыдущаго, касается съ одной стороны видимости, или того, что есть; съ другой простирается до того, чего нѣтъ въ природѣ и бытъ не можетъ; въ немъ все возможное, что есть все, что умъ представляетъ необходимымъ и въ тѣхъ формахъ, какія существуютъ. Отсюда выводятся об-

ширнѣйшее значеніе изобрѣженія въ Изыщной Словесности. Исторія природы и человѣка входитъ въ область эстетическаго міра, когда творческій умъ, оставляя внѣшнія явленія въ пространствѣ и времени, проникаетъ въ сокровенную сущность предметовъ и дѣяній человѣческихъ, открывая взаимную связь существъ въ природѣ и сдѣяніе происшествій въ человѣчествѣ. Такъ Бернаденовы Ученія природы и Гердерова Исторія человѣчества принадлежатъ къ произведеніямъ изыщнымъ. Цицероновъ Ораторъ, въ которомъ изображенъ идеалъ вишіи, и Горациево Посланіе къ Пизонамъ суть творенія изыщныя. Димосеенова Рѣчь о вѣнцѣ и Томасово Похвальное слово Декарту также изыщны: здѣсь видимъ человѣка не только такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть или былъ, но какимъ онъ-бы могъ быть. Произведенія Поэзіи, Живописи, Музыки и другихъ Изыщныхъ Искусствъ исключаютъ все, что отрицается умомъ, какъ несуществующее и недолженствующее существовать. Невидимки, Волшебныя снѣжки, олдѣля ихъ отъ Музыки, Радклифины романы, не могутъ назваться изыщными; потому что они не заключаютъ изображеній совершенства.

Еще возразятъ: Исторія занимается происшествіями истины; какъ-же согласить цѣль ея съ опредѣленіемъ Изыщной

Словесности? Но изящное, сказали мы, именно состоить изъ истины и доброты. Изслѣдованія одной истины въ событіяхъ чловѣка и народовъ не составляютъ Исторіи: это будетъ лѣтопись; соединеніе-же всѣхъ частныхъ происшествій въ одно цѣлое есть твореніе духа. Такія творенія видимъ въ Фукидидѣ, Тацитѣ, Гюмѣ, Миллерѣ, Карамзинѣ. Въ сихъ писателяхъ, изучая народы въ ихъ дѣйствительномъ состояніи, заключаемъ и о томъ, каковыми они - бы должны быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Исторія также различествуетъ отъ эпопеи, какъ различенъ мужество отъ юности: въ одной болѣе величія и спокойствія; другая отличается блескомъ и движеніемъ; Исторія ближе къ дѣйствительности, эпопея — къ изобрѣтенію; въ одной преимущественно господствуетъ чувство, въ другой фантазія. Таково различіе между Боссюэповой Исторіей и Фенелоновымъ Телемакомъ, не говоря о формѣ изложенія.

Сближая различные роды Изящной Словесности, мы можемъ съ большею точностью опредѣлить обширность изобрѣтенія въ изящномъ. Мысль, сказано прежде, обнаруживается въ умѣ, волю и чувства; посему высшее, духовное созерцаніе, или эстетическое изобрѣтеніе объемлетъ всѣ сія дѣйствія мыслящей способности. Димосеенъ, возбуждающій Аем-

инь противъ Филиппа, Сократъ, въ Платоновыхъ разговорахъ рассуждающій о размѣрѣ души, Пиндаръ, воспѣвающій объѣды на Олимпійскихъ играхъ, различны и по существу предметовъ, и по формѣ, и наконецъ по цѣли; но источникъ нереклонной воли одного, уместованій другого и чувствованій третьяго, источникъ, говорю, одинъ и тотъ-же: самопознаніе, самосозерцаніе духа, святилище всѣхъ идеаловъ. Симвъ еще болѣе убѣждаемъ въ ложности мнѣнія, по которому изящныя Искусства называются подражаніемъ природѣ. Напротивъ о превосходствѣ естественныхъ произведеній судимы единственно, примѣняя оныя къ тѣмъ идеаламъ изящества, кои въ насъ существуютъ; ибо въ насъ самихъ предначертано мѣрило изящнаго.

Поелику всякое изящное выраженіе, посредствомъ - ли образовъ, или звуковъ, или слова, есть не иное что, какъ совокупность сущности и формы, то явствуетъ, что изобрѣтеніе въ области изящнаго обнаруживается и въ сущности, и формѣ, наконецъ въ ихъ совокупности, или въ выраженіи. Это обыкновенно разумѣютъ подъ названіемъ изобрѣтенія, расположенія и украшенія, и оно относится равно къ Изящной Словесности и къ Изящнымъ Искусствамъ. Моцартовъ Донъ - Жуанъ, Мартовъ Манивъ и Пожарскій, Озерова Димитрій Донъ

екой, составлены по законамъ изобрѣтенія, расположенія и украшенія.

Гдѣ-же, спросятъ, общіе законы изящнаго и правила, изъ нихъ выводимыя? Одни указываютъ на Аристотеля, извлекающаго правила изъ образцовъ; другіе, вѣсть съ Цицерономъ, предписываютъ условія для такого вѣщія, какой еще не существовалъ. Изъ чего-же составилась наука Изящной Словесности? Отвѣчаемъ: въ изящномъ произведеніи заключается теорія изящнаго; она къ произведенію относится, какъ части къ цѣлому. Въ умѣ творца *Иліады* находились и законы, по коимъ сѣя эпопея, какъ твореніе ума, должна была выразиться. Иной, одаренный высшимъ созерцаніемъ, проникаетъ въ святилище сихъ законовъ и доходитъ до возможности изящнаго по онымъ произведенія. Такъ написанъ Цицероновъ Орапоръ. Другой, разлагая изящное произведеніе, обратнымъ путемъ доходитъ до первоначальнаго дѣйствія мыслящей способности. Такъ написана Аристотелева *Піипика*. Въ мірѣ физическомъ и нравственномъ все происходитъ по извѣстнымъ законамъ. Если мы удивляемся инымъ писателямъ, которые, по видимому, не слѣдовали правиламъ нашихъ *Риторикъ* и *Піипикъ*: то это ни мало не отвергаетъ необходимости правилъ, а обличаетъ *Риторикъ* и *Піипики* въ недоспазкахъ и несовершенствѣ. Исслѣдовавъ идеаль, по которому дре-

зведено изящное твореніе, значить доказать его правила, или, выходя из самопознанія; выведши законы, по коимъ производится изящное твореніе. Вошь *форма Изящной Словесности*, какъ науки.

Содержаніе и форма Изящной Словесности, убвждающія въ возможности оной, какъ науки, опредвляють и ея *дбль* или *предметъ*. Показать законы изящныхъ произведеній, единство ихъ во всѣхъ Изящныхъ Искусствахъ и Изящной Словесности, связь различныхъ родовъ ея, зависящую отъ сего единства, и обратно опредвлить содержаніе и форму для каждаго сочиненія, дабы по сему судить о превосходствѣ сочиненій: въ этомъ состоятъ предметъ Изящной Словесности, какъ науки.

Изъ сего начертанія содержанія и формы Изящной Словесности заключаемъ, что наука оной будетъ имѣть двѣ части: *общую*, или теоретическую, и *частную*, или прикладную. Въ первой должно быть изъяснено изящное вообще; во второй — Изящная Словесность въ особенностяхи. Изящное можетъ быть разсмащриваемо: 1) въ духъ чловвчскомъ, какъ часть нравственнаго его бышія; 2) въ произведеніи искусства; отсюда 3) выведуться общіе законы изящныхъ произведеній. Въ Изящной Словесности надобно показать: а) общіе законы оной, какъ слвдствіе законовъ нравнаго; б) изсвдовашъ роды Высшій-

ства и с) Поэзіи: Первая часть, общая, есть не иное что, какъ часть Идеальнаго Любомудрія, именно *Эстетика*; во второй заключаются такъ называемыя: *Риторика*, *Ораторія* и *Піитика*.

Но какъ совершенная теорія должна доводить до первоначальной мысли, служащей основаніемъ: то обратное преслѣдованіе таковыхъ размышленій составили теорію *Эстетической Критики*.

Не говоря о прочихъ писателяхъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ разсужденіи о возможности *Изящной Словесности*, какъ науки, сдѣлаемъ одно замѣчаніе объ Астѣ и Бутервекѣ. По первому ни Димосеенъ, ни Цицеронъ, ни Тацитъ, не принадлежащъ къ писателямъ *Изящной Словесности*, хотя Астъ имѣетъ высшій взглядъ на изящное. Второй нерѣшимельно даетъ имъ право на писателей изящной прозы, какъ онъ выражается. Если бы, говоритъ Бутервекъ, Поэзія могла опдѣляться отъ прозы явственною чертою, тогда бы не было изящной прозы; ибо все, что можетъ назваться изяществомъ рѣчи, соединяется въ Поэзіи. Далѣе онъ не почитаетъ Краснорѣчіе изящнымъ искусствомъ; прозѣ приписываетъ только правильность языка, чистоту, ясность. По этому Димосеенъ и Платонъ должны-бы стоять въ одной категоріи съ Эвклидомъ и Гипократомъ. Затрудненіе въ рѣшеніи сего вопроса состоитъ именно

въ назначеніи предѣловъ Изящной Словесности, опредѣленіи отличительныхъ признаковъ оной и настоящемъ понятіи объ изобрѣшеніи Эстетическомъ, что было предметомъ изслѣдованій сего разсужденія.

Рѣчь, при закладкѣ перваго шлюза на соединительномъ каналѣ между Москвою и Волгою, 29 Сентября 1827 года ().*

Мм. Гг.

Мы находимся теперь на оплодой высотѣ, отдѣляющей бассейнъ рѣки Москвы отъ Волги; сія высота есть отрасль той великой плоской возвышенности въ сѣверовоспочной части Смоленской Губерніи, изъ коей текутъ воды Западной Двины и Волги и почти изъ одного мѣста берушь направленіе къ Балшійскому,

(*) Съ совершенною благодарностію къ Сочинителю, спѣшу помѣстить сію Рѣчь въ Телеграфъ. Каждое новое, для блага Отечества предназначенное предпріятіе, должно получать всевозможную и быструю извѣстность: радуя сыновъ Отечества, оно веселитъ ихъ надеждами на благодѣтельное вниманіе Правительства, не упускающее ничего, что можетъ увеличить благосостояніе и пользы народа. Изъ сташъ, помѣщенной въ No 86 Московскихъ Вѣдомостей, читатели видѣли назначеніе и средства сооруженія соединительнаго канала между Вол-

Черному и Каспійскому морямъ; сія высота простирается между Волгою, Москвою и Клязьмою, до Нижняго-Новгорода, и на хребтѣ своемъ имѣетъ многія озера, коихъ истоки обращены, то къ Волгѣ, то къ Москвѣ рѣкѣ.

По сдѣланнымъ измѣреніямъ, мѣсто, на коемъ мы находимся, есть самый низкій пунктъ, по протяженію сей высоты; но за всѣмъ тѣмъ, оно до 34 сажень выше Москвы рѣки, противъ Кремля, и болѣе 35 сажень надъ Волгою, при впаденіи Дубны.

Озеро Гущино и Печеникова болото, за Подсолнечною горою простирающіяся, составляютъ одинъ изъ тѣхъ природою образованныхъ водоемовъ, кои, наполнены будучи весенними водами и разными пролоками; могутъ снабжать судоходство, въ печеніе лѣта, водою. И сіи-то озеро и болото, посредствомъ огромной плотины, обращаются въ пространное водо-

гою и Москвою; съ большею подробностію они исчислены въ присланной намъ Рѣчи Господина Подполковника Сомова. Каналы и рѣки суть жилы, по коимъ переливается народное богатство, и нигдѣ столько не чувствуютъ потребности сихъ государственныхъ жилъ, какъ въ Россіи, гдѣ величайшія пространства столь много прелятствуютъ свободному обращенію произведеній земли и народа. Соединительный каналъ Волги съ Москвою производится подъ главнымъ надзоромъ Господина Маіора Корпуса Инженеровъ пушей сообщенія, М. Н. Бугайскаго. *Изд. Тел.*

хранялище для новаго сообщенія. Изъ него вытекаеть рѣка Сестра, идущая мимо города Клина въ Дубну, впадающую въ Волгу, а здѣсь по близости течеть рѣка Сестра и идееть мимо Воскресенска въ Москву.

Пространство, между рѣками Сестрою и Истрою, на разстоянїи семи верстъ прорѣзано каналомъ (почти уже оконченнымъ), коего часть вы могли обозрѣть на пути къ сему мѣсту; каналъ пересѣкаетъ Петербургское шоссе, и сїя часть онаго, какъ самая возвышенная, составляетъ раздѣльный бассейнъ.

Малыя рѣки Сестра и Истра, мѣстами расчлѣняются и изгибы оныхъ прорѣзаны будутъ каналами; вода задержана будетъ въ надлежащей глубинѣ плотинами и шлюзами, для пропуска судовъ вверхъ и внизъ. Посредствомъ шаковыхъ водяныхъ устройствъ, отдѣленныхъ плотинами и соединенныхъ шлюзами, откроется новый судоходный путь чрезъ сїю высоту, получающей воду изъ общаго водохранилища, въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ лежащаго.

Плотинъ и каменныхъ шлюзовъ, подобныхъ устройствомъ нынѣ закладываемому, потребно вообще 37; длина всего водянаго пути, отъ рѣки Москвы до Волги, составляетъ 214 верстъ. Издержки на устройство, по смѣшнымъ исчисленїямъ,

Ч. XVII. No 20.

С

простираются должны до 5 милліоновъ 340 т. рублей.

Размѣръ судовъ принять шопъ - же , какой употребляется на Тихвинскомъ каналѣ , для того ; чтобы Тихвинскія лодки , приходящія изъ С. Петербурга въ Рыбинскъ , могли , поднявшись Волгою до устья Дубны , идти черезъ сей каналъ въ Москву , безъ перегрузки.

Ограничиваясь симъ краткимъ обзоръ - ніемъ , не смѣю оспанавливать вниманія вашего на техническихъ подробностяхъ сего великаго и сложнаго предпріятія : оно есть плодъ великихъ трудовъ и соображеній , и приведеніе его въ дѣйствіе должно распространить по строительной части многія открытія полезныя , но у насъ неизвѣстныя досель. Сими изобрѣ - женіями обязаны мы знаменитымъ инже - нерамъ , кои въ послѣднее время съ та - кимъ успѣхомъ трудились при важныхъ гидравлическихъ сооруженіяхъ въ Англии , Франціи , Германіи и Россіи. Они счастли - выми трудами своими заставили науку сдѣлать великіе и невѣроятно быстрые шаги къ совершенству.

Успѣхи сей общепользной науки тѣмъ болѣе утѣшительны , что послѣдствіями ихъ должно быть не одно рѣшеніе труд - ной задачи , не одно удовлетворенное умо - зрѣніе , не одно открытіе новыхъ истинъ ; но практическое приложеніе сихъ истинъ и умозрѣній къ общественной жизни и

дѣйствительная, существенная польза чело-
вѣчества. Сии успѣхи дають средства
употребить въ пользу руки и способности
бѣднаго и трудящагося класса наро-
да, а богатства природы, вездѣ съ из-
быткомъ, но въ грубомъ видѣ у насъ на-
ходящійся, обратить въ капиталы обще-
ственного благосостоянія. Они доставля-
ють возможность ободрить и вознагра-
дить трудъ землепашца, развернуть про-
мышленность и дать новую силу и жизнь
торговлѣ.

Возможно-ли предусмотрѣть заранѣе
всѣ полезныя дѣйствія судоходства, въ
краю, гдѣ его прежде не было! Возможно-
ли исчислить, какой разнообразный и жи-
вой размѣнъ произведеній и издѣлій оп-
крыться можетъ, когда устройство кон-
чится, если самое производство работъ,
самое начало оныхъ, родило такую жи-
вость и дало движеніе трудолюбію, раз-
счетовитости и капиталамъ!

Лѣсъ, камень, известь, глина, оипъ
вѣковъ безъ пользы лежавшіе, получили
цѣнность; множество рукъ трудятся для
обработанія, доставленія и употребленія
ихъ въ пользу; множество способныхъ лю-
дей практически образуются для предбу-
дущихъ великихъ предпріятій того рода,
въ коемъ пространная и юная Россія имѣ-
етъ толикую нужду. Сколько новыхъ
полезныхъ введеній, основанныхъ на удач-
ныхъ опытахъ краевъ отдаленныхъ, войс-

душъ у насъ, въ общее употребленіе; сколько трудныхъ и сложныхъ изобретеній иностранныхъ, при исполненіи на самомъ дѣлѣ и очевидности примѣра, сдѣлаются достояніемъ всякаго способнаго ремесленника и, вѣроятно, по сродной Русскимъ людямъ догадливости, у насъ послѣ изыщутъ средства сдѣлать тоже простѣе и дешевле.

Нужно-ли послѣ сего распространяться о пользѣ судоходства, и не довольно-ли будетъ упомянуть объ одной, опытомъ дознанной истинѣ, что по хорошему водному пути, лошадь въ 40 разъ болѣе можетъ везти, нежели по хорошей дорогѣ? По сей-то причинѣ, даже въ древнія времена, когда Россія имѣла сообщеніе съ Европою только чрезъ Архангельскъ и Новгородъ, доставленіе тяжестей производилось по возможности вдоль судоходныхъ рѣкъ, какъ и понынѣ въ Сибири. Товары отъ Новгорода въ Москву шли сперва рѣкою *Мстою*, вверхъ до Боровицкихъ пороговъ, гдѣ перевозились въ первый разъ и продолжали путь до *Вышняго Воложка*; путь перепаскивались на *Тверцу* и по ней плыли въ Волгу; изъ Волги-же поднимались въ *Шошу* и по рѣкѣ *Ламѣ* вверхъ до *Волока-Ламскаго*; путь снова переправлялись на рѣку *Рузу* и по сей рѣкѣ уже плыли въ Москву рѣку. Нынѣ учреждаемое сообщеніе лежитъ почти въ направленіи сего древняго торговаго пути, соединяя и

пу выгоду, что идешь ближе къ большому сухопутному тракту, отъ Москвы къ Санктпетербургу.

Наконецъ, для удостовѣренія въ истинѣ, что никогда сообщенія не могутъ быть излишними, и что потребность въ нихъ всегда возрастаетъ, по мѣрѣ учрежденія новыхъ путей и по мѣрѣ распространенія отъ того промышленности и торговли, споймишь только бросить взоръ на Великобританію. На семъ островѣ, столь малаго пространства, не смотря на пособіе самаго свободнаго и оживденнаго мореплаванія вокругъ береговъ, найдено нужнымъ прорѣзать хребетъ горъ, по всей длинѣ его простирающійся, *двадцатью однимъ* судоходнымъ каналомъ, для чего пробито сквозь горы 48 подземныхъ судоходныхъ галлерей и выкопано до 3600 верстъ открытыхъ каналовъ, и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ печеніе не болѣе 50 лѣтъ, кончено устройство до 30 п. верстъ новыхъ искусственныхъ дорогъ, но потребность въ сообщеніяхъ не уменьшалась и усердіе Британцовъ не охладѣло. И нынѣ, сверхъ великихъ суммъ, употребляемыхъ для сего предмета Правительствомъ, 33 коммерческія компаніи занимаются устройствомъ новыхъ каналовъ, по расчетливой предусмотрительности изъ собственныхъ выгодъ.

Первою мыслию о вновь учреждаемомъ у насъ судоходномъ каналѣ одолжены мы

женію Петра Великаго; въ царствованіе же блаженныя памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, мысль сія обработана, созрѣла и составленъ проэктъ, который, по дозволу, совокупно поднесенному опъ Главному управляющаго Путиями сообщенія, Герцога Александра Виртембергскаго и Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Князя Голицына, въ 1825 году удостоены ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія.

Нынѣ благополучно царствующій ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, по восшествіи на Престоль Предковъ Своихъ, усмотрѣвъ выгоды сего предпріятія, даровалъ всѣ нужные способы и повелѣлъ приступитъ къ исполненію, а въ прошломъ 1826 году, Самъ удостоилъ обозрѣніемъ начатія работы. Одушевленные присущіемъ Великаго МОНАРХА и ободренные милостивымъ ЕГО вниманіемъ, храбрыя Россійскія войска, геройскими подвигами и доблестію своею удивлявшія Европу, съ новымъ рвеніемъ приступили къ новому мирному подвигу на пользу отечества. Ихъ мощными руками раздвинуты горы и чрезъ непроходимые лѣса и болота проложенъ путь для плаванія. Природа побѣждена! и благодарное потомство, съ чувствомъ благоговѣнія, вспоминать будетъ о тѣхъ легионахъ, кои среди мира совершили сія благодѣтельные завоеванія.

И такъ, исполняя волю трехъ великихъ Государей, мы собрались здѣсь для

вложенія въ первомъ шлюзѣ канала дски, долженъ сплывающей возвѣспитъ опдаленно-му потомству благопалучное царствованіе, льто, день закладки и имена исполнителей сего важнаго предпріятія. Принесемъ моленіе Всевышнему! Да поможетъ Онъ совершить сіе, споль великое для пользы общей, дѣло; да ниспошлетъ Онъ щедропы свои на главу Вънценоснаго Монарха, любезное опечество, добродѣтельныхъ вельможъ, радѣющихъ о благѣ народа, храброе Россійское воинство и всѣхъ прудящихся для общаго блага!

II. КРИТИКА.

Хозяйственная Статистика Россіи, составленная Васильемъ Андроссовымъ, и проч. М. 1827 г. in 8.

Хотя кругъ Историческо-Политическихъ знаній опредѣленъ уже въ наше время общими рѣзкими чертами, но мы еще не видимъ почнаго распредѣленія сихъ знаній, вѣрныхъ границъ ихъ и полноты взаимныхъ отношеній. Такъ Политическая Экономія подвергается различнымъ системамъ; такъ и Статистика донныи не опредѣлена и не отдѣлена вполне и безспорно. Французскіе ученые почти не принимаютъ сего знанія, соединяя его съ Политическою Географіею; Англичане относятъ его къ весьма ограниченному, а Нѣмцы къ весьма обширному кругу. Ахенваль, почитаемый родоначальникомъ Статисти-

опиковъ, называемъ ее (*) *познакіа дѣйствительныхъ достопамятностей* какого нибудь государства; Мейзель наукою настоящаго состоянія государства (**); не приводимъ другихъ опредѣленій, ни остроумнаго (но несправедливаго) опредѣленія, что *Статистика есть остановившаяся Исторія, такъ какъ Исторія есть текущая Статистика*. Мы видимъ, что въ понятіи Нѣмецкихъ ученыхъ предѣлы Статистики чрезвычайно раздвигаются. Англичане, какъ мы сказали, сближаютъ ихъ. Со времени Дж. Синклера (1790 г.), оказавшаго столько заслугъ на поприщѣ Политическихъ Знаній, почти уснановилось у Англичанъ опредѣленіе Статистики, и сіе опредѣленіе можно выразить такъ, что *Статистика составляетъ у нихъ практику Политической Экономіи*, точно, какъ Полит. Экономія составляетъ теорію Статистики. Со времени Адама Смита тѣмъ легче можно было опредѣлить такимъ образомъ Статистику, ибо основныя предѣлы Полит. Экономіи были означены симъ великимъ писателемъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Французскихъ писателей, какъ то: Дюпень, Шапталъ и другіе, принимаютъ почти подобное опредѣленіе. Здѣсь не встрѣчаемъ такой темноты, какъ у Ахенвалля и его послѣдователей, ибо къ чему другому, если не къ смѣшенію понятій, ведутъ предметы, включенныя въ Статистику Ахенвалемъ: Исторія, Право наследства, Государственное чиновосостояніе, или Шле-

(*) *Abriß der Staatswissenschaft der Europäischen Reiche.*
Геттингенъ, 1749 г.

(**) *Anleitung zur Kenntniß der europäischen Staaten-*
historie. Лейпцигъ. 1810 г. (5 изд.).

перо остроумный парадоксъ, что предметы Статистики определяются словами: *vires unitae agunt?* — Отнеся въ объемъ Политической Географіи полный *status* государствъ, должно необходимо *собственно-Статистику* назвать начертаніемъ *вещественной жизни народа*. Иначе, должно совершенно уничтожить Географію, отнеся къ Космографіи Географію Математическую, къ Геологіи Естественную и къ Статистикѣ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, Политическую.

Не входя въ разсмотрѣніе удобствъ и неудобствъ того и другаго раздѣленія, скажемъ, что можно разсматривать Статистику тѣмъ и другимъ образомъ; въ сочиненіяхъ иностранныхъ ученыхъ мужей находимъ оба рода воззрѣнія. У насъ въ Россіи, гдѣ всѣ знанія еще не такъ зрѣлы, ничего общаго и положительнаго о Статистикѣ не было издано донынѣ и тѣмъ менѣе не было полного приложенія Статистики къ Россіи. Наши курсы Статистики суть сокращенные, и большею частію неудачные переводы Нѣмецкихъ, а иногда смѣсь изъ множесва разнородныхъ книгъ. Всѣ-же труды нашихъ Статистиковъ, касательно приложеній къ Россіи, суть частные опыты. Такихъ опытовъ мы имѣемъ довольно и довольно есть изъ нихъ удачныхъ. Сочиненія Германа, Шторха и Зябловскаго заслуживаютъ наше *преимущественное* вниманіе, особенно двухъ первыхъ, обработывавшихъ отдѣльныя части точно и систематически. Есть-ли нынѣ возможность соснавить что нибудь общее, полное о Россіи? По нашему мнѣнію у насъ матеріаловъ можно сыскать весьма большое количество и весьма драгоценныхъ. Множество актовъ издано ошъ

Правительства; много находишь важныхъ извѣстій въ Путешествіяхъ по Россіи, Газетахъ, Журналахъ Русскихъ и проч. и проч.

Но при всемъ томъ, не лзя не сознаться, что сочиненіе статистическаго описанія Россіи есть дѣло весьма немаловажное. Кромѣ того, что должно собирать матеріалы изъ множества отрывковъ и свѣдѣній, разбросанныхъ въ тысячѣ книгъ (впрочемъ на это и жаловаться не надобно, ибо какой ученый предметъ можно обработать порядочно, если не будемъ имѣть подъ рукою сколько возможно большаго количества матеріаловъ?), важнѣйшее заключается въ приготовленіи самаго статистика нашего. Ему въ высшей степени должно знать теорію политическихъ знаній вообще и опредѣлить себѣ вѣрную систему науки. Этого большею частію недостаеетъ у насъ. Мы, кажется, донинѣ думаемъ, что безъ всякаго приготовленія можно сдѣлаться историками, географами, статистиками: совершенно несправедливое предположеніе, которое вредитъ успѣхамъ знаній! Статистикъ долженъ имѣть глубокія предварительныя познанія вообще и кромѣ того большую опытность въ способахъ возрѣнія на предметы; быть чуждъ многихъ народныхъ предразсудковъ, преспительныхъ въ простомъ гражданѣ и неизвинительныхъ въ ученомъ наблюдателѣ; сверхъ всего этого, не должно ли ему и практически знатъ изслѣдываемый имъ предметъ?

Мы думаемъ, что безъ сихъ предварительныхъ приготовленій не лзя приниматься за Статистика Россіи, ибо, иначе Авторъ умножитъ число книгъ, безпрестанно выходящихъ у насъ подъ именемъ Статистикъ, Географій, Исторій, заключаю-

цихъ повтореніе стараго , сборники , безъ системы и цѣли , ни сколько не распространяющіе круга познаній нашихъ и не приводящіе насъ ни къ какимъ важнымъ результатамъ.

Ученое сочиненіе есть рѣшеніе какой нибудь задачи. Что слѣдуетъ рѣшить статистику Россіи? Настоящее состояніе государства сличить съ способами и средствами его ; руководствуясь фактами, представить Россію , какъ она есть , дабы политикъ могъ рѣшить , что она можетъ быть , а полит. экономъ , какъ она должна достигать высшей степени жизни государственной , если не живешь еще полною жизнью въ настоящемъ времени.

Обозрѣвая книгу, изданную Г-мъ Андроссовымъ подъ названіемъ : *Хозяйственная Статистика Россіи*, мы надѣялись найти въ ней цѣль, подобную предположенной нами и стараніе достигъ сей цѣли, стараніе всегда похвальное, хотя-бы оно и не было сопровождаемо полнымъ успѣхомъ. Судя по объему книги Г-на Андрossoва, подробностямъ въ нее включеннымъ и образу возрѣнія на предметы , не лзя предполагать , чтобы Авторъ хотѣлъ составить только легкую ручную книгу для учениковъ. Такимъ образомъ , будемъ мы разсматривать сочиненіе Г-на Андрossoва , какъ сочиненіе ученое.

Авторъ принимаетъ Статистику въ меньшемъ объемѣ, слѣдуя статистикамъ Англійскимъ ; но названіе книги его довольно темно. Разумѣется , что называя свою Статистику *хозяйственной*, Авторъ имѣлъ въ виду *Государственное хозяйство*; въ такомъ случаѣ, главное, намъ кажется, что онъ не обмилъ своего предмета вполне. Въ Государственномъ

хозяйствѣ представляются два отношенія: *производящее*, т. е. Правительство и народъ, дѣйствующія на физическія средства общественнаго благосостоянія, и *производимое*, т. е. самыя средства сіи, разсматриваемыя какъ отдѣльный предметъ отъ производящаго. Въ такомъ объемѣ входимъ въ Статистику разсмотрѣніе государства, какъ члена семейства народовъ, по времени его существованія и мѣсту, имъ занимаемому; потомъ *status in statu*, части государства, какъ члены общей махины его; послѣ того, средства физическія, коими и чрезъ кои дѣйствуетъ государство. Наконецъ, *образъ дѣйствія* (*промышленность* во всѣхъ отношеніяхъ).

Авторъ объясняется во Введеніи, что предметъ его гораздо сокращеннѣе: *дѣйствительная степень хозяйственныхъ отношеній государства, настоящей бытъ народной промышленности*, отъ чего совершенно *отдѣляется* (по мнѣнію Автора) *политическій составъ государства, постановленія, коими дѣйствуетъ Правительство для достиженія цѣли гражданственности*. — О политическомъ состояніи ни слова; но какимъ же образомъ можно отдѣлить статистическое образованіе производящаго отъ производимаго? Анатомія, разсматривающая мертвое тѣло, будетъ изображеніемъ такой Статистики, когда напротивъ, Статистика должна походити на Физиологію, говорить о вещественности, но вмѣстѣ и объ оживляющемъ ее духѣ. Видимъ, что Авторъ не отдалъ себѣ полнаго ошчета о цѣли своей книги. Вотъ весь объемъ его:

А. *Мѣстность*: положеніе, величина, горы, равнины, воды, почва, климатъ.

Б. Промышленность; 1-е, производящая; 2-е, обрабатывающая; 3-е, передающая. Подъ именемъ 1-й Авторъ разумѣетъ промышленность, собственно такъ называемую, *агрикольную*; подъ именемъ 2-й *мануфактурную*; подъ именемъ 3-й *Торговлю*. Вотъ, все содержаніе хозяйственной Статистики Г-на Андроссова. Изъ онаго можно уже видѣть недоспашокъ плана. Авторъ не ввелъ главнѣйшаго въ свое сочиненіе, именно: *народа*. Мѣстность есть *производимое*; промышленность *образъ произведенія*; но гдѣ же *то, что производитъ*? Гдѣ мѣрило духовнаго дѣйствователя на вещьсвѣтлость? А безъ него, можно-ли изобразить картину быта государственнаго? Это завело Автора въ дальнѣйшую сбивчивость. Предложивъ географическое описаніе мѣстности, на которой существуетъ Россія, онъ не говоритъ потомъ отдѣльно, *что на этой мѣстности производитъ природа*. Прямо отъ географическаго обзора переходитъ онъ къ *промышленности*, и исчисляетъ состояніе земледѣлія, садоводства, лѣсоводства, скотоводства, звѣроловства, птицеводства, пчеловодства, шелководства, рыболовства, горныхъ и соляныхъ промысловъ, что все входитъ у него въ *производящую* промышленность. Опъ этого шеряется изъ вида, *что дѣлается и что можетъ дѣлаться въ Россіи*; Статистика сбивается въ реэспры поствовъ и обработки полей и высшіе взгляды потеряны для Автора и читателей его.

Если-бы Авторъ, обозрѣвши мѣстность *статистически*, обозрѣлъ потомъ, что производятъ всѣ при царства природы на сей мѣстности; одушевилъ картину, изобразивъ намъ состояніе, граж-

данскій бытъ народа, и наконецъ, перешель къ изобразженію промышленности народной, обративъ взоръ первоначально на *производителей и потребителей*, и потомъ, раздѣливъ производимость на агрикольную, мануфактурную и торговую, разсматривалъ все, и часно и обще, Россію, какъ гражданина въ семействѣ народовъ и каждое званіе Русскихъ, какъ гражданъ одного часнаго семейства, тогда все пришло-бы у него въ свой порядокъ и сочиненіе его могло-бы быть предметомъ особеннаго вниманія; въ наспоющемъ-же его видѣ и расположеніи оно мало обогащаетъ нашу Литтературу. Думаемъ, что почтенный Авторъ убѣдится нашими замѣчаніями и почтя книгу свою первымъ опытомъ Хозяйственной Статистики Россіи, постарается со временемъ усовершенствовать ее и тѣмъ сдѣлать истинный подарокъ своимъ соотечественникамъ. Въ сей пріятной надеждѣ мы осмѣливаемся на нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Мы сказали, что Авторъ описываетъ мѣстность *географически*. Разность Географіи отъ Статистики собственно въ томъ, что Статистика смотритъ на все относительно къ *statum* государства, и поному номенклатура рѣкъ и горъ совсѣмъ не относится къ Статистикѣ, и ей нѣтъ дѣла, на прим. до 37 названій рѣкъ (спр. 18), впадающихъ въ Волгу, а надобно знать только сообщенія по рѣкамъ приволжскимъ. Не спрашно-ли, что вводя въ Статистику Географическую подробность, совсѣмъ ненужную, Авторъ только *наименовываетъ* моря Россійскія; не вводитъ въ Статистику острововъ Тихаго и Сѣвернаго океановъ; забываетъ Цар-

ство Польское, Бессарабію, Грузію, Финляндію? У него находимъ, напротивъ, исчисленіе земледѣльческихъ орудій, рыболовныхъ снастей, рѣчныхъ судовъ (стр. 75, 133, 233), и проч., какъ будто эпо Ста-тистика!

Отъ неполноты системы произошло то, что всѣ почти статьи у Г-на Андросова перемѣшиваются, повторяются и вездѣ замѣненъ недостатокъ. По видимому Авторъ, не то, чтобы хотѣлъ упустишь что нибудь, но не имѣлъ плана, въ слѣдствіе коего все спало-бы на свое мѣсто. За чѣмъ ему было вводить въ торговлю исчисления, съ кѣмъ торгуетъ Россія, если нѣтъ взгляда на физическія средства торговли нашей? Къ чему представлять реэстры таможенъ, портовыхъ городовъ, Управленія путями сообщенія, тарифовъ, обществъ торговыхъ, обществъ для поощренія промышленности, если нѣтъ взгляда на гражданское состояніе была народнаго и степень образованности; или статьи о банкахъ и монетной системѣ, если нѣтъ обзора капиталовъ *народныхъ*; или представлять таблицы привоза и вывоза товаровъ изъ Россіи въ 1825 и 1826 гг., если нѣтъ общихъ обзоровъ Россійской торговли?

Система, высшій взглядъ: вопль два требованія наукъ, необходимыя въ нынѣшнемъ ихъ высокомъ состояніи. Вообще, выходящія у насъ учебныя сочиненія страдаютъ недостаткомъ въ семь отношеніи. Мы привыкли повторять одно и то-же; не раздвигаемъ предѣловъ знанія; мало трудимся сами, мало стараемся не отставать отъ современнаго состоянія наукъ въ другихъ странахъ. Но списываніе стараго не есть новое приобрѣтеніе, повтореніе обветшалаго не можетъ обогатить

нась. Потому и Авторъ Хозяйственной Статистики заслуживаетъ строгій приговоръ Кришки, за тошъ способъ, какимъ онъ собралъ факты своей книги. Надобно сказать откровенно, что Авторъ соспавилъ большую часть своей книги, просто списывая у своихъ предшественниковъ, слово въ слово, цѣлыми страницами, дополняя кое-гдѣ вставками изъ новѣйшихъ журналовъ, газетъ и акшовъ, безъ всякой системы. Отъ этого находимъ у него противорѣчя, особливо потому, что Авторъ сокращаетъ многое, выкидываетъ, и отъ того-то что у предшественника его было ясно, дѣлаетъ темнымъ и сбивчивымъ. Статья: *Погода*, вся цѣликомъ, на 18 страницахъ, выписана изъ статьи Германа: *Sur l'état actuel de l'agriculture en Russie*, помѣщенной въ I-мъ Т. *Mémoires de l'académie de S. Pétersbourg* (см. стр. 685—711). Изъ сей-же статьи взято описаніе Земледѣлія въ Россіи. Но все это, въ иныхъ мѣстахъ невѣрно переведено; въ другихъ перемѣшано съ прибавками, такъ, что оставляетъ читателя въ совершенномъ недоумѣніи. На прим. Германъ говоритъ: *Les terres des Cosaques du Don forment une plaine élevée où l'on ne voit de collines qu'aux bords des rivières*; Авторъ переводитъ: »Земля Донскихъ Казаковъ образуетъ возвышенную равнину, гдѣ видны только холмы при берегахъ рѣкъ.« Германъ, говоря единственно о Европейской Россіи, систематически раздѣляетъ всю поверхность ея на семь равнинъ (*plateaux*); Авторъ, списывая у Германа, переводитъ слово: *plateau*, *полосою*, чрезъ это совсѣмъ сбиваетъ понятія, и кромѣ того, высчитавъ шесть равнинъ, уничтожаетъ седьмую, считаемую Германомъ, и присовокупляетъ свою;

о какую же? всю Сибирь; впрочем, выписывая ту прибавку из какойнибудь книги, ибо в одной этой новоприбавленной равнинѣ находимъ у Автора *четыре*. Авторъ забылъ между тѣмъ, что на 13 страницъ, онъ уже описывалъ Сибирь и Южную Россію, въ статьѣ: *равнины*, и какъ по описанію впрочемъ выписка еще изъ какойнибудь книги, то и насчиталъ онъ *девять* равнинъ въ одной Сибири и Сѣверной и Южной Россіи!

Описанія фабрикъ взяты Авторомъ изъ сочиненія Г-на Зябловскаго: *Статистическое описаніе Россійск. Имперіи*, 5 частей, 2 е издание Спб. 1815 г. — Къ нимъ прибавляетъ Авторъ иногда новыя свидѣнія. На все это сдѣлано въ совершенномъ безпорядкѣ, сокращено, измѣнено, такъ, что едва-ли можеть дать полное понятіе о фабричной пашей промышленности.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, скажемъ, что такое смѣшеніе разнородныхъ выписокъ составило довольно странную пестроту, особливо при выпускахъ Автора. Для большаго понятія, какъ заимствовалъ Авторъ, приводимъ примѣръ.

Хоз. Стат. (стр. 1). «*Не имѣя картъ*, точно означающихъ весь берегъ Сѣвернаго Ледовитаго моря, восточныхъ острововъ и южныхъ границъ государства, географы не согласились въ пространствѣ Россіи.»

Это выписано изъ статьи Германа (*Mémoir. de l'Acad. de S. Pétersbourg.*, т. I, стр. 663); но Германъ писалъ въ 1807 г., а послѣ того въ *теченіе 20-ти лѣтъ* вышли прекрасныя карты, и если только *неимѣніе картъ Ледовитаго моря* и проч. препятствовало узнать пространство Россіи, то

препятствіе это давно уничтожено. За шты
 Авторъ выписываетъ далѣе изъ Германовой статьи:
 »Крафтъ полагаетъ оное (пространство Россіи)
 «въ 330,000, Эбелингъ въ 350,000, Жоржъ — не-
 »опредѣленно — вдвое противъ Европы; Германъ
 «въ 320,000.» — Вотъ подлинныя слова Германа:
 »Büsching (1787) lui donne 309,000 mill. carrés,
 »Hermann (1790) 320,000, Krafft 330,000, Ebeling
 »350,000, Georgi (1797) se borne à dire que la
 »Russie est au moins deux fois aussi grande que toute
 »l'Europe.“ Тутъ Г-нъ Андроссовъ, по ошибкѣ,
 Академика *Георги* назвалъ *Жоржемъ*. Германъ далѣе
 упоминаетъ объ исчисленіи пространства Россіи,
 коимъ занимался Шубертъ въ 1794 году, и которое
 помѣщено было въ *Tableau de la Russie*, Шторжа, а
 также объ исчисленіи приобретенной Рускихъ, съ
 1794 по 1803 г., которое сдѣлалъ Генераль Оп-
 перманъ. Изъ обоихъ вычисленій Германъ все про-
 странство Россіи выводитъ въ 310,113 милъ кв. —
 Г-нъ Андроссовъ оставляетъ здѣсь на время Гер-
 мана и предлагаетъ отъ себя слѣдующее: »Зяблов-
 »скій въ 310,000; Мальтебрёнъ, Европ. часть въ
 »75,154, Сибирь съ посторонними владѣніями (?)
 «въ 295,339. . . .»

Это говоритъ совсѣмъ не *Мальтебрёнъ* а
Гассель, у котораго заимствовалъ Мальтебрёнъ
 (см. *Précis de la géogr. Мальтебрёна*, Т. VI, стр.
 680); Гассель-же опять взялъ у Крафта, Максимовича
 и Зябловскаго (см. *Гассель, Vollständige Hand-
 buch der neuesten Erdbeschreibung*, Т. XI, стр. 9).

За симъ Авторъ опять переводитъ Гер-
 мана, слѣд. образомъ: »А Шубертъ, по послѣднимъ
 »исчисленіямъ, . . . Но въ выпискѣ изъ Германовой

сташья мы видѣли, что этому *последнему истисленію* прошло 24 года. Гдѣ же собственные соображенія Автора? И припомъ путь, на 2-й стр., Авторъ находить въ Европейской Россіи 476,652,604 десятины, а на 76-й стр. 420,353,431 дес. — Куда дѣвались 50,000,000 десятинъ?

Много можно-бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на книгу Г-на Андросова; но не входя въ подробности, мы заключимъ, что всѣ *ошибки въ подробностяхъ* происходятъ отъ того, что Авторъ мало трудился самъ, не соображалъ старыхъ извѣстій съ новыми и переписывалъ все безъ дальнѣйшихъ справокъ. Такъ не должно дѣлать! Мы сказали уже, что Царство Польское, Грузія, Финляндія, Бессарабія, какъ будто и не составляютъ частей Россіи, если судить по Статистикѣ Г-на Андросова, а отъ чего это? Отъ того, что предшественники ничего не говорили, а самъ Авторъ не потрудился сообразить и изложить всѣхъ статистическихъ фактовъ заново.

При будущемъ изданіи Автору непременно должно привести въ большій порядокъ расположеніе, улучшить систему, свѣдѣнія сообразить, исправить, поновить, обратить вниманіе на выводы, уничтожить противорѣчія. Надобно, чтобы все составило у него нѣчто цѣлое, и чтобы въ этомъ цѣломъ не было видно слѣдовъ компіляціи. Не худо-бы вообще на точность ученыхъ сочиненій обратить болѣе вниманія. Для чего въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ не прилагаютъ реэстра матеріяламъ, изъ коихъ что взято? Это необходимо и важно для показанія цѣны свѣдѣній. Извѣстно-ли нашимъ Историкамъ, Статистикамъ и Географамъ, что взглянув-

ши только на такой реэспрѣ, можно уже судить о достоинствѣ сочиненія? Г-нъ Андроссовъ не хотѣлъ приложить даже означенія страницъ въ реэспрѣ спашьямъ, отъ чего въ книгѣ его съ трудомъ съскиваете, что надобно. Замѣшимъ еще удобство нѣтъ забытое: цыфирные выводы непременно должно печашать въ видѣ таблицъ, ибо помѣщаемые въ текстѣ исчисленія и неясны и запрудняютъ въ соображеніяхъ. Всѣ подобныя, такъ сказать, *типографическія* удобства давно извѣсны въ Европѣ; долго-ли мы еще будемъ не знать ихъ?

Мы хотѣли-было поспорить съ Г-мъ Андроссовымъ о мнѣніяхъ его касательно теоріи Государственной промышленности Россіи, на примѣръ, нашедши на стр. 47, будто *Россія есть Государство земледѣльческое*. Не уже-ли у насъ должно еще опровергать такія устарѣлыя мнѣнія? Автору Статистики должно знать основанія Политической Экономіи. Иначе это похоже будетъ на нѣкоторыя частныя ошибки въ книгѣ Г-на Андроссова, когда, на примѣръ, онъ подробно описываетъ неуспѣшное шелководство наше въ Южной Россіи и забываетъ, что у насъ *матка шелку* Грузія; заставляеть Рускихъ торговать въ Кантонѣ (стр. 120); заставляеть ловить *Камчатскихъ бобровъ* въ Архангельской и Вятской Губерніи (стр. 119); полагаетъ, что рыбная ловля потому важна для Россіи, что у насъ много постныхъ дней (стр. 127), и полагаетъ привозъ сельскихъ издѣлій на Коренную ярмарку въ 30 т. р., когда самъ-же говоритъ, что однихъ крестьянскихъ кушаковъ продается въ ней на 150 т. рублей (стр. 242). Такія ошибки слишкомъ явны, и ихъ можно извинить развѣ только

госпѣшностью работы, хотя, кажется, никакой причины не было Автору спѣшить своимъ трудомъ,

Н. П.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1826 года.

213. *Mémoires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences de St. Pétersbourg*, avec l'Histoire de l'Académie, pour les années 1821 et 1822 (*Записки ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Академіи Наукъ*, съ присовокупленіемъ Исторіи сей Академіи за 1821 и 1822 гг.). Т. X. Спб. 1826 г., in 4, 48 и 819 стр., съ 22-ми рисунками и чертежами и двумя географич. картами.

Девятый томъ Записокъ Академіи выданъ былъ въ 1824 г. (Тел. Т. II, стр. 36). Съ удовольствіемъ можемъ объявить гросвѣщеннымъ читателямъ о выходѣ въ свѣтъ *десятаго* тома трудовъ нашего знаменишаго Ученаго Сословія.

И сей томъ начинается, по принятому порядку, въ какомъ съ 1807 г. издаются Записки Академіи, обзорніемъ занятій и важнѣйшихъ событій въ Исторіи Академіи. Въ числѣ ихъ означены потери Академіи: смерть Почетныхъ Членовъ, Аббата Р. Ю. Гайю, сконч. въ Парижѣ, 1822 г. Юня 1-го; славныхъ Астрономовъ: *І. Б. І. Деламбра*, скончавш. въ Парижѣ, 1822 г. Августа 24, н. с. и *Гершеля*, сконч. въ Англіи, 1822 г. Августа 27 д. — Изъ Академиковъ скончались

въ 1821 и 1822 гг. *Карль Габлицъ*, извѣстный своими описаніями Тавриды, и *В. М. Рихтеръ*, Авторъ Исторіи Медицины въ Россіи и другихъ сочиненій. Изъ Корреспондентовъ Академія лишилась: *І. Э. Ф. Гизе*, бывшаго Профессора Химіи въ Харьковѣ и Дерптѣ, Коллеж. Сов. и Кавалера, сконч. въ Митавѣ, 1821 г. Мая 22 д. — *І. Х. Шваба*; *Р. А. Сикара* (преемника Аббата Л'Эпе), сконч. въ Парижѣ 1822 г. Мая 16 д. и *А. І. Араухо*, Лиссабонскаго Профессора, Вновь, въ 1821 и 1822 гг., приняты были въ Адъюнкты Академіи; Зоологъ, Докторъ *Пандеръ* и элевъ Академіи, Астрономъ, *Тархановъ*, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, съ Капитаномъ Васильевымъ, возвратившимся 1822 г. Августа 28 д. Изъ представленныхъ въ Академію ученыхъ диссертаций особенно замѣчательны слѣд. сочиненія: Академика Круга — *Замѣтанія на Ибнъ-Фоцланово описаніе языка, религіи, нравовъ и обычаевъ идолопоклонныхъ Руссовъ, въ X вѣкѣ; Изысканія объ островѣ Левкѣ, на Эксинскомъ морѣ; Идеи о древнемъ устройствѣ и управленіи Русскихъ государствъ; О языкѣ Руссовъ въ IX и X вѣкѣ (всѣ на Нѣмецкомъ языкѣ).* Академика Френа: *Критическое изслѣдованіе извѣстій, переданныхъ Арабскими писателями, о Руссахъ древнихъ временъ и Географіи Россіи и сопредѣльныхъ сѣверныхъ областей (на Нѣмецк. языкѣ); Inscriptiones Arabicae vel rrimo explanatae vel novis curis retractatae; Veteres memoriae Chasarorum ex Ibn - Fozlano, Ibn-Haukale et Schems-ed-dino-Damasceno. Item de Baschkiris, etc. De Choresmia, etc.; О происхожденіи названія Хазарскаго города Саркела (на Нѣм. яз.); Изыска-*

ція о времени жизни и сочиненіяхъ многихъ, о древней Россіи писавшихъ, большею частію, Мугаммеданскихъ писателей (на Нѣм. яз.). Академика Севастьянова: Описанія нѣкоторыхъ новыхъ рыбъ, въ Россіи водящихся; Описанія двухъ новыхъ породъ млекопитающихъ, приобретенныхъ въ путешествіе Беллинггаузена. Академика Вишневецкаго: Определенія долгоцы Оренбурга, Екатеринбургa, Кіева и Тамбова. Академика Шерера: Ueber die chemische Verbindung in Beziehung auf die chemische Proportionslehre; Оригнозитическія замѣчанія о Неломѣ Царскаго Села; Матеріалы для составленія систематическаго обозрѣнія целебныхъ водъ Россійск. Государства; О естественной системѣ минераловъ (всѣ на Нѣмец. языкѣ). Академика Кёллера: Ueber die Murhhee und die Murhheinischen Gefässe; Die Königl. Burg des Eumelus und die Stadt Gargaza. Не исчисляемъ другихъ важныхъ диссертацій, Г-дъ Грефе, Шпорха, Шульцена, Загорскаго, Базена, весьма любопытныхъ для Математиковъ, Физиологовъ, Полишич. Экономовъ и проч. — Изъ числа замѣчаній и опытовъ, сдѣланныхъ Академіею, или сообщенныхъ въ Академію, въ 1821 и въ 1822 гг., чрезвычайно замѣчательны опыты надъ несгораемою соломенною кровлею, устроенною Г-мъ Цигрою; опыты доказали, что сіе изобрѣтеніе можетъ быть весьма важно и полезно (спр. 39); извѣстіе Г-на Добронравова о льдѣ въ Грузіи (въ Горійскомъ уѣздѣ, при подошвѣ Оссеинскихъ горъ, въ двухъ верстахъ отъ городка Дзхинвала), представляющемъ снѣжное явленіе, ибо въ жаркое время оный является, а въ холодное пропадаетъ; извѣстіе Г-на Рикорда, о землетрясеніи въ Камчаткѣ.

дѣ, бывшемъ 1821 г. Мая 31 д. — Г-нь Шереръ представилъ свои опыты надъ кускомъ бѣлаго золота, присланнымъ изъ Бразиліи; слѣдствіемъ опыта было открытіе, что бѣлое золото есть смѣсь платины съ обыкновеннымъ золотомъ. Академикъ Кругъ представилъ мнѣніе свое о переводѣ Герберштейновыхъ Записокъ о Россіи, сдѣланномъ Г-мъ Фовитскимъ. «Какъ ни желанно (говорить Г-нь Кругъ), чтобы явился вѣрный и обогащенный изъяснительными примѣчаніями переводъ сего классическаго сочиненія о Россіи,» но изданіе перевода Г-на Фовитскаго, сей ученый мужъ не почитаетъ полезнымъ и еще менѣе находитъ приличнымъ изданіе его на счетъ Правительства, ибо такое ошличіе могло-бъ бытъ свидѣтельствомъ его превосходства, между тѣмъ, какъ онъ невѣренъ; сдѣланъ съ большою небрежностью и при недостаточномъ знаніи языка Латинскаго, такъ, что все показываетъ въ семъ переводѣ трудъ молодаго челоука, который имѣлъ хорошую мысль заняться полезнымъ и похвальнымъ трудомъ, но не имѣлъ дарованій исполнить надлежащимъ образомъ свое предпріятіе, или не хотѣлъ употребить ихъ, какъ-бы слѣдовало. Мнѣніе Г-на Круга можеть подтвердить пользу и важность предпріятія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Русскихъ, которое, болѣе года тому, положило приступить къ переводу и изданію Герберштейновыхъ записокъ, съ примѣчаніями. Жаль, если сіе прекрасное предпріятіе не будетъ исполнено; по крайней мѣрѣ, донынѣ, ни мало не приступлено къ его исполненію. Другое замѣчаніе Г-на Круга касается надгробія, найденнаго на старинномъ памятникѣ, близъ Мин-

жа, и кошорое почишали относящимся ко времени Владиміра Святославича, Г-нь Кругъ объясняетъ, что надпись оія не восходитъ далѣе XVI или, по крайней мѣрѣ, окончанія XV вѣка.

Сочиненія, находящіяся въ семь томѣ Записокъ Академіи, по обыкновенію, раздѣляются на *четыре* отдѣленія: *Знанія Математическія* (15 статей), *Знанія Физическія* (8 статей), *Знанія Политическія* (3 статьи) и *Знанія Историческо-Филологическія* (4 статьи). Имена Г-дъ Сочинителей суть: Л. Эйлеръ, Н. Фуссъ, Вишневскій, Шубертъ, Шульмень, Пауккеръ, Петровъ, Тунбергъ, Эшшольцъ, Маннергеймъ, Тилезіусъ, Триніусъ, Шпорхъ, Френъ, С. С. Уваровъ и Кёллеръ. Подробное разсмотрѣніе 28 статей, ученаго и важнаго содержанія, не можетъ быть предметомъ краткаго библиографическаго извѣстія.

Н. П.

214. *Опытъ руководства къ судно-врачебной наукѣ*, съ соображеніемъ существующихъ по сему предмету Россійскихъ узаконеній и начальственныхъ предписаній. Сочиненіе Василья Тиле, Доктора Медицины, и проч. *Отдѣленіе первое*, содержащее введене и часть обрядную. М. 1826 г. in 8, IV, IV и 100 стр.

Россійская Врачебная Литтература конечно обогатилась симъ новымъ сочиненіемъ Г-на Доктора Тиле, кошорый, приступивъ къ изданію Опыта руководства къ судоврачебной наукѣ, съ соображеніемъ существующихъ по сему предмету Россійскихъ узаконеній и начальственныхъ предписаній выдалъ нынѣ *Отдѣленіе первое* своего сочиненія. Сочиненіе сіе

Будетъ первое въ семь родѣ въ Россіи и весьма важно для судебныхъ врачей Отечества нашего. Оно не безъ недостатковъ, какъ на пр. въ исчисленіи Липпературы своего предмета Авторъ не упомянулъ о вѣкошорыхъ хорошихъ сочиненіяхъ; также упомянуто имъ только о правилахъ, которыя при наружномъ осмотрѣ труповъ наблюдать должно, а тѣ правила, которыя касаются до различныхъ полостей, Сочинителемъ оставлены для другаго Отдѣленія его сочиненія, когда по сущности предмета о нихъ обихъ слѣдовало-бы упомянуть вмѣстѣ; многое въ семь сочиненіи почерпнуто изъ важныхъ сочиненій, какъ-то: Генке, Клоссе и проч., но слогъ могъ-бы быть чище. Сказавъ о недостаткахъ сей книги, съ другой стороны должно отдать Сочинителю полную справедливость за предпринятый имъ трудъ, которымъ онъ не токмо первый открываетъ путь къ подобнымъ сочиненіямъ, но и замѣняешь величайшій по сей части недостатокъ нашей Липпературы. Россійскій Судебный Врачъ не токмо найдетъ въ книгѣ Г-на Тиле правила для руководства, почерпаемая изъ врачебныхъ наукъ, но и всё до сего предмета относящіяся Указы и предписанія Начальства. Кромѣ сего, читатель встрѣнитъ въ семь сочиненіи много любопытнаго, какъ-то: историческіе отрывки, относящіеся до Судебной Медицины въ Россіи, объяненіе относящихся къ ней законовъ и ш. п.; словомъ сказать, видно, что Сочинитель не токмо теоретикъ, но и свѣдущій практикъ по своей части. Искренно благодаря его за полезный трудъ, мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать послѣдующихъ отдѣленій.

А. П — ь.

215. *Искусство быть любимым своею женою.* Соч. Графа П***. Перев. съ Французскаго. М. 1826 г. in 16, 90 стр.

1827 года.

112. *Добрый совѣтъ при избраніи невесты въ законное супружество, или искусство быть счастливымъ супругомъ.* Соч. Ами. М. 1827 г. въ щип. А. Семена, in 16, 137 и 111 стр.

Теорій бывало на бѣломъ свѣтѣ шакъ много, что многіе нынѣ совсѣмъ не вѣряшъ теоріямъ. Покажи намъ на опытѣ! твердяшъ эти недоверчивые люди. Но какъ-же намъ узнать: практически ли знаетъ Графъ П*** искусство быть любимымъ своею женою, а Г. Ами искусство быть счастливымъ супругомъ? Повѣрьте имъ на слово, Мм. Гг. Впрочемъ, въ переводѣ названій книгъ вмѣшалась, кажешоя, привычка нашихъ переводчиковъ передѣлывать названія. Слова: *Добрый совѣтъ при избраніи невесты въ законное супружество* отзывается что-то Русскою придѣлкою. Читателямъ вѣроятнѣо извѣстно, что на Руси безъ или, названіе не въ названіе и книга не поидеть съ рукъ, а кому не хочеться, напечатавши книгу, продать?

Сочиненіе Графа П*** должно быть въ подлинникѣ поэма, хотя по-Русски являешся въ прозѣ. Графъ поетъ Искусство быть любимымъ своею женою. Что-жь? Если писывали поэмы на коровью оспу, слезы, жалость, три царства природы, солнце, Астрономію, почему Графу П*** не воспѣвать Искусства быть любимымъ своею женою, если оцъ мастеръ въ этомъ искусствѣ и мастеръ въ поэзіи? Переводчикъ погрѣшилъ одна-

ложь, не сказавъ своимъ чипашелямъ, что перевелъ поэму, а не учебный курсъ.

Другая книга есть систематическое изложеніе правилъ, какъ выбирать себѣ жену. Сочинилъ (или переводчикъ) говоришь, что «выборъ сурруги есть самое важное обстоятельство мужчины, въщо жена прилгестаетъ своему мужу тогда, когда она не можетъ быть прилжна другому;» совѣтуешь выбирать жену хорошую, здоровую; бѣдному брать съ деньгами, богатому безъ денегъ; блондину брать брюнешу, брюнешу блондинку, моложе себя, изъ хорошаго семейства; на лѣто имѣть деревню, гдѣ можно-бы жить весело и удалыш жену отъ молодыхъ вѣшренниковъ; не влюбляшся въ свою невѣсту, выбирать не по любви и не одному, а съ помощію родни и друзей, и — много кой-того еще. Бездѣлица! Архимедъ хотѣлъ повернуть землю, но включалъ шолько небольшія условія, Г-нъ Ами выдаетъ Искусство быть счастливымъ судругомъ: эшо попруднѣ Архимедовскаго подвига; правда, но и условія Г-на Ами пошажеле условій Архімеда. Русскій переводъ напечатанъ прекрасно.

113. *Хозяйственная Статистика Россіи*, составленная Васильемъ Андроссовымъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства Дѣйствительнымъ Членомъ. М. 1827 г. въ шпц. С. Селивановскаго, in 8, X и 282 стр.

Разборъ сей книги помѣщенъ выше сего, въ отдѣленіи *Критики*.

114. *Le tombeau d' Alexandre*. Par C. Lamartinière Ex. adjud. maj. de cavalerie et chev. de la légion d'honneur. М. 1827 г. въ шпц. А. Семена, in 4, 6 стр.

115. *Trois odes par St. Thomas. M. 1827 г.*
въ шип. А. Семена, in 8, 27 стр.

Прекрасно напечатанная книга. Въ первой Одѣ юзѣтъ описываетъ, бывшее въ 1824 году, наводненіе Петербургское; во второй онъ удивляется, Кремлю, видить на вершинѣ башни какую-то молвію: это *тѣнь Пожарскаго*, которая говоритъ поэту, что Москва скоро помрачитъ великолѣпнѣемъ своимъ Петербургъ.

L'airain sacré résonne et se mêle à sa voix ;
Silence! . . Je l'entends, et, *la tête inclinée*,
Г écoute, avec respect, quelle est la destinée
Dont Moscou doit subir les immuables loix.

Въ прѣтвей Одѣ, какой-то иностранецъ (*étranger*) жалуется, что ему все худо кажется на свѣтѣ и плохо приходиться жить, бросается въ Волгу и — утопаетъ.

116. *Езоповы басни. Esop's Fables. Fables d'Esop.* Часть I, книжка 1. У Фердинанда Эльцнера. 1827 г. въ шип. С. Селивановскаго, in 8, XX и 18 стр., съ 6 ю картинками.

Г-нъ Эльцнеръ издаетъ весьма полезную книгу для дѣтей: выборъ изъ Езоповыхъ басенъ, на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Не смотря на то, что нынѣ больше прежняго является книгъ, полезныхъ и необходимыхъ для дѣтей, хорошее у насъ долго еще не будетъ лишнимъ, а Г-нъ Эльцнеръ началъ свое предпріятіе очень хорошо: рассказъ басенъ на всѣхъ трехъ языкахъ простъ и понятенъ для дѣтей. Картинка слѣдуетъ при каждой баснѣ, и по расположенію и исполненію онѣ такъ хороши, что мы немного ви-

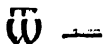
днѣ подобныхъ гравюръ въ нашихъ и не дѣтскихъ книгахъ : всѣ каршвики гравированы въ Вѣнѣ , по заказу Издателя. Мы нѣсколько разъ уже говорили о неудобствѣ давать дѣтямъ для изученія языковъ читать и выучивать разговоры , и порадуемся , когда родители и наставники , обдумавши причины нашего мнѣнія , изгоняютъ совершенно изъ курсовъ ученія разговоры старые Вегелиновскіе и всякіе. Напротивъ , не лзя не сказать , что выборъ повѣстей или басенъ нравоучительныхъ полезенъ для дѣтей во всѣхъ отношеніяхъ. Г-нъ Эльцнеръ предполагаетъ издать 30 басенъ , въ I-й части. Нынѣ вышедшая 1-я книжка заключаетъ 6 басенъ. Книга напечатана весьма опрятно , и можно пожелать , чтобы предпріятіе Г-на Эльцнера было ободрено благосклоннымъ вниманіемъ публики , отъ чего зависить изданіе другихъ частей сего собранія , могущаго составить довольно большую , но недорогую ручную книжку для дѣтей.

Н. П.

117. *Едуардъ*. Сочиненіе Герцогини Дюра , Автора Урики. Переводъ съ Французскаго. 2 Части. М. 1827 г. въ шип. А. Семсна, in 12, 143 и 129 стр.

Русскіе читатели поблагодарятъ Переводчика за то , что онъ попрудился передать имъ прекрасный эпическій романъ. Мы говорили уже о подлинникѣ (см. Телегр. X, 169) ; переводъ *могъ бы* быть лучше : излишнее стараніе передать точнѣе подлинникъ , кажется , много вредитъ слогу Русскаго переводчика , и вообще замѣтны у него въ слогѣ неясность и неловкость , особливо въ раз-

говорахъ. Приведемъ нѣсколько строкъ. (Ч. II стр. 104): »Изъясненія бесполезны между нами, сказалъ мнѣ Маршалъ; дочь моя открылась мнѣ во всемъ. «Ея подруга, узнавъ прежде меня о клеветахъ, которыми ее огернили, прѣехала изъ Голландіи, «что-бы избавить ее отъ бездны, въ которую она готова была повергнуться.» . . . Будто такъ говоряшь, особливо люди высшаго образованія!

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

О послѣднемъ необыкновенномъ переломѣ въ Англійской торговлѣ и промышленности (*). Причины не обыкновенныхъ переломовъ, отъ времени до времени потрясающихъ мануфактурныя земли и приводящихъ въ упадокъ богатыхъ негоціантовъ и мануфактуристовъ туземныхъ: вещь важнѣйшій предметъ, о которомъ всего необходимѣе публикѣ имѣть надлежащее понятіе. Но какъ ни важно разысканіе о семъ предметѣ, онъ, кажется, донынѣ мало обращалъ на себя настоящее вниманіе. Замѣчательно, что послѣдній переломъ въ нашей торговлѣ и промышленности, столь тяжко нами испытанный, печальныя слѣдствія коего, по видамъ

(*) Сочиненіе Мак' колока; сокращенно взятое изъ Edinburgh Review. Мы не совсѣмъ соглашаемся съ Авторомъ и потому въ окончаніи позволяемъ себѣ нѣсколько замѣчаній. Изд. Тел.

тому, еще долго будутъ для насъ продолжаться, не былъ предвидѣтъ нашими негодянцами, и дѣныи встрѣчаемъ мы величайшее разногласіе въ мнѣніяхъ о причинѣ его. Все это рѣшило насъ предложить публикѣ слѣдующія замѣчанія; за неимѣніемъ другихъ достоинствъ, они, по крайней мѣрѣ, теперь очень къшаши.

Прежде всего различимъ два рода необыкновенныхъ переломовъ въ промышленности и торговлѣ: одни происходятъ отъ политическихъ обстоятельствъ, и слѣдственно могутъ быть разсматриваемы, какъ совершенно случайные; другіе происходятъ отъ ошибочныхъ соображеній частныхъ людей. Первые не входятъ въ кругъ Политической Экономіи. Она можетъ указывать путь, по которому должно слѣдовать для приобретенія богатствъ государству; но невозможно ей а priori сказать, по какому пути они будутъ слѣдовать. Она не можетъ, ни предвидѣть мѣрѣ, которыя кому нибудь угодно будетъ принять, не можетъ и предупредить, что произойдетъ отъ принятія сихъ мѣрѣ. И такъ, мы не будемъ здѣсь говорить о коммерческихъ бѣдствіяхъ, необходимо слѣдующихъ изъ того или другаго, вольнаго или невольнаго стеченія, политическихъ обстоятельствъ, и ограничимся единственно тѣми, которыя встрѣчаются при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, и, какъ мы горестнымъ опытомъ узнали, бывають столь-же неожиданны, какъ и тѣ, которыя происходятъ отъ неожиданной войны или страшной революціи.

Сии переломы могутъ быть: 1 а отъ ложныхъ расчетовъ мануфактурисшовъ; 2 е, отъ ошибоч-

ныхъ спекуляцій торговцовъ; 3е, отъ возвышенія цѣнъ, причиняемаго перемѣною въ количествѣ, и слѣдственно, въ цѣнности денегъ. Изслѣдуемъ себѣ каждую изъ сихъ причинъ.

Перевороты отъ ложныхъ расчетовъ производителей бывають вообще въ тѣ времена, когда произойдетъ перемѣна въ обыкновенной пропорціи требованій и количествъ готовыхъ товаровъ. Положимъ, на примѣръ, что по причинѣ открытія новыхъ поржищъ для сбыта, появленія новой моды, или по другой какой причинѣ, бумажныя шкани болѣе прежняго потребовались: слѣдствіемъ сего будетъ мгновенное возвышеніе цѣнъ и большіе барыши фабрикантамъ. Но, расчетъ прибылей въ разныхъ производствахъ заключаетъ въ самомъ себѣ постоянное стремленіе *уравниваться*, и если монополія не предупредитъ или не попрешаствуетъ дѣйствию состязанія, расчетъ прибылей не можетъ долго оставаться, выше или ниже известной мѣры, въ одномъ какомъ-либо родѣ производства, противъ другихъ. Такъ, если возвысится цѣна бумажныхъ тканей, то немедленно начнутъ производители употреблять новые капиталы на ихъ выдѣлку, извлекая большую или меньшую часть капиталовъ изъ другихъ производствъ, дабы дать имъ новое выгодное направленіе.

Къ несчастію извѣстно, что сіе перемѣщеніе капиталовъ никогда не остановится на надлежащей степени, для возстановленія прежнихъ цѣнъ, и всегда будетъ произведено съ такимъ увеличеніемъ,

Ч. XVII. Но 20.

У

что скоро обременить торжища, и въ послѣдствіи причинитъ переломъ, бѣдственный для производителей. Множество причинъ споспѣшествуютъ сему результату. Прибыли, полученныя какими нибудь фабрикантами отъ приращенія требованій на ихъ товаръ, всегда бывають увеличены, какъ тѣмъ изъ нихъ, которые стараются умножить свой кредитъ увѣреніемъ, что они получили барыши значительные, такъ и фабрикантами другихъ производеній. Люди характера зыбкого и предприимчиваго, особенно - же расположенные почитать *omne ignotum pro magifico* (все неизвѣстное за великое), не замедлять пустишься въ такое занятіе, въ которомъ, кажется имъ, видать они вѣрнѣйшее и скорѣйшее средство разбогатѣть. Толпы подражателей поторопятся въ свой чередъ слѣдовать ихъ примѣру и броситься по ихъ слѣдамъ. Увѣренный въ своемъ счастіи и своей ловкости, каждый спекулянтъ оставитъ занятіе, въ которомъ воспитанъ, которое хорошо знаетъ, и пойдетъ на новое поприще, между тѣмъ, какъ люди, прежде еще на сіе поприще вступившіе, стараются пользоваться своимъ кредитомъ, сколько возможно разпространить дѣла свои и увеличить количество произведеній. Всякій здравомыслящій легко можетъ предвидѣть, каковы должны быть слѣдствія сего порядка вещей. Увеличеніе капиталовъ въ одномъ родѣ дѣлъ, скоро будетъ послѣдуемо заваломъ торжищъ и упадкомъ цѣнъ, неминуемымъ слѣдствіемъ излишка.

Негоціанты никогда не должны терять изъ вида сихъ истинъ. Истинны сіи непреложны, и кто

изучить Исторію промышленности, въ той или другой землѣ, тожь убѣдился, что необыкновенное преуспѣяніе въ какой нибудь торговой частной отрасли всегда предвѣстникъ сильнаго перелома. Земледѣліе можетъ намъ представить неоспоримое доказательство того, что мы здѣсь утверждаемъ. Высокія цѣны 1800 и 1801 гг. дали сильный порывъ земледѣльской промышленности. Въ 1802 г. почти вдвое, противъ предшествовавшихъ годовъ, выдано было опъ Парламента позволеній осушать болота и разчищать мѣста. Распространеніе земледѣлія и усовершенствованныя методы, принятыя мѣстными, унизилъ въ 1804 г. цѣны хлѣба ниже обыкновенныхъ и жалобы земледѣльцовъ рѣшили Парламентъ издать актъ, коимъ оказано было преимущественное покровительствіе отечественному земледѣлію, противъ состязанія иностранцевъ. Высокія цѣны 1810, 1811, 1812 и 1813 гг. имѣли слѣдствія точно такія-же. Новые капиталы были обращены на обработку земли, и земледѣльство такъ раздвинулось, что въ 1812 и 1813 гг. собственнаго хлѣба достало чью было для нашего потребленія. Неминуемо послѣдовала значительный упадокъ цѣнъ, хотя гавани наши совершенно заперты были для привозовъ иностраннаго хлѣба. Слѣдующая таблица среднихъ цѣнъ пшеницы въ Англіи и числа позволеній, Парламента на разчиску мѣстъ и осушеніе болотъ, выдаваемыхъ ежегодно съ 1791 по 1820 г., въ ясномъ свѣтѣ подтверждаютъ истину замѣчаній нашихъ. Направленіе, даваемое высокими цѣнами минувшаго года распространять земледѣліе въ слѣдующемъ году, было неизмѣнно, въ чемъ можно увѣриться по увеличенію позволеній, или биллей, Парламента.

Годы.	Цѣна.	Число биллей.	Годы.	Цѣна.	Число биллей.	
1791—	47	2 —	}	1806—	79 0—	71
1792—	42	11 —		1807—	73 3—	76
1793—	48	11 —	46	1808—	79 0—	91
1794—	51	8 —	42	1809—	95 7—	92
1795—	74	2 —	39	1810—	106 2—	122
1796—	77	1 —	75	1811—	94 6—	107
1797—	53	1 —	86	1812—	125 5—	133
1798—	50	3 —	52	1813—	108 9—	119
1799—	67	6 —	65	1814—	73 11—	120
1800—	113	7 —	63	1815—	64 4—	81
1801—	118	3 —	80	1816—	75 10—	47
1802—	67	5 —	122	1817—	94 9—	34
1803—	56	6 —	96	1818—	84 1—	46
1804—	60	1 —	104	1819—	73 0—	44
1805—	87	10 —	25	1820—	65 7—	40

Исторія Вестъ-Индской торговли также служитъ подкрѣпленіемъ нашихъ мнѣній. Разрушеніе прекрасныхъ Сень-Домингскихъ плантацій, взбуствовавшимися Неграми, сначала уменьшивши, а потомъ совсѣмъ уничтоживши выходъ 115,000 екр. сахара, который Франція и твердая земля Европы получала изъ сей обширной колоніи, причинило необыкновенное возвышеніе цѣны на сахаръ и дало соразмѣрное побужденіе къ увеличенію произведенія сахара на другихъ островахъ. Сіе побужденіе было шакъ сильно, что Ямайка, въ прежнее время не выпускавшая болѣе 83,000 екр., выпустила 286,000 въ 1801 и 1802 гг., слѣдовательно по 143,000 на каждый годъ! Но сіе преуспѣяніе было столь-же кратковременно, сколь блестяще; одинакая причина скоро произвела

одинакія слѣдствія въ колоніяхъ твердой земли Европы, какъ равно и на Англійскихъ Антильскихъ островахъ. Количество сахара и кофе, выпущенное Кубою, Порторико, Мартиникою, Гваделупою, Бразилією и другими мѣстами, не замедлило пополнить недосташокъ, причиненный возмущеніемъ Сень - Домингскимъ, и даже завалилъ торжища. Значительныя требованія, сдѣланныя иностранцами на сахаръ нашихъ плантацій, уменьшались со дня на день въ 1805 и 1806 гг., и мало помалу совсѣмъ прекратились. Изъ сего вышло, что почти вся сложность Ямайкскаго сахара была ввезена въ Англію, и то что въ 1798 г. стоило 66 шиллинговъ, въ 1806 г. продавалось не дороже 34: цѣна недостаточная, не только принести барышъ хозяевамъ плантацій, но даже окупить ихъ издержки. Въ слѣдствіе нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ Парламентомъ, дабы торговля дасть насильственный ходъ, очень нехотати поддерживали огромное произведеніе сахара, безъ всякаго соображенія съ настоящимъ его требованіемъ, такъ, что за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, хозяева плантацій не выходили изъ безконечной цѣпи затрудненій и убытковъ, и это состояніе не кончилось для нихъ донинѣ.

Такія же доказательства можно найдти въ исторіи дистиллировки вина въ Шотландіи. И теперь Шотландскіе дистилляторы находятся въ величайшемъ замѣшательствѣ, не зная: куда дѣть безмѣрное количество спиртовъ, приготовленныхъ ими, въ надеждѣ, что послѣднее уменьшеніе пошлинъ чрезвычайно увеличитъ потребленіе оныхъ въ Англіи. Пошребленіе дѣйствительно увеличилось, но не

въ такой пропорціи, какой ожидали дистилляторы наши.

Всеобщее правило: чѣмъ болѣе вдругъ начнешь преуспѣвать какая нибудь частная отрасль промышленности, тѣмъ сильнѣе и страшнѣе будетъ переломъ, всегда почти слѣдующій за необыкновеннымъ распространеніемъ. Если увеличеніе требованій на товаръ возвысило цѣну его на 10 процентовъ болѣе цѣны обыкновенной, его скоро произведутъ въ большемъ количествѣ, а это необходимо причинитъ ему обратный переворотъ. Если возвышеніе сдѣлалось на 30 или 40 процентовъ, капиталисты тотчасъ бросятся на это дѣло съ своими капиталами, и тогда переворота должно ожидать и скорѣйшаго и раззорительнѣйшаго.

Переломы, о коихъ мы говоримъ, могутъ быть скорѣе или медленнѣе, смотря потому, какая система управляетъ общимъ ходомъ торговли государства. Ничто не уменьшало-бы столько числа и жестокости переломовъ, какъ свободная торговля. Будь торговля свободная, мы занимались-бы только такими дѣлами, въ которыхъ видимъ свое естественное или приобретенное превосходство, и которыя по сему самому болѣе безопасны отъ неблагоприятныхъ переворотовъ, нежели тѣ, кои поддерживаются натянутыми средствами и ограниченіями. Положимъ, на прим., что торговля шелковыми тканями не подвержена никакимъ ограниченіямъ: въ такомъ случаѣ, мы вывели-бы за границу часть тканей вѣшихъ шерстяно-шелковыхъ, нашихъ чулковъ и перчатокъ, въ которыхъ намъ приходится несомнѣнный барышъ, и въ тоже время, изъ за гра-

ицы привезли-бы къ намъ тѣхъ шелковыхъ тканей, которыя выдѣлываютъ иностранцы лучше или дешевле. Если при семъ предположеніи, новая мода, или другая какая нибудь причина, вдругъ увеличили-бы требованіе на сіи ткани, состязаніе иностранныхъ купцовъ воспрепятствуетъ имъ дойти до необычайной цѣны, и слѣдственно предупредить напряженное расширеніе нашихъ фабрикъ и замѣшательства, въ которыя неминуемо вводить сіе расширеніе. Если-бы напротивъ, требованіе на шелковыя ткани уменьшилось внутри государства, множество внѣшнихъ торжищъ, на коихъ продавали-бы наши фабриканты, дало-бы имъ способы распорядить излишествомъ своихъ товаровъ, по цѣнамъ, гораздо болѣе выгоднымъ, противъ тѣхъ, какими они ограничиваются, сбывая ихъ только на своихъ торжищахъ. Сіи основанія не тщетныя теоріи, и они подтверждены самыми обширными опытами. Нѣтъ въ Лондонѣ ни одного негоціанта, который не согласился, что измѣненія въ цѣнахъ хлѣба были-бы гораздо посполантѣе и состояніе нашихъ земледѣльцовъ болѣе улучшилось, если-бы ограниченія, законами нашими предписываемыя торговлѣ хлѣбомъ, были уничтожены. Точно тоже со всѣми другими опрастями. Ограниченія и запрещенія всегда приводили торгующихъ въ затруднительное положеніе касательно цѣны, и производили потрясенія болѣе или менѣе сильныя. Искусственныя возбужденія, къ какой-бы они опрасли промышленности ни прилагались, непосредственно производятъ неблагопріятныя дѣйствія на всѣ другія опрасли, и всегда оканчиваются вредомъ, даже и той, кою посредствомъ ихъ хотѣли благопріят-

существовать. Никакое установление, никакой законодательный акт не может увеличить капитала государственного; разлить его в новые каналы: вотъ все, что они могутъ сдѣлать. Но когда сѣм каналы довольно наполнены, отъ этого начинается только противудѣйствіе. Если нѣтъ торжищъ внѣшнихъ, каждый разъ, когда перемѣна во вкусъ потребителей причиняетъ уменьшеніе требованій, магазины заваливаются товарами, кошорыхъ, при свободной торговлѣ, и не заготовляли-бы. Невѣжды и люди увлекаемые корыстными видами не обвиняютъ приписываютъ излишество произведеній употребленію машинъ и недостаточному покровительству отечественнымъ произведеніямъ противъ состязанія иностранцовъ. Напротивъ: это есть слѣдствіе необходимое и неизбѣжное запретительныхъ системъ и приложенія тѣхъ опасныхъ лекарствъ, копорыхъ безпрестанно измѣняютъ ходъ промышленности, ко вреду внутренней экономіи политическихъ тѣлъ.

Не нужно сказывать, что наши замѣчанія касаются только излишества произведеній, въ нѣкоторыхъ частныхъ отрасляхъ. Относительно-же *произведенія вообще*, мы увѣрены, по несомнѣннымъ доказательствамъ, что оно никогда не можетъ быть излишне и идея о *всеобщемъ излишкѣ* есть противорѣчіе здравому смыслу. Всякій согласится, что каковъ-бы ни былъ объемъ произведенія, оно всегда потребится, ибо иначе должно предположить произведение безъ цѣли, дѣйствіе безъ причины. Только тогда, когда товары назначаются для перевозки на какое нибудь торжище, они могутъ излишне скопляться. Но когда они уже пере-

зены на поржище, значить, что они назначены в промѣну, и если ихъ будетъ излишекъ, это безпорное доказательство, что не ихъ излишне много, но товаровъ, на которые ихъ промѣнять должно, напротивъ, количество недостаточно. Тутъ же въ томъ ошибка, что много произвели, но что худо произвели, ибо произвели то, что не требуется тѣми, кому хотѣли продать, а мы сами употребить произведеннаго не можемъ. Завалка всегда происходитъ отъ того, что люди, занимающіеся какимъ нибудь родомъ произведеній, умножаютъ количество ихъ въ пропорціи, несоразмѣрной съ потребностями. Это было причиной замѣшательства, испытанныхъ хозяевами плантацій Антильскихъ въ 1807 г., Англійскими земледѣльцами въ 1816 г. и фабрикантами шелковыхъ тканей въ последнее время. Произведенія сихъ людей представляются во всѣмъ шри означенныя эпохи въ пропорціи несоразмѣрно огромной противъ тѣхъ товаровъ, на которые должно было мѣняться.

Установивши свободную торговлю, чтобы еще лучше воспрепятствовать переломамъ торговли, Правительству Англійскому надобно-бы поставить правиломъ, кромѣ необыкновенныхъ случаевъ не вмѣшиваться въ торговлю и промышленность и не помогать тѣмъ частнымъ производителямъ, которые безразсечно входятъ въ дѣла. Такое правило, конечно, покажется излишне суровымъ, но однакожъ, это единственное правило для Правительства, которому можно послѣдовать съ успѣхомъ. Вся почти ограниченія и монопольныя запрещенія, снѣсняющія свободу движеній Англійской торговли

и подкрѣпляющіи духъ спекуляцій, происходятъ отъ того, что Правительство наше излишне заботится помогать тѣмъ производителямъ, которые заптываютъ спекуляціи неудачныя или безразсудныя. Отъ того, значительная часть Англійской промышленности установилась на невѣрныхъ основаніяхъ, и негоціанты и фабриканты, освобождаясь отъ естественной отвѣтственности, съ которою каждый долженъ дѣйствовать, научились полагаться на пособіе Правительства, когда ихъ спекуляціи пойдутъ худо. Если-бы Правительство могло помогать частнымъ людямъ безъ вреда остальному обществу, путь нѣчего было-бы и спорить; но дѣлается напротивъ, а потому Министръ, здравомыслящій политикъ и филантропъ, долженъ отказать въ пособіи при семъ случаѣ, ибо пособія во сто разъ причиняютъ болѣе вреда, нежели отвращаютъ его. Съ удовольствіемъ приводимъ здѣсь въ доказательство мнѣніе практика, знаменитаго негоціанта нашего, А. Беринга (A. Baring), столь извѣстнаго всѣмъ важнѣйшимъ негоціантамъ Европы и Америки по его обширнымъ дѣламъ. Вотъ что говорилъ Г-нъ Берингъ, въ небольшомъ сочиненіи своемъ, изданномъ въ 1808 году: «Вообще покровительствовать во время войны и мира, уничтожать договорами запрещенія другихъ державъ и ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать ограниченій и запрещеній: вотъ все, чего должна требовать торговля отъ Правительства. Если-бы успановленія нынѣшнія, касательно внѣшней и внутренней торговли, были уничтожены, вѣтъ сомнѣнія, что отъ того произошли-бы величайшія выгоды для всей Англіи и для купцовъ Ан-

йскихъ въ особенности. Твердая рѣшительность : доставить всѣ обстоятельства торговли естественному ихъ ходу, не вмѣшиваясь въ нихъ по юсьбѣ того или другаго званія гражданъ, когда ошибка въ расчетѣ заводитъ ихъ въ невыгодныя мѣста, сія рѣшительность, скорѣе, нежели искусственныя лекарства, установила-бы настоящее равновѣсіе между произведеніемъ и требованіемъ. Если жадность къ прибыли часто нарушаетъ равновѣсіе, таже причина, когда оставлятъ торговлю промышленность свободно дѣйствовать, непременно возстановитъ его.

«Когда политическіе уравниватели вмѣшиваются въ дѣла какой нибудь отрасли промышленности, это не только вредно другимъ отраслямъ, но и той, которой хотять пособить. Положимъ, на примѣръ, что въ Ямаикѣ надѣлали много сахару а въ Манчестерѣ много бумажныхъ тканей : потеря людей, погнавшихся за корыстью, скоро остановитъ зр. Но если Правительство употребитъ искусственную помощь, дабы доставить, первымъ изъ нихъ средство къ необыкновенному сбыту ихъ произведенія, средство, коего ничто не можешь упрочить на будущее время, то, хотя косвенно, оно ободритъ ихъ продолжать свои дурныя спекуляціи и чрезъ то, пособивъ на время, приведетъ ихъ къ гораздо худшимъ и болѣе гибельнымъ послѣдствіямъ. Съ другой стороны, если оно постарается отратить слѣдствія неблагоразумныхъ распоряженій фабрикантовъ бумажныхъ тканей, оно сдѣлаешь только вредъ фабрикамъ суконъ, полотень, или шелковыхъ

фикаей, но ничѣмъ не оградить бѣдствія фабриканшовъ Манчестерскихъ.

«Если какой нибудь классъ фабриканшовъ или негоціаншовъ просить помощи Правительства, обыкновенно съ величайшимъ великолѣпіемъ выставляють оныя заслуги, оказанныя имъ отечеству. Остъ-Индская и Вестъ-Индская шорговля, оружейники, суконныя фабриканты, и проч., и проч., поспешенно успѣвали заговорить Правительство симъ образомъ въ свою пользу; но слушая ихъ, должно-бы помнитъ, что выгоды государства состоятъ въ общемъ благоденствіи; что не должно помогать развитію какой нибудь отрасли, иными средствами, кромѣ тѣхъ, кои она заключаетъ въ самой себѣ, а шѣмъ менѣе помогать ей на счетъ другихъ отраслей, и что, дабы заключить ее въ надлежащихъ границахъ, надобно предоставить ей самой попеченіе о своемъ направленіи.»

Намъ ничего прибавлять къ симъ превосходнымъ замѣчаніямъ опытнаго гражданина, и мы обращаемся къ переломамъ шорговли и промышленно-сти другаго рода, т. е. происходящимъ отъ ложныхъ расчесовъ негоціаншовъ, или, чтобы выразиться не такъ точно, но болѣе употребительнымъ образомъ, отъ слишкомъ обширной шорговли.

Сего рода переломы бывають въ то время, когда продажныя цѣны, или цѣнность, какую они представляютъ, находятся въ надлежащемъ состояніи и держатся на прочномъ основаніи; и въ то вре-

1, когда цѣнность сія находится въ величайшемъ
 превышеніи и худо обезпечена, слѣдственно, подвер-
 гнута испытанію разительныхъ измѣненій въ своемъ
 урствѣ, прибавкѣ и убавкѣ.

Множество причинъ способствуютъ перело-
 амъ, когда они бывають при состояніи продаж-
 ой цѣны въ надлежащемъ положеніи. Если купцы
 полагають, что товаръ, коего потребленіе повсе-
 встно, производится не въ достаточномъ коли-
 ествѣ, или, если и дѣйствительно недостаточно
 бывають имъ снабжены торжища, спекулянты ста-
 наються требовать его вездѣ, гдѣ только добыть
 можно. Тоже бываетъ, если вдругъ откроются для
 него новыя и значительныя торжища. Подобное
 увеличеніе потребаній необходимо причиняетъ воз-
 вышеніе цѣны, и разумѣется, что большое число
 покупателей, вдругъ появившихся на торжища, вы-
 ведець цѣны изъ надлежащихъ границъ, а это не
 замедлитъ произвести противоположное, болѣе или
 менѣе сильное.

Переворотъ, коему подвергаются люди, дающіе
 необыкновенныя цѣны за товаръ, бываетъ отъ труд-
 ности или совершенной невозможности дѣйствитель-
 но увѣришься, что этого товара недостааетъ, или что
 требованіе на него прибудетъ. Въ способъ, какимъ
 рѣшаетъ сіи вопросы истинно-умный негоціантъ, мож-
 но видѣть его ловкость. Последнія спекуляціи, на при-
 мѣръ, хлопчатую бумагою произведены были отча-
 сти потому, что необдѣланную бумагу полагали въ
 большомъ требованіи, и въ Англію и на швердую

землю Европы. Если-бы сія предположенія были точны, если-бы сосязаніе покупателей не слишкомъ возвысило цѣны, спекуляціи кончились-бы хорошо. Но въ самомъ дѣлѣ было совсѣмъ не то, и ничто не было шакъ ложно, какъ предположеніи спекулянтовъ: не только что не настало недостатка въ хлопчатой бумагѣ, а напротивъ вышло ея огромное излишнее количество; да если-бы и въ самомъ дѣлѣ урожай ея былъ недостаточенъ, то необыкновенное возвышеніе цѣны долженъ было уменьшить потребление оной, а это должно было обратню произвести величайшее пониженіе цѣны.

По вѣрному счету выходитъ количество, хлопчатой бумаги, ввезенной въ Англію въ 1823, 1824 и 1825 годахъ, ужасное, а именно:

Въ 1823 г.	_____	191,402,593
— 1824 »	_____	149,380,122
— 1825 »	_____	228,005,291

Напротивъ, вывезено же было:

Въ 1823 г.	_____	9,318,403
— 1824 »	_____	13,299,505
— 1825 »	_____	18,004,953

Слѣдовательно, осталось для внутренняго потребления:

Въ 1823 г.	_____	182,184,100
— 1824 »	_____	136,090,617
— 1825 »	_____	210,000,338

Не смотря на сей огромнѣйшій привозъ, возвышеніе цѣны было шакъ велико, что сорть бума-

ги Американской (Georgie), продававшийся въ 1823 году по $10\frac{1}{2}$ ден. за фунтъ, въ 1825 г. продавался $18\frac{1}{2}$; сорты Индійской (Бенгалъ и Сураъ), отъ цѣны 1823 г., $8\frac{1}{4}$ д., дошли въ 1825 г. до $13\frac{1}{2}$ д. Со времени упадка, первый остановился на 7, а другіе на 5 д. Потеря, какую спекулянты должны были понести въ три года, по самому малому разсчету, должна простирается до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ ф. с.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

*Вновь найденныя стихотворенія
Ломоносова (*).*

I.

Опмщашъ завистнику меня вооружаютъ,
Хотя мнѣ отъ него вреда совсѣмъ не чають.
Когда Зоилова хула мнѣ не вредишь,
Могу-ли на него за то я бышь сердить?
Однакожь, осержусь! Я всталъ, ищу обуха;
Ужь поднѣлъ, я махну! А кѣо сидишь пушь? Муха!
Какъ жаль мнѣ для нее напраснаго труда;
Бѣдняжка, ты лешай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда!

II.

Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ щатся,
Дабы на буквѣ А всѣхъ долъ остояться;
На Е, на О припомъ умѣренность имѣшь;
Черезъ У и черезъ И съ поспѣшностью лешѣшь:

(*) Мы получили отъ одной почтенной особы сіи, дѣныя бывшія неизвѣстными стихотворенія Ломоносова и спѣшимъ сообщитъ ихъ публикѣ, предполагая, что самыя малыя подробности жизни и твореній сего великаго челоука важны для каждаго уважающаго память людей, коими гордится наше отечество. Сообщенный намъ подлинникъ сихъ стиховъ весь писанъ самимъ Ломоносовымъ. *Изд. Тел.*

Чтобъ онымъ нѣжному была пріятность слуху,
 А сими не принесеть несносной скуки уху.
 Великая Москва въ языкъ поль нѣжна,
 Что А произносить за О велишь она.
 Въ музыкѣ что распѣвъ, то надъ словами сила;
 Природа насъ блюсти законъ сей научила.
 Безъ силы *береги*, но съ силой *берега*
 И *стихи* безъ нея мы говоримъ *стига* :
 Довольно кажушь намъ шоль ясныя доводы,
 Что ищеть нашъ языкъ вездѣ отъ И свободы.
Или ужъ стало *иль*; коли ужъ стало *коль*;
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь*.
 За *спиши*, *спишь* и *спать* мы говоримъ за *спати*.
 На что-же, *Трисотинъ*, къ намъ тянешь И не
кстати?
 Напрасно злобный сей ты предпріялъ совѣтъ,
 Чтобъ льстя шебѣ когда Россійскій принялъ свѣтъ
Свинны визги *вси* и *дикіи* и *злыи*
И истинныи *ти* и *лживы* и *кривыи*.
 Языка нашего небесна красота
 Не будеть никогда поправна отъ скота.
 Отъ яда швоего онъ самъ себя избавить,
 И вредъ сей выплюнувъ, повѣрь, тебя заставишь
 Скончатъ швой скверный визгъ спонаніемъ совы,
 Негоднымъ въ Русскій стихъ и пропасшнымъ *увы!*

Подражанія Корану.

I.

Богачъ, своимъ гордись имѣнемъ,
 забывъ Всесильнаго Творца,
 Какъ нищему сказалъ съ презрѣнемъ:
 Мое блаженство безъ конца. . . .
 Въ моихъ садахъ древа съ плодами
 Теувадаемо цвѣтуть! . . .
 Имъ-ль Бога умолять дѣлами:
 Те вѣрю я въ Господній судъ! . . .
 — Онъ мещетъ громъ рукою смѣлой —
 Теу смиренно нищій рекъ. . .
 Смотри, строптивый человекъ,
 Ибо въ надъ тобой не загремѣло! . . .
 Да то, что длань Его дама
 Тебѣ дары свои обильно. . . .
 А ты строптиваго чела
 Те преклонилъ предъ дланью сильной! . . . —
 Минула ночь; восставъ съ зарей,
 Богачъ увидѣлъ горделивый
 Опустошенныя грозой
 Сады цвѣтущіе и нивы!
 Онъ вспомнилъ близость дня,
 Въ который вѣрующъ народы,
 Въ которой будетъ вся земля
 Равна, какъ равны моря воды! . . .

О Мугаммедъ! благое слово;
 Какъ древо пальмы возростеть!
 Его услышавъ, твой народъ
 Да укрѣпится силой новой! : . ?
 Мной посланъ дивный Соломонъ,
 Да озаритъ онъ землю свѣтомъ:
 И въ сердцѣ мною разогрѣтомъ
 Ко мнѣ горѣлъ любовью онъ!
 Ему, избранному со славой,
 Созданья тайну я открылъ;
 Ему я бурю покорилъ;
 Безгласенъ спалъ предъ нимъ лукавой:
 Онъ погружался въ глубь морей,
 По мановенью Соломона,
 Или прикованный у прона
 Онъ трепещалъ Царя Царей!
 О Мугаммедъ! реки шворенью:
 »Сильна Великаго рука!
 Да не созиждутъ храмъ спасенья
 На брегѣ зыбкаго песка!

A. Potzess.

Три брата.

Китайская сказка (*).

Есть и добро и зло,
 За ними идушь чувствительное благополучіе или несчастіе;
 Вошь что отвращаетъ ошь порока,
 Вошь что оживляетъ добродѣтель!

Бѣдная званіемъ семья жила въ Ву-си, городкѣ, зависящемъ опъ округа Чангъ-чу, въ области Кіангъ-Нань. Эта семья состояла изъ трехъ братьевъ: старшій назывался Лю-ю (или *яшма*); второй Лю-пао (или *драгоценный*); третій Лю-чинь (или *жемчужина*). Последний еще не созрѣлъ для женитьбы, а двое другихъ были женаты. Жена первого называлась Вангъ, жена второго Янгъ. У обѣихъ были все прелести, украшающія женщинъ.

Лю-пао страстно любилъ только игру и вино; никакой склонности къ добру въ немъ не замѣчали; жена его была ша-

(*) Переводъ изъ *Contes Chinois*, изданныхъ Абель-Ремюза, знашомъ Китайскаго языка. (Парижъ. 3 Т. 1827 года.) Любопытство, возбуждаемое Китайскою Литературою, обратилось у Французовъ, нѣкоторымъ образомъ, въ моду. Это новое доказательство жадности нашего вѣка къ свѣдѣніямъ и вмѣстѣ причина, побудившая насъ помѣстить произведеніе Китайской Литературы, хотя, правду сказать, мы видимъ въ немъ только предметъ любопытства и хотимъ только показать читателямъ нашимъ, что нравятся нынѣ Парижанамъ. *Пер.*

кая-же : совсѣмъ не забоицалась о добродѣтели, и весьма оплывчалась она отъ Вангъ своей невѣстки ; та была примѣръ скромности и порядка въ жизни. Такимъ образомъ, хотя эти двѣ женщины жили довольно согласно, но сердца ихъ были соединены слабо.

У Вангъ былъ сынъ по имени Ги-эль (сынъ наслажденія). Этому ребенку считали еще не болѣе шести лѣтъ, когда в одинъ день, остановившись на улицѣ съ другими сосѣдскими дѣтьми, посмотрѣвъ одно шоржесивенное шествіе, онъ исчезъ въ толпу и вечеромъ не возвратился домой.

Такая потеря ужасно опечалила отца и мать : они велѣли вездѣ прибить записочки; не оспалось ни одной улицы, гдѣ бы не поискали ; но всѣ разысканія ихъ были напрасны : они не могли услышать никакого извѣстія о своемъ миломъ сынѣ Лю-ю, отецъ его, былъ неупѣшимъ. В такой тяжести печали онъ вздумалъ удалиться изъ своего дома, гдѣ все безпрестанно приводило ему на память миллагого Ги-эля. Онъ занялъ у одного изъ друзей своихъ деньги на производство небольшой торговли, въ той и другой сторонѣ вокругъ города, льстясь, что въ краткіе и частыя поѣздки, онъ найдетъ наконецъ свое поперянное сокровище.

Будучи занятъ только своимъ сыномъ онъ мало чувствовалъ удовольствія отъ

Выгодъ, какія приносила ему торговля. Однакожь, онъ продолжалъ ее въ печеніе пяти годовъ, не слишкомъ удаляясь отъ своего дома; наконецъ, не находя своего сына, послѣ столькихъ лѣтъ, и почиая его поперявшимся безвозвратно, къ тому-же видя, что жена его Вангъ не приноситъ ему другихъ дѣшей, вздумалъ онъ разсѣять свои печальныя мысли, и какъ онъ собралъ маленькій запасецъ, то и рѣшился повѣхать торговать въ другой области.

Дорогой, онъ присоединился къ одному богатому купцу, который, узнавъ его способности и ловкость въ торговлѣ, далъ ему выгодную долю. Желаніе разбогатѣть избавило его отъ безпокойствъ.

Только что привѣхали они, пошь и другой, въ область Шань-си, какъ все удалось имъ по желанію: они скоро сбыли свои повары и получили порядочный барышъ. Платежи, затянувшіеся по причинѣ двухъ-лѣтней засухи и голода, поспившаго шу землю, сверхъ того продолжительная болѣзнь, постигнувшая Лю-ю, все это, удержало его въ сей области три года; поправивши свое здоровье и получивъ деньги, онъ повѣхалъ отшуда въ свою сторону.

Во время пути онъ остановился подлѣ одного мѣсна, называемаго Чинъ-ліу, отдохнувъ отъ усталости, и увидѣвъ поясъ изъ голубаго полотна, сдѣланный

наподобіе небольшого мѣшка, длиннаго и узкаго, какіе носятъ вокругъ шѣла, подъ плащемъ, и гдѣ бывають деньги. Поднявши мѣшокъ эптоль, онъ почувствовалъ въ немъ что-то довольно тяжелое. Тотчасъ опощель онъ въ спорону, открылъ мѣшокъ и нашель въ немъ около двухъ-сощъ таэльсовъ (*).

При видѣ сего сокровища онъ подумалъ: «Счастливая судьба моя даетъ мнѣ въ руки эпшъ деньги; я могу удержашъ ихъ и употребляшъ на свои надобности, не боясь ничего непріятнаго. Однакожь, шопъ, кто поперялъ ихъ, какъ скоро замѣнитъ свою потерю, то будешъ въ ужасномъ сдѣрахѣ и какъ можно скорѣе ворошитъ ся опыскашъ ее. Не говорятъ развѣ, что наши праотцы, находя деньги, не смѣли почти допрогивашься до нихъ и бради ихъ только для того, чтобъ возврашшъ прежнему хозяину? Эта справедливостъ кажетъся мнѣ прекрасна, хочу подражашъ ей, шѣмъ болѣе, что я уже старъ и у меня нѣтъ наследниковъ. Чтобы и сдѣлалъ я изъ денегъ, которыя приходатъ ко мнѣ непрямими пушями!»

Въ шуже минуту, воропъся назадъ, онъ сѣлъ подлѣ того мѣспа, гдѣ нашель деньги; и ждалъ шамъ весь день: не придетъ-ли кто за ними? Никшо не показы-

(*) Таэльсъ есть унція серебра и стѣитъ около $7\frac{1}{2}$ франк. *Аб. Рсм.*

зался, и на другой день онъ продолжалъ свой путь.

Послѣ пяти дней путешествія, прибывши около вечера въ Су-чу, онъ остановился въ гостинницѣ, гдѣ было много другихъ купцовъ. Въ разговорѣ рчь пала на выгоды торговли и одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: »Пять дней тому, какъ ѣхавши изъ Чинь - лиу, я поперялъ двѣсти шаэльсовъ, хранившихся у меня въ нижнемъ поясѣ. Я снялъ этотъ поясъ и положилъ подлѣ себя, во время небольшого отдыха; но вдругъ увидѣлъ, что ѣдетъ Мандаринъ, со всѣмъ своимъ повозомъ. Боясь обиды, я удаляюсь съ дороги и забываю взять свои деньги. Уже при захожденіи солнца, скидая свои платья, я замѣнилъ сдѣланную мною потерю. Я зналъ, что мѣсто, гдѣ я поперялъ свои деньги, посѣщается споль многими людьми, что напрасно замедлилъ-бы я свое путешествіе нѣсколькими днями, воролившись опыскивать то, чего конечно не найду.«

Каждый жалѣлъ о немъ. Лю-ю поспѣшъ спросилъ его объ имени и мѣстѣ жительства. »Вашъ слуга называется Чинь,« отвѣчалъ купецъ, »и живетъ въ Янгъ-чу, гдѣ у него есть лавка и довольно хорошій амбаръ. Но смѣю-ли я, въ очередь свою, спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить?« Лю-ю назвалъ себя и сказалъ, что онъ живетъ города Ву-си. »Самая ближайшая дорога шуда,« прибавилъ онъ, »ведешь меня

въ Янгъ-чу; если вамъ угодно, я буду имѣть удовольствіе проводить васъ до вашего дома.“

Чинь, какъ слѣдовало, опивчалъ на эту учтивость. »Очень охотно,“ сказалъ онъ, »повѣдемъ вмѣстѣ; почишаю себя счастливымъ, что нашелъ такого пріятнаго соуптника!“ На слѣдующій день, очень рано упромъ, они повхали вмѣстѣ. Путешествіе не было продолжительно и они скоро прибыли въ Янгъ-чу.

Послѣ обыкновенныхъ въжливостей, Чинь пригласилъ своего дорожнаго поварища ласково къ себѣ въ домъ и велѣлъ подать небольшой завтракъ. Тогда Лю-ю обратился разговоръ на деньги, потерянные въ Чинь-лиу. »Какого цвѣта,“ сказалъ онъ, »былъ поясъ, въ который спрятали вы свои деньги, и какъ былъ онъ сдѣланъ? — Онъ былъ изъ голубаго полотна, опивчалъ Чинь. А чѣмъ онъ былъ очень примѣненъ, то, это буквой Чинь, означающей мое имя; она была вышита на одномъ концѣ бѣлымъ шелкомъ. —

Послѣ сихъ объясненій сомнѣнія не осталось никакого, и Лю-ю воскликнулъ съ веселымъ лицомъ: »Я попому спрашиваю васъ, что провзжалъ черезъ Чинь-лиу и нашелъ тамъ такой поясъ, какой вы описали.“ Въ то-же время онъ вынимаетъ его. »Смотрите,“ говоритъ онъ: »вашли это? — Онъ самой, говоритъ Чинь. Тутъ Лю-ю, держа еще поясъ въ своихъ

рукахъ, съ почтеніемъ передаетъ его насмѣяющему хозяину.

Чинъ, исполненный признавательности, сильно настоялъ, чтобы Лю-ю принялъ половину той суммы, которою дарить его; но убѣжденія были напрасны: Лю-ю не хотѣлъ ничего принять. «Сколько одолжаете вы меня!» возразилъ Чинъ. «Гдѣ найдти подобную вѣрность и великодушіе!» — Онъ тотчасъ велѣлъ набрать богатый столъ, за коимъ оба съ величайшими изъявленіями дружбы приглашали другъ друга пить.

Чинъ сказалъ самъ себѣ: «Гдѣ найдти нынѣ человѣка столь честнаго, какъ Лю-ю? Такіе люди очень рѣдки. Но что? получивъ отъ него столь великое добро, не уже-ли не найду, чѣмъ ему доказать мою признавательность? У меня есть дочь двѣнадцати лѣтъ: пусть союзъ дѣшей соединитъ меня съ столь честнымъ человѣкомъ. Но есть-ли у него сынъ? Вотъ этого я не знаю. «Любезный другъ!» сказалъ онъ Лю-ю, «сколько лѣтъ теперь вашему сыну?»

При этомъ вопросѣ слезы потекли изъ глазъ Лю-ю. — Увы! у меня былъ одинъ только сынъ и безконечно мнѣ драгоценный! отвѣчалъ онъ. Семь лѣтъ тому, какъ это юное дитя, вышедши изъ дому, посмотрѣвъ торжественное шествіе, исчезло, такъ, что съ тѣхъ поръ я не могъ получить о немъ никакого извѣстія. Далъ

пополненія несчастья, жена моя не приноситъ мнѣ болѣе дѣтей. —

При этомъ повѣствованіи Чинъ на минулу задумался, и попомъ сказалъ: «Братъ мой и благодѣтель! Какихъ лѣтъ было это милое дитя, когда вы потеряли его?» — Шести лѣтъ, отвѣчалъ Лю-ю. — «Какъ называли его? Какой онъ былъ изъ себя?» — Мы называли его Ги-эль, сказалъ Лю-ю. Онъ избѣжалъ отъ опасностей оспы: никакого следа ея не было на его лицѣ, цѣлущемъ и бѣломъ. —

Такія подробности принесли великую радость Чину, и онъ не могъ скрыть ея: радость явилась въ его глазахъ, во всей его осанкѣ. Онъ тотчасъ призвалъ одного изъ слугъ своихъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, Слуга, сдѣлавъ знакъ, что немедленно исполнитъ приказанія своего господина, идетъ во внутренность дома.

Лю-ю, внимательно наблюдая связь вопросовъ и веселость, явившуюся на лицѣ его хозяина, перевозимъ былъ различными подозрѣніями, какъ вдругъ увидѣлъ, что входитъ молодой слуга, возрастомъ лѣтъ тринадцати. Онъ одѣтъ былъ въ длинное плаще и въ балахонъ, простой, но опрятный. Его прекрасный станъ, его видъ, осанка, правильныя черты лица, прекрасныя черныя брови, подъ которыми видны были живые и пронизательные

глаза, прежде всего поразили сердце и глаза Лю-ю.

Когда эпомъ юноша увидѣлъ, что за споломъ сидитъ чужой человекъ, онъ обратился къ нему съ глубокимъ почтеніемъ и учтивыми привѣтствіями; потомъ, приближившись къ Чину и скромно спавъ пропивъ него, сказалъ нѣжнымъ и пріятнымъ тономъ: «Отецъ мой! вы призвали Ги-эля. Что угодно вамъ приказать мнѣ?» — Я тотчасъ это объявлю себѣ, возразилъ Чинъ; въ ожиданіи этого стой подлѣ меня.

Имя: Ги-эль, какъ называлъ себя юноша, возродило новыя подозрѣнія въ умѣ Лю-ю. Тайное впечатлѣніе объяло его сердце; удивительными дѣйствіями природы сердце въ минушу изобразило передъ нимъ образъ его сына, его станъ, лицо, видъ и всѣ приемы. Онъ видитъ все это въ томъ, котораго разсматриваетъ. Только одно названіе отца, данное имъ Чину, разсприваетъ предположенія. Не лично было спросить у Чина: точно ли это сынъ его, что однакожь очень могло бытъ, потому что не невозможно двумъ дѣтямъ получить одинакое имя и походять другъ на друга.

Лю-ю такъ бытъ занятъ сими размышленіями, что совсѣмъ не думалъ о томъ, какъ прекрасно его угощали. На лицѣ его можно было читать спрванное недоумѣніе, въ коемъ онъ находился. Какое-то очарованіе привлекало его къ этому

юношѣ: онъ безпрестанно глядѣлъ на него и не могъ никуда болѣе отвести глазъ своихъ. Ги-эль съ своей стороны, не смотря на робость и скромность своего возраста, неподвижно смотрѣлъ на Лю-ю и, казалось, сама природа открывала ему въ сію минушу, что это его отецъ.

Наконецъ Лю-ю не могъ долѣе удерживать волненія своего сердца и вдругъ прервалъ молчаніе, спросивъ у Чина: Точно ли это его сынъ? — Не опъ меня получилъ онъ жизнь, опвѣчалъ Чинъ, хотя я почитаю его какъ-бы собственнымъ моимъ сыномъ. Семь лѣтъ назадъ одинъ челоувѣкъ, проходилъ черезъ нашъ городъ, вель за руку это дитя и случайно обратился ко мнѣ съ просьбою: помочь ему въ чрезвычайной его нуждѣ. Жена моя умерла, сказалъ онъ, и оставила мнѣ одно эпо дитя. Худое состояніе моихъ дѣлъ заставило меня на время оставить свою землю и удалиться въ Гоай-Инганъ, къ одному моему родственнику. Опъ него надѣюсь получить сумму денегъ для своего возстановленія; но мнѣ нечѣмъ продолжать путешествія до этого города. Будете ли сострадательны и дадите ли мнѣ впередъ при паэльса? По возвращеніи моемъ я вѣрно опдамъ ихъ вамъ, а въ залогъ моего слова оставляю здѣсь то, что у меня есть драгоценнѣйшаго въ свѣтѣ, то есть, моего единственнаго сына. Только что

дойду я до Гоай-Ингана, какъ возвращусь
взявъ обратно это милое дитя.

Довѣренность незнакомца пронула
меня; я далъ ему въ руки сумму, какую
онъ просилъ для себя. Оставляя меня, онъ
замился слезами, доказывая тѣмъ, что
разпадется съ сыномъ въ чрезвычайной
горести. Удивило меня то, что при
этомъ разпаванъ, дитя, казалось, со-
всѣмъ не было въ смущеніи; но видя, что
называвшій себя опцомъ его не возвра-
щается, я спалъ подозрѣвать и хотѣлъ
объяснить свои подозрѣнія. Призвавъ ди-
тя, разными вопросами я узналъ отъ
него, что онъ родился въ городъ Ву-си;
что однажды, смотря на поржеспвенное
шеспвіе въ своей улицѣ, онъ удалился отъ
дома, былъ обманутъ и похищенъ незна-
комцомъ. Онъ сказалъ мнѣ также имена
своего опца и матери: имя опца его при-
надлежитъ вамъ. Я тотчасъ понялъ, что
это бѣдное дитя было похищено, и продано
мнѣ какимъ нибудь плутомъ, почувство-
валъ къ нему состраданіе и онъ умѣлъ со-
вершенно привлечь къ себѣ мое сердце. Съ
тѣхъ поръ обходился я съ нимъ также,
какъ съ моими собеспвенными дѣтьми, и
посылая его въ школу вмѣстѣ съ моимъ
сыномъ учился. Много разъ намѣревал-
ся я нарочно ѣхать въ Ву-си, дабы освѣдо-
миться о его родинеляхъ; но всегда было
у меня какое нибудь дѣло, заставлявшее
откладывать это путешеспвіе, отъ ко-

порагъ однакожъ и не навсегда отказывался. Къ счастью, за нѣсколько минутъ, вы случайно сказали мнѣ о вашемъ сынѣ. Нѣкоторыя слова, случаемъ брошенныя, пробудили мои мысли. По удивительному отношенію того, что я зналъ, съ тѣмъ, что вы сказали мнѣ, я велѣлъ придти Ги-элю, желая видѣть, узнаете-ли вы его.

При сихъ словахъ Ги-эль началъ плакать опъ радости, а его слезы скоро заставили Лю-ю пролить обильныя слезы. „Его можно узнатьъ,“ сказалъ Лю-ю, „по странному знаку: немного выше локтя у него есть двойной знакъ чернаго цвѣта.“ Ги-эль тотчасъ поднимаетъ рукавъ своего плащя и показываетъ два знака, выше локтя, о которыхъ была рѣчь. Увидя это, Лю-ю бросился на шею къ юношѣ, обнялъ его и поднялъ на своихъ рукахъ. „Мой сынъ!“ вскричалъ онъ, „мой милый сынъ! Какое счастье для моего отца снова найдти тебя послѣ столь долгаго отсутствія!“

Изловить иглу въ глубинѣ воды: чудо;
 Но потерять сокровище, бывшее въ рукахъ, и снова найти
 ли его послѣ: это другое чудо, гораздо большее!
 О, прекрасенъ шопъ лиръ, гдѣ происходитъ сладостное
 узнаваніе!
 Оба они ещё боялся, что-бы это не былъ только сонъ.

Можно-ли постигнуть, какимъ восторгамъ радости предались въ сіи сладостныя минуты отецъ и сынъ! Послѣ тысячи

нѣжныхъ обниманій, Лю-ю вырвался изъ объятій своего сына и подошелъ съ привѣспвіями къ Чяну. „Сколько обязанъ я вамъ,“ сказалъ онъ, „за то, что вы приняли къ себѣ и воспитали съ такою благоспѣю эту драгоценную часть самого меня! Быль-ли-бы я когда нибудь съ нимъ вмѣспѣ, если-бы не вы!“

— Любезный мой благодѣтель, — отвѣчалъ Чинъ, вспавал, — вы поступили со мною такъ великодушно, добродѣтельно, возвративъ мнѣ двѣспи таэльсовъ, что это пронуло Небо; оно привело васъ ко мнѣ, и вы обрѣли то, что потеряли и что напрасно искали въ продолженіе столькихъ лѣспъ. Теперь я знаю, что это прекрасное дитя принадлежитъ вамъ, и жалю, что не оказывалъ ему еще болѣе дружбы. — »Поклонись, мой сынъ,« сказалъ Лю-ю, »и благодари твоего несказаннаго благодѣтеля.«

Положеніе пѣла, какое принималъ Чинъ, показывало, что онъ хопѣлъ опвѣчатъ поклонами на поклоны ему дѣлаемые; но Лю-ю, смущенный этимъ излишеспвомъ учспивости, топчасъ приблизился и не допусшилъ его наклониться. Кончивъ сіи обряды, снова свли за споль и Чинъ посадилъ Ги-эля на сѣдалище подлѣ Лю-ю, отца его.

Тогда Чинъ, снова обратившись къ Лю-ю, сказалъ: »Братъ мой! у меня есть дочь двѣнадцати лѣспъ; я намѣренъ от-

дашь ее за швоего сына и эплимъ залогомъ шѣснѣ соединишься съ шобою.“ Предложеніе сдѣлано было съ такимъ искреннимъ видомъ, что Лю - ю не почель нужнымъ употреблять обыкновенныхъ извиненій, пребуемыхъ учливосью ; онъ пре-небрегъ ими и шопчасъ изъявилъ свое согласіе.

Было уже поздно и они разлучились. Ги-эль легъ въ шой - же комнаѣ , гдѣ и ошець его. Можно судить, сколько утѣшительнаго и нѣжнаго говорили они другъ другу во время ночи. На другой день Лю-ю хотѣлъ проспаться съ своимъ хозяиномъ , но не могъ воспротивиться привѣпливости, съ какою его удерживали. Чинъ велѣлъ приготошвить другой пиръ, гдѣ не пощадили ничего, для лучшаго угощенія будущаго свекра дочери и новаго зятя его, также и для утѣшенія въ ихъ опѣздѣ. Пили хорошо и предавались радости.

При окончаніи спола Чинъ вынимаетъ сверпокъ съ двадцатью шаэльсами и сморя на Лю - ю, говоритъ : «Любезный мой зять конечно прешерпѣлъ безъ моего вѣдома и намѣренія нѣкопорья непріятности въ шо время, какъ жилъ у меня. Вопъ небольшой подарокъ опъ меня, въ ожиданіи того времени, когда могу существенно изъявить ему мою нѣжную привязанность ; не желаю, что-бы онъ отка-залъ мнѣ.“

— Какъ! возразилъ Лю-ю, когда я заключаю споль почешный для меня союзъ, и по обычаю долженъ-бы самъ дать брачные дары за моего сына, увольняю себя опъ нихъ попому шолько, что я въ дорогъ, вы осыпаете меня вашими подарками? Это уже слишкомъ! это приспыжаепъ меня.“

„Э,“ сказалъ Чинъ, „кто думаетъ подноситъ вамъ шакую бездвлицу? Не свекру моей дочери, но зяпю моему хочю опдать эпошъ небольшой подарокъ. Однимъ словомъ: если вы спанете упорспвовашъ въ своемъ опказъ, я почту это вѣрнымъ знакомъ, что вамъ непріятенъ союзъ со мною.“

Лю-ю увидѣлъ, что непременно надобно согласишься и что упорство будетъ бесполезно: онъ принялъ подарокъ, велѣлъ своему сыну встать изъ за спода и пойдти поблагодарить Чина, опдавъ ему поклонъ. — „Что даю вамъ шеперь,“ сказалъ Чинъ поднимая Ги-эля, „это бездвлица, не спокующая благодаренія.“ Послѣ сего Ги-эль пошелъ во внутренніе покои, благодарить свою шещу. Весь день прошелъ въ пированіи и увеселеніяхъ; одна ночь разлучила бесѣдующихъ.

Лю-ю совершенно предался размышленіямъ, родившимся у него отъ сихъ происшедшій. „Надобно признашся,“ вскричалъ онъ, „что обрашная опдача найденныхъ мною денегъ естъ дѣло, очень угодное Небу, потому

что чрезъ нее нашелъ я моего сына и заключилъ столь почетный союзъ. Это счастье къ счастью ; это золотые цѣвпы на прекраснѣйшей шелковой ткани. Чѣмъ я изъявлю признательность за такія милости? Вотъ двадцать таэльсовъ, подаренные родственникомъ моимъ Чиномъ : что могу сдѣлать лучшее, какъ упопробишь ихъ на поддержаніе жизни нѣсколькихъ добродѣтельныхъ бонзовъ? Это значить бросишь ихъ въ землю благословенную.“

На другой день, хорошо позавтракавъ, отецъ и сынъ готовятъ свою поклажу и прощаются съ своимъ хозяиномъ. Они идутъ къ пристани и нанимаютъ шамъ барку. Едва они отъѣхали полмили, какъ приблизились къ одному мѣсту рѣки, откуда происходилъ ужасный шумъ, какъ будто возмущенная вода кипѣла. Это была барка съ путешественниками; она тонула. Бѣдные несчастливцы кричали: *Помогите ! спасите насъ !* Жители ближняго берега, встревоженные симъ крушеніемъ, кричали съ своей стороны многимъ близъ стоявшимъ лодочникамъ и просили спѣшить скорѣе на помощь несчастнымъ, оспоривавшимъ у волнъ свою жизнь; но лодочники, грубые и корыстолюбивые люди, преобладали, чтобы ихъ увѣрили напередъ въ хорошей наградѣ.

Видя этого споръ, Лю-ю сказалъ самъ себя: «Спасать жизнь человеку есть дѣло не менѣ святое и не менѣ доброе, какъ

украшеніе храмовъ и содержаніе божцовъ. Посвятимъ двадцать шаэльсовъ на это доброе дѣло; поможемъ бѣднымъ утопающимъ людямъ! — Тотчасъ онъ объявляетъ, что даетъ двадцать шаэльсовъ тѣмъ, кто приметъ въ свою лодку сихъ полуутопшихъ людей.

При этомъ предложеніи всѣ лодки въ минуту покрыли рѣку; даже нѣкоторые изъ зрителей, бывшіе на берегу и умѣвшіе плавать, поспѣшно бросающіяся въ воду, и безъ исключенія всѣ утопавшіе тотчасъ были спасены. Лю-ю раздалъ послѣ этого обѣщанное лодочникамъ награжденіе.

Бѣдные люди, извлеченные изъ середины волнъ, подошли благодарить своего избавителя. Одинъ изъ нихъ, поглядѣвъ на Лю-ю, вдругъ воскликнулъ: «Какъ? Это ты, мой старшій братъ! Какимъ благополучіемъ встрѣчаю тебя здѣсь?» Лю-ю, обратившись къ незнакомцу, узналъ своего прешяго брата Лю-чина. — Какое чудо! какое счастье! — воскликнулъ онъ, сложивъ руки. Небо привело меня сюда въ назначенный часъ спасти жизнь моему брату. — Тотчасъ онъ протягиваетъ къ нему руку, приводитъ его на свою барку, помогаетъ ему скинуть измокшее платье его и даетъ другую одежду.

Пришедши въ себя, Лю-чинъ кланяется своему старшему брату, а тотъ, послѣ взаимнаго привѣтствія, приказываетъ Гизю ошдаты почтеніе дядѣ; потомъ раз-

сказываетъ ему исторію пояса, возвращеннаго первому хозяину, и по, какимъ образомъ онъ нашелъ своего сына. Лю-чинъ не могъ придти въ себя отъ изумленія при этомъ разсказѣ. — Располкуй мнѣ наконецъ, сказалъ ему Лю-ю, что привело тебя въ эту спрану?

«Невозможно нѣсколькими словами исчерпать подробностей, которыхъ желаешь ты,» отвѣчалъ ему Лю-чинъ. «Три года уже, какъ ты оставилъ свой домъ, и къ намъ пришло печальное извѣстіе, что ты умеръ отъ болѣзни въ обласпи Шанъ-си. Впороу братъ мой освѣдомлялся и увѣрялъ, что извѣстіе справедливо. Это было ударомъ грома для моей невѣстки: она была неуцѣшима и потчасъ облеклась въ глубокой трауръ. Что касается до меня, я нѣ сколько не хошѣлъ вѣришь этому извѣстію.

«Черезъ немного дней, мой второй братъ спалъ напоминашь моей невѣсткѣ, что ей надобно думать о новомъ замужствѣ. Она всегда далеко отъ себя отвергала это предложеніе; наконецъ заспавила меня създишь въ Шанъ-си, для поисковъ и полученія извѣстій о тебѣ. Когда я со всѣмъ не предполагалъ, когда готовъ былъ погибнуть въ волнахъ, встрѣчаю моего возлюбленнаго брата, спасающаго меня отъ смерти. Неожиданное счастье это не естъ-ли благодѣяніе Неба? Но, братъ! повѣрь мнѣ, что не лъзя шеряшь времени:

спѣвши возвратиться домой и успокоить мою невѣстку. Малѣйшее замедленіе можетъ быть причиною невозвратныхъ несчастій.»

Этотъ разсказъ ужаснулъ Лю-ю: онъ велѣлъ призвать хозяина барки, и хотя было очень поздно, приказалъ поднять парусы и плыть во всю ночь.

Спѣшенное сердце лепитъ, какъ опрѣла и негодуешь на медленность;
Лодка бѣжитъ какъ челнокъ скака, и бѣтъ ей все еще слишкомъ шихъ.

Услышавъ печальную вѣсть о смерти своего мужа, Вангъ сначала сомнѣвалась въ истинѣ этого сказанія; но наконецъ, когда Лю-пао успѣлъ увѣрить ее въ томъ, надѣла траурное платье.

У Лю-пао было дурное сердце и онъ способенъ былъ къ самымъ злымъ дѣламъ. «Я не сомнѣваюсь: брашъ мой почно умеръ,» сказалъ онъ. «Невѣстка моя молода и прекрасна; къ тому-же, шеперь нѣкому подержать ее. Мнѣ надобно принудить ее снова выйдши за-мужъ, а это досцавитъ мнѣ деньги.»

Топчасъ сказываетъ онъ о своемъ намѣреніи женѣ своей Янгъ, и заставляешъ ее говорить объ этомъ невѣсткѣ. Но Вангъ съ ужасомъ опвергаетъ такое предложеніе; Лю-чинъ, своими безпрестанными упреками, представляешъ также новыя препятствія этому браку. Такъ, всѣ упо-

мребленныя хитрости оставались безъ утѣха. Извѣстіе, пересказанное тысячью челоуѣкъ, говорила Вангъ сама себѣ, «не стоить показанія одного личнаго свидѣннел. Хотя говорашъ, что мужъ мой умеръ за тысячу лю отсюда; но, кто знаешъ? можетъ быть эшотъ слухъ, пришедшій споль издалека, не имѣеть никакого основанія? Попрошу моего деверя Лю-чина самого повхашъ въ область Шанъ-си и забранъ на мѣспѣ досповѣрныя свѣдѣннел. Если въ самомъ дѣлѣ я споль несчастлива, что потеряла своего мужа, то, по крайней мѣрѣ, деверъ принесетъ мнѣ драгоценныя остатшки его.

Она просила Лю-чина вхашъ и онъ отправился. По опъѣздѣ его, Лю-пао спалъ безпокойнѣе въ своихъ преслѣдованнелхъ. Сверхъ того, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, приведенный въ отчаяніе несчастливою игрою, онъ самъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ достать денегъ. Въ такомъ замѣшательствѣ, онъ встрѣтился съ купцомъ изъ Кіангъ-си, который лишился жены и искалъ себѣ другую. Лю-пао воспользовался эшимъ случаемъ и предложилъ ему свою невѣстку. Купецъ соглашается на его предложеніе, впрочемъ, принявъ предосторожность, то есть, освѣдомившись, шихонько, молада-ли и хороша-ли предлагаемая особа. Какъ скоро онъ увѣрился въ эшотъ, то не теряя времени, вручилъ придцашъ шаэльсовъ для заключенія дѣла.

Получивъ эту сумму, Лю-пао сказалъ купцу: «Я долженъ васъ предупредить, что невестка моя горда и надменна: она окажется много запрудненій, когда придется ей оставить домъ, и очень трудно будетъ вамъ заставить ее рѣшиться на это. И потому, волею что должны вы сдѣлать: сего дня, при наступленіи ночи, будьте съ портшезомъ, идите тихонько и спаньте подлѣ нашихъ воротъ. Если покажется женщина въ праурномъ головномъ уборѣ, по знайте, что это моя невестка; не говорите ей ни слова и не слушайте того, что она вздумаетъ вамъ сказать; но потчасъ схватите ее, бросьте въ портшезъ, опнесите на вашу барку и плывите.» Этого способъ очень понравился купцу, и исполненіе его показалось ему легко.

Между тѣмъ Лю-пао возвратился домой, и не желая подать какого-либо подозрѣнія невесткѣ о своемъ намѣреніи, умѣлъ хорошо притвориться въ ея присутствіи. Какъ скоро Вангъ вышла, онъ вѣрилъ женѣ по, что имъ задумано, и наименовавъ свою невестку, съ презрительнымъ движеніемъ сказалъ: «Надобно, чтобы этого поваря сего дня ночью вышелъ изъ нашего дома; но я не хочу быть свидѣтелемъ ея слезъ и воздыханій и выйду напередъ; какъ-же скоро наступитъ ночь, то одинъ купецъ изъ Кіангъ-си придетъ похитить ее и унесетъ въ портшезъ на свою барку.»

Едва Лю-пао окончилъ сіи слова, какъ вдругъ услышалъ шумъ, производимый кѣмъ-то, шедшимъ подъ окошками. Онъ успѣвши выйти, и скоростью, съ какою онъ удалился, не позволила ему прибавить подробности о праурномъ головномъ уборѣ. Безъ сомнѣнія, по особенному провидѣнію Неба это обстоятельство было имъ упущено.

Вангъ легко замѣтила, что Лю-пао вдругъ принужденъ былъ прервать разговоръ, услышавъ шорохъ ея шаговъ подъ окошкомъ. Выраженіе голоса его ясно показывало, что ему надобно было сказать еще что-то; но она уже довольно слышала, попому, что когда Лю-пао входилъ въ домъ, она по виду его узнала, что ему хотѣлось сказать жень своей нѣчто въ тайнѣ и сдѣлала видъ, будто вышла, но шпихонько, приложивъ ухо къ окну, ясно разслушала сіи слова: *«Ее похитятъ, ее бросятъ въ портшезъ.»*

Послѣ сихъ словъ увѣрилась она въ своихъ подозрѣніяхъ, и вошедши въ комнату, приблизилась къ Янгъ. Сначала она объявляетъ ей о своихъ безпокойствахъ. *«Сестрица!»* сказала она, *«ты видишь несчастную вдову, соединенную съ побою самыми тѣсными узами дружбы, всегда бывшей искреннею. Заклинаю тебя нашею старинною дружбою, объяви мнѣ откровенно: не упорствуетъ-ли мой деверь въ прежнемъ своемъ намѣреніи принудить*

меня къ замужеству, ополь для меня пясноному?»

При такой рѣчи Янгъ сначала пришла въ смущеніе, покраснѣла; потомъ, съ видомъ болве увѣреннымъ, сказала ей: «Что по вздумала ты, сестрица, и что за мысли у тебя въ головѣ? Если-бы дѣло шло о второмъ замужествѣ твоемъ, не же-ли ты думаешь, что опъ этого бы-ли-бы въ большомъ замѣшательствѣ? Къ чему бросаешься въ воду, прежде нежели барка готова разрушиться.»

Какъ скоро Вангъ услышала эту по-словицу о баркѣ, то еще лучше поняла смыслъ пайнаго разговора своего деверя. Гопчасъ начинается она жаловаться, взды-капъ, и предавшись всей своей горести, запирается въ своей комнашѣ, плачетъ шамъ, спрадаешъ, рыдаешъ. «Какъ я несчастлива!» восклицаетъ она, «я не знаю, что сдѣлалось съ моимъ мужемъ! Мой деверь и другъ Лю-чинъ, на котораго я могла положиться, въ дорогъ. Отецъ мой, мать, родспвенники, далеко опъ здѣшной земли. Если это дѣло пойдетъ скоро, то могу-ли я дать знать имъ о немъ? Опъ сосѣдей нѣчего и ожидать, попому, что Лю-цао навелъ собою ужасъ на весь около-шокъ и никто не осмѣлился поддержать меня или защитить. О я несчастная! Я не избѣгну опъ сѣней, и если не попадусь въ нихъ сего дня, то это сдѣлается завтра, или очень скоро, какъ-нибудь. Окон-

чимъ эту слишкомъ шягостную жизнь, умремъ одинъ разъ: лучше умереть, нежели спрдашь тысячью смертей.

Такъ рѣшилась она, но исполненіе этой рѣшимости опложила до вечера. Какъ скоро настала ночь, она удалилась въ свою комнату и заперлась тамъ; послѣ этого, взяла веревку; одинъ конецъ ея привязала къ переводникъ, а изъ другаго сдѣлала петлю; придвинула скамью, вошла на нее и вскричала: «Всемогущее Небо! опомнись за меня!» Послѣ сихъ словъ и нѣсколькихъ вздоховъ, вылетѣвшихъ изъ груди ея, она сбрасываетъ свой траурный головной уборъ, влагаетъ голову и шею въ петлю, наконецъ оппалкиваетъ ногою скамью и виситъ на воздухъ.

Кажется, все кончилось для этой несчастной женщины. Случилось однакожъ, что веревка, на которой она повѣсилась, вдругъ оборвалась. Вангъ, полумертвая упала на землю; ея паденіе произвело ужасный шумъ.

На шумъ прибѣжала Янгъ, но нашедши дверь накрѣпко задвинутою, подумала, что это не можетъ быть хитрость полупомѣшанной женщины. Тотчасъ схвативъ ломъ, она вышибла дверь. Ночь была очень темная; вошедши въ комнату, Янгъ заступалась ногами въ платье своей невѣстки, и упала навзничь. Опъ этого головной уборъ ея слетѣлъ съ нее и она пришла въ такой ужасъ, что нѣсколько

минушъ находилась въ безпамятствѣ. Пришедши въ себя, она шопчасъ вспала, пошла сыскашь дамду и возвратившись въ комнату, нашла Вангъ, лежащую на землѣ безъ движенія и почти безъ дыханія.

Но вдругъ услышала она, что кто-то стучится тихонько у ворота. Не сомнѣваясь, что это купецъ изъ Кіангъ-си, пришедшій за купленною имъ женою, она бѣжиль скорѣе приняшь его и ввести въ комнату, чтобы онъ могъ быть свидѣтелемъ случившагося. Но подумавши, что на ней не было головного убора и что неприлично являться просповолосою, она поспѣшно схватила валяшійся у ногъ ея праурный головной уборъ Вангъ и побѣжала узнать, что такое тамъ было.

Она узнала купца изъ Кіангъ-си, который, исполняя приказанія Лю-пао, явился похитить обѣщанную ему женщину. У него былъ головъ брачный поршшезъ, украшенный шелковыми тканями, лентами, цвѣтами и множествомъ прекрасныхъ фонарей; его окружали слуги съ зажженными факелами и толпа музыкантовъ съ дудками и свирѣлями. Весь эшотъ повздъ дождался на улицѣ, не играя на инструментахъ и не дѣлая никакого шума. Купецъ спукнулъ легонько въ ворота, и нашедши ихъ оппертыми, вошелъ въ домъ съ нѣсколькими чловѣками, освѣщавшими ему дорогу.

Какъ скоро Янгъ показалаь, ^А ~~купецъ~~, увидя на ней траурный головной уборъ, бывшій условленнымъ знакомъ, успремился на нее, какъ жадный яспребъ на маленькую ппичку. Прибъжали его люди, схвапили Янгъ и заперли ее въ портшезъ, уже совсѣмъ приготоовленный. Напрасно кричала она: *ошибаются, не меня искали!* Тотчасъ раздался звукъ инструменповъ и заглушилъ ея голосъ. Между тѣмъ носильщики лепѣли, а не шли, желая поскорѣе принестъ ее къ баркѣ.

Толпа музыканшовъ входитъ на барку чужестранца;
Ошибка въ траурномъ головномъ уборѣ имѣешь свидѣнiемъ
бракъ.

Когда супруга плачетъ и рыдаешь, выходя за другаго мужа,
Въ то время и судьбу и наслощаго мужа своего прокли-
наешь она.

Между тѣмъ, Вангъ, облегченная спаранiемъ своей невѣсшкн, опомнилась и снова спала различашъ предметы. Сумапоха, которая слышалась ей у ворошъ дома, возобновила ея безпокойство и привела ее въ смертельное смущенiе; но замѣливъ, что звукъ музыки и смѣсь голосовъ и инструменшовъ ежеминушно удалялись, она разувѣрилась, и по прошествiи почти полу-четверши часа, осмѣлилась даже пойдти посмошрѣть: въ чемъ заключалось дѣло?

Тщешно кликнувши два или три раза свою невѣсшку, она помыла, что купецъ обманулъ и увезъ не шу, кого искалъ. Но

спрашась какой нибудь новой неприятно-
сти, если Лю-пао узнаеть объ этой ошиб-
кѣ, заперлась она въ своей комнатѣ и по-
добрала съ полу шпильки, серьги и голов-
ной уборъ. Послѣ этого хотѣла она оп-
дохнуть, но не могла сомкнуть глазъ во
всю ночь.

На разсвѣтъ вспаешь, умываешься, и
въ то время, когда ищешь своего траурнаго
головнаго убора, вдругъ слышишь она шумъ
у воротъ дома. Тамъ сильно спучахся и
кричашь: *отворите!* Это былъ почно Лю-
пао: она узнала его по голосу. Тотчасъ
рѣшившись и давши ему волю спучахъ,
она не отвѣчала ничего. Лю-пао заклиналъ,
шумѣлъ, кричалъ до того, что охрипъ. На-
конецъ Вангъ подошла къ воротамъ и не
отворяя ихъ сказала: «Кто тамъ спучит-
ся и шумитъ такъ ужасно?» Лю-пао совер-
шенно узналъ голосъ своей невѣстки и
спалъ кричашь еще сильнѣе; но видя, что
она не хочеть оппереть ему воротъ, онъ
рѣшился на такое средство, которое уда-
лось ему. «Сеспра (сказалъ онъ)! Добрая и
счастливая новостъ: младшій братъ мой
Лю-чинъ возвратился, а старшій находится
въ полномъ здоровьѣ; отвори скорѣе.»

При словахъ, что Лю-чинъ возвратил-
ся, Вангъ побѣжала надѣтъ головной уборъ,
оставленный ей невѣсткою, и послѣ это-
го тотчасъ отворила ворота; но щетно
глаза ея ищуть милаго Лю-чина: она ви-
дишь одного Лю-пао, кошорый прежде

всего вошелъ въ свою комнату; но не видя памъ жены, и сверхъ того видя чернѣйшій головной уборъ на своей невѣсткѣ, снова впалъ въ спрашныя подозрѣнiя. Наконецъ онъ воскликнулъ: „А гдѣ-же швоя невѣстка?“ — Ты долженъ это знать лучше меня, отвѣчала Вангъ, пошому что ты самъ сплелъ эту прекрасную свѣшь. — „Но скажи мнѣ,“ возразилъ Лю-пао: „почему ты шеперь уже въ черномъ головномъ уборѣ? Развѣ ты сняла праурь?“ Вангъ рассказала ему все, что безъ него случилось.

Едва окончила она слова свои, какъ Лю-пао жестоко ударяетъ себя въ грудь и мечется, какъ опчальный. Но оправившись мало помалу, онъ говоритъ самъ себѣ: „У меня еще оспалось средство въ этомъ несчастiи. Продамъ опять невѣстку и на вырученныя за нее деньги куплю себѣ другую жену; никто не узнаетъ моего несчастiя, никто не узнаетъ, что я продалъ мою собшвенную жену!“

Онъ игралъ всю прошедшую ночь и проигралъ придцать пцальсовъ, полученные отъ купца изъ Кiангъ-си, который былъ уже далеко съ новою своею супругою.

Лю-пао готовъ былъ выйдти изъ дому, для того, чтобы устроить это дѣло, когда увидѣлъ, что къ воротамъ подѣхали пять или шесть человекъ и спѣшили войдти въ домъ. Это былъ старшiй братъ его Лю-ю, младшiй Лю-чинь, племянникъ его Ги-эль и двое слугъ съ поклажею. Уви-

дл ихъ, Лю-паю пришелъ въ ужасъ, и не имѣя силъ выдержать ихъ присутствіа, вышелъ изъ дому по задней двери и исчезъ, какъ молнія.

Вангъ, въ восторгѣ радости, выходя встрѣтивъ своего милаго мужа. Но какъ увеличилась ея радость при видѣ своего сына, котораго едва узнала она: такъ онъ выросъ и спалъ хорошъ. „Какимъ счастливымъ,« вскричала она, »привели вы этого милаго сына? Я почитала его потеряннымъ!“

Лю-ю подробно разсказалъ свои приключенія, а жена его Вангъ очень продолжительно пересказала, въ свою очередь, всѣ обиды ошъ Лю-пао и гибель, къ какой онъ приводилъ ее.

Лю-ю опдалъ справедливую хвалу върности своей жены. «Если-бы» вскричалъ онъ, «по слѣпой справки къ богатству я удержалъ двѣсти шаэльсовъ, случайно найденные мною, какъ могъ-бы я найти нашего милаго сына? Если-бы скупость помѣшала мнѣ употребить двадцать шаэльсовъ на спасеніе упавшихъ, мой милый братъ погибъ-бы въ волнахъ, и я никогда бы не увидѣлъ его; если-бы, по неожиданному спеченію обстоятельствъ, я не встрѣтилъ этого любезнаго брата, то могъ-ли бы во время узнать о смятеніи и безпорядкахъ, какіе происходили въ моемъ домѣ? Безъ этого, милая жена моя, мы никогда-бы не увидѣлись! Все это

ѣсть дѣйствіе особеннаго провидѣнія Неба, управлявшаго сими различными происшествіями. Что касается до моего другаго брата, брата безчувственнаго, продавшаго собственную жену свою, не зная того, онъ справедливо привлекъ на себя несчастье, его обременяющее: всесильное Небо награждаетъ людей по достоинству; да не думаютъ злые избѣгнуть ошъ его правосудія!“

Научимся изъ сего, какъ выгодно быть добродѣтельнымъ. Опъ добродѣтели съ каждымъ днемъ болѣе процвѣтаетъ домъ.

Въ послѣдствіи времени Ги-эль похваля за свою супругой, дочерью Чина. Заключенный ими бракъ былъ очень счастливъ. У нихъ было много дѣшей; они видѣли у себя толпу внучатъ, изъ коихъ многіе возвысились на пупи знаній и достигли выгодныхъ должностей.

Такъ прославилось это семейство.

Должны возвратъ способствуешь найдши потеряннаго сына; Продавая невѣстку, братъ шерлетъ свою собственную жену. Пупи Неба въ дѣлахъ міра испинно удивительны: Оно умѣешь различаешь добрыхъ ошъ злыхъ: его не обмануть!

II. С М Ъ С Ъ.

Журналистика.

Вотъ любопытныя литературныя извѣстія, найденныя нами во Французскихъ Журналахъ. Король Баварскій, покровитель всего изящнаго и великаго, нечаянно обрадовалъ старца Гёте: онъ приѣхалъ въ Веймаръ, совсѣмъ неожиданно, въ самый шотъ день, когда цѣлый городъ праздновалъ шамъ 76-й годъ рожденія Гёте. Просвѣщеннымъ читателямъ конечно извѣстно, что Гёте наслаждается въ Германіи славою, какой бывало немного примѣровъ: вся Германія ежегодно торжествуетъ день его рожденія! Какимъ восторгомъ должно было исполниться сердце маститаго Поэта, когда явился къ нему неожиданный, знаменитый гость его! Король обнялъ Гёте, крѣпко прижалъ его къ груди своей и потомъ спросилъ: «Не осталось-ли на груди Гёте мѣстечка для скромнаго Баварскаго ордена?» снялъ съ самого себя ленту и надѣлъ ее на Гёте. Возвратясь въ Мюнхенъ, онъ написалъ прекрасныя стихи и послалъ ихъ къ Гёте. Къ сожалѣнію, мы должны перевести ихъ съ Французскаго перевода, желая поскорѣ доставить читателямъ удовольствіе видѣть восхищительное изъявленіе чувствъ дѣятельнаго Поэта.

«Обольщеніе прекрасной жизни, дни протекшіе въ Веймарѣ! съ какимъ наслажденіемъ шѣснились въ душу мою. Все измѣнилось окрестъ меня: таковъ законъ времени; но память моя сохранила вѣрно обольстительное воспоминаніе, и придастъ прошедшему всю прелесть настоящаго.

»И что-же? Блѣдный отблескъ воспоминанія; не въ немъ-ли все счастье, сужденное здѣсь человеку? Яркій лучъ, играющій на поверхности воля, что ты другое, какъ не померкшій лучъ солнца? И гласъ великаго Поэта, по мѣрѣ того, какъ онъ раздается въ мѣрѣ, шеряешь свое очарованіе и могущество.

»Я былъ на семь великомъ зрѣлищѣ, гдѣ могъ видѣть генія величайшаго, почтеннаго, любимаго шѣмъ, кто всѣхъ достойнѣе понять всю цѣну такого сокровища! Я видѣлъ Августа, и видѣлъ — болѣе нежели Виргилія. Ихъ благородный союзъ будетъ вѣченъ на землѣ. Нѣтъ! его ничто не разрушитъ, кромѣ неумолимаго кадуцея Эрміева, когда придетъ время воззвать на мрачные берега великаго спарца, или его порфиороднаго друга!

»Прелестныя воспоминанія обвѣялись вокругъ сердца моего, какъ вѣнокъ, сплеченный изъ всего, что есть въ мѣрѣ изящнѣйшее: Римъ, прославленный пребываніемъ Гёте, Веймаръ, гдѣ цвѣла юность и зацвѣтають преклонныя лѣта его, вы, счастливые берега Рейна! гдѣ впервые опозвался голосъ Поэта великаго!

»Солнце, скрывши лучезарную главу свою въ нѣдрахъ Океана, могущественнымъ гласомъ вѣщаетъ землѣ, еще не остывшей отъ полудневнаго зноя, вѣщаетъ, что придетъ вновь живошворить его. Такъ и въ глаголахъ Поэта, мы чувствуемъ силу, которая, вопреки времени и пространству, покоритъ ему позднѣйшее потомство!

»Такъ, великіе мужи! Родъ человѣческій навсегда обогащенъ благодѣяніями, какія получилъ онъ въ Веймарѣ! Ваша слава покорила вамъ безсмертіе и не-

гибнущимъ величіемъ одѣла мѣста, гдѣ вы существуете! Туда придуть нѣкогда народы и поколѣнія. Привѣтствую тебя, Веймаръ, привѣтствую вѣчное святилище Германіи!

Еще другое замѣчательное стихотвореніе помѣщено теперь въ разныхъ Журналахъ: *Despedida de mi esposa Fernando para sa viage a Cataluna* (*Прощанье съ супругомъ моимъ Фердинандомъ, при отъѣздѣ его въ Каталонію*), сочиненное Королевою Испанскою, когда Король Фердинандъ недавно самъ отправился усмирить буйныя толпы мяшежниковъ Каталонскихъ. Стихи сіи помѣщены были въ придворной Мадридской Газетѣ и отрывками переведены въ Русскихъ нашихъ Газетахъ. Говорили, что во Франціи сочинили на нихъ прекрасную музыку. Полагая, что подлинникъ не можетъ быть любопытенъ въ Россіи, гдѣ Испанскій языкъ такъ мало извѣстенъ, мы помѣщаемъ, для читательницъ Телеграфа, Французскій переводъ сего романа, трогательнаго и унылаго, какъ звуки Золовой арфы.

Du départ déjà l'heure sonné. . .
 Ferdinand! reçois mes adieux,
 Faisons au peuple, à ta couronne,
 Un sacrifice impérieux.
 Vas! mon époux, sauver l'Espagne
 Des partis en proie aux fureurs:
 Toujours l'Éternel accompagne
 Les princes pacificateurs.

Et malgré ma paupière humide,
 Qui trahit l'impuissant effort

D'une femme aimante et timide ,
 O Dieu ! je me soumets au sort.
 C'est sur mon époux que j'appelle ,
 Et tes grâces et tes bienfaits.
 Ah ! puisse une gloire éternelle ,
 L'immortaliser à jamais.

Que sont des torrens de mes larmes ,
 Au prix du sang de tes vassaux ;
 Lorsque par tes royales armes ,
 Tu voles terminer leurs maux ?
 D'un pas ferme , suis ta carrière ,
 Illuminé par l'Esprit Saint ,
 Et qu'à l'aspect de ta bannière
 Le fatal brandon soit éteint.

Réunis sous ton sceptre auguste ,
 Ce peuple , égaré dans sa foix ,
 Qu'il sente la main forte et juste
 D'un roi libre , agissant en roi.
 De l'olivier , doux présage ,
 Va donc ceindre ton front royal ,
 Moi , je demeure . . . comme un gage
 D'amour public et conjugal.

Au pied de la croix prosternée
 Je reste . . . implorant à genoux
 Mon Sauveur sur la destinée
 De l'Espagne et de mon époux ;
 Dieu remplira mon espérance :
 Les peuples rendus à la paix ,
 Sauront , que sans l'obéissance
 Le bonheur n'existe jamais.

D'un trône tranquille et prospère ;
Bientôt, Fernand, tu jouiras ;
Et, sur tes sujets, comme un père,
Monarque aimé tu régneras.
Puisse, de l'antique Hespéride,
Bientôt renaître l'âge d'or,
Et que l'Eternel, qui nous guide,
Ne nous sépare qu'à la mort.

Валтеръ Скоптъ издавъ уже новый романъ : *Кенонгетскія Лѣтописи*, о которомъ говорили мы въ No 17 Телеграфа. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ, по крайней мѣрѣ, во Французск. переводѣ, вышедшемъ въ одно время съ подлинникомъ. Тутъ, въ первомъ томѣ опять В. Скоптъ мистифируетъ чипателя : является новый Джедедія Клейшбошемъ, мастеръ рассказывать старину, какой - то Крейстель Крафшенгри, лѣтописатель Кенонгетскій. Слѣдуютъ три повѣсти ; между прочими : *Вдова Гейглендская* и *Догъ лекаря*. Но самое любопытное, какъ пишутъ Французы, объясненіе В. Скопта, которымъ письменно признаетъ онъ себя *Авторомъ своихъ романовъ* и объявляетъ причины, по которымъ шайлся онъ отъ публики. »Знающимъ Исторію Италіискаго театра (говоритъ онъ) извѣстно, что Арлекинъ Италіянскихъ комедій не былъ, такъ какъ нынѣ на Англійскихъ театрахъ, простой прыгунъ, иногда колдующій своею деревянною шпагою ; но что сначала былъ онъ умный и колкій товарищъ другихъ лицъ, забавлявшій шутками и острыми словами зрителей. Дословѣрно неизвѣстна эпоха, когда

надѣлъ онъ на себя черную маску, закрывающую лицо его; но маска эта, придающая ему физиогномию кошки, сдѣлалась неотъемлемою и всегдашнюю принадлежностью его костюма, особливо послѣ слѣдующаго анекдота. Одинъ изъ актеровъ Ишаліанскаго театра, игравшій роль Арлекина на Сень - Жерменской ярмаркѣ, славился удачными и умными своими шутками. Кто-то, изъ людей болѣе снисходительныхъ, нежели смѣшливыхъ, совѣщивалъ ему снять маску, не разсчитывая того, что противоположность между неподвижностью чернаго лица Арлекинова и живостью разговоровъ и колкостью шутокъ его, составляли почти главное его достоинство. Что-жъ вышло? Актеръ показался холоднѣмъ; увѣренность его на самого себя пропала и онъ принужденъ былъ снова надѣть маску. Что случилось съ Арлекиномъ, можетъ случиться и съ *Авторомъ Веверлея*, который, можешь быть, повредишь извѣстности, уже нѣсколько заслуженной сямъ именемъ, когда самъ перестанешь быть неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ дѣлается не по волѣ, какъ было съ Арлекиномъ, ибо намѣреніе мое было, во время жизни моей никогда не признавать своихъ сочиненій; для того - то рукописи мои тщательно сберегались (не мною, правда, а другими), съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ надлежащее время доказать ими истину моего признанія послѣ моей смерти. Но въ послѣднее время дѣла издателей моихъ романовъ перешли въ чужое управленіе; я не могъ уже полагаться на сохраненіе тайны съ ихъ стороны, и маска моя начинала спадать съ меня; тогда захошѣлось мнѣ лучше снять ее самому, пока

не сорвали другіе. Но, что касается до того, какимъ образомъ открылъ я мою тайну, увѣряю, что открытіе это не было приготовлено, и все, что произошло при семъ открытіи между мною и моимъ почтеннымъ и ученымъ другомъ, Лордомъ Медоубанкомъ, было нечаянно. 23 Февраля, помнишь, положили мы собраться для установленія кассы, предназначенной поддержать Эдмбургскій театръ. Не задолго передъ обѣдомъ, Лордъ Медоубанкъ спросилъ меня: »Не уже-ли я всегда хочу сохранять мое incognito, въ разсужденіи *Повѣстей Автора Веверлея*?« Я не понялъ вдругъ цѣли вопроса, хотя легко можно было разгадать ее, и отвѣчалъ, что тайну эту знаетъ уже столько народа, что я долженъ быть равнодушенъ въ этомъ отношеніи. Послѣ такого отвѣта Лордъ Медоубанкъ сдѣлалъ мнѣ честь, предложивъ постъ за мое здоровье, и сказалъ нѣсколько словъ о повѣстяхъ моихъ, прибавивъ мое имя, такъ, что я былъ въ необходимости: или отвѣчая ему, признать ихъ, или, что еще было хуже, остаться въ подозрѣніи, что я принимаю похвалу, безъ всякаго права. Такимъ образомъ, безъ приготовленій, вдругъ приведенъ я былъ, какъ будто къ исповѣди: имѣлъ только время сообразить, что меня привела къ ней дружеская рука, и что можетъ быть я не найду уже лучшаго случая сбросить мое переодѣванье, начинавшее походить на узнанную маску. Такимъ образомъ принудили меня, предъ собраніемъ, столь-же почтеннымъ, сколь и многочисленнымъ, къ признанію, что я, единственный, безъ всякаго посторонняго пособія, сочинитель повѣстей, объ Авторѣ коихъ было не мало споровъ. Почитаю необходимымъ сказать, что

принимая на себя все, что есть хорошаго и дурнаго въ сихъ произведеніяхъ, я съ благодарностію долженъ объявить о предметахъ и преданіяхъ, мнѣ переданныхъ и служившихъ мнѣ, смотря по надобности, основою, или эпизодомъ, во многихъ моихъ произведеніяхъ. Особенно должно мнѣ упомянуть о благосклонности Г. Іосифа Трайна, смотрителя Думфрійской цѣркви, которому одолженъ я многими любопытными преданіями и важными оспашками старины. Г-ну Трайну особенно обязанъ я исторіею, послужившею основою для *Шотландскихъ Пуритановъ*, хотя послѣ его разсказовъ я вспомнилъ еще много подробностей объ эпозомъ, слышанныхъ мною давно отъ знаменитаго путешественника Петерсона. Другой долгъ надобно заплатить мнѣ неизвѣстному корреспонденту, дамѣ, сообщившей мнѣ описаніе характера и поступковъ Дженни Динсъ, въ *Эдмбургской тюрьмѣ*: ея опказъ спасти жизнь сестры своей ложью и путешествіе въ Лондонъ, переданы были мнѣ, какъ истинныя событія, любовною, обязательною особою и дали мнѣ мысль о возможности сдѣлать интереснымъ выдуманное лицо, за простое благородство его характера, вѣрность правилъ, здравый разумъ, не давая ему ни обширнаго ума, ни красоты, ни пріятности, словомъ: ни одного изъ тѣхъ преимуществъ, которыми такъ щедро надѣляютъ своихъ героинь сочинители романовъ. Если я успѣлъ въ эпозомъ, отдаю честь, кому она принадлежитъ, и жалѣю, что не могу сдѣлать извѣстнымъ оригинальное, прелестное повѣствованіе, служившее основою моей повѣсти. Старинныя книги и легенды представляли мнѣ столько матеріаловъ, что скорѣе могли истощиться силы

романиста, нежели сіи драгоценные матеріалы. Такъ, на примѣръ, ужасное окончаніе *Ламмермурской невесты*, есть истинное происшествіе, бывшее въ одной Шотландской фамиліи, высшаго званія; но всѣ подробности происшествія были мною только въ-роятно, но не исправно описаны, и я могу отдать самому себѣ справедливость, что бравши въ основаніе разсказовъ замѣчательнѣйшія по мнѣнію моему черты истинныхъ событій, никогда не нарушалъ я тайнъ семейственныхъ.“

В. Скоптъ упоминаетъ о разныхъ подробностяхъ происшествій, служившихъ ему матеріалами, и прибавляетъ потомъ: «Когда я открылъ (ибо для меня это точно было открытіе), что, находя удовольствіе въ самомъ прудѣ моемъ, я могу также доставить другимъ занимательное развлеченіе, я боялся быть постигнутымъ завистью и мѣлочными сплетнями, которыя часто безобразятъ и унижаютъ характеръ многихъ Литтераторовъ: другъ простой жизни, я рѣшился оградить себя такимъ оплотомъ, который не могли-бы разрушить, даже досада и грусть, слѣдующія за литтературными неуспѣхами. Пусть припишутъ грубой нечувствительности или смѣшному чванству, но я признаюсь, что не столько былъ я чувствителенъ къ похваламъ и признательности, какихъ удостоились мои сочиненія, сколько радовался тѣмъ дружескимъ связямъ, какія они мнѣ доставили, связямъ, какъ я люблю вѣрить, ушвержденнымъ нынѣ на основаніи болѣе прочномъ, нежели тѣ слабыя побужденія, какія были ихъ причиною. Питая глубокое чувство уваженія и признательности къ публикѣ; могу сказать, что я циль въ упои-

тельной чаши похвалъ со всею скромностію и никогда ни словами, ни письмами, не спарался возбуждать литературныхъ преній на мой счетъ. Въ успѣхи литературные, по моему мнѣнію, вмѣшивается — сполько моды, въ нихъ бываетъ такая непродолжительность времени, что глупо было-бы мнѣ щеславиться.

«Сочинитель, споль долгое время и шакъ громко призываемый, наконецъ, повинувась публикѣ, являюсь я передъ нею. Въ надеждѣ, что читатель, шеперь меня уже знающій, продолжитъ ко мнѣ свое благорасположеніе, которыми пользовался я, когда меня не знали, осмѣливаюсь, подписывая сіи замѣчанія, объявить себя моимъ читателямъ покорнымъ и благодарнымъ слугою. *Валтеръ Скоттъ. Абботсфордъ, 1-го Октября 1827 года.*

Надобно признаться, что умнѣе и добродушнѣе не лзя было, кажется, написать подобнаго объявленія; и мы охотно вѣримъ, что В. Скоттъ говоритъ искренно. Какъ не повторить послѣ этого словъ извѣснаго писателя: »Слава! слава! что шты такое? Какъ гоняется слава за шѣмъ, кто о ней не думаетъ, и какъ бѣжитъ она ошъ тѣхъ, кто гонится за нею!« Сколько явочныхъ прошеній подавано было о бѣгствѣ славы отъ людей, которые цѣплялись за нее обѣими руками! И сколько людей спали спокойно, а слава молча подкрадывалась къ нимъ!

Мы вѣрно не наскучимъ читателямъ, выписавши еще отрывокъ изъ письма В. Скотта (ошъ 2-го Августа, 1827 года, изъ Абботсфорда) къ другу его Фергуссону, который рекомендовалъ ему Италіянца Бальмано, желавшаго выгравировать

эстампъ, съ картины, писанной славнымъ Вилькіе м бывшей на выставкѣ Королевской Парижской Академіи Живописи, въ 1818-нъ году. На этой картинѣ изображенъ былъ В. Скоптъ со всѣмъ своимъ семействомъ. «Г-нъ Бальмано (пишетъ В. Скоптъ) потребуешь отъ меня еще рассказовъ о самомъ мнѣ и моихъ ближнихъ, желая, какъ говоришь онъ, вполне и безъ наряда показашь меня: жаль, что у меня нѣчего рассказать такого, что было-бы достойно вниманія публики. Ей, вѣроятно, мало нужды знать, что, на примѣръ, въ послѣднюю потѣздку мою въ Парижъ перемѣнилъ я старую мою *robe de chambre* на прекрасную *douillette*. Право, нѣтъ человѣка, сколько нибудь извѣснаго въ Литтературѣ, котораго частная жизнь была-бы ипакъ незамѣчательна какъ моя; мнѣ ничего не случилось преодолѣвать, ни по рожденію, ни по воспитанію моему, и у меня столько-же найдется предметовъ для рассказа, сколько у того человѣка, кошорый говаривалъ: «Моя исторія? Слава Богу! у меня нѣтъ исторіи разсказать вамъ!»

«Что касается до людей, изображенныхъ на картинѣ, изъ вихъ . . . такъ всегда почти бываешь съ бѣдными смертными, когда оглядываешься они на прошедшее! . . . изъ нихъ, въ пять или шесть лѣтъ, уже нѣсколькихъ не спало: они оставили намъ только грустное воспоминаніе.

«Вилькіе представилъ мое семейство, въ костюмѣ обитателей южной Шотландіи, занятое приготовленіемъ небольшого праздника. Мѣсто дѣйствія терраса Кейсидская, ошнуда прекрасный видъ

на Эйльдонскіе холмы. Я, Сирь В. Скопшъ, сочинилъ нѣсколькихъ дюжинъ помовъ, владѣтель Абботсфортскаго помѣстья, въ Графствѣ Руксбургскомъ, занимаю первое мѣсто въ картинѣ; Но 2 й, напередѣ картины, добрый другъ мой, Сирь Фергуссонъ, хранитель Королевской Шотландской печати; Но 3 й, почтенный старикъ, бывшій почти 84-хъ лѣтъ, въ то время, какъ писана картина, и принадлежавшій къ обширному клану Скопшовъ: онъ изображенъ въ платьѣ Шотландскаго пастуха и всегда опличался между ими тѣмъ, что въ жизнь свою не бывалъ ни разу боу, не ударилъ никого въ досадѣ, и всегда имѣя много денегъ, которыми давали ему для раздачи другимъ, употреблялъ ихъ всегда хорошо. Онъ недавно умеръ въ Абботсфортѣ.

»Слѣдующъ изображенія шрехъ особъ женскаго пола. Одна изъ нихъ была мать, оплакиваемая нынѣ всѣмъ семействомъ. Подлѣ нее Миссъ Софія, Шарлотта Скопшъ, нынѣ Г-жа Локкартъ, и младшая сестра ея Миссъ Анна Скопшъ, обѣ въ костюмахъ молочницъ.

»Что касается до двухъ мальчиковъ, изображенныхъ на картинѣ, одинъ шеперь Капитанъ гусарскій; другой, Карлъ Скопшъ, младшій изъ всего нашего семейства, учится въ Оксфордскомъ Коллегіумѣ. Живописецъ не забылъ и двухъ большихъ собакъ, бывшихъ любимицами всей семьи; изъ нихъ одна называлась *Мадда* и была изъ старинной породы Гейглендскихъ собакъ, нынѣ весьма рѣдкихъ, а подарена была мнѣ Глейрерскимъ снаршиною; другую звали *Урискъ*: это Гейглендская ищейчая собака, особливои породы, также рѣдкой, а

подарена была мнѣ Мистриссою Спьюаршъ Маккензи.»

«Бѣдная Мада, увы! не существуетъ болѣе! Она преселилась къ знаменитымъ собакамъ, каковы были: Брэнъ, Дуапъ, и проч., и, также какъ онъ, удостоилась надгробія, въ которомъ, къ чести надгробной Словесности Шотландской, въ двухъ строчнахъ, только одна ложь.»

Журнальный сыщикъ.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

Une des couleurs à la mode pour le gros de Naples, ainsi que pour la popeline unie ou brochée, pour le mérinos broché, surtout pour la popeline, est *biche*.

Les élégantes portent en demi-toilette, tant à la promenade qu'au spectacle, et en soirée, des robes en foulard des Indes. Il y en a de toutes nuances, de tous dessins.

Quelques jeunes personnes portent des spencers de velours noir plain, à corsage en guimpe, et lacés par derrière. Les merveilleuses joignent à un spencer pareil une pélerine en dentelle d'Angleterre, froncée du haut et terminée par une grosse ruche de tulle.

Il y a des turbans nouveaux dont le calote est en velours noir plain, et la torsade en velours noir à raies de cachemire. Cette torsade comme séparée en deux, est, à gauche, beaucoup moins grosse que du

(*) Дѣ 31 Октября (ш. с.), 1827 г.

côté opposé. Deux gances en or passementé, terminées par des glands, tombent sur l'épaule gauche.

Les modistes font beaucoup de bérêts en petit velours jaune-girafe, à grandes losanges rose vif en satin: une rosette orne le milieu de la calote; et, par devant, deux oiseaux-de-paradis sont placés de manière que la queue s'incline vers l'oreille gauche.

Toutes les élégantes ont déjà leur manteau au spectacle; on voit même des *colliers* en fourrure et des *boas*. En chinchilla, un boa coûte 150 francs.

Les nouvelles pélorines, pareilles aux robes pour l'étoffe, ont les pointes du derrière et du devant assez longues pour que la ceinture passe par dessus. Au haut des manches, ces pélorines sont fendues comme un *jockey à la persane*.

Цвѣтъ *лаки* — вотъ модный цвѣтъ для гренапля, попелина, гладкаго и узорчатаго, мериносовой ткани узорчатою, особенно-же для попелина.

Въ полунарядѣ, на прогулкахъ, въ театрѣ и на вечера, щеголихи являются въ платьяхъ изъ Остъ-Индской тафты. Узоры и цвѣта оной различны.

Нѣкоторыя изъ молодыхъ особъ носятъ спенсеры изъ гладкаго, чернаго бархата, у которыхъ корсажъ до самой шеи, и зашнуровывается на спинѣ. Щеголихи прибавляютъ къ такому спенсеру пеллерину изъ Англійскихъ кружевъ, со складками вверху и большимъ тюлевымъ рюшемъ на краяхъ.

Появились новые шюрбаны: тулья у нихъ изъ чернаго гладкаго бархата, торсада изъ чернаго бархата, съ шалевыми полосами. Торсада, какъ-бы разделена надвое и на правой сторонѣ гораздо огром-

нѣе, чѣмъ на лѣвой. Двѣ пеплицы изъ золотого га-луна, съ шариками на концахъ, падають на лѣвое плечо.

Модныя порговки дѣлають много беретовъ изъ бархата желто-жирафоваго цвѣта, съ большими атласными ромбоидами ярко-розоваго цвѣта; по серединѣ шульи сихъ беретовъ розетка, а напередѣ двѣ райскія пшички, приколотыя такъ, что хвосты ихъ склоняются къ лѣвому уху.

Въ спектакляхъ, всѣ щеголихи являютя уже въ плащахъ; нѣкоторыя носятъ даже мѣховые воронники и боа. Шиншиловая боа стоить 150 франковъ.

Углы новыхъ пеллеринокъ, дѣлаемыхъ изъ той-же матеріи, какое бываетъ платье, такъ длинны, что напередѣ и назадѣ поясъ идетъ сверхъ ихъ. На плечахъ сіи пеллерины разрѣзаны какъ *jockey à la persane*.

На приложенныхъ картинкахъ :

1. *Дама*. Гроденаплевая шляпка, съ углами изъ газовыхъ леннѣ, сосипавляющими наискось кружокъ около всей шульи. Гроденаплевое платье, убранное воланами. Кисейная каньзу. Галстухъ, шелковый платочикъ, спереди прикрѣпленный эмалевою бабочкою. *Озажскій* поясъ.

2. *Мужина*. Пуховая шляпа. Фракъ съ однимъ рядомъ металлическихъ пуговицъ. Казимировый жилетъ съ позолоченными пуговками. Казимировые брюки, застѣгнутые внизу перламушровыми пуговками.

О Г Л А В Л Е Н И Е
С Е М Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И .
О Т Д Ъ Л Е Н И Е П Е Р В О Е .

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стр.

Театральное Искусство.

✓ Нѣсколько мыслей о Лекенѣ и Театральномъ Искусствѣ (Соч. Тальми). - - 5 и 149

Исторія.

Пиемонтская кампанія Французовъ, въ 1796 г. (отрывокъ изъ Исторіи Наполеона, соч. В. Скопшомъ). - - - - 69

Теорія Изящ. Иск.

Содержаніе и форма Изящной Словесности. 237

Статистика.

Рѣчь, при закладкѣ перваго шлюза, на соединительномъ каналѣ, между Москвою и Волгою, 29 Сентября 1827 г. (соч. Г-на Подполковника Сомова). - - - - 251

II. КРИТИКА.

Замѣчанія на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave, et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (*Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и Литтературы въ Россіи*). - - 23 и 102

Критическое обозрѣніе Русской Литтературы, помѣщенное въ Revue Encyclopédique. 182

Хозяйственная Статистика Россіи, составл. В. Андроссовымъ. М. 1827 г. - - 259

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская Лашпература 1826 и 1827 годовъ.
38, 129, 197 и 273

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для откры-
тій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ
годовъ и вновь предполагаемыя. 52, 137 и 226
О послѣднемъ, необыкновенномъ переломѣ
въ Англійской торговлѣ и промышленности. 283

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія

	Стр.
<i>В—о М. —</i>	Отрывокъ изъ Байронова сочиненія: <i>Манфредъ</i> (съ Англ.). - - - 65
<i>Вяземскаго, Князя П. А. —</i>	Выдержка. - - - 122
<i>Иллитевскаго А. Д. —</i>	Куплеты. - - - 72
<i>Л. М. Н. —</i>	Пѣсня Миньоны (изъ Гёшера <i>Видзельма Мейстера</i> ; съ Нѣм.). - 74
<i>Ломоносова М. В. —</i>	Вновь найденныя стихотворенія. - - - 169
<i>Роттеса А. Г. —</i>	Подражанія Корану. 171

Цѣлы изъ Греческой Анеологіи (съ Греческаго). - - - -	3
---	---

Проза.

✓ Заколдованный домъ (Повѣсть Ирвинга Вашингтона). - - -	14, 75 и 125
✓ Три браша. Кишайская сказка: - - -	173

II. СМѢСЬ.

Отрывки писемъ изъ Парижа (Я...Т.).	52 и 106
Литтературныя извѣстія. - - -	54 и 112
Журналистика. - - -	55, 114, 158 и 203
Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). - - -	63, 119, 164 и 215
Къ сей части принадлежать: <i>шесть</i> картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ, <i>портреты</i> : Байрона и Георга Каннинга, бывшаго Министра Великобританскаго.	

APR 21 1931

Digitized by Google

